

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Вестник Пермского университета. Политология

2026. Том 20. № 2

Журнал «Вестник Пермского университета. Политология» является научным журналом, публикующим статьи по результатам исследований в области политической науки, обзоры научной литературы и рецензии. Журнал видит свою миссию в том, чтобы способствовать обеспечению уровня академической дискуссии, который соответствует стандартам мировой политической науки. Журнал принимает к публикации оригинальные научные статьи, обзоры актуальных проблем политической науки на русском и английском языках, не опубликованные ранее и не представленные на рассмотрение в иные российские и зарубежные журналы.

С 2010 года журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список ВАК).

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и доступно в библиотеке Elibrary.

Редакционная коллегия

Главный редактор – Л. А. Фадеева, доктор исторических наук, профессор, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Члены редакционной коллегии:

Н. В. Борисова – доктор политических наук, доцент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

И. В. Мирошниченко – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет

П. В. Панов – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН

В. Н. Руденко – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, вице-президент РАН

И. С. Семенов – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

А. В. Стародубцев – кандидат политических наук, доцент, департамент политологии и международных отношений НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

К. А. Сулимов – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ответственный секретарь – К. П. Турцева, кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Выпускающий редактор Л. А. Фадеева

© ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2026

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

Bulletin of Perm University. Political Science

“Bulletin of Perm University. Political Science” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system “Russian Science Citation Index” (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Vice President of the RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Christina P. Turtseva, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science, Perm State University

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория политики

<i>Пантин В. И., Сизачёв М. И.</i> Дискурсивная сила как ресурс идейно-политического влияния России	5
<i>Гусейнов Р. И., Устюжанин В. В., Коротаев А. В.</i> Фискальная устойчивость и вероятность революционной дестабилизации. Опыт количественного анализа.....	15
<i>Стожко Д. К., Стожко К. П.</i> Диалектика регионализма и глобализма в контексте современного геополитического кризиса.....	28

Политические институты, процессы, технологии

<i>Кольба А. И., Лалетина А. Д.</i> Политический дискурс в интернет-коммуникациях локальных сообществ: интегративные и конфликтные аспекты (по материалам Краснодарского края)	38
<i>Мартынов М. Ю., Пуртова В. С.</i> Культурная и коммуникативная память в контексте исторической политики местных сообществ.....	52
<i>Морозова Е. В., Русия Н. Т.</i> Молодежная политика в сельских территориях России: «антиресурс» цифрового неравенства.....	62
<i>Назукина М. В.</i> Нормативная институционализация региональной идентичности в современной России.....	75
<i>Радина Н. К.</i> Гражданское общество и преодоление школьного насилия: переосмысление проблемы.....	87
<i>Ширинянц А. А., Шмелева О. Ю.</i> Цифровая экосистема современного мегаполиса как механизм формирования политического мировоззрения российской молодёжи.....	98
<i>Шустров А. С.</i> Электоральный аспект назначений депутатов в комитеты Государственной Думы Российской Федерации.....	112

Международные отношения

<i>Бахова К. С.</i> Политические инструменты и направления взаимодействия с диаспорой за рубежом: опыт Польши.....	121
<i>Оборин Г. Р.</i> «Пора возвращаться домой»: анализ возвратной миграции в федеративную республику Сомали в 2015–2024 гг.	131
<i>Скворцова Е. А.</i> Политическая калибровка «Зеленого курса» Европейского союза в контексте принятия «Экологически чистого курса промышленности».....	143
<i>Шлапек Е. А., Шалтаева Л. А., Шалтаев О. А.</i> Развитие идей евразийской интеграции через сотрудничество некоммерческих организаций: российский подход.....	158

Обзоры

<i>Борисова Н. В.</i> Разделяя народы, соединяя государство: как возможна этническая федерация?.....	172
К сведению авторов	178

CONTENT

History and theory of politics

<i>Pantin V. I., Sigachev M. I.</i> Discursive power as a resource of Russia's ideological and political influence.....	5
<i>Guseinov R. I., Ustyuzhanin V. V., Korotayev A. V.</i> Fiscal capacity and revolutionary destabilization. A quantitative analysis.....	15
<i>Stozhko D. K., Stozhko K. P.</i> Dialectics of regionalism and globalism in the context of the contemporary geopolitical crisis.....	28

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Kolba A. I., Laletina A. D.</i> Political discourse in online communications of local communities: integrative and conflict aspects (based on materials from the Krasnodar region)	38
<i>Martynov M. Y., Purtova V. S.</i> Cultural and communicative memory in the context of historical policy of local communities.....	52
<i>Morozova E. V., Rusiya N. T.</i> Youth policy in rural areas of Russia: the "anti-resource" of digital inequality.....	62
<i>Nazukina M. V.</i> Normative institutionalization of regional identity in modern Russia.....	75
<i>Radina N. K.</i> Civil society and overcoming school violence: rethinking the problem.....	87
<i>Shirinyants A. A., Shmeleva O. Y.</i> Digital ecosystem of a modern megapolis as a mechanism for forming the political worldview of Russian youth.....	98
<i>Shustrov A. S.</i> The electoral aspect of appointing deputies to committees of the Russian Federation State Duma.....	112

International relations

<i>Bakhova K. S.</i> Political tools and directions of interaction with the diaspora abroad: experience of Poland.....	121
<i>Oborin G. R.</i> "Time to return home": analysis of return migration to the federal republic of Somalia in 2015-2024.....	131
<i>Skvortsova E. A.</i> Policy calibration of the European green deal in the context of the adoption of clean industrial deal.....	143
<i>Shlapeko E. A., Shaltaeva L. A., Shaltaev O. A.</i> Advancing the concept of Eurasian integration through cooperation among non-governmental organizations: Russian approach.....	158

Reviews

<i>Borisova N. V.</i> Dividing peoples, holding the state together: how is an ethnic federalism possible?.....	172
Information for the authors	182

История и теория политики

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-5-14

ДИСКУРСИВНАЯ СИЛА КАК РЕСУРС ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ РОССИИ

В. И. Пантин, М. И. Сигачёв

Пантин Владимир Игоревич,

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова,
РАН, Москва, Российская Федерация.

Сигачёв Максим Игоревич,

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова,
РАН, Москва, Российская Федерация.

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу ценностно-политических проектов как инструментов идейно-политического влияния глобальных центров силы современного мира. Показано, что использование политических дискурсов и дискурсивной силы призвано формировать привлекательный образ данного центра силы, задавать определенные трактовки понятий, язык, формулировки и смыслы описываемых реалий во внутренней политике и в международных отношениях. Охарактеризованы основные положения ценностно-политических проектов США, Китая, Европейского союза (ЕС), Индии, определены направления использования дискурсивной силы для укрепления их внутривнутриполитического и международного влияния. Показано, что в основе ценностно-политических проектов, продвигаемых США, Китаем, странами ЕС, Индией, лежат культурно-цивилизационные особенности каждого из этих центров силы. Сформулированы основные составляющие ценностно-политического проекта России, отвечающие на глобальные вызовы современного мира: 1) концепция формирования полицентричного и многоцивилизационного мирового порядка; 2) идея развития России как государства-цивилизации с надэтнической государственно-гражданской и цивилизационной идентичностью; 3) ориентация на суверенное развитие; 4) концепция дополняющего взаимодействия традиционных и инновационных ценностей. Сделан вывод о том, что перечисленные составляющие российского проекта могут сочетаться с проектами Китая и Индии в рамках дискурса и практики цивилизационного интегрализма.

Ключевые слова: центр силы; дискурсивная сила; ценностно-политический проект; суверенное развитие; цивилизационный интегрализм; Россия; США; Китай; ЕС; Индия

Для цитирования: Пантин, В. И., Сигачёв, М. И. (2026) 'Дискурсивная сила как ресурс идейно-политического влияния России', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 5-14. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-5-14

Финансовая поддержка: Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

DISCURSIVE POWER AS A RESOURCE OF RUSSIA'S IDEOLOGICAL AND POLITICAL INFLUENCE

V. I. Pantin, M. I. Sigachev

Vladimir I. Pantin,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Maksim I. Sigachev,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

This article offers a comparative analysis of values-oriented political projects as instruments of ideological and political influence employed by leading global powers. It shows how political discourses and discursive power shape attractive images of these centers and establish specific interpretations of concepts, language, and meanings through which actors describe social realities in domestic and international contexts. The author examines the core elements of the values-oriented political projects of the US, China, the EU, and India, identifying how these actors use discursive power to enhance their domestic and international influence. The analysis demonstrates that the values-oriented political projects advanced by the US, China, the EU, and India rest on each center's distinct cultural and civilizational foundations. Moreover, the core components of Russia's values-oriented political project are a response to the global challenges of the present era. These components include: (1) a polycentric, multi-civilizational world order; (2) Russia's development as a state-civilization based on a supra-ethnic civic identity; (3) a commitment to sovereign development; and (4) complementary interaction between traditional and innovative values. The article argues that these elements of the Russian project enable substantive compatibility with those advanced by China and India within the conceptual and practical framework of civilizational integralism.

Keywords: centre of power; discursive power; values-oriented political project; sovereign development; civilizational integralism; Russia; United States; China; European Union; India

For citation: Pantin, V. I., Sigachev, M. I. (2026) 'Discursive power as a resource of Russia's ideological and political influence', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 5-14. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-5-14

Funding: The article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

Понятие «центр силы» и его значение для политической науки

Широкое использование понятия «центр силы» в политических исследованиях связано с тем, что среди множества национально-территориальных государственных образований и политических общностей далеко не все обладают политической и экономической субъектностью, реальным суверенитетом и ресурсной базой, необходимыми для того, чтобы обеспечивать собственное динамичное развитие и влиять на баланс сил в международной системе. В то же время именно субъектность во внутренней и мировой политике, реальный суверенитет и эффективное использование материальных и нематериальных ресурсов для усиления своего влияния являются отличительными чертами глобального или регионального центра силы. Отсюда вытекают особая роль центров силы как субъектов внутренней и международной политики и значимость понятия «центр силы» для политической науки.

В политической науке и в исследованиях международных отношений существуют различные трактовки понятия «центр силы» (см., например, Лукин, 1983; Ozsaglam, 2019; Лапкин, Пантин, 2004: 28–39; Горбунова, Комаров, 2020). В данной работе используется следующее определение: «Центр силы – это политико-социальное образование государственной или надгосударственной (трансграничной, межрегиональной или экстратерриториальной) природы, являющееся субъектом мировой

политики (на глобальном или региональном уровне), располагающее значительной автономной ресурсной и научно-технологической базой, обладающее экономической субъектностью и оказывающее формирующее воздействие на мировой или региональный порядок, на продвижение культурных образцов и ориентиров социального, экономического и политического развития» (Семененко, Лапкин, Пантин, 2025: 122).

К числу глобальных центров силы, оказывающих определяющее влияние на международное развитие и обладающих собственной динамично растущей ресурсной и научно-технологической базой, в настоящее время можно отнести США, Китай, Россию и новый «восходящий» центр силы – Индию. ЕС, несмотря на многочисленные внутренние кризисы и уменьшение его роли в мировой политике и экономике, пытается сохранить свое глобальное влияние, обусловленное связями с бывшими колониями и проведением неоколониального курса. Хотя эти глобальные центры силы обладают разной политической динамикой и различным весом в мировой политике и экономике, все они имеют собственную научную, технологическую и ресурсную базу, позволяющую им мобилизовать значительные ресурсы и влиять на политическое развитие других стран. Более того, каждый из глобальных центров силы способен формировать те или иные межрегиональные коалиции и объединения, например: НАТО, БРИКС, ШОС, ОДКБ.

При этом важно заметить, что каждый из перечисленных глобальных центров силы представляет собой не только политическое или экономическое, но и определенное культурно-цивилизационное образование со своей системой базовых ценностей и социальных институтов. Таким образом, глобальные центры силы являются не просто государствами, а государствами-цивилизациями или наднациональными цивилизационными образованиями, представляющими ту или иную культурно-цивилизационную общность, будь то североамериканская, китайская, западноевропейская, российская или индийская локальная цивилизация. Иными словами, каждый глобальный центр силы опирается на собственную культурно-цивилизационную, ценностную и институциональную основу, определяющую его лидерские позиции, субъектность и роль в мировой политике.

К числу региональных центров силы, оказывающих существенное воздействие на развитие определенного региона мира, можно отнести Австралию, Бразилию, Иран, Саудовскую Аравию, Турцию, ЮАР. Региональные центры силы, как правило, не располагают собственной научно-технологической базой, критически зависят от импорта новейших технологий и вооружений, а их ресурсная база ограничена. В то же время региональные центры силы при определенных условиях могут влиять на баланс сил в мире, особенно если они кооперируются с тем или иным глобальным центром силы, участвуя в различных военно-политических коалициях и международных объединениях.

Ценностно-политические проекты глобальных центров силы

В условиях происходящих глобальных изменений, связанных с переходом к новому полицентричному мировому порядку, наблюдается острая конкуренция и борьба за лидерство между различными центрами силы. При этом важную роль в этой конкуренции играет укрепление дискурсивной силы – значимого ресурса идейно-политического и информационного влияния данного государства во внутривнутриполитической и международной сферах.

Дискурсивная сила представляет собой способность «влиять на мировой политико-экономический порядок и ценности, определять международную повестку и тем самым приобретать большую экономическую, информационную и геополитическую мощь, играть ведущую роль в глобальном управлении» (Лексютина, Юаньцзе, 2023: 369). Дискурсивная сила государства реализуется через трансляцию за пределы национальных границ своей ценностно-политической, информационной и идейной повестки, политических и культурных дискурсов, которые призваны влиять на внутривнутриполитическое и международное развитие. Политические и культурные дискурсы формируют привлекательный образ данного центра силы, задают определенные трактовки, язык, формулировки и смыслы описываемых реалий и предлагают другим странам пути и способы развития в русле заданной центром силы динамики, обеспечивая тем самым реализацию его внутренней и внешней политики.

Сравнительный анализ инструментов и ресурсов укрепления дискурсивной силы ведущих держав показывает, что ее ключевыми инструментами являются *ценностно-политические проекты*, продвигаемые этими центрами силы (Семененко, Лапкин, Пантин, 2025: 122). Значимость ценностно-политических проектов определяется тем, что они нацелены на реализацию конкретных политических

целей; эти проекты задают ключевые направления и ориентиры развития данного центра силы, мобилизации его ресурсов для достижения поставленных целей и усиления его влияния на формирование/изменение мироустройства. При этом ценностно-политические проекты, как правило, опираются на идейно-политические традиции и культурно-цивилизационные основания, присущие данному центру силы, но являются по форме универсальными и глобальными.

Так, для продвигаемых США ценностно-политических проектов на всем протяжении развития североамериканского государства характерны утверждения об «исключительности», «уникальности» и «избранности» американской нации, ее особой мессианской роли в управлении развитием мира, об «универсальности» американских ценностей и интересов. Подобные черты ценностно-политических проектов США, в том числе транслируемая вовне убежденность американской политической и культурной элиты в своем праве управлять миром и диктовать ему образцы поведения, имеют не только политические, но и религиозные (радикально-протестантские) основания (Шлезингер, 1992: 30–33). Эти основы американской политики во многом связаны с особым генезисом и развитием североамериканской цивилизации (или североамериканской ветви западной цивилизации).

Постоянные обращения к теме «избранности» Америки и американской нации были характерны практически для всех сменявших друг друга президентов США в XX в. и в первой четверти XXI в., будь то В. Вильсон, Ф. Д. Рузвельт, Дж. Кеннеди, Л. Джонсон, Р. Рейган, Дж. Буш-старший, У. Клинтон, Дж. Буш-младший, Б. Обама, Дж. Байден, Д. Трамп. Такое постоянство в использовании дискурсивной силы свидетельствует о преемственности внутренней и внешней политики США, несмотря на все расколы и ценностные противостояния в американской элите и американском обществе. Эту преемственность следует иметь в виду российским политикам и не питать иллюзий по поводу упомянутых расколов и противостояний, не рассчитывать на то, что глобалистская и экспансионистская внешняя политика США может существенно измениться при приходе к власти очередного президента. Меняются главным образом риторика и внешняя форма американского ценностно-политического проекта, но не сами его культурно-цивилизационные основания.

При этом в рамках единого, по существу, ценностно-политического проекта США существует своеобразный «конвейер идей», который обеспечивается многочисленными «мозговыми центрами», работающими на сменяющие друг друга американские администрации (Павлов, 2024). Этот «конвейер идей» призван подчеркнуть новации, привносимые каждой новой администрацией США и адаптировать американскую внутреннюю и внешнюю политику к меняющимся условиям. Отсюда сменяющие друг друга декларации о США как о главном защитнике прав человека при Дж. Картере и Р. Рейгане, о «глобальной демократической революции» во главе с США при Дж. Буше-младшем, о противостоянии демократии и авторитаризма при Дж. Байдене, о том, чтобы «сделать Америку снова великой» (Make America Great Again, MAGA), при Д. Трампе.

Эти культурно-цивилизационные особенности американского проекта получили развитие в новой Стратегии национальной безопасности США (ноябрь 2025 г.), разработанной администрацией Д. Трампа во время его второго президентского срока и ставшей основой его внутренней и внешней политики. В ней, в частности, содержатся многочисленные утверждения об Америке как о «прибежище свободы на Земле», о «непревзойденной мягкой силе и о благотворном культурном влиянии» Америки, с помощью которой она «оказывает позитивное влияние на весь мир», о США как о «защитнике коренных прав и свобод», о «пионерном духе Америки как ключевой опоре ее экономического доминирования в мире»¹. Иными словами, Стратегия национальной безопасности США 2025 г., несмотря на определенные новшества, является продолжением глобального американского ценностно-политического проекта и одновременно важным инструментом его реализации.

В то же время современный Китай активно использует в своей политике концепцию дискурсивной силы и интенсивно продвигает свой альтернативный по отношению к американскому ценностно-политический проект, который имеет множество составляющих и измерений (Лексютина, Юаньцзе, 2023: 374). Этот проект, или целый ряд проектов, имеет глобальный характер и рассчитан на дальнейшее развитие Китая как глобального центра силы. Экономическая и культурная составляющие китайского проекта воплощены в разработке и реализации инициативы «Пояс и путь», которая призвана стать полем взаимодействия разных стран и культур. Международная политическая и социальная составляющие воплощены в китайских концепциях «сообщества единой судьбы человечества» и «Азиатско-Тихоокеанской мечты», а внутривнутриполитическая составляющая – в «китайской мечте о великом

¹ National Security Strategy of the United States of America. November 2025 [online]. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed: 25.01.2026).

возрождении нации» и в концепции «народной демократии полного процесса». Последняя концепция призвана стать альтернативой по отношению к западной модели демократии и рассчитана на использование во внутренней и внешней политике КНР. Различные составляющие дискурсивной силы современного Китая соединены в «четырёх глобальных инициативах» китайского руководства (поддержка мирового экономического развития, обеспечение глобальной безопасности, равноправное общение между цивилизациями, реформирование институтов глобального управления).

ЕС в своем ценностно-политическом проекте оперирует образами и терминами «европейской семьи народов», «европейских либеральных ценностей», Европы как «цветущего сада» (выражение бывшего главы дипломатии ЕС Ж. Борреля), «родины демократии» и т.п. За этими широко тиражируемыми образами, однако, стоит односторонняя интерпретация европейской и мировой истории, игнорирование того факта, что доминирование европейских государств в XVIII – первой половине XX в. во многом было связано с захватом колоний, грабежом и эксплуатацией поработенных народов, а также того, что именно Европа стала источником и главной ареной двух мировых войн.

В первые десятилетия XXI в. ЕС в продвигаемом им ценностно-политическом проекте позиционирует себя также как лидера борьбы за экологию, как главного проводника «зеленой политики» и «зеленой повестки» мирового развития, перехода на безуглеродную экономику ради борьбы с глобальным потеплением (Jordan, 2021). Несмотря на растущую критику «зеленого курса», который приводит к деиндустриализации ряда стран ЕС и к обострению социальных проблем, руководство ЕС продолжает продвигать «зеленую повестку» как ключевое направление развития не только Европы, но и всего мира. Кроме того, Евросоюз в целях отвлечения внимания от растущих внутрисполитических проблем, для расширения своего влияния на постсоветском пространстве и в других регионах мира представляет себя как главного защитника «демократических ценностей», противостоящего мнимой «российской угрозе».

Индия, претендующая на роль нового «восходящего» глобального центра силы, в своем ценностно-политическом проекте использует целый ряд принципов. Среди них – «многовекторность» и «множественность союзов» (multi-alignment), ненасилие и мирное разрешение споров между людьми и государствами, традиционные индийские ценности толерантности, неприсоединения, единства в многообразии, «мира как одной семьи» (Никитин, 2025: 123–124). В то же время Индия позиционирует себя как лидера Глобального Юга и как бурно развивающуюся древнюю цивилизацию на основе преемственности и сохранения религиозной основы индуизма. Важно отметить, что индийский ценностно-политический проект апеллирует к этическим принципам и нормам во внутренней и международной политике, включая ценности плюрализма, уважения внутреннего мира человека, признания «особости» разных стран и цивилизаций.

Российский ценностно-политический проект: основные направления и составляющие

На основе сравнительного анализа ценностно-политических проектов разных центров силы, нацеленных на усиление их идейно-информационного влияния в мире, можно выделить потенциальные направления укрепления идейно-политических позиций России как центра силы и возможные составляющие российского ценностно-политического проекта. К числу этих составляющих, которые способны дать адекватные ответы на возникающие международные и внутренние вызовы, можно отнести следующие идейно-политические концепции:

1. Концепция формирования полицентричного и многоцивилизационного мирового порядка в противоположность однополярному западцентричному мироустройству. В современном мире происходит сложный и нелинейный процесс перехода к мировому порядку, основанному на взаимодействии разных центров силы, центров социально-политического и экономического развития, разных цивилизационных образований. Россия вместе с Китаем, Индией, другими странами БРИКС+ играет в этом процессе принципиально значимую роль, которая определяется ее геополитическим и геоэкономическим положением, ее исторически сложившимися связями со странами Запада и Востока, ее природными ресурсами и военно-технологическим потенциалом.

2. Концепция России как государства-цивилизации с огромной территорией и наличием множества природных ландшафтов, особой историей и культурой, надэтнической государственно-гражданской и цивилизационной идентичностью, многовековыми традициями мирного сосуществования разных этносов и конфессий, которое обеспечивает единство в многообразии. При этом важно

отметить, что государственно-гражданская и цивилизационная идентичность в России не игнорирует этническую, региональную и локальную составляющие идентичности, а надстраивается над ними, обеспечивая необходимое для динамичного политического и экономического развития социальное и культурное разнообразие. В настоящее время концепция развития России как особого государства-цивилизации разработана недостаточно, но она интенсивно исследуется в целом ряде работ (Спиридонова и др., 2016; Данильченко, 2023).

3. Ориентация на суверенное развитие российского и других обществ, уважение к суверенитету других государств, активное противодействие любым формам неокolonизма и зависимого развития. В настоящее время проблемы формирования и достижения реального технологического, экономического, политического, социального, культурного, информационного и военно-политического суверенитета играют ключевую роль не только для России, но и для других государств. Особенно важным достижение реального суверенитета и переход к суверенному развитию является для стран БРИКС+, с которыми Россия интенсивно взаимодействует в экономическом, политическом и культурном плане. При этом в плане технологического, культурного и информационного суверенитета РФ может немало заимствовать из опыта Китая, Индии, некоторых стран АСЕАН.

4. Концепция соединения и дополняющего взаимодействия традиционных и инновационных ценностей, адресованная не только внутрироссийской аудитории, но и гражданам других, в том числе западных, стран, являющихся сторонниками сохранения традиционных ценностей и их сочетания с инновационными ценностями. В современном мире сочетание традиций и инноваций, традиционных и инновационных ценностей и институтов (в частности, сохранения института традиционной семьи и семейных отношений, нравственных и религиозных ценностей, преемственности поколений, продуктивного, а не разрушительного в социальном и нравственном отношении использования новейших технологий) является необходимым условием динамичного экономического, социального и политического развития любого общества и государства. При этом инновации, как показывает опыт КНР, Индии, стран АСЕАН и других динамично развивающихся государств, могут обеспечивать эффективное и долговременное социально-политическое развитие только при опоре на прочные традиционные институты и ценности.

Там, где происходит нарушение баланса традиционных и инновационных ценностей, соединения жизненно важных для сохранения социума традиций и необходимых для его развития инноваций, рано или поздно возникают глубокие социальные и внутривластные кризисы, происходят обусловленные различными, нередко противоположными ценностными ориентациями политические противостояния. Об этом свидетельствуют, в частности, социальные кризисы в странах ЕС, ценностные расколы и внутривластные конфликты в США, в немалой степени вызванные попытками разрушить традиционные христианские ценности, а также использованием технологических и социальных инноваций для манипулирования сознанием, массового производства дезинформации и различных фейков. В то же время игнорирование необходимых инноваций политической, экономической и культурной элитой чревато автаркией, отставанием, возникновением внутренних кризисов и межпоколенческих конфликтов.

Все перечисленные составляющие ценностно-политического проекта России, несмотря на то что они по-разному актуализированы в общественном сознании, разрабатываются разными авторами и нередко представляются различными ведомствами, на глубинном культурно-цивилизационном уровне являются взаимосвязанными. Они отражают разные векторы единой политической динамики России и усиления ее идейно-политического влияния в мире. Так, принципиально важное участие России в формировании нового полицентричного и многоцивилизационного мирового порядка определяет ее роль в международном политическом развитии. Образ и концепт России как государства-цивилизации, обладающего собственной цивилизационной идентичностью и суверенитетом, формирует политическую, экономическую и культурную субъектность, позволяющую РФ выступать с различными инициативами, направленными на равноправное взаимодействие разных стран, народов и цивилизаций.

Точно так же соединение традиционных и инновационных ценностей, традиций и инноваций необходимо как для сохранения стабильности в российском обществе и преемственности его развития, так и для преодоления различных ценностных противоречий и конфликтов во внутренней и международной политике. Учитывая трагический опыт политических событий в России в 1917 г. и 1991 г., сопровождавшихся распадом государства и гражданскими конфликтами, проблема баланса традиций и

инноваций является для современного российского общества крайне значимой. Чтобы подобные катастрофические события не повторились, важно не допускать глубоких ценностных и политических расколов в обществе, творчески сочетать традиции и инновации, адаптировать опыт развития других государств к современным российским и международным условиям.

В то же время сочетание традиций и инноваций, традиционных и инновационных ценностей является важнейшим условием развития не только России, но и многих государств Востока, Запада и Глобального Юга. Без такого сочетания эти государства обречены либо на отставание и деградацию, либо на социальную и внутривнутриполитическую дестабилизацию. Поэтому данная проблема, представленная в российском ценностно-политическом проекте, является общемировой, глобальной, и российское государство на собственном примере сосуществования разных традиционных конфессий и культур, взаимодействия традиций и инноваций в определенной мере задает вектор развития других государств и цивилизаций.

Тем не менее основной, до конца не решенной проблемой формирования целостного ценностно-политического проекта РФ является интеграция, органичное соединение всех перечисленных его составляющих в единое целое. Как представляется, интегрирующим началом в данном случае может послужить дальнейшая разработка и продвижение концепции и практики межкультурного взаимодействия, цивилизационного интегрализма. Цивилизационный интегрализм в общем виде представляет собой философско-политическую концепцию, утверждающую необходимость дополняющего и взаимовыгодного взаимодействия различных цивилизаций через интеграцию и синтез их культурных, социальных, экономических и технологических оснований и элементов. При этом цивилизационный интегрализм, в отличие от неолиберального или неоконсервативного глобализма, учитывает специфику, уникальные традиции и особенности каждой цивилизации.

Концепция цивилизационного интегрализма ориентирует международное развитие на формирование многосторонних механизмов взаимодействия между государствами, принадлежащими к разным цивилизациям, для преодоления многочисленных глобальных вызовов (экологических, технологических, социальных, продовольственных, энергетических, вызовов для системы здравоохранения и образования) при сохранении уникальности каждой цивилизации. «Основой цивилизационного интегрализма является идея взаимодополняемости: вместо конфронтации или изоляции акцент делается на интеграцию в рамках общих институтов, ценностей или проектов, которые не нивелируют идентичность участников, а усиливают их через кооперацию. Эта концепция может включать формирование многоуровневых структур (локальных, региональных, глобальных), гибко сочетающих универсальные принципы с культурным многообразием» (Камкин, Сигаев и др., 2025: 582).

Можно полагать, что концепция цивилизационного интегрализма способна не только соединить различные направления и составляющие российского ценностно-политического проекта, но и послужить своего рода связующим звеном между ценностно-политическими проектами Китая, Индии и России. Разумеется, различия и противоречия между китайским и индийским ценностно-политическими проектами при этом не исчезнут, поскольку Китай и Индия по ряду вопросов международной повестки занимают разные, иногда противоположные позиции (Никитин, 2025: 127). Тем не менее российский ценностно-политический проект, основанный на равноправном развитии сохраняющих свою уникальность и самостоятельность цивилизаций, способен сгладить разногласия между Китаем и Индией, стимулировать поиски новых областей продуктивного взаимодействия Китая, Индии и России.

Что касается ценностно-политических проектов США и стран ЕС, то в силу их претензий на исключительное доминирование в мире включить эти проекты в рамки концепции и практики цивилизационного интегрализма гораздо сложнее. Тем не менее это возможно в случае более реалистичной и менее идеологизированной оценки политическими и культурными элитами западных стран своей действительной роли в современном мире. Такая более реалистичная оценка, учитывающая перспективу усиления экономического, политического и культурного влияния незападных центров силы, присутствует у отдельных западных экспертов, интеллектуалов и политиков. Однако пока что действительный политический реализм и трезвая оценка перспектив мирового развития проявляются в западном информационном и идейно-политическом пространстве лишь частично, фрагментарно, что препятствует признанию необходимости равноправного взаимодействия разных цивилизаций.

Укрепление идейно-политического влияния России: возможности и препятствия

Перспективы и возможности укрепления идейно-политического влияния России связаны с востребованностью в мире ориентации на суверенное развитие, с потребностью многих государств обрести реальный технологический, экономический, политический и культурный суверенитет, а также с необходимостью противодействовать многочисленным проявлениям неокOLONиальной политики. При этом тесное и равноправное взаимодействие государств, принадлежащих к разным цивилизациям, является важным условием реализации по-настоящему суверенного развития.

В современном мире проблемы социально-политического и экономического развития имеют ключевое значение для всех стран. Однако зависимое развитие во всех его формах, как показывает опыт многих стран Африки, Азии, Латинской Америки, а также опыт ряда постсоветских стран и даже некоторых стран ЕС, приводит эти государства к многочисленным кризисам и потрясениям – к долговому кризису, кризису социального государства, кризису системы образования и здравоохранения, к технологической и финансовой зависимости, к росту социальной и политической нестабильности. Поэтому именно акцент на суверенное, независимое развитие в сочетании с концепцией формирования полицентричного мирового порядка и многостороннего взаимодействия разных государств и цивилизаций (примерами такого взаимодействия являются БРИКС+ и ШОС) может сыграть решающую роль в усилении идейно-политического влияния России на страновом, региональном и глобальном уровне. При этом российский ценностно-политический проект, благодаря его нацеленности на суверенное развитие и взаимодействие разных цивилизаций, может сочетаться с рассмотренными выше китайским и индийским проектами, что придает ему одновременно особость, уникальность и более широкое, глобальное звучание.

В то же время на пути укрепления идейно-политического влияния России и продвижения российского ценностно-политического проекта существуют немалые препятствия. Важнейшим из таких является откровенно враждебная по отношению к РФ политика многих западных государств, попытки изолировать Россию в информационном, политическом, технологическом и экономическом плане, включая использование «культуры отмены» по отношению к России и широко распространившуюся на Западе практику переписывания и фальсификации истории, в том числе истории Второй мировой войны и послевоенного развития.

Кроме того, российские идейно-политические концепции и проекты слабо представлены в информационном, образовательном и научном пространстве многих государств Азии, Африки, Латинской Америки. В результате многие идеи, разработки и прогнозы российских специалистов по международным отношениям, экспертов и ученых остаются неизвестными в незападном мире, составляющем «мировое большинство».

Следует констатировать, что в настоящее время Россия по ряду показателей проигрывает ведущуюся против нее информационную войну, что связано как с объективными, так и с субъективными причинами. Объективные причины включают недостаток финансовых и технологических ресурсов, геополитические факторы и междцивилизационные барьеры. Однако существуют и субъективные факторы, препятствующие укреплению идейно-политического влияния России. К их числу относятся разобщенность действий разных ведомств при проведении информационной политики внутри страны и за рубежом, недостаточное практическое использование при принятии решений прогнозов российских научных и аналитических центров, разобщенность экспертного сообщества, не всегда адекватный учет культурно-цивилизационной специфики разных обществ, слабое внедрение собственных российских разработок в сфере информационно-коммуникационных технологий и их качество (иногда невысокое), сохраняющаяся зависимость от зарубежных ИТ-корпораций.

Отсюда следует, что для укрепления идейно-политического влияния России и продвижения российского ценностно-политического проекта прежде всего необходимо преодоление ведомственной разобщенности. В связи с этим представляется целесообразной более тесная координация деятельности разных ведомств и экспертных структур, а также СМИ и других информационных ресурсов, занятых в сфере продвижения российских идейно-политических инициатив и проектов. Такая координация могла бы, по-видимому, осуществляться под эгидой единого курирующего органа, созданного при администрации президента РФ и/или при Совете безопасности РФ. Наряду с этим требуются также укрепление взаимодействия органов государственного управления с экспертными и аналитическими структурами, более активное использование органами государственной власти научных разработок и прогнозов.

Список литературы / References

- Горбунова, М. Л., Комаров, И. Д. (2020) 'Ведущие центры силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира', *Сравнительная политика*, 11(3), сс. 57–74. [Gorbunova, M. L., Komarov, I. D. (2020) 'Leading Centers of Power in Supporting of Security in Non-Stable States', *Sravnitel'naya politika*, 11(3), pp. 57–74. (In Russ.)]. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10036.
- Данильченко, С. Л. (2023) *Российское государство-цивилизация: интегрирующие факторы и конфликтогенные противоречия*. Уфа: Аэтерна, 148 с. [Danilchenko, S. L. (2023) *Russian Civilization-State: the Integrative Factors and Conflict Contradictions*. Ufa: Aetherna, 148 p. (In Russ.)].
- Камкин, А. К., Сигачев, М. И., Харин, А. Н., Скакун, П. П. (2025) *Цивилизационный интеграл и мировое развитие*. Москва: Весь Мир, 608 с. [Kamkin, A. K., Sigachev, M. I., Harin, A. N., Skakun, P. P. (2025) *Civilizational Integralism and the World Development*. Moscow: Ves' Mir, 608 p. (In Russ.)].
- Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2004) *Геоэкономическая политика и глобальная политическая история*. Москва: Олита, 280 с. [Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2004) *Geo-economic Politics and Global Political History*. Moscow: Olita, 280 p. (In Russ.)].
- Лексютина, Я. В., Юаньцзе, Ю. (2023) 'Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая', *Российско-китайские исследования*, 7(4), сс. 367–380 [Leksyutina, Ya. V., Yuanjie, Y. (2023) 'The Concept of International Discourse Power in China's Foreign Policy Ideology', *Rossyisko-kitaiskie issledovaniya*, 7(4), pp. 367–380 (In Russ.)]. DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(4).367-380.
- Лукин, В. (1983) *«Центры силы»: концепции и реальность*. Москва: Международные отношения, 252 с. [Lukin, V. (1983) *"Centers of Power": Concepts and Reality*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 252 p. (In Russ.)].
- Никитин, А. И. (2025) 'Глобальная держава будущего: обновление стратегических ориентиров Индии', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 118–133 [Nikitin, A. I. (2025) 'The Global Power of the Future: Renewal of Strategic Orientations of India', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1, pp. 118–133 (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2025.01.09.
- Павлов, В. В. (2024) '«Конвейер идей» во внешней политике США и сопутствующая проблема доверия акторов международной системы', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 89–104 [Pavlov, V. V. (2024) 'Assembly Line for Ideas in US Foreign Policy and the Attendant Issue of International Relations Actors' Trust', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 89–104 (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2024.04.07.
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2025) 'Центры силы в мировой политике: диверсификация ресурсов лидерства', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 112–134 [Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2025) 'Centers of Power in World Politics: Diversifying Leadership Resources', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 112–134 (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2025.05.08.
- Спиридонова, В., Соколова, В., Шевченко, В. (2016) *Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ*. Москва: Институт философии РАН, 122 с. [Spiridonova, V., Sokolova, V., Shevchenko, V. (2016) *Russia as State-Civilization: Philosophical and Political Analysis*. Moscow: Institut filosofii RAN, 122 p. (In Russ.)].
- Шлезингер-младший, А. М. (1992) *Циклы американской истории*. Москва: Прогресс, 688 с. [Shlezinger-Jr., A. M. (1992) *Cycles of American History*. Moscow: Progress, 688 p. (In Russ.)].
- Jordan, A. (ed.) (2021) *Environmental Policy in the EU: Actors, Institutions and Processes*. 4th ed. London: Routledge.
- Ozsaglam, M. T. (2019) 'Complicated multipolar international relations system: Russia and China as new power centers', *Business and Economics Research Journal*, 10 (3), pp. 749–760.

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований.

E-mail: v.pantin@mail.ru (ORCID: [0000-0002-4218-4579](https://orcid.org/0000-0002-4218-4579). ResearcherID: K-5736-2017).

Сигачёв Максим Игоревич, кандидат политических наук, научный сотрудник.

E-mail: maxsig@mail.ru (ORCID: [0000-0001-7977-6888](https://orcid.org/0000-0001-7977-6888). ResearchID: AAO-7236-2021).

Information about authors

Vladimir I. Pantin, Doctor of Sciences (in Philosophy), Head of the Department of Comparative Political Studies.

E-mail: v.pantin@mail.ru (ORCID: [0000-0002-4218-4579](https://orcid.org/0000-0002-4218-4579). ResearcherID: K-5736-2017).

Maksim I. Sigachev, Candidate of Sciences (in Politics), Research Fellow.

E-mail: maxsig@mail.ru (ORCID: [0000-0001-7977-6888](https://orcid.org/0000-0001-7977-6888). ResearcherID: AAO-7236-2021).

УДК-323:336

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-15-27

ФИСКАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И ВЕРОЯТНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ. ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Р. И. Гусейнов, В. В. Устюжанин, А. В. Коротаев

Гусейнов Руслан Исмаилович,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация.

Устюжанин Вадим Витальевич,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация.

Коротаев Андрей Витальевич,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация,
Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация.

Аннотация

Анализируется связь между фискальной устойчивостью государства и риском начала революционной нестабильности. Классики изучения революций отмечали важность фискального фактора, но полноценного количественного исследования так и не было проведено. Используя панельные данные с середины XX в. по сегодняшний день, мы подтверждаем нашу гипотезу о том, что взаимосвязь государственного долга и вероятности возникновения революционной кампании не является однородной и зависит от экономического положения страны и типа революционной нестабильности. В качестве источников данных по революционным событиям используются проект NAVCO (версия 1.3) и база данных революционных событий XXI в. от Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Основные эмпирические результаты таковы: в бедных странах рост государственного долга коррелирует с увеличением вероятности возникновения вооруженной революции, в то время как среди богатых стран этот эффект является отрицательным. На выборке невооруженных революций между богатыми и бедными странами не наблюдается значимой разницы эффектов. Данные результаты объясняются разными логиками накопления государственного долга – богатые страны увеличивают госдолг с целью дифференциации бюджетной политики, в то время как для бедных стран увеличение госдолга является признаком накапливающихся экономических проблем. Помимо этого, результаты показывают, что нарастающее долговое бремя подрывает возможности бедных государств финансировать силовой аппарат, армию и лояльность элит, что провоцирует вооруженные революционные сценарии.

Ключевые слова: фискальная устойчивость; политическая нестабильность; революции; максималистские кампании; государственный долг; протесты

Для цитирования: Гусейнов, Р. И., Устюжанин, В. В., Коротаев, А. В. (2026) 'Фискальная устойчивость и вероятность революционной дестабилизации. Опыт количественного анализа', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 15-27. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-15-27

Финансовая поддержка: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-048) при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

FISCAL CAPACITY AND REVOLUTIONARY DESTABILIZATION. A QUANTITATIVE ANALYSIS

R. I. Guseinov, V. V. Ustyuzhanin, A. V. Korotayev

Ruslan I. Guseinov,
HSE University, Moscow, Russian Federation.

Vadim V. Ustyuzhanin,
HSE University, Moscow, Russian Federation.

Andrey V. Korotayev,
HSE University, Moscow, Russian Federation,
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

This paper investigates the relationship between fiscal stability and revolutionary onsets. Classic researchers of revolutions, such as Jack Goldstone, have provided theoretical arguments for the importance of fiscal factors, but any substantial quantitative cross-national large-n research has not been conducted yet. Logistic regression analysis with an interaction term that we have performed confirms our main hypotheses that a relationship between government debt and revolutionary onset likelihood is not uniform and depends on the levels of economic development and type of revolutionary instability. We use NAVCO 1.3 and HSE University Centre for Stability and Risk Analysis datasets as our main data sources. The results show that in developing economies, rising government debt is associated with a higher likelihood of armed revolution onset, while in developed economies, the relationship is negative. For unarmed revolutions, there are no significant differences between developing and developed economies. Such results are explained by different logics of government debt increase – developed countries increase government debt to differentiate budget policy, whilst for developing economies, increases in government debt indicate accumulated economic issues. Besides, empirical results show that an increased budget burden undermines developing countries' capacities to finance security apparatus, army, and maintain elite loyalty, provoking armed revolutions.

Keywords: fiscal capacity; political instability; revolutions; maximalist campaigns; government debt; protests; civil resistance

For citation: Guseinov, R. I., Ustyuzhanin, V. V., Korotayev, A. V. (2026) 'Fiscal capacity and revolutionary destabilization. A quantitative analysis', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 15-27. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-15-27

Funding: The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University (HSE-BR-2025-048) with support by the Russian Science Foundation (Project # 24-18-00650).

Введение

28 декабря 2025 г. в Иране начались массовые протесты, охватившие ряд крупных городов страны. За три недели до этого долг правительства Ирана перед центральным банком страны удвоился за прошедший год (IntelliNews, 2025). Вместе с этим в стране произошел обвал национальной валюты, наблюдались высокая инфляция и нехватка воды. И хотя требования протестующих вначале были экономическими, к ним быстро добавились политические, вплоть до свержения режима Исламской республики. Протест быстро начал радикализироваться, о чем свидетельствовали некоторые СМИ, сообщая о вооруженных столкновениях между оппозицией и силами правопорядка (Gritten, 2026).

Стоит особо отметить, что это не первый за последнее время период нестабильности в Иране: с начала XXI в. можно насчитать не менее пяти таких эпизодов (Филин и др., 2020; Костин и др., 2023). Часть авторов связывает это с сугубо экономическими проблемами иранского режима. Действительно, можно найти большое число исследований, которые демонстрируют взаимосвязь экономического развития с рисками возникновения революционной нестабильности.

Например, марксистский подход изучения революций был в очень высокой степени экономико-центричным. Кроме того, и, скажем, в рамках так называемого третьего поколения изучения революций ряд авторов обращали внимание на важность фискальной устойчивости. Американский социолог Джек Голдстоун утверждает, что именно фискальные кризисы, т.е. неспособность правительства собирать налоги и финансово поддерживать аппарат и элиты, объясняет революционную нестабильность в Новое время. И наоборот, «устойчивые в финансовом и военном отношении государства, получающие поддержку объединенных элит, в основном не уязвимы к революциям снизу» (Goldstone, 2001: 146; Goldstone, 1991). Теда Скочпол тоже связывает революционную нестабильность со слабостью административного аппарата в области налогообложения и обеспечения государства необходимыми материальными ресурсами (Skocpol, 1979). Таким образом, в работах этих исследователей фискальная устойчивость рассматривается в качестве одного из важнейших факторов предотвращения революций.

При этом часть современных исследований преимущественно игнорирует фискальную устойчивость, отдавая большее предпочтение таким экономическим факторам, как валовому внутреннему продукту (ВВП) на душу населения, урбанизации или доле промышленности в ВВП (об этом см. Коротаев и др., 2025; Korotayev et al., 2025a, 2025b, 2025c). Однако только эти индикаторы неспособны объяснить, почему в одних странах происходят революции, а в других – нет. В свою очередь, другая часть исследований воспринимает фискальную устойчивость не как самостоятельную переменную, а как отдельный компонент государственной состоятельности, наравне с такими переменными, как защита прав частной собственности или расходы на оборону. Более того, многие исследователи изучают взаимосвязь «политики жесткой экономии» (austerity) с политической нестабильностью в целом, игнорируя революционную дестабилизацию (например, Arias, Stasavage, 2019).

Настоящая работа призвана закрыть этот пробел. Мы показываем, что фискальная неустойчивость является важным фактором, обуславливающим начало революции. Операционализируя эту переменную как процент государственного долга к ВВП, мы также находим, что ее эффект разнится для бедных и богатых стран: аккумуляция долга в первых ведет к политической неустойчивости, тогда как во вторых этот эффект минимален и может даже стабилизировать режим.

Обзор литературы

Что такое революция?

Крайне популярное определение революции было предложено американским социологом Теодой Скочпол в книге «Государства и социальные революции» (1979). Анализируя выборку «великих» революций во Франции, России и Китае, Скочпол определила (социальные) революции как «стремительные и фундаментальные преобразования государственных и классовых структур государства, сопровождаемые и отчасти осуществляемые восстаниями снизу на классовой основе» (Skocpol, 1979: 4). В четвертом и пятом поколениях изучения революций определения существенно отличаются, являясь более инклюзивными. Например, Голдстоун определяет революцию как «попытку трансформировать политические институты и узаконить политическую власть, прибегая при этом к формальным или неформальным методам массовой мобилизации и внеинституциональным действиям, направленным на подрыв существующего порядка» (Goldstone, 2001: 142). Это определение позволяет делать разграничение между вооруженными и невооруженными, успешными и неуспешными революциями. Дж. Лосон в книге «Анатомия революций» определяет революцию как «коллективную мобилизацию, направленную на быстрое и насильственное свержение существующего режима с целью трансформации политических, экономических и символических отношений» (Lawson, 2019: 5). Революция также определяется следующим образом: «антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: 1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; 2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; 3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» (Гринин, Коротаев, 2020: 855). Наконец, в одной из недавних монографий на тему революций М. Бейссинджера революция определяется как «массовая осада правительства населением страны с целями смены политического режима и осуществления значимых социально-политических преобразований» (Beissinger, 2022: 3). Таким образом, в настоящее время преобладает точка зрения, что для того, чтобы событие могло быть идентифицировано в качестве революции, необходимы две характеристики: 1) массовая мобилизация и 2) попытка свергнуть или радикально изменить правящий политический

режим неинституциональными методами. Это позволяет рассмотреть революционные эпизоды во всем их многообразии, не накладывая ограничения на тактику, идеологию или успешность выступления.

Фискальная устойчивость и (не)стабильность

С самого зарождения национальных государств в Европе стабильность государственного бюджета представляла ключевую детерминанту успешности ведения войн, которые были важнейшим фактором развития государств в рамках белицистского подхода Чарльза Тилли. Так, экономически сильные государства выигрывали войны, получали доступ к ресурсам побежденного, которые распределялись в виде частных и общественных благ (Tilly, 1975). Фискальные механизмы в этом отношении являются одними из ключевых, ведь налоги – важнейший источник финансирования бюджета, за чей счет происходят модернизация и оснащение армии. Следовательно, чем выше фискальная устойчивость, тем больше ресурсов государство получает от налогообложения (Tilly, 2017). Эту же мысль подтверждает исследование Д. Стесеведжа, где процесс появления национальных государств в Европе Нового времени рассматривается через появление представительных институтов, способствующих фискальной подотчетности (Stasavage, 2011).

Одним из первых авторов, кто предпринял попытку связать фискальную устойчивость с революционной нестабильностью, был Джек Голдстоун. В монографии 1991 г. он достаточно убедительно показал, как нарушения фискальной устойчивости делали государства раннего Нового времени predisposed к революциям (Goldstone, 1991). В статье 2001 г. Голдстоун пишет: «Угроза революции возникает во времена фискальной слабости, когда элиты неохотно поддерживают правящий режим или серьезно разьединены по вопросу поддержки» (Goldstone, 2001: 148).

Т. Бесли и Т. Пёрсон предлагают формальное моделирование для иллюстрации того, почему фискально устойчивые страны больше вкладываются в модернизацию армии. По мнению авторов, в недемократических режимах излишне высокие инвестиции могут привести к гражданской войне, так как эти инвестиции усиливают политические позиции армии, но не предлагают каналов политической репрезентации (Besley, Persson, 2011). Х. Чейбуб тоже разделяет налоговую политику в демократических и недемократических режимах: недемократические режимы охотнее поднимают налоги, так как население не способно оказывать большого политического влияния (Cheibub, 1998).

Работы вышеперечисленных авторов зачастую понимают фискальную устойчивость узко, используя для измерения такие операционализации, как процент налоговых поступлений к ВВП или отношение налоговых поступлений ко всем бюджетным доходам. Например, М. Бейссинджер предлагает не рассматривать фискальную устойчивость в качестве отдельной независимой переменной, а только как прокси-переменную государственной состоятельности (Beissinger, 2023).

С другой стороны, нестабильность также оказывает прямой эффект на фискальную устойчивость. Так, М. Карденас и Д. Тьюземен отмечают, что внутренняя политическая нестабильность оказывает негативное влияние на государственную состоятельность, при этом государственная состоятельность понимается в фискальных терминах (Cárdenas, Tuzemen, 2010). В свою очередь, К. Тиес в целом не находит значимого влияния фискальной устойчивости на политическую нестабильность, хотя и отмечает, что на подвыборке африканских стран южнее Сахары низкая фискальная устойчивость взаимосвязана с более высоким риском провала государственности (Thies, 2015). В своей предыдущей работе 2010 г. Тиес изучает один из модусов политической нестабильности – гражданские войны. Он рассматривает государственную состоятельность через фискальную устойчивость, используя в качестве операционализации долю налоговых и неналоговых доходов в ВВП. Эмпирический анализ не выявляет значимого эффекта фискальной устойчивости на вероятность возникновения гражданских войн (Thies, 2010).

На основе нашего обзора можно заключить, что, во-первых, есть дефицит работ, изучающих взаимосвязь фискальной устойчивости и вероятности возникновения революционной нестабильности. Значительная часть исследований уходит корнями в третье поколение теории революций и зачастую представляет собой построение формальных моделей без эмпирической проверки. Во-вторых, большинство исследователей политических последствий фискальной устойчивости рассматривают этот феномен в качестве прокси-переменной государственной состоятельности и лишают фискальную устойчивость самостоятельности. В-третьих, те работы, в которых все же проводится эмпирический анализ, исследуют в основном гражданские войны и игнорируют невооруженные революции, которые доминируют в современном революционном процессе.

В поисках корректной операционализации фискальной устойчивости

В предыдущих разделах мы уже касались того, что под фискальной устойчивостью зачастую понимают некую меру экстрактивных возможностей государства. Обычными операционализациями выступают доля налоговых доходов ко всем доходам бюджета или доля налоговых доходов и расходов к ВВП (Besley, Persson, 2011; Cheibub, 1998). Но действительно ли важно знать, сколько государство смогло заработать? Расходы государства могут быть более важным индикатором, чем доходы. Так, политические элиты озабочены не только тем, чтобы фискальная нагрузка не легла на их собственные плечи, но и тем, что именно финансируется из бюджета; структура расходов может в этом смысле оказаться более чувствительной темой, чем доходы бюджета.

Мы могли бы рассчитывать показатели бюджетного дефицита/профицита, так как он учитывает и доходы (налоговые и неналоговые), и расходы. Однако такой показатель рассчитывается год к году и не улавливает кумулятивную природу кризиса государственного бюджета: можно предположить, что государство больше подвержено нестабильности, когда систематически накапливает долги. Если оно прибегает к постоянным заимствованиям в ситуации долгосрочного дефицита, это может иметь и долгосрочные дестабилизирующие последствия, в то время как дефицит в рамках одного года может быть несущественным.

По этой причине мы предлагаем использовать государственный долг в качестве главной операционализации фискальной устойчивости. Он потенциально контролирует все вышеперечисленные проблемы и недостатки других операционализаций, а также отражает кумулятивную природу проблем государственного бюджета. Как правило, измерение государственного долга корректируется на ВВП страны, чтобы учесть разный размер экономик в глобальной перспективе.

Взаимосвязь государственного долга и рисков революционной дестабилизации

В экономической науке давно ведутся дебаты, есть ли тот уровень государственного долга, который становится критическим для государства и начинает негативно сказываться на экономическом росте. В настоящее время консенсусом скорее является то, что такой универсальный границы нет и эффект госдолга на экономический рост гетерогенен (Pescatori et al., 2014). Мы во многом адаптируем эту логику и считаем, что политические последствия от разных уровней госдолга также варьируются прежде всего по уровню развития. Это связано с тем, что в богатых и бедных странах структуры долга различаются.

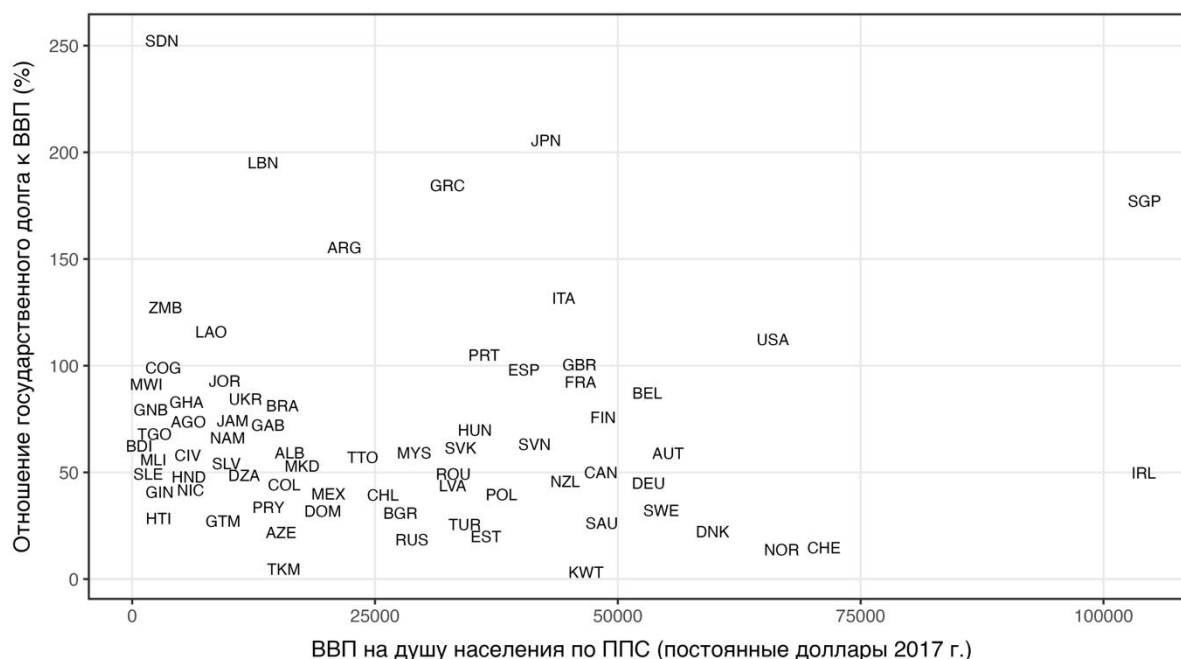
В развитых странах, где есть независимые центральные банки и устойчивые финансовые институты, высокий долг не обязательно подрывает устойчивость, а во многом отражает способность государства аккумулировать доверие и предоставлять высоконадежный актив – как правило, в национальной валюте и на большой срок. Это снижает вероятность бюджетных шоков, вынужденной жесткой консолидации в виде сокращения социальных расходов и подъема налогов, а следовательно, политической нестабильности (Ponticelli, Voth, 2020). В свою очередь, в странах с низкими доходами действует иной механизм, который можно описать вслед за экономистами как *debt intolerance* и *original sin* (Eichengreen et al., 2007). В такой ситуации значительная доля долга номинирована в иностранной валюте, держится нерезидентами и имеет довольно высокую процентную ставку из-за неувренности инвесторов. Девальвация или краткосрочный экономический шок могут быстро перерасти в фискальный кризис. Это ограничивает платежеспособность государства и повышает риски финансовой консолидации, которые часто могут быть навязаны внешними кредиторами (например, МВФ) для реструктуризации долга¹. Это, в свою очередь, усиливает недовольство и понижает лояльность силовых структур и элит.

Эти механизмы особенно четко просматриваются на примере кризиса в Шри-Ланке в 2022 г. После многолетнего накопления внешнего долга в иностранной валюте власти на фоне коррупционных скандалов провели налоговые послабления, хотя к этому времени государственный долг превысил ВВП (в 2021 г. он составил чуть больше 100 %). Однако правительство во избежание сокращения расходов прибегло к масштабной эмиссии, что ускорило инфляцию и девальвацию и в конечном счете сделало невозможной выплаты по внешнему долгу, который был номинирован не в национальной валюте. На фоне многочасовых отключений электричества и дефицита базовых товаров в марте 2022 г.

¹ Статистика показывает, что среди топ-45 наиболее задолжавших МВФ стран все находятся в Африке. Африканские страны – это 52 % всех долгов МВФ (Okoth, 2025). Бедные страны также заимствуют у других развитых стран, таких как Китай. Проект Центра глобальной политики развития Бостонского университета *Chinese Loans to Africa (CLA)* показывает, что китайские институции предоставили более тысячи займов 49 африканским странам (Boston University Global Development Policy Center, 2024).

начались протесты, а уже 12 апреля правительство объявило о приостановке выплат по внешнему долгу, допустив первый в истории страны суверенный дефолт. Последовавшая эскалация протестов привела к отставке премьер-министра, штурму резиденции президента и его бегству из страны, чему не препятствовали силовые элиты.

Таким образом, высокие показатели госдолга могут иметь совершенно разные политические эффекты в богатых и бедных странах, и при этом отношение экономического развития и госдолга имеет нелинейную природу. На рис. 1 показана взаимосвязь ВВП на душу населения и отношения госдолга к ВВП в 2023 г. Если не учитывать небольшое число стран с очень высокими показателями ВВП и/или государственного долга, на графике видна своего рода перевернутая U-образная связь: государственный долг выше в самых бедных и самых богатых странах.

фискальные проблемы накапливают ощущение неэффективности политического режима, что толкает протестующих к вооруженному восстанию (Collier, Hoeffler, 2004). Таким образом, мы можем сформулировать следующие гипотезы:

Гипотеза 1. В странах с низким уровнем дохода государственный долг положительно связан с риском вооруженной революции, тогда как в странах с высоким уровнем дохода наблюдается обратная зависимость.

Гипотеза 2. В странах с низким уровнем дохода государственный долг положительно связан с риском возникновения невооруженной революции, тогда как в странах с высоким уровнем дохода наблюдается обратная зависимость.

Эмпирическая часть исследования

Методы и данные

Мы используем две зависимые переменные – возникновение вооруженной и невооруженной революции. Таким образом, нашей единицей наблюдения являются страна-год, где начало определенной революции кодируется как «1», а ее отсутствие как «0». Видно, что эти переменные бинарные, поэтому мы используем логистический регрессионный анализ. Однако также важно уточнить, что наши зависимые переменные являются «редкими событиями» (потому что революций не так много в нашей истории и число единиц на порядок меньше числа нулей), поэтому оценки максимального правдоподобия дают смещенные оценки и могут быть неконечными. Для решения этой проблемы мы корректируем оценку максимального правдоподобия с помощью «штрафа Джеффриса» (Kosmidis, Firth, 2021).

Источниками данных для зависимых переменных являются базы данных Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO, версия 1.3 [Chenoweth, Shay, 2020, 2022]) и база данных революционных событий XXI в. от Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ (ЦИСР) (Коротаев и др., 2024; Ustyuzhanin et al., 2025). В первой представлены данные с 1950 по 2019 г., во второй – с 2000 по 2024 г. Для увеличения числа случаев и учета части революций, которые не были учтены в NAVCO, мы соединяем обе базы данных. Итоговый список революций для XXI в. формируется как пересечение двух источников (NAVCO 1.3 и базы ЦИСР), а дубликаты удаляются.

Поскольку единица наблюдения – страна-год, наши данные являются панельными. Для снижения риска смещения результатов от неизмеряемых факторов мы вводим фиксированные эффекты на регион (используем классификацию из World Bank Development Indicators) и на десятилетия, что должно контролировать хотя бы часть неизменных во времени факторов и общие временные шоки. Кроме того, для снижения проблемы обратной причинности, мы используем все независимые переменные с лагом в один год.

Первичной базой данных по государственному долгу является Global Debt Database от МВФ, которая обладает наилучшим территориальным и временным покрытием с минимальным числом пропусков. Однако мы также использовали данные проекта Clío Infra в тех случаях, когда по данным МВФ у наблюдения были пропущены данные по государственному долгу (Verriet, Bosch, 2015)².

Во все регрессионные модели мы также включили следующие переменные: логарифмированный ВВП на душу населения в постоянных долларах 2017 г. по паритету покупательной способности от проекта Gapminder, темпы роста ВВП год к году, логарифмированное население страны от проекта ООН World Population Prospects 2024 г., показатели электоральной демократии (полиархии) от проекта V-Dem и данные по нефтяной ренте (процент к ВВП) от World Bank (источники данных: World Bank, 2011, 2025; Coppedge et al., 2025; Gapminder, 2025; Mbaye et al., 2018; United Nations, 2024). Эти переменные, с одной стороны, должны оказывать влияние на риск начала революции, о чем свидетельствуют последние исследования (Коротаев и др., 2025; Korotayev et al., 2025b). С другой стороны, они также могут оказывать влияние на уровень государственного долга, что делает их важными переменными для достижения состоятельных оценок.

Для тестирования гипотез в регрессионном анализе мы используем взаимодействие между государственным долгом и ВВП на душу населения (обе переменные логарифмированы для лучшей сравнимости и нормализации). Это позволяет нам моделировать разный эффект государственного долга на вероятность революций при различающихся уровнях дохода. Оцениваются две разные модели: одна –

² Однако отметим, что наличие пропущенных данных в выбранной базе данных все равно остается серьезной проблемой. В последующем анализе мы предполагаем, что эти пропуски случайны и не вносят систематического смещения из-за проблемы отбора.

для невооруженных революций, а другая – для вооруженных. Наконец, мы используем кластеризованные на регион стандартные ошибки при оценке значимости коэффициентов для учета созависимости ошибок в них.

Результаты

В таблице 1 приведены результаты регрессионного анализа с включенным эффектом взаимодействия государственного долга и ВВП на душу населения для вооруженных кампаний с 1950 по 2024 г.

Видно, что государственный долг оказывает значимое и положительное влияние на риск начала вооруженных революций. Поскольку наша модель работает со взаимодействием, такой эффект стоит интерпретировать так, что в бедных странах с ростом госдолга риск растет. В свою очередь, эффект взаимодействия является отрицательным и значимым. Поэтому с ростом дохода негативный эффект от госдолга ослабевает и начинает при достижении определенного уровня дохода оказывать ингибирующее влияние на риски вооруженной революционной дестабилизации. В целом этот анализ говорит в пользу нашей первой гипотезы.

Таблица 1 / Table 1

Результаты логистического регрессионного анализа (гипотеза 1) / Results of logistic regression analysis (hypothesis 1)

Зависимая переменная: Вооруженная революция (NAVCO 1.3 + ЦИСП)				
Переменные:	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Государственный долг (ln)	1,614** (0,707)	1,605** (0,709)	1,810*** (0,675)	2,680*** (0,185)
ВВП на душу населения (ln)	0,096 (0,339)	0,080 (0,347)	0,317 (0,294)	0,470 (0,302)
Экономический рост (%)		0,014 (0,011)	0,011 (0,012)	0,001 (0,033)
Уровень демократии			8,479*** (2,427)	10,739*** (2,968)
Уровень демократии (квадратичный член)			-10,002*** (2,216)	-12,888*** (3,157)
Население				0,307*** (0,095)
Нефтяная рента (ln)				0,423*** (0,097)
Госдолг * ВВП (взаимодействие)	-0,191** (0,075)	-0,190** (0,076)	-0,215*** (0,080)	-0,302*** (0,025)
Константа	-5,633** (2,839)	-5,562* (2,887)	-8,571*** (2,556)	-13,573*** (3,288)
Число революций	105	105	105	82
Число наблюдений	6911	6911	6910	5522
Log Likelihood	-491,668	-491,405	-483,214	-359,162
Akaike Inf. Crit.	1017,336	1018,811	1006,427	758,324
Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$; в скобках – устойчивые кластеризованные на регион стандартные ошибки. Фиксированные эффекты на регион и десятилетний период.				

Аналогичным образом в табл. 2 представлены результаты проведенного регрессионного анализа для невооруженных кампаний. Необходимо отметить, что эффект и государственного долга, и его взаимодействия с ВВП на душу оказываются незначимым. Можно лишь заметить, что при увеличении государственного долга наблюдается небольшой рост вероятности начала невооруженной революции как в бедных, так и в богатых странах. Таким образом, этот анализ не позволяет нам принять вторую гипотезу.

Таблица 2 / Table 2

**Результаты логистического регрессионного анализа (гипотеза 2) /
Results of logistic regression analysis (hypothesis 2)**

	Зависимая переменная: Невооруженная революция (NAVCO 1.3 + ЦИСП)			
Переменные:	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Государственный долг (ln)	0,030 (0,525)	0,037 (0,518)	-0,105 (0,579)	-0,207 (0,775)
ВВП на душу населения (ln)	-0,476* (0,256)	-0,474* (0,257)	-0,212 (0,274)	-0,289 (0,467)
Экономический рост (%)		0,002 (0,015)	-0,001 (0,012)	-0,005 (0,019)
Уровень демократии			5,279* (2,709)	4,974** (2,441)
Уровень демократии (квадратичный член)			-7,301*** (2,665)	-7,279*** (2,389)
Население				0,347*** (0,050)
Нефтяная рента (ln)				-0,072 (0,158)
Госдолг * ВВП (взаимодействие)	-0,011 (0,058)	-0,012 (0,057)	0,013 (0,070)	0,035 (0,099)
Константа	-0,611 (2,266)	-0,639 (2,252)	-3,577 (2,564)	-5,642 (4,041)
Число революций	222	222	222	206
Число наблюдений	6911	6911	6910	5522
Log Likelihood	-919,218	-919,228	-898,126	-794,968
Akaike Inf. Crit.	1872,436	1874,456	1836,252	1629,936
<i>Примечание: *$p < 0,1$; **$p < 0,05$; ***$p < 0,01$; в скобках – устойчивые кластеризованные на регион стандартные ошибки. Фиксированные эффекты на регион и десятилетний период.</i>				

Представление результатов в табличном виде затрудняет их интерпретацию, поэтому нам необходимо вычислить предельные эффекты и предсказанные моделью вероятности. На рис. 2 визуализированы условные вероятности начала вооруженных и невооруженных революционных выступлений при разных уровнях ВВП на душу. На левом графике (см. рис. 2) показана вероятность начала вооруженной революции по мере роста государственного долга (по оси абсцисс) в зависимости от уровня доходов страны: красная линия показывает эффект для бедных стран (10-й перцентиль ВВП на душу), а сине-зеленая – для богатых (90-й перцентиль). Правый график показывает аналогичные расчеты, но для невооруженных революций. Видно, что есть значимая разница в эффекте госдолга на вероятность начала вооруженных революционных выступлений между бедными и богатыми странами. Так, по мере роста государственного долга в бедных странах сильно растет риск начала вооруженной революции, а в богатых происходит небольшое снижение. Отметим, что увеличение государственного долга с минимальных до максимальных значений среди бедных стран повышает вероятность вооруженной революции в среднем с 0,09 % вплоть до 6,8 %. При этом для богатых стран вероятность вооруженной кампании стремится к нулю (речь идет про те самые развитые страны с высоким показателем государственного долга, такие как Япония, Сингапур и США). В целом этот график говорит в пользу нашей первой гипотезы.

Однако на правом графике (см. рис. 2), где показаны условные вероятности начала невооруженных революций от уровня госдолга между богатыми и бедными странами, видно отсутствие значимых отличий между кривыми. В связи с этим мы не можем принять вторую гипотезу. Однако достаточно примечательным представляется то обстоятельство, что и бедные, и богатые страны изначально имеют вероятность возникновения невооруженной кампании выше, чем вооруженной, но при высоком госдолге вероятность возникновения вооруженной кампании у бедной страны фактически уравнивается с вероятностью начала невооруженной кампании и у бедных, и у богатых стран.

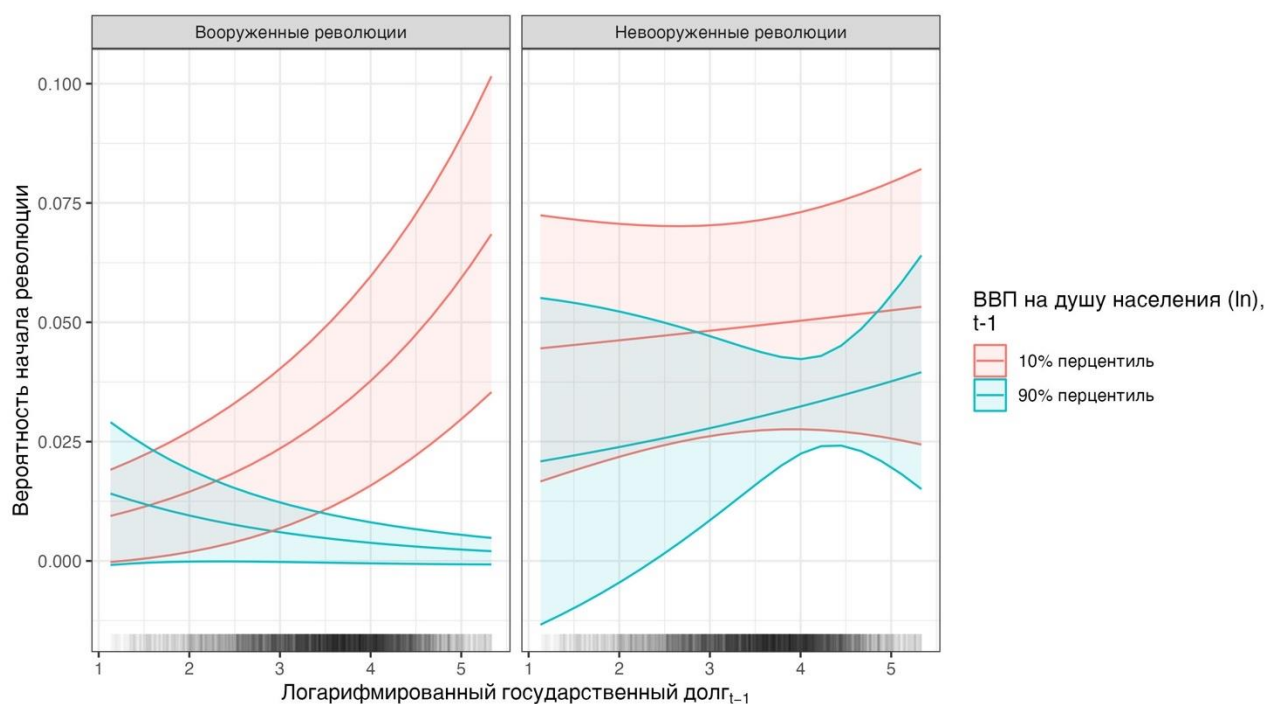

Рис. 2. Условные вероятности начала вооруженного и невооруженного революционного выступления; 10-й и 90-й перцентили ВВП на душу населения. NAVCO 1.3 + ЦИСП, 1950–2024 / Fig.2 Conditional probabilities of armed and unarmed revolutionary campaign onset, with 10th and 90th percentiles of GDP per capita. NAVCO 1.3 and TsISR (Center for the Study of Social Revolutions), 1950–2024

Заключение

Настоящая работа рассматривает взаимосвязь фискальной устойчивости и вероятности возникновения революционной нестабильности. На удивление, современные исследователи не склонны воспринимать фискальную устойчивость как самостоятельную переменную, предпочитая присуждать ей роль одного из компонентов государственной состоятельности. Кроме того, фискальная устойчивость, как правило, понимается в налоговых терминах, что не позволяет отследить кумулятивного характера финансовых проблем. В этой работе мы предлагаем другую операционализацию фискальной устойчивости – государственный долг как процент от ВВП страны, что улавливает кумулятивную природу кризиса государственного бюджета.

В ходе работы нами были предложены две гипотезы, которые предполагают наличие разных эффектов от роста государственного долга на возникновение революций среди бедных и богатых стран: в бедных странах накопление обязательств приводит к росту рисков вооруженной революционной дестабилизации, а в богатых, наоборот, их уменьшает. Такое различие мы объясняем разной логикой увеличения государственного долга среди богатых и бедных стран: для первых стран заимствования скорее являются признаком стремления правительства к дифференциации бюджетной политики, в то время как для вторых это индикатор нарастающих проблем. Такие проблемы, с одной стороны, ослабляют государственный аппарат, который теряет возможности для финансирования силовых структур и армии, а с другой стороны, создает окно возможностей для вооруженной оппозиции. При этом в случае с невооруженными революциями данная теоретическая цепочка несколько контринтуитивным образом не прослеживается: по мере роста государственного долга риск начала такого эпизода возрастает лишь немного – и при этом как в бедных, так и в богатых странах.

Список литературы / References

- Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (2020) 'Методологические пояснения к исследованию революционных событий', *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 11, сс. 853–861. [Grinin, L. E., Korotayev, A. V. (2020) 'Methodological explanations for the study of revolutionary events', *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov = Systemic Monitoring of Global and Regional Risks*, 11, pp. 853–861. (in Russ.)].
- Коротаев, А., Гринин, Л., Устюжанин, В. (2024) База данных по революционным событиям XXI века. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024622477, 05.06.2024. Заявка № 2024622215 от 31.05.2024. <https://elibrary.ru/item.asp?id=67982065>. Размещена в сети Интернет по адресу https://social.hse.ru/mr/rev_bd [Korotayev A., Grinin L., Ustyuzhanin V. (2024) Database of revolutionary events of the 21st century. Database registration certificate RU 2024622477, 05.06.2024. Application No. 2024622215 dated 31.05.2024. <https://elibrary.ru/item.asp?id=67982065>. Posted on the Internet at https://social.hse.ru/mr/rev_bd]
- Коротаев, А., Гринин, Л., Устюжанин, В., Файн, Е. (2025) 'Пятое поколение исследований революции. Систематический обзор', *Логос*, 35(1), сс. 191–316. [Korotayev, A., Grinin, L., Ustyuzhanin, V., Fain, E. (2025) 'The Fifth Generation of Revolution Studies. A Systematic Review', *Logos*, 35(1), pp. 191–316. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-1-193-296>
- Костин, М. С., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (2023) 'Революционный процесс в 2022 г.'. История и современность, 3, сс. 190–216. [Kostin, M., Grinin, L., Korotayev, A. (2023) 'Revolutionary Process in 2022', *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity*, 3, pp. 190–216. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30884/iis/2023.03.14>
- Филин, Н. А., Кокликов, В. О., Малков, С. Ю., Коротаев, А. В. (2020) 'Анализ уровня социально-политической нестабильности в Иране: современное состояние и прогноз', *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 11, сс. 558–591 [Filin, N. A., Koklikov, V. O., Malkov, S. Y., Korotayev, A. V. (2020) 'Analysis of the level of socio-political instability in Iran: current state and forecast', *Systemic monitoring of global and regional risks*, 11, pp. 558–591. (In Russ.)].
- Arias, E., Stasavage, D. (2019) 'How large are the political costs of fiscal austerity?' *The Journal of Politics*, 81(4), pp. 1517–1522.
- Beissinger, M. R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton University Press.
- Beissinger, M. R. (2023) Location and Rebellion: Rethinking the Relationship between Revolution and State Power. Paper presented at the APSA meetings. pp. 1-45.
- Besley, T., Persson, T. (2011) 'The logic of political violence', *The quarterly journal of economics*, 126(3), pp. 1411–1445.
- Boston University Global Development Policy Center. (2024) Chinese Loans to Africa Database. Available at: <http://bu.edu/gdp/chinese-loans-to-africa-database>.
- Cárdenas, M., Tuzemen, D. (2010) *Under-investment in state capacity: the role of inequality and political instability*. Washington, DC: Brookings Institution.
- Cheibub, J.A. (1998) 'Political regimes and the extractive capacity of governments: Taxation in democracies and dictatorships', *World politics*, 50(3), pp. 349–376.
- Chenoweth, E., Shay, C. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Harvard Dataverse.
- Chenoweth, E., Shay, C. (2022) 'Updating nonviolent campaigns: Introducing NAVCO 2.1', *Journal of Peace Research*, 59(6), pp. 876–889.
- Collier, P., Hoeffler, A. (2004) Greed and grievance in civil war. *Oxford economic papers*, 56(4), pp. 563–595.
- Coppedge, M., Gerring, J., Knutsen, C.H., et al. (2025) V-dem [country–year/country–date] dataset v15. varieties of democracy (v-dem) project. <https://v-dem.net/data/the-v-dem-dataset/country-year-v-dem-fullothers-v15/>
- Davies, J. (1962). 'Toward a Theory of Revolution,' *American Sociological Review*, 47(3), pp. 5–19.
- Eichengreen, B., Hausmann, R., Panizza, U. (2007) 'Currency mismatches, debt intolerance, and the original sin: Why they are not the same and why it matters'. In: *Capital Controls and Capital Flows in Emerging*

- Economies: Policies, Practices, and Consequences*. University of Chicago Press, pp. 121–170.
- Gapminder (2025) GDP per Capita in Constant PPP Dollars (V30). <https://www.gapminder.org/data/documentation/gd001/>.
- Goldstone, J. A. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World: Population Change and State Breakdown in England, France, Turkey, and China, 1600-1850*. Routledge.
- Goldstone, J.A. (2001) Toward a fourth generation of revolutionary theory. *Annual Review of Political Science* 4(1): 139–187.
- Gritten D (2026) Footage shows violent clashes as Iran protests spread to more areas. BBC. Available at: <https://www.bbc.com/news/articles/cgm4y0ewe93o>.
- Gurr, T. (1968). 'A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices', *American Political Science Review* 62(4), pp. 1104–1124.
- IntelliNews (2025) Iranian government debt to central bank surges 98% in 12 months. Available at: <https://www.intellinews.com/iranian-government-debt-to-central-bank-surges-98-in-12-months-415849/>.
- Korotayev, A., Grinin, L., Ustyuzhanin, V., et al. (2025a) 'The Fifth Generation of Revolution Studies. Part I: When, Why, and How Did It Emerge', *Critical Sociology*, 51(2), pp. 257–282. <https://doi.org/10.1177/08969205241300596>
- Korotayev, A., Ustyuzhanin, V., Grinin, L., et al. (2025b) 'The fifth generation of revolution studies. Part II: A systematic review of substantive findings (Revolution Causes, Forms, and Waves)', *Critical Sociology*, 51(3), pp. 429–450. <https://doi.org/10.1177/08969205241300595>
- Korotayev, A., Fain, E., Ustyuzhanin, V., et al. (2025c) 'The Fifth Generation of Revolution Studies. Part III: A Systematic Review of Substantive Findings (Repression, Success, and Outcomes of Revolutions)', *Critical Sociology*. 51(4-5), pp. 569–577. <https://doi.org/10.1177/08969205241300597>
- Kosmidis, I., Firth, D. (2021) Jeffreys-prior penalty, finiteness and shrinkage in binomial-response generalized linear models. *Biometrika*, 108(1), pp. 71–82.
- Lawson, G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mbaye, S., Badia, M.M.M., Chae, K. (2018) *Global Debt Database: Methodology and Sources*. International Monetary Fund.
- Okoth, B. (2025) African countries with most IMF debt. *TRT Afrika*. Available at: <https://www.trtafrika.com/english/article/c8ade0d21d84>.
- Pescatori, M.A., Sandri, M.D., Simon, J. (2014) *Debt and Growth: Is There a Magic Threshold?* International Monetary Fund.
- Ponticelli, J., Voth, H.-J. (2020) 'Austerity and anarchy: Budget cuts and social unrest in Europe, 1919–2008', *Journal of Comparative Economics*, 48(1), 1–19.
- Skocpol, T. (1979) *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge University Press.
- Stasavage, D. (2011) *States of Credit: Size, Power, and the Development of European Polities*. Princeton University Press.
- Thies, C.G. (2010) 'Of rulers, rebels, and revenue: State capacity, civil war onset, and primary commodities', *Journal of peace research*, 47(3), pp. 321–332.
- Thies, C.G. (2015) 'State fiscal capacity and state failure', *European Political Science Review*, 7(2), pp. 167–187.
- Tilly, C. (Ed.) (1975) *The formation of national states in Western Europe*. Princeton University Press.
- Tilly, C. (2017) 'War making and state making as organized crime'. In: *Collective Violence, Contentious Politics, and Social Change*. Routledge, pp. 121–139.
- United Nations (2024) World Population Prospects 2024. Available at: <https://population.un.org/wpp>.
- Ustyuzhanin, V., Korotayev, A., Semichev, D. (2025) Revolutions Dataset. Available at: https://social.hse.ru/mr/rev_bd
- Verriet, J., Bosch, R. (2015) Total Gross Central Government Debt as a Percentage of GDP. IISH Data Collection. Available at: <https://hdl.handle.net/10622/YXFPRL>.
- World Bank (2011) *The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium*. World Bank Publications - Books 2252. The World Bank Group. Available at: <https://ideas.repec.org/b/wbk/wbpubs/2252.html>.
- World Bank (2025) *World Development Indicators Online*. Washington DC: World Bank. <http://data.worldbank.org/indicator>

Статья поступила в редакцию: 01.02.2026

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 25.03.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Гусейнов Руслан Исмаилович, стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков.

E-mail: rguseynov@hse.ru (ORCID: [0009-0000-1156-9495](https://orcid.org/0009-0000-1156-9495)).

Устюжанин Вадим Витальевич, младший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков.

E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru (ORCID: [0000-0003-3800-1108](https://orcid.org/0000-0003-3800-1108)).

Коротаяев Андрей Витальевич, профессор, доктор исторических наук, директор Центра изучения стабильности и рисков,

E-mail: akorotayev@gmail.com (ORCID: [0000-0003-3014-2037](https://orcid.org/0000-0003-3014-2037)).

Information about authors

Ruslan I. Guseinov, Junior Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis.

E-mail: rguseynov@hse.ru (ORCID: [0009-0000-1156-9495](https://orcid.org/0009-0000-1156-9495)).

Vadim V. Ustyuzhanin, Junior Research Fellow, Centre for Stability and Risk Analysis.

E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru (ORCID: [0000-0003-3800-1108](https://orcid.org/0000-0003-3800-1108)).

Andrey V. Korotayev, Professor, Doctor of Sciences (in History), Director, Centre for Stability and Risk Analysis.

E-mail: akorotayev@gmail.com (ORCID: [0000-0003-3014-2037](https://orcid.org/0000-0003-3014-2037)).

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-28-37

ДИАЛЕКТИКА РЕГИОНАЛИЗМА И ГЛОБАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Д. К. Стожко К. П. Стожко

Стожко Дмитрий Константинович,

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация.

Стожко Константин Петрович,

Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Российская Федерация.

Аннотация

В настоящее время в условиях геополитического кризиса и формирования многополярной модели мира существенным образом меняются характер и содержание процессов формирования и управления всей системой международных отношений. Мировой кризис глобализма находит свое проявление в девальвации норм международного права, принципов открытой экономики, в практике санкционных войн, разрушении сложившихся глобальных логистических коммуникаций, ухудшении экологической ситуации, растущей геополитической напряженности. В связи с этим перед наукой встает проблема соотнесения и оценки регионализации и глобализации в условиях современного геополитического кризиса. Исследование осуществлено на основе компаративного, системного и институционального анализа процессов регионализации и глобализации. Определены основные гносеологические и аксиологические подходы к определению сущности, характера и специфики регионализации глобального управления в контексте новой реальности. Целью исследования является осмысление места и роли регионализации и глобализации в контексте развития современного глобализма. В статье дается системный анализ представлений о регионализации и глобализации, сформулировано положение об их диалектическом единстве. Данные процессы рассмотрены как практики управления постановкой и решением глобальных проблем современности. Раскрыты морфология и основные тренды в развитии современной регионализации. Выявлены существующие в современной науке точки зрения по вопросам характера, динамики и направлений развития современной регионализации и глобализации. На основе проведенного исследования сделан вывод о двойственном характере регионализации процесса управления постановкой и решением глобальных проблем – как процесса фрагментации глобализма и как процесса интеграции локальных сообществ на трансрегиональном уровне.

Ключевые слова: глобализация; глобальные проблемы; глобальное регулирование; глокализация; децентрализация; международные институты; регион; регионализм; регионализация

Для цитирования: Стожко, Д. К., Стожко, К. П. (2026) 'Диалектика регионализма и глобализма в контексте современного геополитического кризиса', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 28–37. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-28-37

DIALECTICS OF REGIONALISM AND GLOBALISM IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY GEOPOLITICAL CRISIS

D. K. Stozhko, K. P. Stozhko

Dmitry K. Stozhko,

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation.

Konstantin P. Stozhko,

Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russian Federation.

Abstract

Amid a geopolitical crisis and the emergence of a multipolar world order, the formation and governance of the international system, as well as the influence of globalization and regionalization, are undergoing significant change. The crisis of globalism is reflected in the weakening of international law and open-economy principles, the use of sanctions wars, the disruption of global logistics networks, worsening environmental conditions, and rising geopolitical tensions. Against this backdrop, scholars face the challenge of assessing and correlating regionalization and globalization in the current geopolitical context. This study employs a comparative, systemic, and institutional analysis of these processes. Key epistemological and axiological approaches to defining the essence and specifics of regionalization in global governance under new conditions are identified. The study clarifies the role of regionalization and globalization in contemporary globalism, offering a systemic analysis of both concepts and arguing for their dialectical unity. These processes are examined as practices for managing the formulation and resolution of contemporary global problems, revealing the morphology and main trends of current regionalization. The study identifies key scholarly perspectives on the nature and dynamics of regionalization and globalization, concluding that regionalization has a dual character: it both fragments globalism and integrates local communities at the transregional level.

Keywords: globalization; global problems; global governance; glocalization; decentralization; international institutions; region; regionalism; regionalization

For citation: Stozhko, D. K., Stozhko, K. P. (2026) 'Dialectics of regionalism and globalism in the context of the contemporary geopolitical crisis', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 28-37. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-28-37

Введение

Регионализация и глобализация представляют собой диалектическое единство, характеризующее новую реальность. Оно раскрывается в самом характере процесса исторического развития, который носит не прямолинейный, а циклический характер. Фазы расширения глобализационных процессов в рамках такого циклического характера исторического развития чередуются с фазами их сжатия и регионализации.

Среди наиболее очевидных причин, определяющих динамику, характер и соотношение глобализации и регионализации, можно назвать те, которые связаны с управлением глобальными процессами, состоянием самих глобальных проблем, последствиями геополитического, глобального макроэкономического и экологического кризисов, переходом к новому технологическому укладу и т.д.

Так, если говорить об управлении глобальными процессами, то снижение качества управления и кризисные явления в этой сфере привели уже к тому, что традиционные глобальные международные институты, призванные осуществлять такое управление, либо не справляются, либо плохо справляются со своими функциями. Соответственно, возникает необходимость в адаптации либо в изменении и дополнении сложившейся системы управления глобальными процессами иными институтами, среди которых особое место в условиях современного геополитического кризиса занимают региональные и трансрегиональные структуры. Чем острее оказывается ситуация в той или иной области глобальных процессов, тем настоятельнее становятся адаптация и дополняемость сложившейся системы управления в ней, обновления (модернизации) этой системы.

Целью исследования является осмысление места и роли регионализации и глобализации в контексте развития современного глобализма.

Методология исследования

Исследование осуществлено на основе компаративного, системного и институционального анализа процесса регионализации практики глобального управления в современных условиях. Объектом исследования является диалектика глобализации и регионализации управления. Предмет исследования – теория и практика регионализации и глобализация в условиях современного геополитического кризиса.

Дискуссии и обсуждения

В условиях современного геополитического кризиса наиболее динамично стали развиваться процессы регионализации в глобальном мировом пространстве. Проблемы регионализации и регионализма активно обсуждаются в современной науке. Ключевыми вопросами в этом отношении являются: 1) развитие концепций «региона»; 2) изменение роли регионов в процессе глобализации; 3) влияние региональных факторов на международные процессы; 4) взаимодействие между глобальным и региональным уровнями.

Основным аспектом в рамках обсуждения регионализации является вопрос о правомерности и границах ее противопоставления глобализации. С одной стороны, регионализацию рассматривают как своеобразную форму глобализации («глобальная регионализация», «геополитическая регионализация») и как особый этап процесса глобализации (Нарбут, 2023; Черняховский, 2025). С другой – регионализация трактуется как деглобализация (Комолов, 2021; Кокошин, Кокошина, 2023). Оба процесса (глобализация и регионализация) рассматриваются в их единстве, как соотносимые друг с другом, для чего используется термин «глокализация» (Robertson, 1992). Начало дискуссии по проблематике регионализации и регионализма относится к 80-м гг. XX в., когда появилась концепция «нового регионализма» шведских ученых Б. Хеттне и Ф. Содербаума. Суть этой концепции состояла в отходе от традиционных представлений (модель «вестфальского мироустройства»), согласно которым мир состоит из отдельных государств, и базировалась на представлении о том, что мировое устройство составляют регионы – «особые территориальные сообщества, являющиеся главными субъектами мирового и исторического развития» (Щипков, 2015: 89).

Под регионом понимается историческая, территориальная, социоприродная целостность, обладающая свойством ресурсной, технологической и этнокультурной самодостаточности для расширенного социального воспроизводства» (Абрамов, Куйбарь, 2008: 249). Это определение, однако, представляется не совсем точным, поскольку существуют и *дотационные* регионы (например, Арктический, Дальневосточный и др.), которые не в состоянии самостоятельно обеспечить у себя «расширенное социальное воспроизводство», что требует дальнейшего уточнения представлений о данном понятии и выражаемой через него реальности.

В литературе достаточно часто встречаются такие модальности региона, как аграрный регион, промышленный регион, старопромышленный регион, новый регион, макрорегион, микрорегион, мезорегион, пограничный регион, приграничный регион, монорегион и т.д. В целом исследователи выделяют шесть основных теоретико-методологических подходов к определению понятия «регион»: территориально-хозяйственный, административно-территориальный, территориально-географический, социальный, комплексный и системный (Бутенко, Мохаммади, 2020: 107).

Что касается понятия «регионализация», то им обозначается геополитическая фрагментация мира и процесс возрастания роли региональных факторов в мировом развитии (Хейфец, 2024). В науке выделяют два направления в регионализации: *bottom-up* – регионализацию как рост политической и экономической активности субъектов региона; *top-down* – регионализацию как формирование государственной региональной политики с учетом специфики развития регионов (Китинг, 2003). Выделяются также два основных ее типа: внутригосударственная – когда территориальные органы власти получают те или иные полномочия от центра в разных регионах; международная – когда полномочия региональных органов власти, получаемые ими от государства, выходят за рамки (границы) конкретного государства (страны). Особым явлением становится трансрегионализм. При этом регионализация может принимать различные разновидности: «регион как квазигосударство», «регион как квазикорпорация», «регион как рынок», «регион как социум» (Межевич, 2006).

По своей природе (механизму осуществления) регионализация также может быть представлена в разных вариациях: во-первых, как идущая снизу, из самого региона; во-вторых, как идущая сверху, от центра; в-третьих, как взаимно-направленная, идущая одновременно и снизу, и сверху (из центра и из региона). Можно также выделить экстенсивный вариант регионализации, когда ее триггером становится внешний (экстенсивный) фактор, и интенсивный вариант регионализации, когда она развивается за счет внутренних факторов. Например, освоение Сибири и Дальнего Востока русскими переселенцами сформировало экстенсивный вариант регионализации на этих территориях. А индустриализация, осуществленная в 30–50-х гг. XX в. в СССР стала интенсивным фактором регионализации за счет организации МТС и строительства промышленных предприятий не только в центре, но и в других регионах страны.

С позиций глобализации процесс регионализации можно рассматривать как процесс управления постановкой и решением глобальных проблем, двояко: с одной стороны, как процесс фрагментации глобализма, с другой – как процесс интеграции локальных сообществ.

Наконец, понятие «регионализм» также имеет свою смысловую нагрузку. Б. Хеттне определял регионализм как теорию и практику, направленную на развитие интеграции и сотрудничества в определенном регионе (Hettne et al., 2000). В настоящее время регионализм рассматривается как определенная мировоззренческая система, как «способ видения социального бытия и реальности и их интерпретации в рамках социального взаимодействия» (Докучаев, 2024: 164). Регионализм также трактуется как определенная политико-экономическая система, охватывающая несколько регионов, в которых происходят их политическая и экономическая кооперация, интеграция, диверсификация и специализация, посредством которых они принимают активное участие в решении общих задач, стоящих перед страной. В соответствии с этим различаются понятия «регион» и «макрорегион». Существует также определенное различие между понятиями «регион» и «макрорегион» внутри отдельной страны и мировыми регионами и макрорегионами, также между понятиями «субрегион», «новый регион», «регион мира». В связи с этим получили свое развитие теории нового регионализма, «мира регионов» (Лагутина, Михайленко, 2020).

Различают также открытый и закрытый, старый (традиционный) и новый регионализм (Бугров, 2021; Звягельская, 2022; Китинг, 2003). Исследователи нового регионализма особое внимание обращают именно на его международный аспект, обусловленный формированием глобального мира, процессами глобализации и необходимостью совместно решать стоящие перед странами глобальные проблемы. Однако в условиях глобального геополитического кризиса этот аспект может либо быть сведен к сугубо регионально-территориальному уровню (трансрегионализм), либо стать замещающим вариантом тех процессов и институтов, которые оказываются по тем или иным причинам недееспособными. Примеров этому достаточно много: так, например, Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) существовало с 1947 по 1995 г., когда оно было заменено Всемирной торговой организацией (ВТО); то же произошло и с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС), просуществовавшим с 2001 по 2014 г. и уступившим свое место Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), и т.д.

Накопленный в науке теоретический опыт анализа регионализации и глобализации позволяет рассматривать их как две стороны одного явления – современного глобального мира, в котором регионализм и регионализация приобретают особое значение. Это и есть глокализация – усиление проявлений регионализма во всех сферах общественной жизни, объективная реакция на процессы глобализации, тенденция, определяющая развитие международных отношений в условиях новой реальности.

Глобальный мир в условиях геополитического кризиса

Современный глобальный геополитический кризис привел к ситуации, когда «весь мир с множеством взаимодействующих и противоборствующих субъектов в основном лишь стихийно саморегулируется и никак не управляется», а «абсолютное большинство субъектов международных отношений занято решением в основном тактических задач локального и регионального масштаба» (Чумаков, 2018: 5, 11).

Как показывает практика последних десятилетий, в современном мире любая страна, какой бы развитой она ни была, не может в одиночку решать стоящие перед ней глобальные проблемы. В связи с этим необходимы определенные транснациональные институты, их модернизация в соответствии с вызовами времени. Одним (устаревающим) геополитическим институтам реально и эффективно могут противостоять только другие (новые) геополитические институты. Существующий тренд на полицентричность современного мира играет роль триггера в модернизации транснациональных институтов и появлении новых, которые создают, структурируют и осваивают свои региональные и трансрегиональные политические, экономические и культурные пространства. Именно поэтому внимание к глобальным институтам регулирования в последние десятилетия только растет.

Особый вопрос в этой области исследований – роль бюрократии в формировании и функционировании таких транснациональных институтов, которые осуществляют управление в той или иной сфере международных взаимоотношений. Сегодня можно говорить о ключевой роли бюрократии в международных институтах, которая во многом определяет их форму, содержание деятельности и организационное поведение. Бюрократия также создает, распространяет символы, смыслы, нормы и правила и даже формулирует новые интересы для государств (Мизес, 1993).

В целом современные международные (транснациональные, глобалистские) институты в своем большинстве не ограничивают и не могут ограничить конфликты и гарантировать мир. Это было бы «фальшивым обещанием» с их стороны (Миршаймер, 2024), что только обостряет проблему международной безопасности. Действительно, в рамках регионализации современного мира формирующиеся новые национальные институты далеко не всегда справляются с заявленными ими целями и задачами. В определенных ситуациях формирование национальных институтов в рамках, установленных международными организациями, может оказаться для отдельных экономик институциональной ловушкой, блокирующей деятельность других институтов. Особые риски возникают при т.н. «трансплантации» транснациональных и национальных институтов в меняющейся глобальной ситуации, что ведет к ускорению институционального развития, но одновременно повышает риски появления разного рода «институциональных ловушек» и «опасности отторжения или дисфункции трансплантируемых институтов» (Полтерович, 2001: 24).

При этом ослабление отдельных транснациональных (государственных и негосударственных) институтов, или кризис доверия к международным институтам, порой рассматривается как возможность для России усилить и расширить свое влияние на формирование современного миропорядка (Комлева, 2024: 188). Необходимо учитывать, что кризис или даже простое ослабление таких институтов разрушает не только международное право и международные отношения, которые сложились на текущий момент и к формированию которых эти институты были причастны, но и создает существенные глобальные риски, например, угрозу новой мировой войны, возникновение эпидемий и голода и т.д. Так, в 2021 г. около 193 млн чел. в 53 странах мира столкнулись с острой нехваткой продовольствия¹. И решать эту проблему ни Россия, ни США, никакая другая страна в отдельности не способны, поскольку преодоление угрозы планетарного голода – это глобальная проблема, как и преодоление энергетических кризисов, изменение климата, перенаселение, рост социального и экономического неравенства и т.д.

При всей справедливости выявления причин ослабления одних глобальных (международных) институтов (ООН, G7, G20, ЕС) необходимо отметить растущее влияние других институтов (БРИКС, ОПЕК, ШОС и др.), что означает перерастание процесса регионализации в новое качество – межрегиональную интеграцию (трансрегионализм). Но трансрегиональные институты (ШОС, БРИКС, ОПЕК и проч.) вряд ли могут стать заменой ООН: такой задачи они перед собой и не ставят. Следовательно, необходимо укрепление ООН и иных международных (глобальных) институтов в контексте укрепления глобальной политической, экономической, экологической, продовольственной, технологической и военной безопасности. А «попытки грубо перестроить мир под свои интересы в нарушение ооновских принципов способны привести в международные дела еще больше нестабильности и конфронтации, вплоть до катастрофических сценариев» (Лавров, 2025: 57).

Наблюдаемые процессы (с одной стороны, глобализация, с другой – регионализация и межрегионализация) позволяют рассматривать современный глобальный мир как систему центростремительных связей, когда региональные акторы (АС, ЕС, ОБСЕ, ОДКБ, ОИС и др.) более активно оказывают свое влияние на центр, в данном случае помогая ООН осуществлять предусмотренные ее Уставом функции. Соответственно, принцип централизованного (коллективного и равноправного) управления глобальными процессами не снимается с повестки дня. Эта практика предусмотрена главой VIII Устава ООН (ст. 52–54) и включает такие направления деятельности, как мирное разрешение споров (ст. 52), применение мер безопасности (ст. 53), защиту прав человека, адаптацию к новым рискам и угрозам. В качестве примера такой практики можно назвать установление единых стандартов качества, норм конкуренции и экологических требований со стороны Европейского союза (ЕС) для стран ЕС и третьих стран, осуществляющих торговлю с ЕС и стремящихся к вступлению в эту международную региональную организацию. Другой пример – деятельность АСЕАН, осуществляющей меры по борьбе с трансграничным и глобальным загрязнением окружающей среды.

Следует обратить внимание на то, что при переходе к новой многополярной модели мира развиваются новые региональные и трансрегиональные институты, которые начинают самостоятельно выполнять функции глобального регулирования вне ООН (Гребнев, 2025: 72). Эти обстоятельства позволяют объяснить и многие из последних событий в мире: выход США из Парижского соглашения (2017), создание Д. Трампом «Совета Мира», выход США из ряда организаций, в т.ч. по климату (январь 2016 г.) и др. Можно сказать, что именно новые региональные и трансрегиональные институты

¹ Global Report on Food Crises: Acute food insecurity hits new highs. 2022 [online]. Available at: https://civil-protection-humanitarian-aid.ec.europa.eu/news-stories/news/global-report-food-crises-acute-food-insecurity-hits-new-highs-2022-05-04_en (accessed: 22.01.2026).

начинают играть наиболее важную роль в условиях кризиса современного глобализма, что позволяет говорить о формировании новой системы регулирования, в большей мере соответствующей национальным интересам многих стран мира, и эта система содействует реализации их национальных интересов (Там же: 75).

Анализ ситуации осложняет и тот факт, что «рассматриваемый процесс имеет сложный субъектный состав, обеспечивающий многосторонние форматы реализации глобального регулирования» (Там же: 74). С одной стороны, децентрализация, которая диверсифицирует «источники мировой политики», способствует появлению новых региональных структур, включению их в геополитические процессы, в глобальную политику. С другой стороны, уже существующие международные институты продолжают сохранять свое значение и участие в глобальном регулировании. Поэтому трансформация (децентрализация) глобального регулирования международных отношений предполагает изменение характера деятельности ООН, ее структур, а также других международных организаций, учитывающих процессы формирования многополярного мира и интересы новых «центров силы» (Там же).

Трансрегионализм vs глобализм

Особое значение в понимании диалектики регионализации и глобализации играет феномен трансрегионализма (Кузнецова, 2016: 18). «Трансрегионализм предусматривает формирование общих пространств, которые объединяют регионы, принижают их (пространство свободной торговли, особые экономические зоны и др.) и имеют тесные взаимосвязи друг с другом» (Лебедева, Кузнецов, 2019). Собственно говоря, БРИКС, ШОС и многие другие международные институты – это и есть трансрегиональные структуры. Хотя, как и в отношении к регионализму, в науке до сих пор все еще не сложилось единого подхода к феномену трансрегионализма.

С другой стороны, формирование многополярного мира в определенном смысле происходит хаотично, с серьезными сбоями и издержками, и «далеко не каждый вид международных отношений может относиться к объектам глобального регулирования» (Гребнев, 2025: 74). Это обусловлено действием закона неравномерного развития капитализма, усугубляющегося особенно в условиях современного «нового империализма» – неоимпериализма (Курапов, 2025).

Представляется правомерным рассматривать современный процесс децентрализации глобального регулирования в контексте двух основных тенденций развития современного глобализма: с одной стороны, центристской тенденции к централизации, концентрации и консолидации; с другой стороны, центробежной тенденции к децентрализации, фрагментации и регионализации мира. Естественно, что при доминировании одной из двух названных тенденций нарушается динамическое глобальное равновесие и начинается откат в сторону другой. Существуют самые разные предпосылки как централизации, так и децентрализации глобального управления. Но излишний оптимизм по поводу регионализации вряд ли уместен. «Не имея адекватной системы управления мировое сообщество перед лицом принципиально новых вызовов и задач все больше втягивается в ситуацию неопределенности и нарастания противоречий» (Чумаков, 2018: 5).

Заключение

Регионализация в контексте современного глобального управления и глобализации является важнейшим трендом международной политики. Границы между регионализацией и глобализацией достаточно размыты (Langenhove, 2011: 126). Иными словами, глобализация включает в свою орбиту как сугубо глобальные, так и региональные и трансрегиональные процессы (Sassen, 2003: 2), в том числе формирование транснациональных институтов, таких как БРИКС, ШОС и др. (Kumar, Thomas, 2022; Lissovolik, 2023), касающихся управления на региональном и трансрегиональном уровнях, в частности, экономического и торгового развития (Campos et al., 2023; Dadush, Dominiguez Prost, 2023). Особым направлением в исследованиях процессов регионализации в современном глобальном мире стали эмпирические работы, посвященные анализу региональной динамики (Kong et al., 2022; Sutton et al., 2023). Выдвинутая в 1990-е гг. американским исследователем Дж. Розенау (1924–2011) концепция глобального управления (*global governance*) предполагала жесткий централизм в системе такого управления и установление гегемонии США в мире (Rosenau, 1998: 252–273). В это же время появилась известная книга З. Бжезинского «Великая шахматная доска» (1997), в которой, пользуясь моментом (распадом в 1991 г. Советского Союза), он обосновал идею американского мирового гегемонизма и сделал вывод: «Масштабы и влияние Соединенных Штатов Америки как мировой державы сегодня

уникальны» (Бжезинский, 2023: 44). Однако уже тогда глобализация справедливо рассматривалась отдельными авторами в контексте фрагментации (Clark, 1997). Наконец, в 2014 г. появилась книга Г. Киссинджера «Мировой порядок» (на русском языке опубликована в 2024 г.), в которой автор, защищая установленный США мировой порядок, тем не менее признал, что «ключевой вопрос при построении мирового порядка неизбежно затрагивает сущность объединяющих его принципов, в которых и состоит кардинальное различие между западным и незападным подходами к миропорядку» (Киссинджер, 2024: 471). Таким образом, было признано, что модель моноцентричного мира с западными принципами в основе более не подходит самому миру, а существование единого миропорядка при кардинальном различии западного и незападного подходов в этом вопросе невозможно: «Теперь этот период закончился» (Там же: 472).

Достижение баланса в распределении сфер компетенции на глобальном, трансрегиональном и региональном уровнях системы управления требует дальнейшей более глубокой научной проработки вновь возникающих вопросов, которые порождает новая реальность и решение которых пока что остается проблематичным. С связи с этим необходимы переосмысление диалектики регионализма и глобализма, более четкое определение их предметного поля и сфер компетенции институтов глобального, трансрегионального и регионального управления, изучение их меняющихся характера, динамики и роли в современных условиях.

Список литературы / References

- Абрамов, Ю. А., Куйбарь, В. И. (2008) 'Глобальная регионализация: к обоснованию понятия', *Социально-гуманитарные знания*, 1, сс. 242–250. [Abramov, Yu. A., Kuibar', V. I. (2008) 'Global regionalization: towards a substantiation of the concept', *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 1, pp. 242–250. (In Russ.)].
- Бжезинский, З. (2023) *Великая шахматная доска*. Москва: АСТ, 384 с. [Brzezinski, Z. (2023) *The Grand Chessboard*. Moscow: AST, 384 p. (In Russ.)].
- Бугров, Р. В. (2021) '«Новый регионализм» как стратегия для европейского союза в условиях кризиса', *Современная Европа*, 6, сс. 42–51. DOI: 10.15211/soveurope620214251 [Bugrov, R. V. (2021) "«New Regionalism» as a Strategy for the European Union in Times of Crisis", *Modern Europe*, 6, pp. 42–51. DOI: 10.15211/soveurope620214251 (In Russ.)].
- Бутенко, В. А., Мохаммади, Ш. (2020) 'Регионализация и «новый» регионализм', *Право и политика*, 7, сс. 105–113. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.7.33203 [Butenko, V. A., Mokhammad, Sh. (2020) 'Regionalization and the "new" regionalism', *Law and Politics*, 7, pp. 105–113. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.7.33203 (In Russ.)].
- Гребнев, Р. Д. (2025) 'Децентрализация глобального регулирования международных отношений в контексте формирования многополярного миропорядка', *Век глобализации*, 3, сс. 71–84. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.06 [Grebnev, R. D. (2025) 'Decentralization of global regulation of international relations in the context of the formation of a multipolar world order', *Age of Globalization*, 3, pp. 71–84. DOI: 10.30884/vglob/2025.03.06 (In Russ.)].
- Докучаев, Д. С. (2024) 'Регионализм как мировоззренческая система', *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 4, сс. 162–167. DOI: 10.46726/H.2024.5.18 [Dokuchaev, D. S. 'Regionalism as a Worldview System', *Ivanovo State University Bulletin. Series "The Humanities"*, 4, pp. 162–167. DOI: 10.46726/H.2024.5.18 (In Russ.)].
- Звягельская, И. Д. (2022) 'Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока', *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 55–66. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.05 [Zvyagel'skaya, I. D. (2022) 'New Regionalism and Old Problems of the Middle East', *Polis. Political Studies*, 6, pp. 55–66. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.05 (In Russ.)].
- Киссинджер, Г. (2024) *Мировой порядок*. Москва: АСТ, 384 с. [Kissinger, G. (2024) *World Order*. Moscow: AST, 384 p. (In Russ.)].
- Китинг, М. (2003) 'Новый регионализм в Западной Европе', *Логос*, 6, сс. 67–116. [Kitting, M. (2003) 'The New Regionalism in Western Europe', *Logos*, 6, pp. 67–116. (In Russ.)].

- Кокошин, А. А., Кокошина, З. А. (2023) 'Процесс глобализации и деглобализации в условиях нарастающего противостояния США и КНР и интересы России', *Вестник Российской академии наук*, 93(10), сс. 942–954. DOI: 10.31857/S0869587323100080 [Kokoshin, A. A., Kokoshina, Z. A. (2023) 'The process of globalization and deglobalization in the context of growing confrontation between the USA and China and the interests of Russia', *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 93(10), pp. 942–954. DOI: 10.31857/S0869587323100080 (In Russ.)].
- Комлева, В. В. (2024) 'Кризис доверия международным институтам как фактор усиления влияния России', *Россия: общество, политика, история*, 12(3), сс. 180–193. DOI:10.56654/ROPI-2024-3(12)-180-193 [Komleva, V. V. (2024) 'The Crisis of Trust in International Institutions as a Factor in Strengthening Russia's Influence', *Russia: Society, Politics, History*, 12(3), pp. 180–193. DOI: 10.56654/ROPI-2024-3(12)-180-193 (In Russ.)].
- Комолов, О. О. (2021) 'Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике', *Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова*, 116(2), сс. 34–47. DOI:10.21686/2413-2829-2021-2-34-47 [Komolov, O. O. (2021) 'Deglobalization: New Trends and Challenges to the World Economy', *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 116(2), pp. 34–47. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-2-34-47 (In Russ.)].
- Кузнецов, Д. А. (2016) 'Феномен транс-регионализма: проблемы терминологии и концептуализации', *Сравнительная политика*, 7(2), сс. 14–25. [Kuznetsov, D. A. (2016) 'The Phenomenon of Trans-Regionalism: Problems of Terminology and Conceptualization', *Comparative Politics*, 7(2), pp. 14–25. (In Russ.)].
- Курапов, А. Е. (2025) 'Место теории неравномерного и комбинированного развития в современной науке о международных отношениях', *Общество: политика, экономика, право*, 7, сс. 72–78. DOI:10.24158/per.2025.7.9 [Kurapov, A. E. (2025) 'The Place of the Theory of Uneven and Combined Development in Modern Science of International Relations', *Society: Politics, Economics, Law*, 7, pp. 72–78. DOI: 10.24158/per.2025.7.9 (In Russ.)].
- Лавров, С. В. (2025) 'Правовым фундаментом многополярного мира должен стать Устав ООН', *Россия в глобальной политике*, 132(2), сс. 51–58. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-2-51-58 [Lavrov, S. V. (2025) 'The UN Charter should become the legal foundation of a multipolar world', *Russia in Global Affairs*, 132(2), pp. 51–58. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-2-51-58 (In Russ.)].
- Лагутина, М. Л., Михайленко, Е. Б. (2020) 'Регионализм в глобальную эпоху: обзор российских и международных подходов', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 20(2), сс. 261–278. DOI:10.22363/2313-0660-2020-20-2-261-278 [Lagutina, M. L., Mikhailenko, E. B. (2020) 'Regionalism in the Global Era: A Review of Russian and International Approaches', *Vestnik RUDN. International Relations*, 20(2), pp. 261–278. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-261-278 (In Russ.)].
- Лебедева, М. М., Кузнецов, Д. А. (2019) 'Трансрегионализм – новый феномен мировой политики', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 71–84. DOI:10.17976/jpps/2019.05.06 [Lebedeva, M. M., Kuznetsov, D. A. (2019) 'Transregionalism – a new phenomenon of world politics', *Polis. Political Studies*, 5, pp. 71–84. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06 (In Russ.)].
- Межевич, Н. М. (2006) 'Определение категории регион в современном научном дискурсе', *Псковский регионологический журнал*, 2, сс. 3–21. [Mezhevich, N. M. (2006) 'Definition of the category region in modern scientific discourse', *Pskov Journal of Regional Studies*, 2, pp. 3–21. (In Russ.)].
- Мизес, Л. фон (1993) *Бюрократия. Запланированный хаос*. Москва: Дело, 240 с. [Mises, L. von (1993) *Bureaucracy. Planned Chaos*. Moscow: Delo, 240 p. (In Russ.)].
- Миршаймер, Дж. (2024) *Великое заблуждение. Либеральные мечты и международные реалии*. Симферополь: Таврия, 440 с. [Mirshaimer, J. (2024) *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. Simferopol: Tavria, 440 p. (In Russ.)].

- Нарбут, Н. Н. (2023) 'Глобальная регионализация в контексте мирополитических процессов XXI века', *История. Культурология. Политология*, 1, сс. 55–59. [Narbut, N. N. (2023) 'Global regionalization in the context of world political processes of the 21st century', *History. Cultural Studies. Political Science*, 1, pp. 55–59. (In Russ.)].
- Полтерович, В. М. (2001) 'Трансплантация экономических институтов', *Экономическая наука современной России*, 3, сс. 24–50. [Polterovich, V. M. (2001) 'Transplantation of economic institutions', *Economic Science of Contemporary Russia*, 3, pp. 24–50. (In Russ.)].
- Хейфец, Б. А. (2024) 'Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики', *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 19(4), сс. 7–22. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-04-01 [Kheifets, B. A. (2024) 'Geopolitical regionalism and the new regionalization of the world economy', *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*, 19(4), pp. 7–22. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-04-01 (In Russ.)].
- Черняховский, Б. (2025) 'Регионализация как этап глобализации: современные тренды и влияние на мировую экономику', *Право и управление. XXI век*, 75(2), сс. 74–83. DOI: 10.24833/2073-8420-2025-2-75-74-83 [Chernyakhovskii, B. (2025) 'Regionalization as a Stage of Globalization: Modern Trends and Impact on the World Economy', *Law and Management. XXI Century*, 75(2), pp. 74–83. DOI: 10.24833/2073-8420-2025-2-75-74-83 (In Russ.)].
- Чумаков, А. Н. (2018) 'Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы', *Век глобализации*, 4, сс. 3–15. [Chumakov, A. N. (2018) 'The Main Trends of World Development: Realities and Prospects', *Age of Globalization*, 4, pp. 3–15. (In Russ.)].
- Щипков, В. А. (2015) 'Некоторые аспекты концепции Б. Хеттне «Новый регионализм»', *Историческая и социально-образовательная мысль*, 7(4), сс. 88–90. DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.4.088-090 [Shchipkov, V. A. (2015) 'Some aspects of B. Hettne's concept "New regionalism"', *Historical and socio-educational thought*, 7(4), pp. 88–90. DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.4.088-090 (In Russ.)].
- Campos, R. G., Estefania-Flores, J., Furceri, D., Timmini, J. (2023) 'Geopolitical Fragmentation and Trade', *Journal of Comparative Economics*, 51(4), pp. 1289–315. DOI: 10.1016/j.jce.2023.06.008
- Clark, I. (1997) *Globalization and fragmentation: International relations in the twentieth century*. New York: Oxford University Press, 232 p.
- Dadush, U., Dominguez Prost, E. (2023) 'Preferential Trade Agreements, Geopolitics and the Fragmentation of World Trade', *World Trade Review*, 22(2), pp. 278–94. DOI: 10.1017/S1474745623000022
- Hettne, B., Inotai, A., Sunkel, O. (2000) *National Perspectives on the New Regionalism in the South*. New York: St. Martin's Press, 318 p.
- Lissovlik, Ya. D. (2023) 'BRICS-Plus: The New Force in Global Governance', *Journal of International Analytics*, 14(1), pp. 138–148. DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-138-148
- Kong, L., Mu, X., Hu, G., Zhang, Z. (2022) 'The Application of Resilience Theory in Urban Development: A Literature Review', *Environmental Science and Pollution Research*, 29(33), pp. 49651–49671. DOI: 10.1007/s11356-022-20891-x
- Kumar, R., Thomas, B. (2022) 'BRICS in Global Governance: A Gradual but Steady Expansion', *Governance and Politics*, 1(1), pp. 100–113. DOI: 10.24833/2782-7062-2022-1-1-100-113
- Langenhove, L. van. (2011) *Building Regions: The Regionalization of the World Order*. Ashgate Publishing, p. 126.
- Robertson, R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: SAGE Publications, 224 p.
- Rosenau, J. N. (1998) *Powerful tendencies, enduring tensions and glaring contradictions: The United Nations in a Turbulent World. Between Sovereignty and Global Governance: The UN, the state and Civil Society*. New York: Houndmill, pp. 252–273.
- Sassen, S. (2003) 'Globalization or Denationalization', *Review of International Political Economy*, 10(1), pp. 1–22. DOI: 10.1080/0969229032000048853
- Sutton, J., Arcidiacono, A., Torrisi, G., Arku, R. N. (2023) 'Regional Economic Resilience: A Scoping Review', *Progress in Human Geography*, 47(4), pp. 500–532.

Статья поступила в редакцию: 23.01.2026

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 20.04.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Стожко Дмитрий Константинович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук.
E-mail: d.k.stozhko@mail.ru (ORCID: 0000-0003-3186-877X. Researcher ID: E-5833-2017).

Стожко Константин Петрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии.
E-mail: kostskp@mail.ru (ORCID: 0000-0001-6139-8030. Researcher ID: E-5839-2017).

Information about authors

Dmitry K. Stozhko, Candidate of Sciences (in Philosophy), Associate Professor, Department of Creative Management and Humanities,
E-mail: d.k.stozhko@mail.ru (ORCID: 0000-0003-3186-877X. Researcher ID: E-5833-2017).

Konstantin P. Stozhko, Doctor of Sciences (in History), Professor, Department of Philosophy,
E-mail: kostskp@mail.ru (ORCID: 0000-0001-6139-8030. Researcher ID: E-5839-2017).

Политические институты, процессы, технологии

УДК-32.019.52

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-38-51

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: ИНТЕГРАТИВНЫЕ И КОНФЛИКТНЫЕ АСПЕКТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

А. И. Кольба, А. Д. Лалетина

Кольба Алексей Иванович,

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация.

Лалетина Алина Дмитриевна,

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация.

Аннотация

Проведен анализ политического дискурса в интернет-коммуникациях городских и сельских сообществ Краснодарского края. Цель исследования – выявить содержательные составляющие конфликтных и интеграционных аспектов и механизмы их формирования на материалах Telegram-дискуссий по нескольким резонансным событиям 2024 г. Его теоретической базой стала концепция критического дискурс-анализа (Н. Фэркло, Т. ван Левен). Методика исследования строится на сочетании количественного контент-анализа и трехуровневого критического дискурс-анализа для текстового корпуса, картировании стратегий легитимации/делегитимации и их связи с аффективными паттернами. Его эмпирическая база включает 10 002 комментария из Telegram-каналов локальных сообществ городов Краснодара и Сочи, а также Северского и Темрюкского районов Краснодарского края. Анализ показал доминирование негативной тональности дискурса, нередко скрытой за иронией и риторическими вопросами, что отражает низкий уровень доверия к институтам власти. В рамках цифровых площадок происходят процессы усиления поляризации и создания каналов гражданской интеграции. В городских кейсах преобладает делегитимация управленческих решений при одновременной консолидации граждан вокруг ценностей городской среды и экологической безопасности. В сельских сообществах дискурс носит более персонифицированный и конфликтный характер, усиливая дихотомию «свой – чужие» и этническое фреймирование. Показано, что конфликтные эпизоды в цифровой коммуникации выполняют не только деструктивную, но и интегративную функцию, становясь триггерами выражения гражданской субъектности и форм горизонтальной солидарности. Полученные результаты позволяют рассматривать локальные интернет-сообщества как индикаторы общественных настроений и площадки формирования новых моделей легитимации снизу. Цифровая среда является пространством, в котором локальные сообщества не только выражают протест, но и формируют новые формы гражданской идентичности и участия.

Ключевые слова: локальные сообщества; политический дискурс; критический дискурс-анализ; интернет-коммуникации; непрофессиональный политический дискурс; цифросетевизация; гражданская солидарность; коммуникация

Для цитирования: Кольба, А. И., Лалетина, А. Д. (2026) 'Политический дискурс в интернет-коммуникациях локальных сообществ: интегративные и конфликтные аспекты (по материалам Краснодарского края)', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 38-51. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-38-51

Финансовая поддержка: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта №24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности» (<https://rscf.ru/project/24-18-20079/>).

**POLITICAL DISCOURSE IN ONLINE COMMUNICATIONS OF LOCAL COMMUNITIES:
INTEGRATIVE AND CONFLICT ASPECTS
(BASED ON MATERIALS FROM THE KRASNODAR REGION)**

A. I. Kolba, A. D. Laletina

Alexey I. Kolba,
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation.

Alina D. Laletina,
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation.

Abstract

An analysis of political discourse in online communications of urban and rural communities in Krasnodar Krai was conducted to identify key conflictual and integrative dynamics and their formation mechanisms, based on Telegram discussions of several high-profile events in 2024. The study is grounded in the framework of critical discourse analysis (N. Fairclough, T. van Leeuwen). The research methodology combines quantitative content analysis with a three-level critical discourse analysis of the text corpus, mapping legitimation and delegitimation strategies and their links to affective patterns. The empirical basis of the study consists of 10,002 Telegram comments from local community channels in Krasnodar, Sochi, the Seversky and Temryuk districts of Krasnodar Krai. The analysis revealed a dominance of negative discourse tonality, reflecting low trust in state institutions. Digital platforms show increasing polarization alongside emerging channels of civic integration. In urban communities, discourse is dominated by delegitimation of managerial decisions and cohesion around environmental and urban values, while rural discourse is more personalized and conflictual, reinforcing "us vs. them" and ethnic framing. Conflictual episodes in digital communication play both disruptive and integrative roles, fostering civic agency and solidarity. Overall, online communities reflect public sentiment and enable bottom-up legitimation, protest, and new civic identities.

Keywords: local communities; political discourse; critical discourse analysis; online communication; non-professional political discourse; digital networking; civic solidarity; communication

For citation: Kolba, A. I., Laletina, A. D. (2026) 'Political discourse in online communications of local communities: integrative and conflict aspects (based on materials from the Krasnodar region)', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 38-51. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-38-51

Funding: The research was supported by the grant program of the Russian Science Foundation and the Kuban Science Foundation, project no. 24-18-20079 «Urban and rural communities in the development policy of the Krasnodar region: practices of solidarity and conflict», <https://rscf.ru/project/24-18-20079>.

Введение

Быстрое развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на формирование общественного мнения. Цифровизация характеризуется рядом позитивных тенденций. Во-первых, человек вне зависимости от своего местоположения имеет доступ к практически любому виду информации. Во-вторых, граждане активнее вовлекаются в общественный диалог, поскольку появляется возможность обмена мнениями и быстрого, беспрепятственного обращения к органам власти. Однако нередко особенности функционирования интернет-платформ способствуют усилению общественной поляризации и распространению дезинформационных сообщений. Фрагментарность информационного пространства в совокупности с алгоритмами новостных лент создает так называемые информационные пузыри, в которые пользователи непреднамеренно помещаются социальными сетями.

В научном сообществе продолжается активная дискуссия о характере, масштабах и последствиях цифровизации, в том числе в сфере публичной политики. В современных исследованиях отмечается, что в цифровую эпоху расширяется состав субъектов политического дискурса. Это формирует парадигму многоуровневого гражданского общества, поскольку границы между локальной, региональной, национальной, международной повестками становятся все более размытыми. Проблемы, становящиеся предметом общественного внимания на локальном уровне, могут продвигаться как на более высокие этажи политического дискурса, так и распространяться в его пределах, в межмуниципальном

пространстве. Это дает субъектам локальной политики, прежде всего сообществам, новые возможности и ресурсы для защиты и реализации своих интересов в рамках дискурсивного пространства, формирующегося на основе интернет-коммуникаций.

Однако их структура и пределы использования на данном этапе недостаточно исследованы. В частности, важно определить возможный конструктивный и деструктивный потенциал дискурса, формирующегося в цифровой среде, для пространства локальной политики. Целью нашего исследования является определение содержательных составляющих конфликтных и интеграционных аспектов политического дискурса локальных сообществ и механизмов их формирования в интернет-коммуникациях.

Степень изученности проблемы

Можно выделить несколько направлений исследования политического дискурса, сформировавшихся в настоящее время.

Теоретические основы исследования политического дискурса в публичной сфере были заложены Ю. Хабермасом (Хабермас, 2000), рассматривавшим его в качестве пространства для критического обсуждения общественно значимых проблем и формирования общественного мнения, отмечая, однако, что оно может становиться объектом манипуляций. В более поздних работах исследователи (например, Н. Фрейзер) приходят к выводу, что публичная сфера не является единой, в ней могут возникать контрпубличные пространства (параллельные дискурсивные арены), в рамках которых отдельные группы или сообщества формируют собственный дискурс (Fraser, 1990).

Трансформация политического дискурса, связанная с цифросетевизацией публичной сферы, рассмотрена в исследованиях М. Кастельса, Й. Бенклера, К. Шерки, П. Дальгрена, К. Санстейна, Ю.Д. Артамоновой, С.В. Володенкова и др. В них характеризуются как новые возможности развития публичной сферы (рост коммуникаций, снижение транзакционных издержек коллективных действий, сетевое сотрудничество), так и связанные с ними проблемы (множественность и фрагментированность публичных сфер, подрыв основ делиберативной демократии), оказывающие влияние на структуру и содержание публичного дискурса (Castells, 2015; Benkler, 2007; Shirky, 2009; Dahlgren, 2005; Sunstein, 2018; Артамонова, Володенков, 2021, Голев, 2013). Изменение содержания и форм политических нарративов на данном этапе изучается А.И. Соловьевым (Соловьев, 2025).

Исследования публичной сферы и политического дискурса также охватывают проблематику гражданского участия и мобилизации. З. Папахарисси, характеризуя гражданственность в цифровую эпоху, указывает на ее избирательность, обусловленную интересом к определенным проблемам, вокруг которых формируются «аффективные публики». По его мнению, гражданское участие становится фоновым «разговором», охватывающим и приватную сферу (Papacharissi, 2010). Д. Эрл и К. Кимпорт отмечают не только возможность масштабирования традиционных форм активизма на основе интернет-коммуникаций, но и создание принципиально новых форм, не требующих присутствия граждан в одном физическом пространстве (Earl, Kimport, 2013). Значимость онлайн-дискурса в этих условиях возрастает. При этом З. Тюфекчи, анализируя протестные действия в цифросетевой среде, отмечает, что они обладают большой «сигнальной и коммуникативной мощностью», но остаются слабо организованными. Действия активистов происходят преимущественно на цифровых платформах (Tufekci, 2017).

В качестве отдельной группы работ следует выделить исследования, посвященные репрезентации конфликтов в цифровом политическом дискурсе, манипуляциям и поляризации общественного мнения на цифросетевых платформах. В них рассматриваются проблемы интернет-троллинга, служащего инструментом дезинформации и разрушения дискурса, формирование на основе интернет-мемов «имитационных публик», заменяющих дискуссии ритуальными действиями, «алгоритмической пропаганды», создающей иллюзии общественных реакций на те или иные события, идеи и т.д. (Phillips, 2015; Zulli, 2020; Woolley, Howard, 2019; Asmolov, 2019; Vosoughi, Roy, Aral, 2018; Бодрунова, 2023)

Значимые направления исследований политического дискурса сформировались в политической лингвистике. Необходимо выделить критический анализ дискурса, в рамках которого рассматриваются конструирование социальных отношений и осуществление власти через дискурс (Fairclough, 1989; Fairclough, 1995; Fairclough, 2003; Ван Дейк, 2013; Van Leeuwen, 2008; Wodak, 2009; Wodak, Chilton, 2005). Следует также отметить когнитивную лингвистику, в частности теорию фреймов, согласно которой конструирование дискурса происходит на основе активации в сознании людей бессознательных когнитивных структур, соотнесения определенных терминов с возникающими образами (Лакофф, 2004). Фреймирование, таким образом, усиливает эмоциональную составляющую дискурса.

Анализ проблем интернет-коммуникаций локальных сообществ происходит на стыке двух направлений исследований: функционирования самих сообществ и политико-коммуникативных взаимодействий в цифровой среде (Wu, 2024; Юдина, 2023; Бараш, 2024; Кришталь, Щекотуров, 2020; Павлов, 2016; Кушнерук, 2023; Русакова, 2021). В контексте формирования интернет-дискурса локальных сообществ значимым для дальнейших представляется концепт «непрофессионального политического дискурса», разработанный И.В. Савельевой (Савельева, 2021, 2024).

Концептуальная рамка и методы исследования

Центральное место в теоретико-методологической базе исследования занимает концепция Н. Фэркло, согласно которой власть постоянно воспроизводится в дискурсивной практике, а ее легитимность либо укрепляется, либо подрывается посредством языковых стратегий, применяемых как институтами, так и гражданами. В данном контексте особое внимание уделяется таким дискурсивным стратегиям, как авторизация, моральная оценка, рационализация (по классификации Т. ван Левена), с помощью которых участники дискурса оправдывают или критикуют властные решения. В качестве дополнительных теоретических оснований используются концепция публичной сферы Ю. Хабермаса, а также такие концепты, как «параллельные дискурсивные арены» (Н. Фрейзер), «легитимирующий и оппозиционный дискурс» (М. Кастельс), «непрофессиональный политический дискурс» (И.В. Савельева).

Для формирования эмпирической базы было отобрано четыре муниципальных образования Краснодарского края, в которых в течение 2024 г. произошли события, вызвавшие широкий общественный резонанс и ставшие предметом дискуссий в цифровом пространстве. Это города Краснодар и Сочи, представляющие собой крупные урбанистические центры региона с высоким уровнем гражданской активности и развитой цифровой инфраструктурой, а также Темрюкский и Северский районы, характеризующиеся преимущественно сельским типом расселения и присущими им моделями социальной коммуникации. Такой выбор позволил сопоставить особенности формирования политического дискурса в городских и сельских локальных сообществах, выявив различия в риторических стратегиях, эмоционально-оценочных категориях и характере общественных реакций.

События, которые легли в основу анализа, были отобраны по критериям высокого общественного резонанса, подразумевающего совокупность наблюдаемых характеристик цифровой коммуникации: значительное количество комментариев под публикациями (относительно количества подписчиков сообщества), интенсивность и продолжительность обсуждений, выход дискуссии за пределы одного канала и выраженную эмоциональную насыщенность высказываний.

При отборе учитывались показатели популярности Telegram-каналов, фиксируемые специализированным аналитическим сервисом TGStat⁵, что позволило выделить наиболее репрезентативные с точки зрения охвата аудитории площадки локальной коммуникации. Обязательным критерием отбора являлось наличие открытой функции комментирования, обеспечивающей возможность развернутого дискурсивного взаимодействия пользователей.

Сбор данных осуществлялся при помощи специализированного скрипта на языке Python с применением библиотеки Telethon, что позволило автоматизировать выгрузку комментариев из Telegram-каналов и структурировать их в формате CSV для последующего анализа.

Для анализа данных использовалась комбинация количественных и качественных методов: контент-анализ (выделения частотных тематических направлений дискурса и определения эмоциональной тональности сообщений) и критический дискурс-анализ (идентификация стратегий легитимации/делегитимации). Для первичной разведки корпуса и проверки результатов частотного и конкур-данс-анализа применялась программа Voyant Tools⁶. Для дальнейшей категоризации и систематизации данных использовался специализированный словарь русскоязычной лексики RuSentiLex, version 2017⁷. В среде Python была реализована автоматизированная обработка корпуса: лемматизация с помощью библиотеки pymorphy2⁸, группировка словесных форм по тематическим категориям и подсчет частот

⁵ Каталог Telegram-каналов и чатов (2025). TGStat [Электронный ресурс]. URL: <https://tgstat.ru> (дата обращения: 20.04.2025).

⁶ Voyant Tools (2025). Voyant Tools, Stéfan Sinclair & Geoffrey Rockwell [online]. Available at: <https://voyant-tools.org/> (фц-cessed: 20.03.2025).

⁷ General Russian Sentiment Lexicon RuSentiLex 2017 (2025). Rulexicon [online]. Available at: https://dmfanasyev.github.io/rulexicon/reference/hash_rusentilex_2017.html (accessed: 20.03.2025).

⁸ Морфологический анализатор pymorphy2 (2025). Морфологический анализатор pymorphy2 [Электронный ресурс]. URL: <https://pymorphy2.readthedocs.io/en/stable/index.html> (дата обращения: 20.03.2025).

оценочной и эмоциональной лексики. Данная процедура позволила выделить преобладающие направления публичной повестки и типовые эмоционально-оценочные паттерны высказываний. Этап критического дискурс-анализа выполнялся вручную и включал качественную интерпретацию полученных данных: выявление скрытых смыслов, идеологических установок, стратегий легитимации и делегитимации власти, особенностей употребления метафор и оценочной лексики.

На данном этапе были применены принципы, предложенные Н. Фэркло. На первом – текстовом – уровне анализировались языковые маркеры, посредством которых выражались оценка, позиция и идеологическая ориентация автора комментария. На втором – дискурсивном – уровне исследование было сосредоточено на коммуникативных стратегиях и сценариях взаимодействия между акторами публичного пространства. На третьем – социальном – уровне проводилась интерпретация дискурсивных практик в более широком контексте региональных политических процессов и общественных настроений. Данный подход позволил установить взаимосвязь между языковыми практиками пользователей и более широкими социальными процессами – трансформацией механизмов легитимации, структурой общественного доверия и динамикой гражданской активности.

Отдельного уточнения требует вопрос о статусе субъекта в анализируемом дискурсе. В рамках данного исследования пользователи Telegram не рассматриваются как индивидуальные акторы с устойчивыми позициями и стратегиями участия. Напротив, аналитический фокус смещен на уровень дискурсивных практик, в котором субъектность носит распределенный и процессуальный характер. Отдельные участники коммуникации выступают прежде всего как носители и ретрансляторы определенных дискурсивных позиций, формируемых в рамках конкретных обсуждений. Повторяемость аргументов, риторических стратегий и оценочных суждений позволяет выявить устойчивые паттерны высказываний, которые не сводятся к индивидуальным характеристикам пользователей. В данном контексте субъектность понимается как эффект включенности в дискурсивное взаимодействие.

Результаты исследования

Первое событие, рассмотренное в рамках исследования – обнародование планов по строительству религиозного объекта в микрорайоне Юбилейный. Был проведен анализ 2253 комментариев, опубликованных под постами в трех крупных Telegram-каналах: «Типичный Краснодар»⁹, «Kub Mash»¹⁰ и «Туподар Краснодар»¹¹. Эмоциональная окраска сообщений распределилась следующим образом: 13 % – негативные комментарии; 7 % – позитивные; 80 % – нейтральные и фактологические.

Несмотря на видимо преобладающую нейтральность, следует отметить высокую скрытую эмоциональную напряженность комментариев, которая проявляется в форме иронии, сарказма и риторических вопросов. В качестве ключевых тем можно выделить следующие темы: сохранение зеленых зон и публичного пространства, недоверие к действиям муниципальных властей и церковных структур, критика градостроительной политики и коммерциализация городской среды, морально-нравственные оценки необходимости религиозного строительства.

Второй кейс тематически связан с первым, поскольку именно во время обсуждения нового генерального плана города Краснодара был утвержден и план строительства храма. Обсуждение развернулось в одно и то же время на тех же площадках. Он представляет собой обсуждение проекта генерального плана города Краснодара. Был проведен анализ 802 комментариев, опубликованных под постами Telegram-каналов «Типичный Краснодар»¹² и Kub Mash¹³. Ключевыми темами обсуждений стали вопросы сохранения городской среды и зеленых зон, опасения по поводу возможной коммерциализации территорий и утраты исторического облика города. Особое место в дискурсе занимала морально-нравственная оценка градостроительной политики, связанная с восприятием власти как не учитывающей интересы горожан.

В городе Сочи произошло одно из наиболее резонансных событий 2024 г., связанное с арестом бывшего мэра города и его супруги по обвинениям в коррупции и злоупотреблениях служебным положением. Был проведен анализ 1846 комментариев, которые были опубликованы под постами в Telegram-канале «ЧП Сочи»¹⁴. Основные темы обсуждения включали вопросы коррупции в органах

⁹ Типичный Краснодар [Электронный ресурс]: Telegram-канал. URL: https://t.me/krd_tipich_ru (дата обращения: 20.03.2025).

¹⁰ Kub Mash [Электронный ресурс]: Telegram-канал. URL: https://t.me/kub_mash (дата обращения: 20.03.2025).

¹¹ Туподар Краснодар [Электронный ресурс]: Telegram-канал. URL: <https://t.me/typodar> (дата обращения: 20.03.2025).

¹² Типичный Краснодар [Электронный ресурс]: Telegram-канал. URL: https://t.me/krd_tipich_ru (дата обращения: 20.03.2025).

¹³ Kub Mash [Электронный ресурс]: Telegram-канал. URL: https://t.me/kub_mash (дата обращения: 20.03.2025).

¹⁴ ЧП Сочи [Электронный ресурс]: Telegram-канал. URL: https://t.me/chp_sochi (дата обращения: 20.03.2025).

местного самоуправления, бездействие правоохранительных структур, а также морально-нравственные оценки системы государственного управления.

Массовая драка между местными жителями и приезжими мигрантами в поселке Афицкий Северского района является одним из самых резонансных событий 2024 г. в регионе. Следственным комитетом РФ было возбуждено уголовное дело по статье о групповом хулиганстве. Событие вызвало активные обсуждения в цифровом пространстве, стало катализатором напряженного диалога. Был проведен анализ 1376 комментариев, опубликованных под постами в Telegram-канале «Подслушано Северский район»¹⁵. Ключевыми темами обсуждения стали вопросы безопасности, межэтнических отношений, морального поведения местного населения и приезжих, а также критика бездействия властей. В данном случае политический дискурс выстраивается через конструирование образа «чужого», осмысление вопросов социальной справедливости и требований к органам правопорядка.

В поселке Кучугуры Темрюкского района развернулась острая общественная дискуссия, связанная с попыткой местной администрации изменить генеральный план поселения. План предусматривал перевод участков, отведенных под индивидуальное жилищное строительство, в категорию сельскохозяйственных земель, что фактически лишало жителей их имущественных прав. Этот проект вызвал масштабное общественное возмущение, активные протесты и последующие уголовные разбирательства в отношении местных чиновников по статьям о халатности и превышении должностных полномочий. Был проведен анализ 943 комментариев, опубликованных в Telegram-канале «ТЕМРЮК ИНФО Темрюк, Тамань, Голубицкая 18+»¹⁶. Основные темы включали вопросы нарушения прав собственности, недоверия действиям местной администрации, опасений экологической катастрофы из-за бездействия властей.

Данные о содержательных аспектах дискурса представлены обобщенно в табл. 1. Они позволяют выделить устойчивые тематические направления дискурса, воспроизводящиеся в различных кейсах, несмотря на их содержательную специфику. К ним относятся недоверие власти, проблематика городской и экологической среды, вопросы социальной справедливости и межгруппового взаимодействия.

Рассмотренные кейсы позволяют выявить, каким образом функционируют механизмы легитимации и делегитимации власти в цифровых сообществах, а также как формируются конфликтные и интеграционные элементы политического дискурса. Эмоционально-речевая динамика, зафиксированная в комментариях пользователей, демонстрирует особую роль локальных событий как неких триггеров, которые создают благоприятные условия для проявления гражданской субъектности, выраженной в критике и требованиях к органам власти, а также для формирования коллективной солидарности, основанной на общих ценностях и переживаниях.

Первый кейс – обсуждение планов строительства православного храма в микрорайоне Юбилейный города Краснодара – характеризуется ярко конфликтным дискурсом между жителями и властью, а также высоким уровнем иронии в высказываниях. Основная тема обсуждения – протест против храма как символа приоритетов власти, ставящей религиозно-имиджевые проекты выше нужд жителей. Комментаторы фокусируются на том, что вместо храма микрорайон нуждается в строительстве социально полезных объектов (парк, набережная, больницы, школы). Многие высказывания содержат грубый сленг, сарказм, гиперболы. Популярная риторическая стратегия – саркастическая гипербола: пользователи утрируют ситуацию, чтобы высмеять абсурдность, по их мнению, решений властей.

Некоторые комментаторы задаются риторическими вопросами, показывающими непонимание принятия решений: *«А не слишком ли много храмов для одного Юбилейного получится? Неужели ничего другого нельзя там построить?»* – пишет один из жителей, указывая на то, что район и так обеспечен культовыми сооружениями. Подобные вопросы одновременно выражают и протест, и недоумение, побуждая аудиторию усомниться в рациональности проекта.

Рассмотренный в рамках второго кейса новый генеральный план вызвал волну возмущения горожан, поскольку, по их мнению, он был принят с нарушением процедур и ущемляет интересы жителей (сокращает зеленые зоны, усиливает уплотнительную застройку и т.п.). В качестве основных тем можно выделить следующие темы: нарушение процедуры общественных обсуждений генерального

¹⁵ Подслушано Северский район [Электронный ресурс]: Telegram-канал. URL: <https://t.me/severskiyrayon> (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁶ ТЕМРЮК ИНФО Темрюк, Тамань, Голубицкая 18+ [Электронный ресурс]: Telegram-канал. URL: https://t.me/temruk_info (дата обращения: 21.03.2025).

плана (многие комментаторы отмечают, что проект практически навязан без полноценного обсуждения); негативные последствия генерального плана для города (рост плотности застройки, пробки, недостаток инфраструктуры); связь генерального плана с коррупцией (пользователи высказывают подозрения о том, что план лоббируют застройщики и чиновники в своих интересах).

Вместе с тем многие сообщения носят разъяснительно-информационный характер: пользователи делятся ссылками на текст генплана, обсуждают конкретные пункты (районное деление, инфраструктура). Это показывает вовлечение граждан в обсуждение конкретики, что само по себе способствует интеграции. Тем не менее общий фон – недоверие: даже в таких обсуждениях говорится о том, что мнение граждан не учитывается.

Комментаторы прямо называют происходящее незаконным: *«Обсуждение генплана по закону должно идти 2 месяца, а не 5 дней! Вопиющее нарушение закона!»*. Автор не только критикует конкретное нарушение (сокращение срока обсуждения), но и обобщает до характеристики всего региона как правового вакуума. Это сильная форма делегитимации: подразумевается, что власти систематически игнорируют закон. Другой пользователь отмечает: *«Нас хотят выселить по генплану, желательно на улицу, и молча, чтоб мы съехали»*. Такое высказывание отражает страх и недоверие; люди верят, что план может привести к принудительному переселению. Это резко противопоставляет интересы жителей и власти, усиливая конфликтность по линии «граждане – органы власти».

В дискурсе можно выделить две основные линии обсуждения: антикоррупционная – мэра и его окружение называют ворами, взяточниками; арест приветствуется как шаг к «очищению»; критическая – некоторые комментаторы выражают уверенность в том, что дело имело некоторую политическую подоплеку.

В данном кейсе широко используются сравнения прошлого и настоящего. Многие комментаторы вспоминают предыдущие администрации города: кто-то говорит, что «при старом мэре было еще хуже», и потому не понимает, зачем проводят подобную кампанию против Копайгородского. Другие, наоборот, говорят, что «нынешний хоть что-то сделал», а его поймали на относительно малой сумме – проявляется сочувствие. Третья группа использует иронию: *«Каждый раз в новостях эта цифра 3,7 млн – кошмар, да пусть забирает и живет себе спокойно»*. Эта ирония выражает убеждение, что коррупция неистребима.

В комментариях по четвертому кейсу прослеживаются следующие тематические узлы. Во-первых, этнический конфликт – обвинения приезжих в провокации драки, в плохом поведении, присутствует откровенно ксенофобная лексика. Такие сообщения набирают поддержку части аудитории (реакции от единомышленников). Во-вторых, обвинения властей и правоохранителей в бездействии – некоторые комментаторы указывают, что полиция и администрация боятся вмешиваться в подобные случаи. В-третьих, призыв к правопорядку и единству – есть голоса, которые призывают не разжигать межнациональную рознь, напоминая, что все являются гражданами РФ.

Данный дискурс можно рассматривать через призму этнических предрассудков в речи: имеется четкое разделение на положительную репрезентацию группы «мы, местные» (русские) и негативную репрезентацию группы «они, приезжие». Местные жители описываются как терпеливые, но доведенные до отчаяния, а приезжие – как агрессивные нарушители. Некоторые комментарии, напротив, апеллируют к позиции законности: *«Надеюсь, разберутся, почему местных притесняют, пристаю к де-вушкам и школьницам»*.

В языке дискурса о данном случае много ненормативной и сниженной лексики: помимо этнофобских прозвищ, используются также выражения по типу «понаехавшие». Присутствуют и прямые угрозы (комментарии, призывающие к расправе, однако их удаляют модераторы). Язык крайне поляризован: черно-белые оценки, недостаток нюансов. Несмотря на преобладание враждебных смыслов, есть пользователи, которые пытаются внести что-то объединяющее; они призывают к миру и равным правам. Однако реакция на такие комментарии часто негативна, авторов обвиняют в излишней толерантности или оторванности от реальности.

Таблица 1 / Table 1

**Содержательные аспекты политического дискурса в интернет-коммуникациях локальных сообществ Краснодарского края /
Substantive aspects of political discourse in online communications of local communities in the Krasnodar krai**

Муниципалитет	Событие	Основные темы дискурса	Преобладающие риторические стратегии	Эмоциональная окраска
Краснодар	Строительство храма в микрорайоне Юбилейный	Сохранение зеленых зон, недоверие к власти, религиозные споры	Ирония, сарказм, моральная оценка	Негативная/ироническая
Краснодар	Обсуждение генерального плана города	Урбанизация, утрата городской идентичности, коммерциализация городской среды	Критика, риторические вопросы	Негативная/скрытая тревога
Сочи	Арест экс-мэра города	Коррупция, моральная деградация власти, правосудие	Осмеяние, разоблачение, моральные оценки	Негативная/ироническая
Северский район	Массовая драка в поселке Афином	Межэтнические конфликты, социальная справедливость, критика бездействия властей	Демонизация «чужих», призывы к порядку	Негативная/конфликтная
Темрюкский район	Попытка изменить генеральный план	Права собственности, экологическая безопасность, недоверие к местным властям	Моральная мобилизация, сарказм	Негативная/протестная
<i>Источник: составлено авторами.</i>				

Пятый кейс сочетает тему планирования территорий с экологической проблематикой, но уже в сельском контексте. В поселке Кучугуры Темрюкского района конфликт возник вокруг изменений статуса земель и возможного сноса построек по требованию властей, мотивированному якобы экологическими соображениями. Можно выделить несколько основных мотивов. Во-первых, негодование против незаконных действий местной власти; люди не верят, что изменения генерального плана законны, называют их самоуправством: *«Т.е. они хотели у людей дома поносить из-за изменения генплана, но само это изменение было незаконным?»*. Во-вторых, обвинения в коррупции и некомпетентности местных чиновников – некоторые комментарии переходят на общий план: *«Законы в стране нужно менять, особенно в отношении чиновников. Украл копейку – на 25 лет с конфискацией!»*. Частный случай воспринимается как симптом системной болезни – коррупции. В-третьих, скепсис в адрес активиста, выступающего против изменения статуса земель. Значительная часть дискурса посвящена обсуждению, не сам ли активист виноват и не преследует ли личную выгоду.

В данном кейсе вновь ярко выражена делегитимация власти: чиновники предстают бюрократами, которые *«8 лет сидят без толку, только карманы набивают»*. Решение о сносе домов называют абсурдными и незаконными, тем самым полностью отвергая его легитимность.

Таблица 2 / Table 2

**Эмоционально-оценочная структура политического дискурса
(по результатам контент-анализа) /
The Emotional-Evaluative Structure of Political Discourse
(based on content analysis)**

Кейс	Негативные (%)	Позитивные (%)	Нейтральные (%)
Строительство храма (г. Краснодар)	85,8%	7,1%	7,1%
Обсуждение генерального плана города (г. Краснодар)	87,5%	6,2%	6,3%
Арест экс-мэра (г. Сочи)	55,6%	33,3%	11,1%
Массовая драка (Северский район)	87,5%	0%	12,5%
Пересмотр генерального плана поселения (Темрюкский район)	88,9%	0%	11,1%
<i>Источник: составлено авторами.</i>			

В обсуждениях доминируют негативные по тональности комментарии. Это свидетельствует об общем критическом настрое участников к обсуждаемым проблемам и действующим лицам (власти, инициаторам проектов, нарушителям порядка и т.п.). Положительные оценки встречаются редко и обычно связаны с поддержкой либо отдельных действий властных институтов (например, одобрение ареста коррупционера), либо гражданских инициатив (волонтеров, активистов).

Обсуждение результатов

Дискурс в рамках первого кейса конфликта направлен преимущественно на делегитимацию местных властей и связанных с ними институтов. Чиновников обвиняют в пренебрежении нуждами горожан, в использовании религии как прикрытия для захвата земли под коммерцию. В одном из комментариев прямо говорится, что власть цинично называет «развитием» города строительство храмов и высоток вместо решения реальных проблем. Подобная инверсия официального дискурса – называть ухудшение «развитием» – характерна для критического стиля комментаторов. Тем самым они разоблачают (в своем восприятии) риторику власти, стремясь лишить ее доверия. Встречаются также обвинения в нарушении законных процедур: пользователи указывают, что участок под храм – рекреационная зона, где по закону нельзя строить культурные объекты. Видна явная делегитимация властного лица (мэра города): его обвиняют в нарушении закона и презрении к воле граждан, фактически призывая к ответственности. Применена стратегия апелляции к законам и числу протестующих, что усиливает легитимность протеста граждан.

В то же время сами горожане через дискурс выступают как коллективный субъект городской политики. Они упоминают сбор подписей, протестные акции («собирали подписи», «был митинг против генплана» – смежная тема, упомянутая вместе с храмом). Это свидетельствует об интегративном элементе – жители объединяются вокруг защиты общественного пространства. Внутри сообщества проявляется солидарность в непринятии проекта. Можно говорить об элементе гражданской интеграции: комментаторы разделяют ценность городской среды и вместе противопоставляют себя чиновникам. Ироничные обращения и коллективное возмущение создают чувство «мы» у группы горожан, которым безразличен свой район.

Дискурс вокруг генерального плана Краснодара во многом продолжает линию, обозначенную в предыдущей ситуации: сильная критика градостроительной политики, использование сарказма и ярких образов для выражения протеста, апелляция к законности и общественному мнению как инструмент делегитимации решений власти. Однако в данном случае дискурс более рационален – больше обсуждений самой сути генерального плана, цифр, фактов (элементы гражданской экспертности). Уровень недоверия к муниципальным институтам также высок. Это свидетельствует о кризисе легитимности городских структур в глазах онлайн-сообщества: если власть не удостоивается признания снизу, возникает разрыв, заполняемый цинизмом и протестом. В данных кейсах наблюдается именно он.

При этом гражданская субъектность проявляется весьма активно: обсуждаются и факты сбора подписей против генерального плана, и призывы к участию. Такое обсуждение является рефлексией о степени влияния гражданского общества, что уже говорит о политической субъектности аудитории. Некоторые комментаторы демонстрируют знание своих прав и готовность их отстаивать (*«Проводите публичные слушания!»*, *«Будем писать жалобы»*). Таким образом, конфликтный дискурс вокруг генерального плана мобилизует часть горожан: по крайней мере на словах, они объединяются в оппозицию к решению и обсуждают протестные действия.

В то же время можно отметить интеграционные моменты внутри самой группы горожан: комментарии, поддерживающие друг друга, благоприятно воспринимаются сообщения с разоблачением деталей плана. Общая негативная позиция формирует консенсус среди участников обсуждения.

Третий кейс вызвал смешанные реакции. В отличие от предыдущих ситуаций, где аудитория в основном выступала единым целым против местной власти, рассматриваемое событие разделило мнения: часть комментаторов одобряет действия правоохранителей (*«давно пора сажать взяточников»*), что можно считать позитивной реакцией (в отношении к действиям государства); другая часть, напротив, защищает экс-мэра или выражает сомнения в справедливости дела; есть и третья группа – циники, считающие, что ничего не изменится, или использующие случившееся для сарказма над системой. Таким образом, дискурс в данном случае более полифоничный, конфликт проявляется между различными точками зрения, а интеграция – между поддерживающими эти точки.

В дискурсе можно выделить две основные линии обсуждения: антикоррупционную – мэра и его окружение называют ворами, взяточниками, арест приветствуется как шаг к «очищению»; критическую – некоторые комментаторы выражают уверенность в том, что дело имело некоторую политическую подоплеку.

В данном кейсе широко используются сравнения прошлого и настоящего. Часть дискурса легитимирует власть в лице правоохранителей через похвалу решительных мер – это своего рода интеграция с официальным дискурсом государства о борьбе с коррупцией. Другая его часть, наоборот, делегитимирует систему, утверждая, что коррупция повсеместна и наказаны лишь жертвы политической борьбы. Внутри сообщества происходит дискурсивный конфликт между данными позициями. Конфликтные элементы в данном случае проявляются не столько через оппозицию «граждане – власть», сколько через поляризацию мнений внутри самого общества. Интеграция частичная: нет единой позиции, но есть микросообщества. Власть одновременно и легитимируется, и делегитимируется, и такой дискурс можно оценить как признак поляризации общественного мнения, что также является элементом политического процесса.

В дискурсе по четвертому кейсу власть как субъект почти отсутствует в положительной роли. Местные власти и правоохранители либо ругаемы за бездействие, либо вообще не фигурируют – нет ожидания, что они решат проблему. Это отличает конфликт в сельской местности: меньше надежды на институциональное урегулирование, больше призывов к самосуду или *«научить чужаков уму-разуму»*. Н. Фэркло отмечал, что разные аудитории по-разному воспринимают коммуникативные события; в данном случае можно сказать, что локальное сообщество воспринимает конфликт как личное дело каждого, а официальные институты – как слабого игрока.

Дискуссия вокруг драки в Афином – наиболее конфликтно нагруженная в межгрупповом плане. Здесь почти отсутствуют интеграционные тенденции; наоборот, дискурс усугубляет раскол между этническими общностями. Враждебные стереотипы, оскорбления, взаимные угрозы – это указывает на реконструкцию офлайн-конфликта в онлайн-пространстве: социальная напряженность поселка транслируется и даже усиливается в социальных сетях. С точки зрения критического дискурс-анализа мы видим делегитимацию «другого» по этническому признаку – его изображают носителем угрозы, чуждым элементом. Интеграция же ограничивается, по сути, лишь сплочением «своих» против «чужих». Данный кейс демонстрирует хрупкость публичного дискурса в малых сообществах при наличии конфликта: вместо рациональной дискуссии наблюдается всплеск архаичных конфликтных нарративов «мы – они».

Обсуждение генерального плана и экологии в Кучугурах показало сложное переплетение локальной гражданской активности и внутренних конфликтов сообщества. Конфликтные элементы присутствуют в линии «общество – местная власть» (незаконные решения, экологическая халатность властей подвергаются резкой критике) и в спорах внутри общества (доверять или не доверять лидерам протеста). Локальная идентичность, общая заинтересованность в справедливости и благополучии поселка служат сильными интеграционными элементами. Можно сказать, что дискурс не монолитен: он одновременно и конструктивен (выявляет проблемы, привлекает внимание), и деструктивен (порождает новые споры). Данный кейс демонстрирует переход от локального конфликта к более широкой повестке и обратно: сетевые сообщества могут связывать разные проблемы, создавая сложный, «сплетенный» дискурс.

Полученные результаты позволяют уточнить характер гражданской субъектности в цифровых локальных сообществах. Она проявляется не столько как индивидуализированное участие отдельных пользователей, сколько как коллективно распределенный эффект дискурсивного взаимодействия. Субъектность формируется через воспроизводство типовых аргументов, аффективных реакций и риторических стратегий, которые циркулируют в обсуждении и поддерживаются различными участниками.

На основе проведенного анализа можно выделить ряд механизмов формирования конфликтных и интеграционных аспектов политического дискурса в цифровых сообществах. Во-первых, это механизмы делегитимации власти, реализуемых через моральную оценку, иронию, апелляцию к нарушению норм и процедур. Во-вторых, механизмы аффективной эскалации, проявляющиеся в использовании сарказма, гиперболизации и риторических вопросов, усиливающих эмоциональную напряженность дискуссии. В-третьих, механизмы фреймирования по линии «мы – они», формирующие границы коллективной идентичности и усиливающие конфликтность, особенно в ситуациях группового взаимодействия. Наряду с этим выделяются механизмы горизонтальной интеграции, основанные на солидаризации участников вокруг общих проблем и ценностей, а также механизмы когнитивной рационализации, проявляющиеся в переходе части дискуссии к обсуждению конкретных параметров решений и нормативных процедур. В ряде случаев наблюдаются механизмы дискурсивной поляризации, при которых формируются конкурирующие интерпретации событий внутри одного сообщества. Выделенные механизмы не существуют изолированно, а взаимодействуют друг с другом, формируя сложные конфигурации, в которых конфликтные и интеграционные аспекты взаимно обусловлены.

Заключение

Ситуации, отобранные для анализа, демонстрируют сочетание в локальном политическом дискурсе разнообразных конфликтных и интеграционных элементов, зависящих от природы обсуждаемой проблемы и типа сообщества (городского или сельского). В городских сообществах конфликтный дискурс часто направлен вверх – против решений и представителей власти; при этом граждане объединяются между собой на основе общих ценностей. Сельские сообщества склонны к более персонифицированному и прямому выражению эмоций: конфликты могут вспыхивать как с внешними группами, так и внутри общины. Интеграция в них опирается на локальную идентичность, но может легко нарушаться внутренними разногласиями.

Критический дискурс-анализ выявил универсальную тенденцию: стратегии делегитимации власти доминируют почти во всех кейсах, будь то городские протесты или критика реакции на экологическую катастрофу. Это отражает низкий уровень доверия к официальным институтам и стремление интернет-сообществ самим осмыслить и контролировать ситуацию. Обратная сторона – стратегии легитимации гражданских действий: во многих обсуждениях пользователи оправдывают коллективные

действия, формируя новую легитимность снизу. По Н. Фэркло, такая дискурсивная практика свидетельствует о трансформации отношений власти: общество через дискурс претендует на роль активного субъекта решений.

Особое значение приобретает динамика соотношения конфликтных и интеграционных стратегий в цифровом политическом дискурсе. Конфликт в данном случае не следует трактовать как исключительно разрушительную силу; напротив, в локальных сообществах он часто выступает как форма обостренного реагирования на институциональное бездействие или социальную несправедливость. Совместное переживание фрустрации и возмущения формирует основу для развития солидарности и символического единства. Такой тип конфликта можно интерпретировать как «продуктивный», поскольку он не распадается в межличностной агрессии, а, наоборот, стимулирует поиск общих решений и новых форм взаимодействия.

Интеграционные механизмы внутри таких сообществ нередко строятся на общем нарративе: «мы» как носители справедливой позиции, осознанные жители, которые вынуждены брать на себя функции контроля, ответственности и даже альтернативного управления. Однако такая интеграция оборачивается одновременным символическим отграничением – формированием образа «врага», или «другого», чаще всего ассоциированного с институциональной властью или внешними акторами, не разделяющими локальных ценностей. В такой модели взаимодействие между гражданами и властью утрачивает горизонт диалога и структурируется как конфронтация на уровне дискурсивных стратегий, риторики, аффективных маркеров. Интеграционные элементы наиболее заметны в ситуациях общей угрозы или ценности (например, защита окружающей среды, безопасность сообщества), тогда люди склонны отбросить разногласия и объединиться.

Таким образом, конфликтные и интеграционные элементы в политическом интернет-дискурсе находятся в сложном диалектическом взаимодействии. Конфликт в дискуссиях интернет-сообществ часто выступает катализатором общественной интеграции на горизонтальном уровне через совместное противодействие несправедливости или угрозе. В то же время интеграция внутри одной группы порождает конфликт с другой группой (граждане – власть, местные – приезжие и т.п.). Однако важно отметить, что интернет-дискурс является отражением реальных социальных противоречий и одновременно ареной, на которой эти противоречия осмысляются и частично разрешаются через символическое единение или разделение. Представленные кейсы подтверждают значимую роль сетевых сообществ в формировании политической идентичности и культуры участия: через конфликтный онлайн-диалог граждане вырабатывают коллективные позиции и в некоторых случаях переходят от слов к действиям.

Список литературы / References

- Артамонова, Ю. Д., Володенков, С. В. (2021) 'Трансформация интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло(локал)анклавизации', *Социологические исследования*, 1, сс. 87–97. [Artamonova, Yu. D., Volodenkov, S. V. (2021) 'Transformation of the Internet as a Space of Public and Political Communications: From Globalization to Glocalization', *Sociological Studies*, 1, pp. 87–97. doi:10.31857/S013216250013572-2 (In Russ.)].
- Бодрунова, С. С. (2023) 'Кумулятивная делиберация: новая нормативность в изучении публичных сфер онлайн', *Вестник Московского государственного университета. Серия 10. Журналистика*, 1(48), сс. 87–122. [Bodrunova, S. S. (2023) 'Cumulative deliberation: new normativity in studying public spheres online', *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 1(48), pp. 87–122. doi:10.30547/vestnik.journ.1.2023.87122 (In Russ.)].
- Ван Дейк, Т. (2023) *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 344 с. [Van Dijk, T. (2023) *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication*. Moscow: LIBROKOM. 344 p. (In Russ.)].
- Голев, Н. Д. (2013) 'Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты', *Политическая лингвистика*, 4, сс. 30–37. [Golev, N. D. (2013) 'Ordinary political discourse: meta-language and metalinguistic aspects', *Political Linguistics*, 4, pp. 30–37 (In Russ.)].
- Кушнерук, С. Л. (2023) 'Telegram как социально-политическое и языковое явление:

- география и проблематика новейших исследований’, *Политическая лингвистика*, 4(100), сс. 12–24. [Kushneruk, S. L. (2023) ‘Telegram as Political, Social and Linguistic Phenomenon: Geography and Problems of the Latest Research’, *Political Linguistics*, 4(100), pp. 12–24. (In Russ.)].
- Русакова, О. Ф. (2021) ‘Интернет-технологии в политической коммуникации: вызовы и возможности’, *Дискурс-Пи*, 18(3), сс. 176–185. [Rusakova, O. F. (2021) ‘Internet technologies in political communication: challenges and opportunities’, *Diskurs-Pi*, 18(3), pp. 176–185. doi:10.17506/18179568_2021_18_3_176 (In Russ.)].
- Савельева, И. В. (2024) ‘Функционирование реактивных прагматических моделей в непрофессиональном интернет-дискурсе’, *Виртуальная коммуникация и социальные сети*, 1, сс. 47–59. [Savel’eva, I. V. (2024) ‘Functioning of reactive pragmatic models in non-professional internet discourse’, *Virtual Communication and Social Networks*, 1, pp. 47–59. doi:10.21603/2782-4799-2024-3-1-47-59 (In Russ.)].
- Савельева, И. В. (2021) *Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты*. СПб: Научные технологии. 256 с. [Savel’eva, I. V. (2021) *Non-professional political discourse: linguopragmatic and linguopersonological aspects*. St. Petersburg: Naukoemkie tekhnologii. 256 p. (In Russ.)].
- Соловьев, А. И. (2025) ‘Доктринальная символизация и политическое просторечие нарративов. Что меняется в публичном поле?’, *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 69–87. [Solov’ev, A. I. (2025) ‘Doctrinal symbolization and the political vernacular of narratives. What is changing in the public field?’ *Polis. Political Studies*, 1, pp. 69–87. doi:10.17976/jpps/2025.01.06 (In Russ.)].
- Хабермас, Ю. (2000) *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Санкт-Петербург: Наука. 382 с. [Habermas, J. (2000) *Moral Consciousness and Communicative Action*. St. Petersburg: Nauka. 382 p. (In Russ.)].
- Юдина, Д. И. (2023) ‘Локальные акторы публичной сферы и их повестка в социальных медиа’, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 16(3), сс. 292–308. [Yudina, D. I. (2023) ‘Local actors and their agenda in the public sphere of social media’, *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 16(3), pp. 292–308. doi:10.21638/spbu12.2023.304 (In Russ.)].
- Asmolov, G. (2019) ‘The effects of participatory propaganda: from socialization to internalization of conflicts’, *Journal of Design and Science*, 6, pp. 1–24.
- Benkler, Y. (2007) *The wealth of networks: how social production transforms markets and freedom*. New Haven: Yale University Press. 528 p.
- Castells, M. (2015) *Networks of outrage and hope: social movements in the Internet age*. Cambridge: Polity. 344 p.
- Dahlgren, P. (2005) ‘The Internet, public spheres, and political communication: dispersion and deliberation’, *Political Communication*, 22(2), pp. 147–162. doi:10.1080/10584600590933160.
- Earl, J. and Kimport, K. (2011) *Digitally enabled social change: activism in the Internet age*. Cambridge: MIT Press. 258 p.
- Fairclough, N. (1989) *Language and power*. New York: Longman Inc. 259 p.
- Fairclough, N. (1995) *Critical Discourse Analysis*. Boston: Addison Wesley. 265 p.
- Fairclough, N. (2003) *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge. 288 p.
- Fraser, N. (1990) ‘Rethinking the public sphere: a contribution to the critique of actually existing democracy’, *Social Text*, 25(26), pp. 56–80.
- Habermas, J. (1992) *The Structural Transformation of the Public Sphere: Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge: Polity. 328 p.
- Papacharissi, Z. (2010) *A Private Sphere: Democracy in a Digital Age*. Cambridge: Polity Press. 210 p.
- Phillips, W. (2015) *This Is Why We Can't Have Nice Things: Mapping the Relationship between Online Trolling and Mainstream Culture*. Cambridge, London: MIT Press. 251 p.
- Shirky, C. (2009) *Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations*. London: Penguin Publishing Group. 352 p.

- Sunstein, C. R. (2018) *#Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media*. Princeton: Princeton University Press. 328 p.
- Tufekci, Z. (2017) *Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest*. New Haven: Yale University Press. 360 p.
- Van Leeuwen, T. (2008) *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford: Oxford University Press. 185 p.
- Vosoughi, S., Roy, D. and Aral, S. (2018) 'The spread of true and false news online', *Science*, 359(6380), pp. 1146–1151.
- Wodak, R. (2009) *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 252 p.
- Wodak, R. and Chilton, P. A. (2005) *New Agenda in (Critical) Discourse Analysis (Discourse Approaches to Politics, Society and Culture)*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 338 p.
- Woolley, S. C. and Howard, P. N. (2019) *Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media*. Oxford: Oxford University Press. 263 p.
- Wu, B. (2024) 'Social media critical discourse studies', *Critical Studies in Media Communication*, 42(2), pp. 168–170. doi:10.4324/9781003371496.
- Zulli, D. (2020) 'Extending the Internet meme: conceptualizing technological mimesis', *New Media & Society*, 24(8), pp. 1872–1890. doi:10.1177/1461444820983603. .

Статья поступила в редакцию: 23.03.2026

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 13.04.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Кольба Алексей Иванович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и публичного управления,

E-mail: alivka2000@mail.ru (ORCID: [0000-0002-7663-8890](https://orcid.org/0000-0002-7663-8890). ResearcherID: AAZ-5062-2021).

Лалетина Алина Дмитриевна, ассистент, аспирант кафедры государственной политики и публичного управления,

E-mail: laletina209@gmail.com (ORCID: [0009-0005-8719-100X](https://orcid.org/0009-0005-8719-100X)).

Information about authors

Alexey I. Kolba, Doctor of Sciences (in Politics), Associate Professor, Professor of the Department of Public Policy and Public Administration.

E-mail: alivka2000@mail.ru (ORCID: [0000-0002-7663-8890](https://orcid.org/0000-0002-7663-8890). ResearcherID: AAZ-5062-2021).

Alina D. Laletina, Assistant, Graduate Student

E-mail: laletina209@gmail.com (ORCID: [0009-0005-8719-100X](https://orcid.org/0009-0005-8719-100X)).

УДК-32.019.51:321.022

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-52-61

КУЛЬТУРНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

М. Ю. Мартынов, В. С. Пуртова

Мартынов Михаил Юрьевич,

Сургутский государственный университет, Сургут, Российская Федерация.

Пуртова Виктория Сергеевна,

Сургутский государственный университет, Сургут, Российская Федерация.

Аннотация

Предметом исследования являются особенности использования культурной и коммуникативной памяти в процессах формирования региональной и общенациональной идентичности в исторической политике местных сообществ на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Проверена гипотеза, что обращение к культурной памяти выступает в качестве идеологического инструмента, поэтому она часто становится предметом конструктивистских практик исторической политики. Методами исследования выступали контент-анализ документов и социологические опросы. По результатам исследований авторы установили, что историческая политика в местных сообществах Югры выступает частью символической политики, направленной на формирование общенациональной идентичности как фактора поддержания общественно-политической стабильности в стратегически важном регионе. Однако она недостаточно отражена в нормативно-правовых актах, и ее взаимосвязь с формированием идентичности слабо осознается акторами. Основными субъектами выступают органы муниципальной власти, использующие в качестве инструментов исторической политики обращение главным образом к культурной памяти. Коммуникативная форма сохранения коллективных представлений о прошлом гражданами не менее востребована, однако местные сообщества не обладают достаточной субъектностью для участия в исторической политике на локальном уровне, например, через деятельность общественных организаций. Образующиеся лакуны в коллективных представлениях о прошлом в определенной мере компенсируются коммуникативными формами семейной памяти.

Ключевые слова: историческая политика; политика памяти; культурная и коммуникативная память; региональная идентичность; гражданская идентичность; местные сообщества; коллективные представления о прошлом

Для цитирования: Мартынов, М. Ю., Пуртова, В. С. (2026) 'Культурная и коммуникативная память в контексте исторической политики местных сообществ', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 52-61. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-52-61

Финансовая поддержка: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 25-28-20086, <https://rscf.ru/project/25-28-20086/> «Историческая политика местных сообществ и формирование региональной и общенациональной идентичности».

CULTURAL AND COMMUNICATIVE MEMORY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL POLICY OF LOCAL COMMUNITIES

M. Y. Martynov, V. S. Purtova

Mikhail Y. Martynov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and Philosophy,
Surgut State University, Surgut, Russian Federation.

Victoria S. Purtova, Senior Lecturer, Department of Political Science and Philosophy,
Surgut State University, Surgut, Russian Federation.

Abstract

The study examines the role of cultural and communicative memory in shaping regional and national identity within the historical policy of local communities in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Ugra. The hypothesis is tested that the appeal to cultural memory is a more convenient ideological tool, and that it is more often the subject of constructivist practices in official historical policy. The research uses content analysis of documents and sociological surveys. It shows that historical policy in Ugra is part of a symbolic policy aimed at forming national identity as a factor of socio-political stability in a strategically important region. However, it is insufficiently reflected in regulatory acts, and its relationship with the formation of identity is poorly understood by actors. The main actor is the municipal authorities, which use as instruments of historical policy an appeal mainly to cultural memory. The communicative form of preserving collective ideas about the past by citizens is no less in demand, but local communities lack sufficient agency to participate in historical politics at the local level, for example, through the activities of public organizations. The resulting gaps in collective representation about the past are compensated to a certain extent by communicative forms of family memory.

Keywords: historical politics; memory politics; cultural and communicative memory; regional identity; civic identity; local communities; collective representations of the past

For citation: Martynov, M. Y., Purtova, V. S. (2026) 'Cultural and communicative memory in the context of historical policy of local communities', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 52-61. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-52-61

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 25-28-20086 "Historical Policy of Local Communities and the Formation of Regional and National Identity").

Актуальность

Исследовательский интерес к исторической политике связан с ее ролью в современных процессах формирования политической идентичности. Ведущим актором выступает государство, транслирующее свои исторические нарративы главным образом в символическом пространстве культурной памяти. И на федеральном, и на региональном уровнях создана система ее институализации, включающая исторические парки, мемориальные комплексы, выставочные и музейные экспозиции, исторические общества, регулярные коммеморации по случаю памятных дат и т.д.

В то же время роль коммуникативной памяти в идентификационных процессах, основанная на обмене живыми свидетельствами в ходе непосредственного общения в социальных группах, гораздо реже становится предметом исследований. Между тем эту роль, хотя и менее манифестируемую, зачастую латентную, нельзя недооценивать. Достаточно вспомнить перипетии неприятия массовым сознанием первой версии государственной исторической политики, сформулированной в 1990-е гг., связанной с идеей «проработки трудного прошлого / коллективной травмы» в качестве культурной нормы, или неудачные попытки стигматизации советской эпохи, когда выяснилось несоответствие сложившимся коллективным представлениям о прошлом предлагаемого исторического нарратива, который в результате «оказался не слишком эффективным инструментом консолидации макрополитического общества» (Малинова, 2016: 143–146).

Степень изученности

По мнению основоположника исследований коллективной памяти М. Хальбвакса, коллективные представления о прошлом функционируют именно как коммуникативный процесс взаимодействия между собой членов социальных групп. «Чаще всего мы обращаемся к своей памяти, чтобы отвечать на вопросы, которые они нам задают или могли бы задать, причем, отвечая на их вопросы, мы встаем на их точку зрения и рассматриваем себя как членов той же группы или тех же групп что и они», – писал французский социолог (Хальбвакс, 2007: 28). Подчеркивая этот коммуникативный характер формирования групповой идентичности, он описывает его специальным понятием «социальные рамки памяти».

На роль этих коммуникативных аспектов социальной памяти указывают и современные исследователи (например, Алейда Ассман). Благодаря групповой коммуникативной памяти коллективные воспоминания приобретают не только согласованность и достоверность, но и в силу того, что

возникают в среде пространственной близости, регулярной интерактивности, сходного образа жизни становятся объединяющей силой, формирующей сообщества (Ассман, 2014: 21).

Идея выделения в рамках социальной памяти, помимо коммуникативной еще одной ее формы – культурной памяти, принадлежит Яну Ассману. Он обратил внимание на то, что понятие коммуникативной памяти хорошо описывает воспоминания только недавнего прошлого и формирование коллективных представлений о нем главным образом у современников. Однако общество нуждается в сохранении памяти на гораздо более длинном отрезке, в том числе благодаря предметному воплощению, что Я. Ассману как египтологу по профессии было, наверное, особенно ясно. «Идеи должны получить чувственный облик, прежде чем будут – в качестве предметов – допущены в память», – поясняет исследователь (Ассман, 2004: 38).

Такие «чувственные образы» предметов, фиксирующие моменты прошлого, «фигуры воспоминаний» (по выражению Я. Ассмана) он предложил описывать понятием «культурная память» (впрочем, используемое им слово *Erinnerungskulturen* правильнее было бы перевести с немецкого как «культуры памяти», что по смыслу точнее отражает предложенную ученым аналогию с пластами исторических культур). Места захоронений, мемориальные комплексы, памятники, топонимические названия, ритуалы и т.д. превращаются в хранилища памяти, в ее «опредмеченные» представления о прошлом.

П. Нора для их пространственной локализации вводит понятие «места памяти». Помимо географических объектов (мемориалов, музеев), французский историк в конечном счете относит к ним и события (коммеморации), и тексты (трактаты, протоколы), и многое другое (Между памятью..., 1999: 40). В целом под «местами памяти» он понимает объекты материального и нематериального наследия, способные аккумулировать и сохранять коллективные представления о прошлом в культурной памяти тогда, когда эти представления в коммуникативной памяти начинают истончаться и утрачиваться (Там же: 17).

Всплеск такого интереса к использованию различных форм коллективной памяти о прошлом в политических целях, в первую очередь в качестве инструмента формирования идентичности, в конце XX в. имеет свои причины. В предыдущую эпоху модерна главным фактором, объединяющим народности и социальные группы в политическую нацию, выступали экономические связи, возникавшие в эпоху образования общенационального рынка. Конечно, это также предполагало конструирование «воображаемого сообщества» путем апелляции к «духу народа» и создание коллективных представлений о прошлом в мифологизированных нарративах общей истории. Однако роль этих конструктивистских практик, хотя и являлась необходимой, была вторичной, лишь идеологически оформлявшей объективный процесс создания политических наций.

Все изменилось во второй половине, а особенно – к концу XX в. Глобализация и втягивание бывших национальных экономик в глобальные экономические связи уничтожали или ставили под сомнение прежнюю основу национальной и государственной идентичности – национальные рынки. Однако, поскольку одновременно действовала противоположная тенденция, связанная с необходимостью сохранения наций и государств на этапе нарастания межгосударственных противоречий, возникла необходимость появления иного механизма идентификации. Таковым стало конструирование идентичностей из мифологии коллективной исторической памяти. Экономические основы поддержания идентичности сменились мнемоническими, прежний вторичный фактор, обеспечивающий общенациональное единство, превратился в первичный, а его теоретическое обоснование предложил конструктивизм.

Культурная память, в большей мере удобная в качестве средства мифологизации, оказалась более востребованной в этом контексте. В отличие от коммуникативной памяти, она нуждается в специальном сопровождении «интерпретаторами-идеологами» коллективных представлений. Я. Ассман перечисляет шаманов, брахманов, жрецов, бардов, то есть «обладающей знанием социальной элиты, специалистов культурной памяти» (Ассман, 2004: 57–58). Благодаря предметной воплощенности, обретая в ней «чувственный облик», культурная память в итоге образует «узловые пункты» «несущих конструкций» представлений о прошлом, становясь в руках этих идеологов эффективным инструментом управления настоящим.

Образующееся при этом различие между коммуникативной и культурной памятью П. Нора описывает как оппозицию памяти и истории. История (культурная память) начинается там, где заканчивается память (коммуникативная память) (Между памятью..., 1999: 25). Но Я. Ассман указывает не только на бинарность, но и на возможность разрыва между культурной и коммуникативной памятью и возникающую в результате бикультурность в восприятии прошлого (Ассман, 2004: 58).

С учетом устойчивости коллективных представлений о прошлом, «живущих» в памяти коммуникативной, в том числе на семейном уровне (Hirst, Coman, 2018), подобная бикультурность может

приобретать и политический оттенок, выступая как противоречие между официальными и неформальными историческими нарративами.

В центре исследований отечественных ученых чаще оказывалась культурная память и ее использование в качестве инструмента исторической политики (Малинова, Миллер, Пахалюк, 2022; Миллер, Ефременко, 2020; Политика памяти..., 2023). В то же время ими обращается внимание на противоречивый характер дискурса этой политики (Ефременко, 2023; Малинова, 2016; Малинова, Джонсон, 2020; Миллер, 2022; Поцелуев, 2023; Фадеева, 2024).

Использование культурной и коммуникативной памяти в исторической политике местных сообществ в процессах формирования региональной и общенациональной идентичности составило предмет данного исследования. Предполагалось, что на уровне местных сообществ, где интенсивность социальных связей более высока, значение коммуникативной памяти, заполняющей лакуны официального нарратива, возрастает.

Концептуализация понятия «местное сообщество», рассматриваемое в данном случае в качестве субъекта исторической политики, представляет известную трудность в силу неоднозначности толкования термина. С точки зрения ряда авторов, оно не несет особой смысловой нагрузки и используется лишь в качестве симулякра субъектности и активности граждан, маскирующего на самом деле факт возрастающего отчуждения людей от власти на местном уровне (Кожевников, Карасев, 2025: 84–85). Другие исследователи, хотя и полагают, что местное сообщество объективно существует, вкладывают в это понятие разные смыслы. Для одних оно выступает просто синонимом населения муниципального образования, другие понимают под ним лишь активную его часть (Писарев, 2023: 49), для третьих решающим признаком выступает сформированная локальная идентичность (Морозова, Мирошниченко, Семененко, 2020: 60). Будем исходить из того, что отмеченные подходы не противоречат друг другу, а просто отражают возможные три уровня развития местного сообщества от его отсутствия к формальному, а затем к реально функционирующему уровню.

Опираясь на определение политической идентичности как политического отношения, предложенное И. С. Семененко (Политика идентичности..., 2023: 12), концептуализируем локальную идентичность как возникающее в ходе коммуникативного процесса отождествление человека с местным политическим сообществом на основе общего комплекса идейно-политических ориентаций, включающих осознание коллективных интересов и готовность к солидарным действиям. Соответственно, на первом этапе исследования была определена степень субъектности местного сообщества в качестве актора исторической политики, а на втором этапе рассмотрены ее основные направления.

Методы исследования

Для определения степени субъектности местного сообщества использовался вторичный анализ результатов массового опроса населения муниципальных образований автономного округа, в ходе которого респонденты должны были осуществить самоидентификацию, в том числе с местным сообществом. Исследование проводилось в феврале 2025 г. в виде анкетного опроса с рассылкой через Интернет и последующим отбором респондентов в выборочную совокупность ($N = 1000$) в соответствии с квотной выборкой, репрезентированной по полу, возрасту и месту жительства.

Эти результаты были дополнены данными опроса экспертов, которые в том числе характеризовали степень коммунитарности социальных связей в муниципалитетах. В опросе в форме структурированного интервью приняли 16 экспертов, в числе которых были восемь муниципальных чиновников, в сферу деятельности которых включены задачи внутренней политики, шесть членов НКО, осуществляющих проекты в сфере межнациональных отношений и политики идентичности, а также два руководителя муниципальных учреждений.

Методом изучения направлений и форм исторической политики по формированию общенациональной и региональной идентичности являлся контент-анализ. Источниками контент-анализа выступали нормативно-правовые документы, относящиеся к сфере внутренней политики по обеспечению межнационального мира, реализации политики идентичности и исторической политики на муниципальном уровне. Проанализирована нормативно-правовая база муниципалитетов Югры. Категориями контент-анализа выступало отражение в них исторической политики, политики памяти, мемориальной политики, политики гражданской идентичности и межнационального согласия в муниципальном образовании.

Особенности коллективных представлений о прошлом, формируемые в том числе исторической политикой, исследовались методом углубленного интервьюирования. Всего было взято 64 интервью с

жителями Югры. Из них 28 опрошенных были в возрасте 18–24 лет, в возрасте 25–30 лет – 26 человек, 31–50 лет – 6 человек, старше 50 лет – 4 человека. Интервьюируемые должны были оценить, как институты, учреждения, общественные организации участвуют в сохранении исторического прошлого. Кроме того, необходимо было рассказать о том, обсуждаются ли вопросы исторического прошлого с соседями, друзьями, в семье, а также то, как видятся узловые события истории через призму семейных воспоминаний, как эти события повлияли не только на историю народа, но и на историю семьи.

Полученные результаты

Анализ ответов на вопрос о самоидентификации респондентов, заданный в ходе массового опроса, показал, что более 62 % считают себя членами местного сообщества. Однако в ответах на вопрос о самоидентификации в ситуации выбора идентификационной группы выяснилось, что включили себя в члены местного сообщества лишь 18 % опрошенных. Остальные связали свою идентичность в первую очередь с профессиональным сообществом, интернет-сообществом, группой по интересам и пр.

В ответах экспертов суммарная оценка степени сформированности идентичности локального сообщества составила 4,5 балла, что по предложенной классификации означало, что локальная идентичность существует, но носит формальный характер, не выступает поведенческим мотивом. Эксперты отмечали ее ситуативный и фрагментарный характер, зависимость от административных усилий сверху, а также преобладание у населения утилитарных запросов над ценностными в формировании солидарных связей.

В качестве благоприятных факторов формирования локальной идентичности назывались следующие: столичный статус (г. Ханты-Мансийск), концентрация культурных институтов, характерная для крупных промышленных центров (г. Сургут, г. Нижневартовск), компактное проживание на территории муниципального образования общин коренных малочисленных народов Севера (Сургутский, Берёзовский, Октябрьский районы), поскольку политика, направленная на сохранение традиций этих народов, по мнению экспертов, укрепляет и локальную идентичность. В то же время экономическая зависимость от одного предприятия в моногородах, отток молодежи, территориальная удаленность, слабое развитие локальных брендов были отмечены экспертами как факторы, ослабляющие идентификационные связи местных сообществ (города Пыть-Ях, Покачи, Мегион).

Таким образом, уровень сформированности локальной идентичности местных сообществ не обеспечивает их субъектности в идентификационных процессах. Неслучайно, судя по результатам контент-анализа отчетных документов муниципалитетов, некоммерческие организации, ветеранские объединения, национально-культурные автономии организуют лишь 12 % от общего числа мероприятий в рамках политики идентичности. Да и те в своем большинстве опираются на грантовую поддержку и помощь муниципальных учреждений.

Доминирующим актором исторической политики, усилия которого направлены на формирование общенациональной и региональной идентичности на местном уровне, выступают органы муниципальной власти. Анализ отчетов о 135 мероприятиях, проведенных в муниципалитетах автономного округа в 2024 г. в сфере внутренней политики, показывает, что муниципальные учреждения (школы, дома культуры, библиотеки, центры дополнительного образования) организуют 88 % всех мероприятий, предполагающих обращение к коллективным представлениям о прошлом.

Значительная часть этих мероприятий приходится на школы, составляя более трети (38 %) от их общего числа. Использование образовательных учреждений обеспечивает достаточно большое количество мероприятий. Включение в поле исторической политики более старших возрастных категорий достигается мероприятиями, организуемыми учреждениями культуры (дома культуры, библиотеки, музеи), занимающих 43 % от общего числа. Хотя и в мероприятиях этих учреждений дети и молодежь составляют почти три четверти участников.

Доминирующим направлением политики памяти на местном уровне, судя по широкому использованию в контенте мероприятий «мест памяти», выступает обращение к культурной памяти. Одни только связанные с ней коммеморативные и праздничные мероприятия составляют почти половину – 44 % от общего числа. С одной стороны, эти формы обеспечивают глубокое эмоциональное воздействие, но одновременно предъявляют особые требования к методической и содержательной стороне мероприятий, что должно находить отражение в соответствующих документах, регламентирующих рассматриваемую нами сферу.

В то же время, как показали результаты контент-анализа, концепты «историческая политика», «политика памяти» лишь эпизодически присутствуют в программных документах и полностью отсутствуют в отчетных. Понимание связи между исторической памятью и формированием идентичности спорадически возникает только в обозначении целей мероприятий патриотического характера, связанных с сохранением памяти о Великой Отечественной войне.

Аналогичная ситуация наблюдается с концептами «региональная идентичность» и «локальная идентичность»: они не используются ни в одном из проанализированных документов. Региональный и локальный компоненты идентичности не выделяются как самостоятельная задача муниципальной политики.

Концепты «общероссийская гражданская идентичность» и «межнациональное согласие» присутствуют во всех муниципальных документах. При этом они воспроизводят формулировки федеральных нормативных актов, прежде всего Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Адаптация федеральной терминологии к региональному и муниципальному контексту практически отсутствует. Не предпринимается попыток наполнить общие концепты локальным содержанием, связать их с конкретными особенностями территории.

В документах не просматривается взаимосвязь между исторической политикой и политикой идентичности. Мероприятия, обозначенные как способствующие формированию региональной идентичности, указываются под рубриками «межнациональное согласие» или «сохранение культурного наследия», не связываются с задачей формирования представления о региональной общности через общее прошлое.

Анализ временного охвата исторической политики выявляет существенную неравномерность. Подавляющее большинство мероприятий (74 %) сосредоточено на двух периодах: Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и специальной военной операции. Великая Отечественная война является абсолютно доминирующей темой исторической политики.

В то же время контент исторической политики обнаруживает обширные временные лакуны. Наиболее значительная из них – советский период (за исключением Великой Отечественной войны). События 1917–1941 и 1945–1991 гг. присутствуют менее чем в 3 % мероприятий. Выпадают революция и Гражданская война, индустриализация 1930-х гг., коллективизация, послевоенное восстановление, достижения советской науки и культуры, перестройка. Политически чувствительные темы (например, события Казымского восстания или история поселков спецпереселенцев) также не попадают в контент исторической политики.

Столь же слабо представлена локальная история региона до XX в. (5 % мероприятий). Выпадают присоединение Сибири к России, история коренных народов в досоветский период, торговые пути, первые русские поселения.

Парадоксально, но и темы нефтегазового освоения 1960–1980-х гг. не входят в репертуар исторической политики. Между тем эта эпоха является ключевой для формирования современного облика региона: именно тогда были открыты месторождения, построены города, сформировались трудовые коллективы. Нефтегазовые компании не вовлечены в историческую политику, а образовательные и культурные учреждения фокусируются на традиционных темах.

Полностью отсутствуют в нормативно-правовых и отчетных документах упоминания о событиях в 1990-е гг., которые тоже уже можно считать пусть недавней, но историей, требующей интерпретации, игнорирование которой создает разрыв в историческом дискурсе.

Возникающие лакуны в формировании коллективных представлений о прошлом в какой-то мере призвана компенсировать коммуникативная память. Методом исследования ее нарративов выступили углубленные интервью.

Как выяснилось из ответов респондентов, историческая политика по сохранению коллективных представлений о прошлом в коммуникативной форме весьма востребована. В качестве такой формы чаще всего называлась акция «Бессмертный полк». *«Это действительно народная инициатива, когда тысячи людей выходят с портретами своих предков. Это зримое, эмоциональное воспоминание, которое связывает семьи в единое сообщество»,* – говорит один из респондентов. *«Я хожу на “Бессмертный полк” с портретом погибшего прадеда. Это, наверное, самый честный момент, когда личная память выходит на улицу и ты видишь море таких же личных, часто очень тяжелых историй. Но чувства настоящего соседского сообщества, которое вместе хранит общую память о месте, у нас нет. Мы – сообщество одиночек с чемоданами семейных травм»,* – отмечает другой.

Отмена шествия «Бессмертного полка» в ряде муниципалитетов в 2025 г. вызывает бурную реакцию: *«Мы всей семьей ждали этот день, чтобы почтить память наших предков, готовили фотографии... А его взяли и отменили, как так можно?»*.

В то же время официальные мероприятия, апеллирующие к культурной памяти, нередко критиковались опрошенными за формализм и «бездушие»: *«Говорить о сохранении исторической памяти на уровне города или округа для меня – это в каком-то смысле говорить о чем-то официальном, внешнем. Это та память, которую организуют, транслируют, за которой следят. Все это работает тихо и исправно, как хороший механизм»*.

Как проявление формализма и даже лицемерия трактуется ненадлежащий вид мемориалов, используемых в качестве «мест памяти» (приводился пример памятника «Мужеству рыбаков Сургута в 1941–1945», до реставрации находившегося в плачевном состоянии).

Респонденты весьма позитивно отзывались о советской эпохе: *«О периоде СССР старшие родственники не говорят об этом ничего плохого вовсе, и негативно относятся к Беловежским соглашениям и распаду СССР»*. Отмечают противоречивость, сложность истории: *«В разговорах мы часто отмечаем противоречие: прадед сражался за Родину и был награжден, но тем не менее оказался жертвой репрессивной политики»*.

Даже о Великой Отечественной войне представления в коммуникативной памяти разнятся с нарративами, превалирующими в официальной исторической политике и культурной памяти. Внимание акцентируется не столько на Победе, сколько на жертвах и пережитых муках. *«Мой дед был моряком. И с ним связана самая большая семейная боль – он пропал без вести. Тело не нашли, могилы нет. Бабушка до конца дней ждала и надеялась. Эта история не про подвиг, а про бесконечную, тихую тоску и неопределенность. Она не закончилась в 1945-м, она длится до сих пор»*, – говорит респондент. Другой характерный фрагмент интервью: *«Бабушка, ее старшие братья и младшие сестры не видели ужасов фронта, но сполна хлебнула голода, страха и непосильного труда в тылу»*.

Любопытно, что альтернативность коммуникативной памяти официальным нарративам может даже манифестироваться, как это однажды вылилось в изготовлении на частные средства и установке памятника И.В. Сталину в Сургуте вопреки мнению властей¹.

На фоне неразвитости идентичности местных сообществ главным носителем коммуникативных форм памяти остается семейная память: *«История постоянно живет в наших будничных разговорах, в молчаливых паузах, в том, как папа, прошедший Афганскую войну, смотрит на огонь зажигалки, в том, как бабушка качает головой, услышав по телевизору о каких-нибудь реформах. Это память не в лозунгах и не в датах, а в телесных реакциях, в привычках, в недоверии к громким обещаниям и в тихой гордости за то, что просто выжили, сохранили честность и продолжили работать»*, – заключает один из респондентов.

Выводы

1. Историческая политика на муниципальном уровне в Югре выступает частью символической политики, направленной на формирование общенациональной идентичности как фактора поддержания общественно-политической стабильности в стратегически важном регионе. Она имплицирована во внутренней политике муниципалитетов, реализуясь, хотя и в неявном виде, в профильных муниципальных программах, планах мероприятий по патриотическому воспитанию и профилактике межнациональной конфликтности, подразумевающих использование инструментов исторической политики, а также поддерживаясь сетью учреждений образования и культуры и координирующих их деятельность межведомственных и общественных советов.

2. В то же время в программных и отчетных документах, относящихся к политике идентичности, историческая политика присутствует лишь в латентном, неявном виде. Даже сами понятия «историческая политика» и «политика памяти» встречаются в них крайне редко, то есть взаимосвязь между исторической политикой и политикой идентичности в достаточной мере не отрефлексирована. Репертуар мемориальной политики, направленной на формирование общенациональной идентичности, ограничен «местами памяти», связанными с Великой Отечественной войной. Но даже их смысловой потенциал зачастую не используется в полной мере. Дискурс коммеморативных мероприятий, связанный с почитанием памяти героев войны, не акцентирует, например, внимание на том, что это были представители разных национальностей.

¹ В Сургуте власти демонтировали скандальный бюст Сталина (2016) [Электронный ресурс], *Комсомольская правда*, 6 октября. URL: <https://www.ugra.kp.ru/daily/26591.4/3606583/> (дата обращения: 20.02.2026).

3. Уровень сформированности локальной и региональной идентичности самих локальных сообществ недостаточен для обретения субъектности в сфере исторической политики. Доминирующим актором формирования общенациональной и региональной идентичности на местном уровне выступают органы муниципальной власти. Они координируют и направляют на эти цели деятельность подведомственных учреждений культуры, спорта, образования, а также привлекают некоторые общественные организации.

4. Основным направлением исторической политики органов местной власти как доминирующих акторов выступают сохранение и использование культурной памяти. Эту деятельность, стержнем которой выступает организация мероприятий коммеморативного характера с «привязкой» к «местам памяти», проще организовывать и нагляднее демонстрировать, копируя в том числе федеральные тренды. Заметна тенденция избегания использования более сложных в организационном отношении коммуникативных форм сохранения коллективной памяти, проявившаяся, например, в отказе от организации акции «Бессмертный полк».

В то же время гражданами более востребована историческая политика по сохранению коллективных представлений о прошлом именно в коммуникативной форме. Бинарность, даже противоречия, между культурной памятью и коммуникативной оказались достаточно заметны.

5. С содержательной точки зрения историческая политика на местном уровне, копируя федеральные тренды, нередко либо стигматизирует ряд исторических периодов (например, революционный или постреволюционный), инспирируя коллективные представления в парадигме вины за прошлое, либо девальвирует их достижения (например, в отношении советской эпохи), либо игнорирует неудобные нарративы, как это происходит с ельцинским периодом. Подобные операции по девальвации, стигматизации и игнорированию исторического материала могут приводить к «вымыванию» коллективных представлений, формирующих общенациональную и, что еще чаще, основанную на воспоминаниях повседневности групповую идентичность, в том числе идентичность местных сообществ. Кроме того, возникающий когнитивно-мнемонический диссонанс с представлениями, сохраняющимися в семейной памяти, порождает ситуацию недоверия к содержательной стороне официальной исторической политики.

Список литературы / References

- Ассман, Я. (2004) *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: «Языки славянской культуры», 368 с. [Assman, Ya. (2004) *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity*. trans. M. M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 368 p. (In Russ.)].
- Ассман, А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 328 с. [Assman, A. (2014) *The Long Shadow of the Past: Memorial culture and Historical Policy*, trans. B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russ.)].
- Ефременко, Д. В. (2023) 'Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке', *Политическая наука*, 2, сс. 15–45. [Efremenko, D.V. (2023) 'Gaining confidence in his own past. Russian identity and politics of memory at a new historical fork', *Political Science*, 2, pp. 15–45. (In Russ.)].
- Кожевников, О. А., Карасев, А. Т. (2025) 'Местное сообщество: множество вариаций без наличия нормативного обоснования', *Вестник ЮУрГУ, Серия «Право»*, 25(2), сс. 80–88. [Kozhevnikov, O. A., Karasev, A. T. (2025) 'Local community: many variations without regulatory justification', *Bulletin of SUSU. "Law"*, 25(2), pp. 80–88. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2016) 'Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам', *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 139–158. (Malinova, O. Yu. (2016) 'The Official Historical Narrative as an Element of Identity Politics in Russia: from the 1990s to the 2010th', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, pp. 139–158. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю., Джонсон, Дж. (2020) 'Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования

- прошлого в постсоветской России', *Политическая наука*, 2, сс. 15–41. [Malinova, O. Yu., Johnson, J. (2020) 'Symbolic politics as a subject of political science and Russian studies: studies of the political use of the past in post-Soviet Russia', *Political science*, 2, pp. 15–41. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю., Миллер, А. И., Пахалюк, К. А. (2022) 'Региональный аспект политики памяти в России', *Новое прошлое*, 2, сс. 112–136. [Malinova, O. Yu., Miller, A. I., Pakhalyuk, K. A. (2022) 'Regional aspect of memory policy in Russia', *The New Past*, 2, pp. 112–136. (In Russ.)].
- Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (ред.) (2020) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 632 с. [Miller, A. I., Efremenko, D. V. (eds.) (2020) *Politics of Memory in Contemporary Russia and Eastern European Countries. Actors, Institutions, Narratives*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 632p. (In Russ.)].
- Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В., Семенов, И. С. (2020) 'Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности'. *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 56–77. (Morozova, E. V., Miroshnichenko, I. V., Semenenko, I. S. (2020) 'Development of rural local communities: the potential of identity politics', *Policy. Political Studies*, 3, pp. 56–77. (In Russ.)].
- Писарев, А. Н. (2023) 'Правовые основы местного сообщества в Российской Федерации: понятие, структура, формы взаимодействия с органами местного самоуправления', *Правосудие*, 5, (4), сс. 43–58. [Pisarev, A. N. (2023) 'Legal foundations of the local community in the Russian Federation: concept, structure, forms of interaction with local authorities', *Justice*, 5(4), pp. 43–58. (In Russ.)].
- Политика идентичности: понятия, смыслы, практики: учеб. пособ.* (2023) отв. ред. Л. А. Фадеева. Пермь: ИЦ «Титул», ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 216 с. [*Identity politics: concepts, meanings, practices: textbook* (2023) L. A. Fadeeva (ed.). Perm: PS "Title", FSBEI HE "PSSRU", 216 p. (In Russ.)].
- Политика памяти в России – региональное измерение: монография* (2023) под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. РАН. ИНИОН. Институт научной информации по общественным наукам РАН. М. 471 с. [*Memory policy in Russia – regional dimension: monograph* (2023) A. I. Miller, O. Yu. Malinova, D. V. Efremenko (eds). RAN. INION. Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. M. 471 p. (In Russ.)].
- Поцелуев, С. П. (2023) 'Стереотип как институциональный ресурс политики памяти: случай российского поколения Z' *Журнал политических исследований*, 7(4), сс. 62–71. [Poceluev, S. P. (2023) 'Stereotype as an institutional resource of memory policy: the case of the Russian generation Z', *Journal of Political Studies*, 7(4), pp. 62–71. (In Russ.)].
- Фадеева, Л.А. (2024) 'Конструктивные подходы к анализу конструируемой идентичности', *Современная Европа*, 2, сс. 175–183. [Fadeeva, L.A. (2024) 'Constructive approaches to the analysis of constructed identity', *Modern Europe*, 2, pp. 175–183. (In Russ.)].
- Нора, П. (1999) 'Между памятью и историей. Проблематика мест памяти' в П. Нора и др. *Франция-память*. пер. с фр. Д. Хапаевой. Санкт-Петербургский гос. ун-т; Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999, 325 с. [Nora, P. (1999) 'Between Memory and History: The Problem of Places of Memory' in P. Nora and oth. *France-Memory*, trans. D. Khapaeva. Sankt-Peterburgskij gos. un-t; St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999, 325 p. (In Russ.)].
- Хальбвакс, М. (2007) *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство, 348 с. [Khal'bvaks, (2007) M. *Social frameworks of memory*. M.: Novoe izdatel'stvo, 348 p. (In Russ.)].
- Hirst, W., Coman, A. (2018) Corrigendum to 'Building a collective memory: the case for collective forgetting', *Current Opinion in Psychology Curr. Opin. Psychol.*, (23), pp. 8–92.

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Мартынов Михаил Юрьевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и философии.

E-mail: martinov.mu@gmail.com (ORCID: [0000-0002-8245-7359](https://orcid.org/0000-0002-8245-7359). ResearcherID: F-8115-2019).

Пуртова Виктория Сергеевна, старший преподаватель кафедры политологии и философии.

E-mail: viktoriya-purtova@yandex.ru (ORCID: [0000-0001-5281-1014](https://orcid.org/0000-0001-5281-1014). ResearcherID: I-1090-2018).

Information about authors

Mikhail Y. Martynov, Doctor of Sciences (in Politics), Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and Philosophy.

E-mail: martinov.mu@gmail.com (ORCID: [0000-0002-8245-7359](https://orcid.org/0000-0002-8245-7359). ResearcherID: F-8115-2019).

Victoria S. Purtova, Senior Lecturer, Department of Political Science and Philosophy.

E-mail: viktoriya-purtova@yandex.ru (ORCID: [0000-0001-5281-1014](https://orcid.org/0000-0001-5281-1014). ResearcherID: I-1090-2018).

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-62-74

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ: «АНТИРЕСУРС» ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Е. В. Морозова, Н. Т. Русия

Морозова Елена Васильевна,

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация.

Русия Натэлла Тенгизовна,

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация.

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме цифрового неравенства в поселенческом измерении, по оси «город-село». Целью статьи является выявление механизмов и последствий влияния цифрового неравенства на жизненные стратегии и практики сельской молодежи, политическую социализацию и молодежную политику в сельских территориях Юга России, а конкретно Краснодарского края и Астраханской области. Теоретическими основаниями исследования послужили концепция молодежи как субъекта общественной жизни, модель цифровой политической социализации, теоретическая модель трех уровней цифрового неравенства. Эмпирическую базу составили материалы проведенного авторами исследования (онлайн анкетного опроса 600 представителей сельской молодежи Краснодарского края и Астраханской области, 10 фокус-групповых интервью в сельских районах этих же субъектов и контент-анализа 36 аккаунтов молодых сельских блогеров в социальных сетях). В статье выявлено инфраструктурное (нестабильность связи, ограниченность доступа) и социально-психологическое (различия в цифровых навыках и практиках использования интернета) измерение цифрового неравенства, что ставит вопрос о необходимости его переосмысления как самостоятельного фактора, влияющего на эффективность молодежной политики на селе и уровень социально-политической активности сельской молодежи. В современных условиях цифровая среда становится основным каналом социальной мобильности, самореализации молодежи, создает новые формы политического участия. Социально-политические практики молодых селян, а также формирование представлений о «желаемом будущем» в значительной степени опосредуются цифровыми платформами. Различия в уровне цифровой включенности трансформируются из технологической проблемы в социально-политический фактор, влияющий на процессы гражданской активности, социализации, идентификации и территориальной мобильности молодежи.

Ключевые слова: сельская молодежь; молодежная политика; цифровизация; цифровое неравенство; гражданская активность; политическая социализация; жизненные стратегии молодежи; Юг России

Для цитирования: Морозова, Е. В., Русия, Н. Т. (2026) 'Молодежная политика в сельских территориях России: «антиресурс» цифрового неравенства', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 62-74. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-62-74

Финансовая поддержка: Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект 25-28-00887 «Идентификационные стратегии и практики молодежи как фактор политики развития сельских территорий».

**YOUTH POLICY IN RURAL AREAS OF RUSSIA:
THE "ANTI-RESOURCE" OF DIGITAL INEQUALITY**

E. V. Morozova, N. T. Rusiya

Elena V. Morozova,
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation.

Natella T. Rusiya,
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation.

Abstract

This article examines digital inequality in its settlement dimension along the urban–rural divide, focusing on its mechanisms and effects on the life strategies and practices of rural youth and youth policy in Krasnodar Krai and Astrakhan Oblast. It is grounded in concepts of youth as a subject of social reproduction and public life, digital socialization, life strategy analysis, and a three-level model of digital inequality. The empirical base includes an online survey of 600 rural youth in Krasnodar Krai and Astrakhan Oblast, 10 focus group interviews in these regions, and content analysis of 36 rural youth bloggers' social media accounts. This article distinguishes infrastructural (unstable connection, limited access) and socio-psychological (differences in digital skills and internet usage practices) dimensions of digital inequality, emphasizing it as an independent factor affecting the effectiveness of rural youth policy. In today's context, the digital environment is becoming the primary channel for social mobility and self-realization for young people. The social practices of young rural residents, as well as the formation of their "desired future" images, are largely mediated by digital platforms. Differences in digital inclusion are becoming a socio-political factor, shaping youth socialization, identity formation, and territorial mobility.

Keywords: rural young people; youth policy; digitalization; digital inequality; life strategies; Southern Russia

For citation: Morozova, E. V., Rusiya, N. T. (2026) 'Youth policy in rural areas of Russia: the "anti-resource" of digital inequality', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 62-74. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-62-74

Funding: This article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation, project 25-28-00887 "Youth Identification Strategies and Practices as a Factor in Rural Development Policy."

Введение

Цифровизация общественной жизни существенно изменила механизмы социализации и самореализации молодежи, превратив цифровую среду в один из ключевых каналов доступа к образованию, занятости и социальным возможностям. Эта среда стала пространством новых возможностей гражданской активности и политического участия. Уровень цифровой включенности становится значимым фактором, определяющим различия в жизненных стратегиях молодых людей, механизмы и формы политической социализации. Одновременно возрастает роль государства в создании институциональных условий, обеспечивающих равный доступ молодежи к данным ресурсам. Обеспечение равных возможностей для самореализации молодежи вне зависимости от места проживания закреплено в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»¹, который фиксирует необходимость формирования условий для развития молодежи, включая доступ к образованию, занятости, социальной инфраструктуре и цифровым технологиям.

Цель данной статьи состоит в выявлении механизмов и последствий влияния цифрового неравенства в его поселенческом измерении на жизненные стратегии и практики молодежи, молодежную политику и социально-политическую активность молодежи в сельских территориях Юга России, а именно Краснодарского края и Астраханской области.

¹ О молодежной политике в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202012300003> (дата обращения: 28.01.2026).

Теоретическая рамка исследования сформирована концепцией молодежи как субъекта общественного воспроизводства и общественной жизни (Чупров, 2008), моделью цифровой социализации (Солдатова, 2018), интегральной моделью анализа жизненных стратегий, направленной на выявление основных факторов, формирующих, способствующих и препятствующих реализации различных стратегий молодежи (Балич, 2023). Цифровая инклюзия рассматривается как ключевой фактор политической социализации в современных условиях (Морозова и др., 2021). Авторами использована теоретическая модель трех уровней неравенства, согласно которой первый уровень цифровых расколов обусловлен доступом к Интернету (технологическое неравенство); второй уровень определяется уровнем освоения цифровых компетенций гражданами и личной мотивацией пользователей (различия в навыках онлайн-пользователей); третий уровень проявляется в дифференциации эффективности и результативности использования цифровых технологий для различных целей граждан (приобретаемые выгоды и результаты, получаемые пользователями в профессиональной, социальной, экономической, культурной и политической сферах деятельности). Данная модель, предложенная Э. Хелспер, основывается на формировании и развитии институциональных механизмов политики цифровой инклюзии, направленных на решение проблем, возникающих в реальной жизни «исключенных» в результате цифровых разрывов групп пользователей. Люди, лишенные доступа к Сети и не обладающие необходимыми навыками использования цифровых технологий, стали называться эксклюзантами. Существует определенный риск роста цифрового неравенства до такой степени, что представители групп эксклюзантов «оказываются в “другой Вселенной” с точки зрения своих экономических и социальных возможностей» (Цифровая жизнь..., 2020: 7).

Исследователи цифрового неравенства часто используют термин «эффект Матфея», смысл которого заключается в том, что это неравенство усугубляет прочие виды неравенства, работает по принципу «петли обратной связи» и усиливает кумулятивные эффекты различных видов неравенства.

Разные аспекты цифрового неравенства сельских территорий, в основном в контексте их инновационного развития, получили отражение в работах зарубежных исследователей (Arcuri et al., 2023; Fahmi, Arifianto, 2022; Lioutas, Charatsari, 2022; De Rosa et al., 2024; Farinha, Martins, 2025; Ofori et al., 2025; Shen, 2023). Поселенческое измерение цифрового неравенства в российских условиях имеет более выраженные проявления. «Городские территории и регионы, имеющие высокий социально-экономический потенциал, с ростом цифровизации получают новый импульс для своего развития, а сельские территории и регионы с депрессивной экономикой становятся уязвимыми в цифровом отношении» (Костяев, 2024). В Российской Федерации в процессе цифровизации общества, «за исключением достаточно редких случаев, когда показатели стабилизируются (иногда на маргинально низких границах), село отстает от города на 5–6 лет» (Сальников, 2021). Постепенно происходит сокращение цифрового разрыва между городом и селом по широкополосному доступу к сети Интернет, в особенности с использованием мобильной связи, одновременно растет неравенство в уровне цифровой компетентности пользователей и их цифровой грамотности. В трудах российских исследователей выявляются уровень цифровой грамотности сельских жителей, использование ими государственных и муниципальных услуг в онлайн-формате, влияние пандемии COVID на цифровизацию села, активность в электронных покупках (Лукашин, 2021; Кириллова и др., 2021; Садырtdинов, 2024)². Ряд исследований посвящен региональным кейсам цифрового неравенства в поселенческом измерении (Хвалеи, 2025; Былина, 2018; Прокопьев, 2021; Шабунова и др., 2020; Михайлова, 2021).

Методы исследования

Методология исследования основана на сочетании количественных и качественных методов. Его эмпирическую базу составили материалы электронного опроса сельской молодежи, который производился на платформе Survey-Studio с возможностью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по электронной ссылке). Объем выборочной совокупности составил 600 респондентов в возрасте от 18 до 39 лет, половина из которых проживают в сельских поселениях Краснодарского края, а половина – в сельских поселениях Астраханской области. Выборочная совокупность количественного исследования сформирована целенаправленным методом типичных представителей. Основными признаками отбора являлись регион проживания, возраст и пол респондентов. Интересные данные были получены в ходе фокус-групповых интервью с сельской молодежью в 10 районах этих же регионов (6 – в Краснодарском крае, 4 – в Астраханской области). В ходе исследования

² Шомполов А. Д. (2025) Цифровое неравенство регионов России: причины и последствия [Электронный ресурс], *Научный лидер*, 19. URL: <https://scilead.ru/article/8719-tsifrovoe-neravenstvo-regionov-rossii-prichin> (дата обращения: 28.01.2026).

дополнительно осуществлялись мониторинг и качественный контент-анализ аккаунтов 36 сельских блогеров в социальных сетях (Telegram, «ВКонтакте», «Одноклассники») в 2024–2025 гг.

Селяне составляют 35,6 % общей численности населения Астраханской области и 42,9 % в Краснодарском крае. Если в городских населенных пунктах Краснодарского края население за 2010–2022 гг. выросло на 15 %, то в сельских – всего на 1,9 %. С 2020 г. рост численности сельского населения края сменился его сокращением, что в итоге привело к снижению его доли во всем населении с 47,1 до 42,9 %. В Краснодарском крае, преимущественно на его сельских территориях, происходит активная миграция пожилого населения из других регионов страны. Как следствие, доля населения в возрасте 65+ лет в сельских поселениях здесь значительно превышает среднероссийский показатель и устойчиво растет: с 23,7 % в 2011 г. до 27 % в 2021 г. С увеличением доли пожилых снижается доля трудоспособного населения, которая за тот же период сократилась на 2,8 % (с 58,6 % в 2011 г. до 55,8 % в 2022 г.) (Ракачев, 2023).

По индексу цифровой экосистемы регионов России в 2025 г. Краснодарский край и Астраханская область оказались в середине: 20 и 26-е места в рейтинге соответственно, что говорит о том, что ситуация с развитостью инфраструктуры, качеством пользовательских навыков и цифровыми сервисами здесь достаточно типичная³.

Цифровое неравенство сельских территорий: состояние и последствия для молодежи

Фактор места проживания является значимым для уровня цифрового развития, прежде всего за счет инфраструктурной составляющей. По данным совместных замеров Росстата и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2018 г., среди регионов с наименьшим доступом в Интернет преобладают те, в которых наиболее высокая доля сельского населения. Для жителей сельских поселений затруднена возможность установки проводных высокоскоростных соединений. По сведениям Минцифры, если в Москве скорость интернет-соединения превышает 100 Мбит/с, то в Республике Тыва этот показатель едва достигает 10 Мбит/с⁴. Разрыв заметен и в охвате домохозяйств, так как в Центральном федеральном округе доступ к сети имеют 85 % семей, тогда как на Северном Кавказе – лишь чуть более половины. Параллельно с этим данные Росстата указывают на устойчивость группы NEET. В 2022 г. порядка 9,8 % молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет фактически выпали из социальной структуры, не имея работы и не проходя обучение⁵. В данном случае мобильный Интернет является альтернативой: подавляющее большинство сельских жителей используют мобильные устройства (Груздева, 2022). Однако далеко не все услуги и форматы мобильный Интернет позволяет использовать, покрытие мобильных операторов неполное, и порой связь крайне неустойчива, особенно в обстановке ее ограничений в связи с СВО.

Среди регионов с высокими долями отказа от пользования Интернетом по причине отсутствия необходимых навыков преобладают территории с высокой долей сельского населения. Значения разнятся (в рамках данной группы): от Республики Мордовия, где 36 % населения проживает в селах и в 40 % случаев домохозяйства, не имеющие доступа к Интернету, называют причиной именно недостаток навыков, до Курганской области с 38 % сельских жителей и 59 % семей, не имеющих достаточных навыков для использования Интернета⁶.

Основываясь на официальных документах международных профессиональных организаций, а также на отечественных и зарубежных исследованиях, Е.Л. Вартанова выделяет несколько групп компетенций, формирующих медиа- и информационную грамотность:

- поисковые навыки: навыки верного формулирования информационного запроса, навыки оперативного поиска информации;
- ориентация в информационном пространстве: знание ключевых ресурсов, работа с любыми источниками информации (аудиовизуальные, письменные, аналоговые, электронные, цифровые);
- аналитические навыки: способность анализировать информацию, критическое мышление, осмысление и интерпретация информации;
- информационная безопасность.

³ Индекс цифровой экосистемы регионов России (ИЦЭР) [Электронный ресурс].

URL: http://www.apecom.ru/articles/?ELEMENT_ID=9920 (дата обращения: 21.03.2026).

⁴ Шомполов А. Д. (2025) Цифровое неравенство регионов России: причины и последствия [Электронный ресурс], *Научный лидер*, 19. URL: <https://scilead.ru/article/8719-tsifrovoye-neravenstvo-regionov-rossii-prichin> (дата обращения: 28.01.2026).

⁵ Цели устойчивого развития в Российской Федерации (2025): крат. стат. сб. / Росстат. М., 2025. С. 58.

⁶ Там же. С. 19.

В целом уровень цифровой грамотности в российских столицах выше, чем в среднем по стране (62 против 58 пунктов), а в селах и поселках городского типа – ниже (55 пунктов). Эти данные коррелируют с проведенным в 2020 г. исследованием цифрового капитала российских интернет-пользователей, продемонстрировавшим взаимосвязь между уровнем цифрового капитала и размером населенного пункта, в котором проживали участники исследования. Было выявлено, что пользователи, живущие в более крупных городах, имеют более высокий уровень цифрового капитала по сравнению с теми, кто проживает в небольших городах и сельской местности (Вартанова, Гладкова, 2021).

Принято считать, что уровень цифровой грамотности «цифровых аборигенов» (т.е. поколения Z) значительно превышает уровень «цифровых мигрантов» (предшествующих поколений). Однако эксперты отмечают, что для российских подростков и их родителей в целом характерны необоснованно оптимистичное и упрощенное представление об Интернете, завышенная оценка собственной цифровой компетентности, довольно низкая мотивация к ее повышению (Солдатова и др., 2017: 345). Каждый шестой из опрошенных нами краснодарских подростков при ответе на вопрос об уровне владения цифровыми технологиями выбрал ответ «я уверен, что мои знания в области цифровых технологий развиты очень хорошо и не требуют совершенствования», а 45 % респондентов полагают, что у них «редко находится время для совершенствования своих навыков применения цифровых технологий», лишь треть опрошенных используют различные ресурсы и программы, чтобы улучшить свои цифровые навыки (Морозова и др., 2021). Примечательно, что общероссийский индекс цифровой грамотности в 2024 г. составил 6,65 балла (из 10 возможных), однако наиболее низкие результаты показала именно группа 18–25 лет⁷.

Цифровое неравенство создает новые социальные лифты: уровень владения информационными технологиями становится важнейшим дифференцирующим фактором и устанавливает новые рамки системы социализации. Люди с низким уровнем образования проводят в Интернете больше времени, чем их более образованные сограждане. Но респонденты с высоким социальным статусом чаще используют Интернет для «полезных» типов деятельности. Высокообразованные люди чаще используют Интернет для рабочих и образовательных задач, а также социального и политического участия (Волченко, 2016). Ученые установили, что наличие цифровых навыков значительно влияет на успешность в трудоустройстве. Если люди умеют делать базовые вещи: пользоваться электронной почтой, работать с текстовыми файлами и Excel-таблицами, их шансы получить работу значительно повышаются. В России онлайн учатся только 3 % тех, кто имеет техническую возможность, в США и Корее – 20 %, в Швеции и Финляндии – 18 и 17 %, в Великобритании – 14 %⁸.

Важными факторами реализации жизненных стратегий сельской молодежи являются постепенное становление многоукладности сельской экономики и диверсификация аграрной модели хозяйствования, постепенная цифровизация всех сфер жизни сельского социума. Вместе с тем ключевую роль в реализации этих стратегий играют такие ресурсы, как образование и квалификация, наличие системы социальных лифтов, поддержка семьи, материальное благополучие, а также внутренние, личностные ресурсы (включенность в систему социальных связей, уровень личных притязаний и уровень адаптивности, стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями).

Почему мы использовали метафору «антиресурс», говоря о цифровом неравенстве в городе и селе? Цифровое неравенство обедняет абсолютно все виды ресурсов (не только цифровые), истончает цифровой капитал личности и сельского сообщества. В начале 2000-х гг., анализируя роль цифровых технологий в обществе, П. Норрис называла их «ящиком Пандоры, открывающим новые неравенства власти и богатства, что углубляет различия между информационно богатыми и бедными, подключенными и неподключенными, активными и пассивными» (Norris, 2001: 13).

Приведем лишь некоторые негативные последствия цифрового неравенства для сельской молодежи:

- сокращение возможностей дистанционного обучения на качественном уровне;
- отсутствие устойчивых возможностей для дистанционной работы, а значит, значительное сокращение спектра трудоустройства;
- сокращение возможностей социально-политической активности как в рамках локального сообщества, так и в деятельности общественных организаций;

⁷ Цифровой диктант – 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://d-economy.ru/news/v-cifrovom-diktante-2024-prinjali-uchastie-bolee-2-mln-chelovek-uroven-cifrovoj-gramotnosti-naselenija-rossii-sostavil-6-65-balla-iz-10/> (дата обращения: 29.01.2026).

⁸ Интернет как роскошь: что такое цифровое неравенство и как его преодолеть [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6172591c9a79471433d3fd60> (дата обращения: 13.01.2026)

- трудности в развитии предпринимательства, так как отсутствие стабильного доступа к интернет-ресурсам затрудняет пользование возможностями электронного предоставления отчетности в налоговые органы, электронного банкинга и прочих аналогичных услуг;
- расширение границ такой социальной группы, как NEET-молодежь (это молодые люди, которые нигде не учатся и не работают, образуют особую группу риска, поскольку в большей степени подвержены маргинализации, бедности, отчуждению и социальной эксклюзии);
- затруднение доступа к консультационным услугам, в том числе медицинским, юридическим, финансовым и др.;
- несформированность важных новых навыков в области цифровой безопасности (например, распознавания фейков и интернет-мошенничества), что создает серьезные риски для молодых людей.

В совокупности перечисленные и иные негативные последствия цифрового неравенства значительно снижают субъективную оценку социального благополучия молодых людей, сокращают возможности их социальной мобильности и ведут к тому, что миграционные стратегии молодых людей становятся приоритетными, а депопуляция сельских территорий приобретает угрожающие масштабы. Усугубляются диспропорции социально-экономического развития сельских территорий. Разумеется, изменение ситуации требует комплексного подхода и стратегических решений. Мы попробуем разобраться, какую роль в преодолении цифрового неравенства может сыграть молодежная политика. Простая цифровизация без изменения организации общественных отношений и институтов недостаточна для достижения цифровой трансформации. «Она может привести только к оцифровке существующих институтов, в которой передовая технологическая форма маскирует морально устаревшее содержание» (Орехов, Чубаров, 2024).

Цифровизация как фактор молодежной политики на селе

Особое место в системе молодежной политики занимает сельская молодежь, что связано с задачами пространственного развития страны, преодоления демографических диспропорций и обеспечения устойчивости сельских территорий. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 г. и в государственной программе «Комплексное развитие сельских территорий» (2020–2025 гг.)⁹, реализация которой продолжена в рамках последующих этапов государственной политики до 2030 г., подчеркивается необходимость повышения качества жизни на селе, включая развитие социальной и цифровой инфраструктуры.

В последние годы сформировался ряд институциональных механизмов и практик, направленных на цифровую интеграцию сельской молодежи. Одним из ключевых инструментов стал федеральный проект «Кадры для села» (реализуется Российским союзом сельской молодежи при поддержке Министерства сельского хозяйства РФ и Росмолодежи), в рамках которого проводятся образовательные интенсивы, конкурсы управленческих проектов и стажировки для молодых специалистов, желающих работать и развиваться в сельской местности. Значительная часть мероприятий проекта переведена в онлайн-формат, что предполагает наличие у участников не только технического доступа к сети, но и развитых цифровых компетенций.

Развитие цифровой среды для сельской молодежи также обеспечивается через экосистему платформы «Россия – страна возможностей», включающей конкурсы «Лидеры села», «Мастера гостеприимства» (сельский трек), а также грантовые конкурсы Росмолодежи, где одним из ключевых направлений поддержки являются проекты, направленные на развитие сельских территорий. Подача заявок, обучение, сопровождение и сетевое взаимодействие участников этих конкурсов осуществляются преимущественно в цифровом формате, что делает доступ к устойчивому Интернету и владение цифровыми инструментами необходимым условием участия.

На уровне региональной молодежной политики реализуются программы по созданию цифровых пространств для сельской молодежи: открываются молодежные центры цифрового развития,

⁹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2023 г. № 3789-р. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202312290015> (дата обращения 13.01.2026); Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201906030004> (дата обращения: 13.01.2026).

внедряются дистанционные форматы работы с молодежными сообществами, развиваются платформы для онлайн-обучения и профессиональной ориентации.

На уровне политического дискурса приоритетность развития сельских территорий и привлечения молодежи также последовательно артикулируется. В частности, в публичных выступлениях Президента Российской Федерации акцентируется необходимость комплексного улучшения условий жизни на селе, включая развитие социальной инфраструктуры, образования и повышение доходов населения; при этом подчеркивается, что «самое главное – повышение уровня благосостояния людей, которые проживают на селе»¹⁰.

Вместе с тем эмпирические данные свидетельствуют о сохранении территориальных диспропорций в уровне цифрового развития. По данным Росстата, доля домохозяйств, не имеющих доступа к Интернету, в сельской местности остается выше, чем в городах (14,1 % против 8,3 %), что указывает на наличие инфраструктурного цифрового неравенства. В то же время исследования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» фиксируют «вторичный цифровой разрыв», связанный с различиями в уровне цифровых навыков и способности использовать цифровые ресурсы для образования и занятости. Одновременно исследования ВЦИОМ показывают, что значительная часть молодежи рассматривает переезд в крупные города как более перспективную стратегию, связывая его с лучшими возможностями образования и профессиональной реализации, что поддерживает восприятие сельской местности как пространства с ограниченными возможностями самореализации.

Таким образом, возникает проблема, заключающаяся в несоответствии между декларируемыми целями государственной молодежной политики по обеспечению равных возможностей и фактическими условиями их реализации в сельской местности, обусловленными цифровым неравенством. Это требует переосмысления роли цифрового неравенства как фактора молодежной политики и анализа его влияния на политическую активность и социальные практики сельской молодежи.

Количественные данные, полученные авторами, показывают высокую степень формальной включенности сельской молодежи в интернет-среду. 96,5 % респондентов используют Интернет ежедневно, что на первый взгляд свидетельствует о преодолении цифрового разрыва. Однако за этими цифрами скрываются серьезные качественные проблемы. Почти половина опрошенных (44,3 %) сталкиваются с трудностями при использовании цифровых технологий, причем в Астраханской области этот показатель выше (46,4 % против 42,1 % в Краснодарском крае).

Ключевым препятствием, по мнению респондентов, является не отсутствие Интернета как такового, а его нестабильность и непредсказуемость. Это принципиально важное отличие: для городского жителя Интернет – это стабильная коммунальная услуга, для сельского – ресурс, наличие которого нельзя гарантировать. Участники фокус-групп подчеркивают, что «цифровая среда» на селе превращается в фактор неопределенности: *«У нас просто проблемы с Интернетом. Либо резко отключает, то, что даже не дозвониться... они сразу же либо звонят, либо пишут, но, как обычно, знаете, ничего, у нас отключают Интернет, они не смогут, не могут им звонить, но потом через некоторое время я им пишу через Wi-Fi, через “ВК”, что все в порядке, все хорошо, просто Интернет отключили»* (Астраханская область).

Проблема усугубляется низким качеством покрытия в отдаленных населенных пунктах и высокой стоимостью подключения. Более того, в некоторых селах проблема носит не технический, а политико-технический характер, связанный с близостью к режимным объектам.

В Краснодарском крае, где инфраструктура в целом лучше, проблемы носят иной характер: они связаны с качеством связи в конкретных населенных пунктах и зависимостью от погодных условий: *«У нас, допустим, летом случилась непогода, очень сильный был ветер, сильный дождь, и во многих домах оборвались провода Интернета. Очень долго не работал WI-FI. Из-за того, что мы находимся очень далеко, ни одна служба, которая этим всем занимается, не обращала внимания на наши заявки»* (Краснодарский край); *«“Ростелеком” пытаешься подключить, ты не можешь его подключить. “Мегафона” здесь нормального вообще нет... У нас поселок Мирный, где живут мои родители, чтобы им дозвониться, не дай Бог, если что-то случится, я обзваниваю всех соседей»* (Краснодарский край). Проблема усугубляется высокой стоимостью подключения в частном секторе: *«Обычно в частный дом провести это в принципе достаточно дорогое дело»* (Краснодарский край). Это создает ситуацию, при которой формальный доступ (наличие смартфона и другого оборудования) не гарантирует полноценного использования Интернета для работы или образования. Формируется специфическая практика

¹⁰ Путин рассказал, как привлечь в село молодые кадры [Электронный ресурс], RG. URL: https://rg.ru/2024/12/19/reg-sibfo/putin-rasskazal-kak-privlech-v-selo-molodye-kadry.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fvnrniks.ru%2F (дата обращения: 13.01.2026).

«цифрового ожидания» – когда доступность Сети становится фактором, определяющим планирование в ближайшей и отдаленной перспективе.

Анализ целей использования Интернета показывает, что досуг и развлечения занимают значительную часть времени: 73,1 % опрошенных используют его для развлечений; 86,8 % – для коммуникации. Однако в ходе качественных интервью выясняется, что функциональность Интернета для селян сужается из-за технических ограничений. Молодежь вынуждена адаптировать свои онлайн-практики к нестабильной связи.

Интересно, что молодые люди адаптируются к перебоям связи, перестраивая свои онлайн-практики и формируя специфический набор используемых платформ. На вопрос о популярных социальных сетях участники фокус-групп отмечают вынужденный переход на более устойчивые каналы, причем выбор платформы часто диктуется не столько личными предпочтениями, сколько технической надежностью: «“ВК”, потому что там могут выложить какую-нибудь информацию по поводу села. У нас есть группа... “ВК”, Белые списки, потому что другого ничего нет» (Астраханская область).

Цифровое неравенство становится барьером для использования Интернета в качестве инструмента получения государственных услуг. Хотя 40,7 % используют Сеть для получения госуслуг, этот показатель ниже, чем в среднем по стране, и сопровождается жалобами на невозможность оперативной связи, что особенно критично для удаленных сел, где другие способы взаимодействия с властями затруднены.

В контексте молодежной политики полученные данные указывают на рассогласование между формальными условиями и реальными механизмами формирования жизненных стратегий сельской молодежи. С одной стороны, цифровая среда выступает каналом трансляции внешних моделей успешности, усиливая восприятие ограниченности локальных возможностей и формируя установки на миграцию. С другой стороны, те же цифровые ресурсы используются частью молодежи для выстраивания альтернативных траекторий – через самозанятость, участие в онлайн-активностях и практики цифровой самопрезентации.

Это свидетельствует о том, что ключевым фактором становится не сам доступ к цифровой инфраструктуре, а способность использовать цифровую среду как ресурс самореализации. Соответственно, различия в уровне цифровой включенности напрямую связаны с различиями в жизненных стратегиях: от ориентации на выезд до попыток закрепления в сельской местности через новые формы занятости и активности.

При этом важно учитывать, что значительная часть инструментов государственной молодежной политики уже изначально предполагает цифровую включенность участников. Подача заявок на грантовые конкурсы, участие в форумных кампаниях, регистрация на федеральных платформах и в образовательных программах осуществляется преимущественно в онлайн-формате. В этих условиях недостаточный уровень цифровых компетенций или ограниченная включенность в цифровые практики могут становиться барьером доступа к самим механизмам поддержки, тем самым усиливая неравенство возможностей внутри молодежной среды.

Цифровизация как катализатор социально-экономической активности и формирования идентичности: двойственная природа влияния

Несмотря на описанные трудности, развитие цифровых технологий оказывает положительное влияние на жизнь села. Молодые люди отмечают, что благодаря Интернету улучшилась информированность о событиях и повысилась вовлеченность в культурную жизнь: *«А сейчас через “ВК” пишут, что вот такое мероприятие будет, приходите все. Либо помочь, и все с удовольствием приходят и знают»* (Астраханская область).

Эмпирические данные показывают, что цифровая среда выступает и ресурсом расширения возможностей. В ряде высказываний фиксируется включенность молодежи в разнообразные формы активности – от образования и волонтерства до самозанятости (*«я начала и волонтерством заниматься... и в колледже помогаю в развитии»*; *«...оформилась самозанятой... и теперь выполняю некоторые заказы. Работаю на себя»* (Краснодарский край)).

В этом контексте показательным является сюжет, связанный с развитием практик цифровой самопрезентации, включая сельский блогинг. Несмотря на то что подобные практики не носят массового характера, они демонстрируют возможность перехода от потребления цифрового контента к его производству. Цифровые платформы позволяют репрезентировать сельскую повседневность, формировать аудиторию и в ряде случаев выстраивать экономические стратегии без необходимости миграции. Как

часть современной социокультурной среды сельские блогеры не только сохраняют существующие культурные практики, но и создают новые, уникальные формы взаимодействия. Они выступают не просто как ретрансляторы традиционных ценностей, а как создатели нового ценностного гибрида, в котором традиционные аграрные установки синтезируются с современными ценностями самореализации, экологичности и цифровой открытости. В определенном смысле практики сельских блогеров являются эмпирическим подтверждением идеи о том, что дихотомия традиции и инновации преодолима, возможна их конвергенция, которая может стать важным фактором успешной политики развития. Это делает блогеров важными акторами в процессе переопределения культурного и ценностного ландшафта сельских территорий современной России.

Цифровые платформы становятся инструментом влияния и решения локальных проблем. Участники фокус-групп описывают случай с жителями села, которые смогли добиться остановки автобуса, обратившись к блогеру. Этот пример демонстрирует, как цифровая активность становится ресурсом для консолидации сообщества и взаимодействия с властью: «...написали петицию... он снял видео о том, как жителям нашего села тяжело сказать. Вот. И с этим обратились куда-то выше. И теперь у нас автобус останавливается» (Астраханская область).

Однако исследование фиксирует и обратный, деструктивный эффект. Распространение контента из городов через цифровую среду может провоцировать рост девиантного поведения среди молодежи. Механизм этого влияния двоякий: с одной стороны, происходит копирование образцов поведения, с другой – формируется критическое отношение к собственной сельской среде: «Раньше в селе молодежь была более спокойной... Несмотря на все вот это, что выкладывают в Интернет, просто стали... повторять, да. Ну, грубо говоря, они сами уничтожают мир, в котором живут» (Астраханская область). Кроме того, наблюдается эффект «цифрового затворничества», когда Интернет заменяет реальное общение: «Все в Интернете. Либо в Интернете, игра в Роблокс, либо там поехать в город, погулять, в кафешки. Раньше звали все на речку. Пошли на речку, пошли. Там купаешься. Общения в жизни стало меньше, мне кажется» (Астраханская область). В одной из фокус-групп возникла дискуссия между работающей молодежью и учащейся на тему досуга:

Информант 1 (учащийся): *Если откинуть работу, у городских, сколько я с ними общался, они просто не зависят от местности. Они захотели и уехали на один конец города гулять туда-сюда. Работа, учеба – все, дальше гульки. А здесь у тебя все равно перед родителями какая-то задача стоит. То же самое работа или еще что-то.*

Модератор: *Хозяйство имеете в виду?*

Информант 1 (учащийся): *Да. У тебя не всегда на это время есть силы.*

Информант 2 (учащийся): *Если гулять негде.*

Информант (представитель работающей молодежи): *Я не согласна с молодежью категорически. Как это негде гулять? Главное – чтобы была хорошая компания (Каневской район, Краснодарский край).*

Информант (учащийся): *Вот каждые две недели я в Краснодар. Мы там гуляем.*

Таким образом, цифровизация создает двойственный эффект: с одной стороны, она сплачивает сообщество и открывает новые каналы коммуникации, с другой – размывает традиционные устои, тиражируя городские, порой деструктивные, модели поведения и снижая интенсивность живого общения.

Заключение

Цифровое неравенство в сельской местности выходит за рамки технической проблемы доступа. Наряду с формированием институциональных механизмов цифровой интеграции сельской молодежи, сохраняется разрыв между декларируемыми целями молодежной политики и реальными условиями их реализации. Этот разрыв имеет как инфраструктурное измерение (нестабильность связи, ограниченность доступа), так и социально-психологическое (различия в цифровых навыках и практиках использования Интернета), что ставит вопрос о необходимости переосмысления цифрового неравенства как самостоятельного фактора, влияющего на эффективность молодежной политики на селе.

В этих условиях формируется противоречие современной молодежной политики: с одной стороны, на нормативном и программном уровне декларируется обеспечение равных возможностей для молодежи вне зависимости от места проживания, включая развитие цифровой инфраструктуры и расширение доступа к социальным ресурсам; с другой стороны, сохраняется фактическое неравенство в уровне цифровой включенности сельской молодежи, что ограничивает ее доступ к данным возможностям и воспроизводит территориальные различия в жизненных стратегиях.

Данное противоречие усиливается тем, что в условиях цифровизации именно цифровая среда становится основным каналом социальной мобильности и самореализации молодежи. Образовательные траектории, профессиональная ориентация, участие в общественной и политической жизни, а также формирование представлений о «желаемом будущем» в значительной степени опосредуются цифровыми платформами. В результате различия в уровне цифровой включенности трансформируются из технологической проблемы в социально-политический фактор, влияющий на процессы социализации, идентификации и территориальной мобильности молодежи.

Нестабильный мобильный Интернет ограничивает возможности для дистанционного обучения и удаленной работы, что снижает привлекательность села для квалифицированных кадров и создает дополнительные барьеры для получения качественного образования. Подключение по оптоволокну экономически невыгодно для отдаленных или малонаселенных сельских территорий.

Цифровое неравенство сокращает возможности социальной активности и гражданского участия. Надежная связь является базой для самоорганизации, участия в грантовых конкурсах, инициативного бюджетирования и взаимодействия с властью. Цифровая нестабильность создает дополнительные препятствия для вовлечения молодежи в социально-политическую жизнь.

Цифровая среда транслирует как позитивные (возможность объединяться, получать информацию, участвовать в общероссийских проектах), так и негативные (девиантные модели поведения, ощущение «окраинности» и отсталости) образцы. При этом нестабильность связи укрепляет восприятие села как «места, где невозможно полноценно жить и работать», подталкивая к оттоку молодежи в города.

Замена живого общения виртуальным, снижение интенсивности уличных коммуникаций и традиционных форм досуга, обсуждаемые в ходе фокус-групп, свидетельствуют о глубинной трансформации социальных связей под влиянием цифровизации. Этот фактор пока слабо учитывается субъектами молодежной политики и акторами культурно-просветительской деятельности в сельских территориях.

Для эффективной реализации государственной молодежной политики на селе необходима смена парадигмы: от простого обеспечения «точками доступа» к созданию условий для полноценного использования цифровых возможностей. Это требует интеграции задач по развитию цифровой среды в региональные и муниципальные программы поддержки молодежи. Необходим комплексный подход, включающий поддержку локальных цифровых инициатив, создание условий для развития сельских блогеров, местных сообществ в социальных сетях, цифровых платформ для решения локальных проблем и интеграцию цифровых сервисов (обеспечение доступности и удобства использования государственных и муниципальных услуг в цифровом формате для сельских жителей). «Цифровой профиль», «цифровой капитал», «цифровые якоря» – эти понятия должны не только войти в публичный дискурс молодежной политики, но и преобразоваться в практические цели деятельности субъектов молодежной политики. Если органы по работе с молодежью, молодежные организации и гражданские инициативы будут воспринимать цифровизацию как процесс, способный в системе молодежной политики формировать модели поддержки и диффузии инноваций, способствовать консолидации молодежных сообществ, формированию гражданской идентичности, это позволит позитивно влиять на жизненные стратегии молодых людей и усилит человеческий потенциал улучшить сельских территорий.

Список литературы / References

- Балич, Н. Л. (2023) 'Концептуальные основы исследования жизненных стратегий сельской молодежи Беларуси', *Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*, 68(2), сс. 104–111. DOI: 10.29235/2524-2369-2023-68-2-104-111. [Balich, N.L. (2023) 'Conceptual Foundations for Studying Life Strategies of Rural Youth in Belarus', *Vestsi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk*, 68(2), pp. 104–111. DOI: 10.29235/2524-2369-2023-68-2-104-111. (In Russ.)].
- Былина, С. Г. (2018) 'Региональные особенности и детерминанты использования электронных услуг сельским населением', *Проблемы развития территории*, 5(97), сс. 84–98. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.6. [Bylina, S.G. (2018) 'Regional features and determinants of the use of electronic services by the rural population', *Problemy razvitiya territorii*, 5(97), pp. 84–98. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.6. (In Russ.)].
- Варганова, Е. Л., Гладкова, А. А. (2021) 'Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений', *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*,

- (1), сс. 3–29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329. [Vartanova, E. L., Gladkova, A. A. (2021) 'Digital inequality, digital capital, digital inclusion: dynamics of theoretical approaches and policy decisions', *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, (1), pp. 3–29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329. (In Russ.)].
- Волченко, О. В. (2016) 'Динамика цифрового неравенства в России', *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (5), сс. 162–181. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10. [Volchenko, O.V. (2016) 'Dynamics of digital inequality in Russia', *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), pp. 162–181. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10. (In Russ.)].
- Груздева, М. А. (2022) 'Диджитализация гражданского участия: ограничения в поле цифровых разрывов', *Цифровая социология*, 5(1), сс. 15–24. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-1-15-24. [Gruzdeva, M.A. (2022) 'Civic participation digitalisation: limitations in the digital divides field', *Digital Sociology*, 5(1), pp. 15–24. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-1-15-24. (In Russ.)].
- Кирилова, Д.А., Маслов, Н.С., Рейн, А. Д. (2021) 'Преодоление цифрового неравенства сельских территорий', *International Journal of Open Information Technologies*, 9(9), сс. 21–26. [Kirilova, D.A., Maslov, N.S., Reyn, A.D. (2021) 'Overcoming digital inequality in rural territories' [, *International Journal of Open Information Technologies*, 9(9), pp. 21–26. (In Russ.)].
- Костяев, А. И. (2024) 'Цифровое неравенство между городским и сельским населением', *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 17(3), сс. 50–67. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.3. [Kostyaev, A.I. (2024) 'Digital inequality between urban and rural population', *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), pp. 50–67. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.3. (In Russ.)].
- Лукашин, Н. А. (2021) 'Информационные технологии и инфраструктура сельских территорий', *Креативная экономика*, 15(6), сс. 2603–2614. DOI: 10.18334/ce.15.6.112193. [Lukashin, N.A. (2021) 'Information technology and rural infrastructure', *Creative Economy*, 15(6), pp. 2603–2614. DOI: 10.18334/ce.15.6.112193. (In Russ.)].
- Михайлова, А. А. (2021) 'Оценка восприимчивости населения регионов России к внедрению цифровых технологий', *Балтийский регион*, 13(3), сс. 168–184. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-9. [Mikhaylova, A.A. (2021) 'Valuating the appropriation of digital technologies across Russian regions', *Baltiyskiy region*, 13(3), pp. 168–184. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-9. (In Russ.)].
- Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В., Шпиро, Л. А. (2021) 'Цифровая инклюзия как фактор политической социализации старшеклассников', *Социальные и гуманитарные знания*, 7(4), сс. 378–391. [Morozova, E.V., Miroshnichenko, I.V. and Shpiro, L.A. (2021) 'Digital inclusion as a factor of political socialization of high school students', *Sotsial'nye i humanitarnye znaniya*, 7(4), pp. 378–391. (In Russ.)].
- Орехов, А. М., Чубаров, Н. А. (2024) 'Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, 28(1), сс. 260–272. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272. [Orekhov, A. M., Chubarov, N. A. (2024) 'Digital inequality and digital justice: social-philosophical aspects of the problem', *RUDN Journal of Philosophy*, 28(1), pp. 260–272. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272. (In Russ.)].
- Прокопьев, Е. А. (2021) 'Факторы внутрирегионального цифрового разрыва: оценка сайтов поселений (на примере Республики Карелия)', *Проблемы рыночной экономики*, (4), сс. 50–71. DOI: 10.33051/2500-2325-2021-4-50-71. [Prokop'ev, E. A. (2021) 'Factors of the intraregional digital divide: assessing settlement websites (the case of the Republic of Karelia)', *Problemy rynochnoy ekonomiki*, (4), pp. 50–71. DOI: 10.33051/2500-2325-2021-4-50-71. (In Russ.)].
- Ракачев, В. Н. (2023) 'Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 25(3), сс. 699–721. DOI: 10.22363/2313-

- 1438-2023-25-3-699-721. [Rakachev, V. N. (2023) 'Rural territories of Krasnodar Krai in the context of spatial development policy: the socio-demographic aspect', *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), pp. 699–721. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721. (In Russ.)].
- Садырtdинов, Р. Р. (2024) 'Цифровой разрыв в сельской России: последствия пандемии COVID-19', *Ars Administrandi*, 16(4), сс. 650–664. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-4-650-664. [Sadyrtidinov, R.R. (2024) 'The digital divide in rural Russia: the COVID-19 pandemic consequences', *Ars Administrandi*, 16(4), pp. 650–664. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-4-650-664. (In Russ.)].
- Сальников, С. Г. (2021) 'Цифровое неравенство между городом и селом: догнать нельзя отстать', *Никоновские чтения*, (26), pp. 125–129. [Sal'nikov, S.G. (2021) 'Digital inequality between city and village: impossible to catch up, impossible to lag behind' [Tsifrovoe neravenstvo mezhdru gorodom i selom: dognat' nel'zya otstat'], *Nikonovskie chteniya*, (26), pp. 125–129. (In Russ.)].
- Солдатова, Г. У. (2018) 'Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире', *Социальная психология и общество*, 9(3), сс. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308. [Soldatova, G.U. (2018) 'Digital socialization in the cultural-historical paradigm: the changing child in the changing world', *Social Psychology and Society*, 9(3), pp. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308. (In Russ.)].
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Нестик, Т. А. (2017) *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность*. Москва: Смысл. [Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., Nestik, T. A. (2017) *Russia's Digital Generation: Competence and Safety*, Moscow: Smysl. (In Russ.)].
- Хвалей, Д. В. (2025) 'Комплексная оценка уровня цифровизации сельской местности России (на примере ЦФО)', *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные науки*, (3), сс. 39–55. DOI: 10.5922/vestniknat-2025-3-3. [Hvalei, D.V. (2025) 'Comprehensive assessment of the level of digitalization of rural areas in Russia (using the example of the Central Federal District)', *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural Sciences*, (3), pp. 39–55. DOI: 10.5922/vestniknat-2025-3-3. (In Russ.)].
- Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? (2020) Москва: Сколково. [Digital Life of Russian Regions 2020. What Determines the Digital Divide? (2020) Moscow: Skolkovo. (In Russ.)].
- Чупров, В. И. (2008) 'Концепция социального развития' в: Социология молодёжи. Энциклопедический словарь. Москва: Академия, сс. 451–454. [Chuprov, V. I. (2008) 'The concept of social development' [Kontseptsiya sotsial'nogo razvitiya] in: *Sociologiya molodezhi. Entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow: Academia, pp. 451–454. (In Russ.)].
- Шабунова, А. А., Груздева, М. А., Калачикова, О. Н. (2020) 'Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России', *Проблемы развития территории*, 4(108), сс. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1. [Shabunova, A. A., Gruzdeva, M. A. and Kalachikova, O. N. (2020) 'Settlement aspect of digital inequality in modern Russia', *Problems of Territory's Development*, 4(108), pp. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1. (In Russ.)].
- Arcuri, S., Brunori, G., Rolandi, S. (2023) 'Digitalisation in rural areas: exploring perspectives and main challenges ahead', *Italian Review of Agricultural Economics*, 78(2), pp. 19–28. DOI: 10.36253/rea-14368.
- De Rosa, M., Charatsari, C., Lioutas, E.D., Masi, M., Vecchio, Y. and Francescone, M. (2024) 'Contextualising digitalisation through ambidexterity and new territorial proximities', *Journal of Rural Studies*, 109, article 103322. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103322.
- Fahmi, F. Z., Arifianto, A. (2022) 'Digitalization and social innovation in rural areas: a case study from Indonesia', *Rural Sociology*, 87(2), pp. 339–369. DOI: 10.1111/ruso.12418.
- Farinha, C. A., Martins, F. C. (2025) '5G Internet in rural areas: impacts, challenges and sustainable strategies for development', *Revista de Gestão Social e Ambiental*, 19(1), article e011106. DOI: 10.24857/rgsa.v19n1-177.
- Lioutas, E. D., Charatsari, C. (2022) 'Innovating digitally: the new texture of practices in Agriculture 4.0', *Sociologia Ruralis*, 62(2), pp. 250–278. DOI: 10.1111/soru.12356.

Norris, P. (2001) *The digital divide: civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139164887.

Ofori, A. S., Keaveney, K., Gonzalez del Campo, A. and Robinson, D. (2025) 'Rural transformation through digitalisation? Understanding the digital in the context of rural

change', *European Countryside*, 17(1), pp. 91–110. DOI: 10.2478/euco-2025-0005

Shen, X. (2023) 'Digitalization in rural revitalization: a qualitative investigation of challenges' in: Digitalization and Management Innovation II. *Frontiers in Artificial Intelligence and Applications*, 376, pp. 203–208. DOI: 10.3233/FAIA230732..

Статья поступила в редакцию: 30.03.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторе

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственной политики и публичного управления.

E-mail: morozova_e@inbox.ru (ORCID: [0000-0002-1369-7594](https://orcid.org/0000-0002-1369-7594). ResearcherID: R-9250-2016).

Русия Натэлла Тенгизовна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и публичного управления.

E-mail: Natarus2412@mail.ru (ORCID: [0000-0001-5852-3574](https://orcid.org/0000-0001-5852-3574)).

Information about authors

Elena V. Morozova, Doctor of Sciences (in Philosophy), Professor, Professor of the Department of Public Policy and Public Administration.

E-mail: morozova_e@inbox.ru (ORCID: [0000-0002-1369-7594](https://orcid.org/0000-0002-1369-7594). ResearcherID: R-9250-2016).

Natella T. Rusiya, Candidate of Sciences (in Politics), Associate Professor of the Department of Public Policy and Public Administration.

E-mail: Natarus2412@mail.ru (ORCID: [0000-0001-5852-3574](https://orcid.org/0000-0001-5852-3574)).

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-75-86

НОРМАТИВНАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М. В. Назукина

Назукина Мария Викторовна,

Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук –
филиал ФГБУН ПФИЦ УрО РАН, Пермь, Российская Федерация.

Аннотация

Статья направлена на концептуальное определение нормативного уровня институционализации региональной идентичности и характеристику его проявлений. Актуальность исследования обусловлена значительным прикладным потенциалом региональной идентичности, которая становится ресурсом развития субъектов Российской Федерации. Эмпирическую основу статьи составили нормативные документы, регулирующие разнообразные вопросы конструирования идентичности: государственные программы, законы, стратегии развития, послания губернатора, материалы СМИ, а также интервью с экспертами и акторами политики идентичности (N 10). Использовались методы аналитического моделирования, экспертного интервьюирования, дискурс-анализа. В результате выявлены основные проявления нормативной институционализации региональной идентичности, под которой понимается позиционирование, нормативное закрепление региональной специфики и ее артикуляция в политических курсах региона. Определены следующие проявления: официальное политико-правовое закрепление региональной специфики; определение статуса региона и его границ; политические курсы в сфере образования и культуре по развитию региональной идентичности в регионе; проявления региональной идентичности в системе органов публичной власти; наличие региональных движений и организаций, создаваемых для выражения интересов региона. Исследование показало, что в Пермском крае наиболее значимое проявление нормативной институционализации региональной идентичности связано с закреплением региональной специфики на основе экономического дискурса.

Ключевые слова: региональная идентичность; социальный конструктивизм; институционализация; нормативная сфера; дискурс; политика идентичности; Пермский край

Для цитирования: Назукина, М. В. (2026) 'Нормативная институционализация региональной идентичности в современной России', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 75-86. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-75-86

Финансовая поддержка: Исследование выполнено в рамках государственного задания № 124021400020-6 «Многоуровневая политика в современном мире: институциональные и социокультурные аспекты».

NORMATIVE INSTITUTIONALIZATION OF REGIONAL IDENTITY IN MODERN RUSSIA

M. V. Nazukina

Maria V. Nazukina,

Institute for Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation.

Abstract

The study examines the applied potential of regional identity as a resource for regional development in the Russian Federation. It addresses the need to conceptualize identity policy in a way that supports effective governance. The aim is to define the normative level of institutionalization of regional identity and its main

directions. The empirical basis includes normative documents on identity construction (state programs, laws, regional strategies, leadership messages) as well as expert interviews with actors of identity politics. The study uses analytical modeling, expert interviews, quantitative content analysis, and discourse analysis. Normative institutionalization of regional identity is defined as the positioning and normative consolidation of regional specifics within regional political agendas. It includes official political and legal consolidation of regional specifics, definition of regional status and borders, education and cultural policies supporting identity development, representation within public authorities, and the presence of regional movements and organizations expressing regional interests. The application of directions of the normative institutionalization of regional identity to a particular region made it possible to demonstrate the algorithm of this analytical scheme. The study showed that in Perm Krai, the most significant direction of identity construction is associated with the normative consolidation of regional specifics based on economic discourse.

Keywords: regional identity; social constructivism; institutionalization; normative sphere; discourse; identity politics; Perm Krai

For citation: Nazukina, M. V. (2026) 'Normative institutionalization of regional identity in modern Russia', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 75-86. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-75-86

Funding: The research was carried out within the state assignment № 124021400020-6 «Multilevel politics in the modern world: institutional and socio-cultural dimensions».

Введение

На уровне российских регионов происходит интеграция вопросов идентичности в управленческие практики. Инструментализация категории и рассмотрение ее как ресурса развития сообществ выводит данную тематику в число мейнстримных и стратегически важных тем (Фадеева, 2024: 176). Неслучайно укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования входят в число приоритетных направлений научно-технологического развития Российской Федерации согласно Указу Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529.

Исследования региональных и локальных идентичностей в современной России играют ключевую роль в разработке стратегий развития территорий. Важно понимать, что именно гармоничное сочетание и взаимодействие различных идентичностей обеспечивают стабильность страны в целом. Конфликты, основанные на противостоянии идентичностей (мы – они), особенно сложны для разрешения, поскольку рациональные доводы в них малоэффективны. Научно обоснованная профилактика таких конфликтов, в том числе через применение инструментов политики идентичности, является приоритетной задачей. В этом контексте объясним стремительный всплеск интереса к исследованию идентитарных аспектов региональной политики. Если в 2021 г. в научной электронной библиотеке elibrary.ru содержалось 1178 публикаций с ключевым словом «региональная идентичность», то к началу 2026 г. их насчитывалось уже 1801¹.

При этом одновременно с актуальностью и очевидным интересом к проблеме исследователи сталкиваются с методологическими вызовами. Укоренение идентитарной политики актуализирует вопрос о том, как изучать этот феномен с учетом выхода на поиск эффективных управленческих решений (Фадеева, Назукина, 2020). Одна из трудностей состоит в том, что составляющие идентичности и характерные ее черты (включая восприятие «других») редко осмысляются и проявляются в обыденных ситуациях. Это создает препятствия для сбора эмпирических данных, например, через анкетирование. Возникает проблема поиска альтернативных методов исследования, в частности через дискурсивное конструирование идентичности и определение маркеров, позволяющих фиксировать выраженность различных уровней идентификации у регионального общества, и их артикуляцию в политике идентичности.

¹ Подсчет автора в библиотеке elibrary.ru в январе 2021 и 2026 гг.

**Нормативная институционализация региональной идентичности:
теоретико-методологические аспекты**

На сегодняшний день активно изучаются как политика идентичности (Béland, 2016; Bernstein, 2005; Orjuela, 2014 и др.), так и ее отдельные направления и инструменты (Малинова, 2010; Попова, Гришин, 2024 и др.). Особо важными для исследования проблематики идентичности являются коллективные монографии под руководством И.С. Семененко (Семененко, 2017; Семененко, 2023 и др.). Исследования социологов и философов касаются разных сюжетов соотношения территориальных идентичностей, особенностей регионального менталитета и др. Ученые поднимают темы политики идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов, позитивного взаимодействия гражданской, этнической, региональной и локальной идентичностей (Мирошниченко, Морозова, 2022; Селезнева, Хугаев, 2024; Гриценко, 2024 и др.).

В политической науке региональная идентичность преимущественно изучается в рамках регионалистики такими зарубежными авторами, как М. Китинг, К. Зиммербаум, А. Пааси (Китинг, 2003; Zimmerbauer, Paasi, 2013; Cherrington, Farrow, 2025; Marek, 2023 и др.). Учитывая тот факт, что исследования территориальных идентичностей имеют большой практический потенциал, актуальным стало изучение брендинга территорий, формирования новых символических атрибутов территориальных сообществ на основе ценностей культуры (Чернышов, Дерендяева, 2024; Киреева и др., 2024; Шадже, 2023). Достаточно популярны работы, анализирующие механизмы конструирования региональной идентичности, среди которых особое место отводится анализу дискурса конструирования идентичности, в частности СМИ, символической активности политической и интеллектуальной элиты. Большое количество исследований посвящено различным аспектам политики идентичности на уровне регионов и городов (Калашникова, Погодина, 2024). Принимая во внимание убедительное обоснование Даниэля Беланда о том, что центральное место идентичности в анализе позволяет достичь глубокого понимания публичной политики, мы можем рассматривать политику идентичности как самостоятельное направление, тесно связанное с публичной политикой (Béland, 2016).

В данной статье в фокусе находится нормативная институционализация региональной идентичности. В научных работах нормативная институционализация наиболее исследована в аспекте изучения этнической идентичности (Назукина, 2024), укоренения этничности в системе формальных и неформальных институтов республик, в т.ч. и на нормативном уровне. Так, маркеры этнической идентичности могут проявляться в официальных названиях государственных органов, их структуре и официальной репрезентации. Кроме того, этничность может влиять на назначение на ключевые политические и управленческие должности. Значимым направлением институционализации на данном уровне, в частности, является этничность в системе органов государственной власти и в распределении властных позиций (признаки power-sharing). Наконец, этнические группы могут получать законодательно закрепленные преференции в рамках государственной политики, в частности, в языковой политике (Борисова, 2017; Панов, 2019). Однако в отношении региональной идентичности нормативный уровень остается малоисследованным.

Любые классификации регулируются на уровне дискурсов через политику и могут быть формализованы в нормативно-правовых актах и формируемых институтах. Цель статьи заключается в концептуальном определении нормативного уровня институционализации региональной идентичности и характеристике ее проявлений. Потребность в таком исследовании заключается в том, что этот уровень может рассматриваться как базовый и смыслообразующий в институционализации региональной идентичности.

Основой методологии исследования является социально-конструктивистский подход, который утверждает, что новая социальная реальность возникает благодаря осмыслению и переосмыслению социальных явлений (процесс категоризации). Эти новые значения закрепляются в языке. Следовательно, социальные группы формируются в первую очередь через взаимодействие, а их самоопределение зависит от того, как индивиды или группы выстраивают отношения с окружающим миром посредством дискурса. Процесс категоризации и объективации этих явлений, по П. Бергеру и Т. Лукману, завершается их закреплением (институционализацией) и легитимацией.

Институционализация требует наличия социальной группы, чьи члены разделяют чувство общности, основанное на общих характеристиках и представлениях о мире. По сути, институционализация – это процесс, который делает социальные взаимодействия постоянными, предсказуемыми и стабильными. Когда индивиды в ходе общения следуют определенным нормам, эти нормы становятся институтами. Ключевым условием для успешной институционализации является наличие у группы общих

представлений и знаний, которые порождают взаимно значимые ожидания относительно поведения каждого члена. Это позволяет социальным взаимодействиям стать регулярными и повторяющимися, что необходимо для закрепления социальных практик в качестве институтов.

Территориальная идентичность является одной из ключевых категорий идентификационной матрицы человека. Ее формирование обусловлено принадлежностью к социальной общности, чья связь с индивидом базируется на совместном проживании в определенном географическом пространстве как в настоящем, так и в прошлом. При этом принципиально важно подчеркнуть, что суть этой принадлежности заключается не только в связи с физической территорией, но и в идентификации с сообществом или группой людей, которые эту территорию населяют.

Основу такой категоризации в отношении территории составляет регионалистский дискурс. Пьер Бурдьё отмечает, что такой дискурс стремится распространить новое, легитимное определение региональных границ, побуждая людей к познанию и признанию региона, который формируется в оппозиции к доминирующим представлениям. Эта борьба за смыслы, разворачивающаяся в языковом поле, проявляется в тех конструкциях, которые создают различные категории и деления в социальном мире (Бурдьё, 2005: 5). Поэтому, для того чтобы фиксировать устойчивые смыслы, определяющие региональную идентичность, нами было предложено понятие «институционализация региональной идентичности», которое подразумевает обретение ценности и устойчивости регионалистского дискурса о специфике региона и сообщества в рамках политического курса, ориентированного на формирование, поддержание региональных порядков и публичное признание региональной идентичности².

Институционализация региональной идентичности в российских регионах проявляется в разной степени и формах. Для того чтобы выявлять общие тенденции, требуется универсальный исследовательский инструментарий. Для решения данной задачи может быть использована авторская аналитическая модель институционализации идентичности, которая позволяет проводить исследования практик укоренения идентификационных категорий как в масштабах case-study, так и в сравнительном ключе, что подтверждается ее эффективным использованием в научных работах (Панов, 2019; Шадже, 2023; Гриценко, 2024).

Суть данной теоретической модели предполагает выделение трех уровней институционализации региональной идентичности: нормативного (позиционирование и нормативное закрепление региональной специфики и ее артикуляция в политических курсах), нарративно-мифологического (присутствие региональной идентичности в доминирующих нарративах и мифологемах региона), символического (символизация и переход региональной специфики в символику, названия регионов, топонимику, праздники, брендинг, пантеоны региональных героев и т.д.). Выделенные уровни и предложенная модель институционализации является аналитическим конструктом. Важно подчеркнуть взаимосвязь каждого из уровней, поскольку очевидно, что формирование символического атрибута не обходится без его мифологизации и нормативного закрепления.

Нормативный уровень институционализации региональной идентичности подразумевает официальное политико-правовое оформление регионалистского дискурса за счет его закрепления в нормативных документах, фиксирующих понимание термина «регион» и определяющих институциональные аспекты его существования в аспекте исключительных особенностей территории. Важно подчеркнуть, что нормативные документы не ограничиваются только законами, указами, постановлениями и др. Они включают стратегические документы, определяющие целеполагание региона, а также дискурс официальных лиц, документы различных акторов политики идентичности (например, региональных организаций или движений), а также различные правила организации и проведения мероприятий в символическом конструировании региона и его особенностей. Такое уточнение необходимо, поскольку сводить нормативную институционализацию идентичности только к нормам права будет ее сужением. Важным критерием нормативности в данном случае является интенция текста, который устанавливает, изменяет какие-либо представления о регионе и его обязательность для формирования определенного действия или проведения определенной политики. Иными словами, нормативность формирует и закрепляет то, как надо определять региональную специфику, и задает ракурс развития в этом направлении. Нормативный уровень, таким образом, создает институциональную структуру, в пределах которой происходит развитие и закрепление региональной идентичности, ее проявление в политических курсах.

² Назукина М. В. (2025) *Конструирование и институционализация региональной идентичности в современной России*: дис. ... д-ра полит. наук. Пермь. С. 25.

Ключевые проявления нормативной институционализации региональной идентичности

Определим ключевые проявления нормативного уровня институционализации региональной идентичности. В рамках данного анализа целесообразно начать с акцентирования региональной специфики в приоритетных государственных программах, стратегиях социально-экономического развития и нормативно-правовых актах, регулирующих стратегическое планирование территорий, а также формирование решений и реализацию политики на их основе. Не менее значимым является определение статуса региона в федеративном устройстве Российской Федерации, его наименования и степени территориальной автономии. Институционализация проявляется в системе образования и научно-исследовательской деятельности (в статусе краеведения, функционировании региональных музеев и т.п.), а также в языковой политике, особенно если речь идет об этнических регионах. Внимание должно уделяться позиционированию региональных элит в дискурсе, их идентификации с регионом (свой – чужой), а также роли регионального фактора в кадровой политике (землячество, влияние «варягов» и т.п.), включая выражение региональной идентичности в предвыборном дискурсе глав и депутатов от региона. Немаловажное значение имеют наличие и влияние регионалистских движений и организаций в региональной политике.

Рассмотрим подробнее данные проявления и способы их фиксации на примере Пермского края, как на практике проявляется нормативная институционализация региональной идентичности. Эмпирическую основу составили нормативные документы, регулирующие разнообразные вопросы конструирования идентичности: государственные программы, законы, стратегии развития, послания губернатора, материалы СМИ, а также интервью с экспертами и акторами политики идентичности.

1. *Нормативное закрепление региональной специфики* (региональная идентичность в нормативных и стратегических документах).

Среди региональных нормативных актов значение для институционализации региональной идентичности имеют конституции республик РФ и уставы субъектов РФ, законы об образовании, молодежной, культурной политиках, закрепляющие цели, принципы и направления в этих сферах. Для обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны и ее безопасности государственные органы и должностные лица используют специальный инструментарий – документы стратегического планирования. Это официальные, взаимосвязанные акты, которые служат основой для целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования в различных областях: от развития регионов и отраслей экономики до государственного и муниципального управления. Важнейшими из них являются: «Стратегия пространственного развития Российской Федерации»³, задающая приоритеты и задачи для регионов; многочисленные отраслевые документы (доктрины, стратегии, концепции, программы и планы), а также региональные аналоги данных документов, которые детализируют деятельность органов исполнительной власти. К стратегическим текстам стоит добавить послания и отчеты глав регионов, а также интервью с ними, поскольку они содержат интенции к действию и формируют приоритеты в рамках политики конструирования региональной специфики.

Обращение к данным документам позволяет выявить ключевые характеристики специфики регионов, их иерархию, устойчивость или изменчивость смыслов в кросстемпоральном измерении. Стандартный набор аналитических категорий, используемых для отражения региональной специфики, включает тематические блоки: историко-культурная уникальность, экономическая специфика, политические особенности, природно-географические и иные детерминанты региона (Назукина, 2022: 72–73). В контексте компаративного анализа данного блока существенное значение приобретает не только наличие соответствующих рассуждений, но и их иерархическое соотношение (оценка доминирующего маркера в понимании региональной специфики на текущий момент). Это позволяет эксплицировать степень значимости представлений о различных аспектах, конституирующих объективный капитал региона.

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12. 2024 г. № 4146-р [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Ключевым стратегическим документом региона является «Стратегия социально-экономического развития Пермского края до 2035 года»⁴. В нем конкретизируется специфика Пермского края как индустриально развитого, обеспеченного ресурсами региона с высоким научно-технологическим (экономическая специфика) и культурным потенциалом (культурная специфика). Первостепенное значение отводится высокой доле промышленности в валовом региональном продукте и роли ведущих отраслей (нефтедобыча, химическая и нефтехимическая промышленность, металлургия, машиностроение, лесопромышленный комплекс).

Семантический анализ блока Стратегии «Анализ социально-экономического развития Пермского края» показывает, что категория «промышленный» выступает безусловной доминантой характеристики специфики региона («производство» – 21 раз, «предприятие» – 17 раз, «экономика» – 16 раз, «промышленный» – 13 раз). Второе место занимают смыслы характеристики региона как «образовательного и культурного центра» (10 раз и 8 раз): «богатое историко-культурное наследие», «развитая культурная среда и события, способные усиливать туристическую привлекательность региона и формировать его позитивный имидж».

В посланиях губернатора Д.Н. Махонина по итогам и планам социально-экономического развития региона Законодательному Собранию Пермский край также в первую очередь определяется через традиционные уральские смыслы: «промышленность», «динамичное развитие», «вклад предприятий в развитие страны»: «Пермский край, как и вся страна, динамично развивается»; «Нам удалось в очередной раз подчеркнуть, какое значение наши предприятия имеют для всей страны»⁵. Экономика региона характеризуется промышленным потенциалом: «Пермский край – это, прежде всего, индустриальный регион, и фундамент нашей экономики – крупные предприятия...»⁶.

При этом в интервью устойчиво воспроизводится дискурс развития региона. Если в 2021 г. данная риторика занимала 0,21 %, уступая смыслам поиска «поддержки» (0,51)⁷, то в 2024 г. категория «развитие» являлась одной из доминант текста. Это сопровождается конструированием лидерских амбиций, региона как одного из крупнейших центров страны: «Надо избавляться от комплекса аутсайдера. У Прикамья есть все, чтобы быть регионом-лидером»⁸. Что важно, и внешний образ региона со стороны федерального центра совпадает с основной линией позиционирования территории на официальном уровне: Пермский край – это стратегически важный регион с сильной промышленной базой, который «по праву называется опорным краем державы»⁹.

2. Определение региона и его границ. Название и статус региона.

Большое значение имеет оформление границ и статуса региона. Яркий пример демонстрируют республики РФ как этнические регионы. Их специфика связана с наличием конституционных отличий в праве на конституцию и установление своих государственных языков. Помимо этого, само наличие в названии субъекта слова «республика» обладает символическим содержанием, связанным с этническими особенностями данных регионов.

Название – это важнейший идентификатор, поскольку именно с его помощью происходит определение региона как «мы», его наименование. Если с республиками очевидным индикатором служит наличие этнонима в названиях, то в отношении других регионов это может выражаться в конструировании, наряду с официальным наименованием, неформальных названий и их активным употреблении на уровне официальных документов и дискурса высших должностных лиц (Кузбасс, Кубань, Южный Урал и т.д.).

⁴ О Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2035 года: закон Пермского края от 12.07.2024 № 329 ПК [Электронный ресурс]. URL: <https://kungurregion.ru/upload/iblock/af2/014yzmym10i2srkcwf81katwokb0zk72.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

⁵ Ежегодное послание губернатора Пермского края Дмитрия Махонина (2024) [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-143106820_456241434 (дата обращения: 01.02.2026).

⁶ Мы научились идти вперед, несмотря ни на что. Губернатор Пермского края – о развитии региона (2021) [Электронный ресурс], *Business Class*, 27, 22 ноября. URL: <https://neperm.ru/bukvyi/dajdzhest/2021/11/23/myi-nauchilis-idti-vpered,-nesmotrya-ni-na-cto/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁷ Отчет губернатора Прикамья Дмитрия Махонина Законодательному собранию Пермского края о результатах деятельности регионального Правительства за 2021-й год (2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permkrai.ru/governor/stenogramm/stenogramma-otcheta-gubernatora-prikamya-dmitriya-makhonina-zakonodatelnomu-sobraniyu-permskogo-kрая/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁸ Махонин Д.: «У Прикамья есть все, чтобы быть регионом-лидером» (2023) [Электронный ресурс], *Комсомольская правда*, 11 сентября. URL: <https://news.mail.ru/politics/57769043/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁹ Опорный край державы: Дмитрий Махонин рассказал Владимиру Путину о достижениях и планах по развитию Прикамья (2025) [Электронный ресурс], *Комсомольская правда*, 22 сентября. URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/27754/5146087/> (дата обращения: 01.02.2026).

Формирование единства территории невозможно без оформления границ региона. Причем речь идет об административном маркировании пространства и факторе соседства. Символическое признание региональной принадлежности часто опирается на исторически сложившиеся или природные рубежи (горы, моря, реки, озера), которые определяют границы региона. Если эти региональные границы совпадают или граничат с государственными границами других стран, их значимость возрастает. Геополитическое положение приграничных регионов, стратегически важных для обороны страны, усугубляется еще одним фактором: тесными связями их жителей с населением соседних государств. Эти связи, обусловленные миграцией, оказывают заметное влияние на формирование идентичности населения.

Еще одним проявлением институционализации в этом ключе является феномен «другого» региона, с которым территория себя сравнивает или на основе противопоставления с которым она себя определяет (в нормативных документах это выражается в наличии регионов – конкурентов).

У Пермского края сложился выраженный «другой», с которым территория себя сравнивает, – это соседняя Свердловская область: *«Я убежден, что у нас есть потенциал, чтобы перегнать Свердловскую область и Екатеринбург. Для достижения этого результата потребуется восемь-десять лет планомерной работы»*¹⁰. Характерный пример показывает заголовок из фрагмента интервью по итогам ста дней руководства Д.Н. Махонина: *«Мы должны стать не хуже Екатеринбурга»*¹¹. Глава региона отмечал, что, хотя формально мы относимся к Приволжскому федеральному округу, а Свердловская область – к Уральскому, с географической и ментальной точки зрения Пермский край – это Урал: *«Это совершенно очевидно для всех... Конечно, мы разные города. Екатеринбург гордится тем, что он самый компактный миллионник в стране. А мы гордимся, что Пермь – самый зеленый миллионник»*¹². Важно отметить, что факт сравнения становится точкой для развития и стремления догнать регион, который идет впереди.

При наименовании региона на официальном уровне все чаще используется название «Прикамье», а жители определяются как «прикамцы»: *«Мы будем жить и работать в родном Прикамье, воспитывать детей так, чтобы они продолжали наше дело, развивали Пермский край»*¹³.

3. *Региональная идентичность в системе образования и культуре:* в частности, нормативные требования к изучению краеведения (не изучается; изучается факультативно; обязательное изучение), политические курсы в этих сферах, просветительские музейные практики и др.

Формирование региональной идентичности неразрывно связано с исторической памятью, что делает изучение региональной истории и ее интеграцию в образовательный процесс ключевым направлением. Нормативной основой для этого служит историко-культурный стандарт, разработанный в 2012 г. по указанию президента РФ В.В. Путина¹⁴. Этот документ не только определяет основные подходы к преподаванию отечественной истории, но и акцентирует внимание на этнокультурном компоненте, подчеркивая важность изучения многонационального и поликонфессионального состава России через призму региональной истории.

Ситуация с преподаванием региональной истории неоднородна. В то время как Татарстан, Белгородская и Нижегородская области, а также некоторые республики активно развивают краеведение (например, «Кубановедение» в Краснодарском крае), в других регионах, например, в Москве, где «Москововедение» из обязательного предмета превратилось в факультатив, наблюдается обратная тенденция. Опрошенные эксперты выражают обеспокоенность по поводу отсутствия полноценных курсов краеведения в некоторых регионах, считая это упущением на фоне успешного опыта других.

¹⁰ Стенограмма большого интервью главы региона Дмитрия Махонина «100 дней. Пермский край» (2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permkrai.ru/governor/stenogramm/stenogramma-bolshogo-intervyu-glavy-regiona-dmitriya-makhonina-100-dney-permskiy-kray/> (дата обращения: 01.02.2026).

¹¹ «Мы должны стать не хуже Екатеринбурга». Дмитрий Махонин по итогам 100 дней руководства дал интервью ГТРК «Пермь» (2020) [Электронный ресурс], *Коммерсант*, 14 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4344038> (дата обращения: 01.02.2026).

¹² «Заборы не поставишь». Дмитрий Махонин – о конкуренции с соседями и тонкостях Востока (2023) [Электронный ресурс], *Properm.ru*, 20 июня. URL: https://properm.ru/news/2023-06-20/zabory-ne-postavish-dmitriy-mahonin-o-konkurentsii-s-sosedyami-i-tonkostyah-vostoka-2961293?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 01.02.2026).

¹³ Там же.

¹⁴ Историко-культурный стандарт. Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы [Электронный ресурс]. URL: http://mixailo.ru/wp-content/uploads/2020/02/Istoriko-kulturnyj_standart.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Как отмечают пермские эксперты, в образовательных учреждениях создаются условия для изучения истории региона. Краеведческое воспитание в регионе начинается в начальной школе (1–4 класс), где в учебный процесс введена серия учебных пособий «Маленький пермяк»¹⁵. Тем не менее краеведение в регионе не является обязательным предметом. Оно включает изучение истории, географии и культуры региона, а также реализацию краеведческих программ в школах. Идентификации с регионом усиливается через реализацию специальных проектов, направленных на молодежные группы¹⁶. Так, к примеру, те школьники, кто проявил выдающиеся способности в учебе, занятиях научно-технической, творческой и общественной деятельностью, реализовался в искусстве и художественном творчестве, продемонстрировал высокие результаты в мероприятиях разного уровня могут получить денежную премию и знак отличия «Гордость Пермского края».

4. *Региональная идентичность в системе органов публичной власти*: официальное позиционирование политической элиты как региональной (например, акцентирование дискурса «свой» у глав регионов, председателей представительных органов и др. в официальных биографиях и интервью).

Данный аспект приобретает особую значимость в административно-территориальных единицах, возглавляемых руководителями, не являющимися уроженцами данной территории. Возобновление практики прямых выборов глав субъектов Федерации стимулирует формирование электоральных стратегий, основанных на региональной идентичности, поскольку способствует актуализации дискурсивной бинарной оппозиции «свой – чужой». Кандидаты на пост губернатора, воспринимаемые как «свои» для региона, конструируют свой предвыборный дискурс посредством стратегии позиционирования себя как неотъемлемой части местного сообщества. Лингвистическим маркером этого являются лексические единицы «наши», «мы», «вместе», «земляки» и др. Распространение личных местоимений, способных выполнять интегрирующую функцию и тем самым дифференцировать «своих» и «чужих», коррелирует с ощущением сопричастности к сообществу.

В отношении Пермского края показательным является период губернаторства В.Ф. Басаргина, который являлся варягом для региона. В соответствии с особенностями регионального менталитета он проводил почвенническую политику идентичности, продвигая традиционную специфику пермскости на основе экономических маркеров.

Позиционирование нынешнего пермского губернатора Д.Н. Махонина идет в логике «свой для региона». Неслучайно представивший нового главу в 2020 г. полномочный представитель президента РФ в ПФО Игорь Комаров, наряду с управленческим опытом, отметил важность того факта, что Дмитрий Николаевич – выходец из региона. В ответном слове, поблагодарив за оказанное доверие, губернатор подчеркнул свою связь с регионом: *«В Пермском крае жили мои предки, живет моя семья. Они находятся здесь, среди вас. За меня переживают больше, чем я сам. Я чувствую поддержку. Я никогда не терял связи с родным регионом, некоторые знают, что каждые выходные я здесь. Ментально я всегда оставался здесь»*¹⁷.

В своих интервью и выступлениях в СМИ губернатор использует обращения «дорогие земляки», «прикамцы», ассоциируя себя с сообществом через интегративные местоимения «у нас», «мы»: *«Сейчас у нас свои вызовы, у нас свои цели, свои задачи, которые, мне кажется, все вместе с прикамцами реализуем»*¹⁸; *«Мы будем жить и работать в родном Прикамье, воспитывать детей так, чтобы они продолжали наше дело, развивали Пермский край»*¹⁹.

На последних губернаторских выборах в сентябре 2025 г. земляческий дискурс стал лейтмотивом избирательной кампании губернатора через социальный проект «Знай наших!». Его суть заключалась в продвижении памяти о людях, их достижениях и гордости за родной регион: *«Социальный про-*

¹⁵ Интервью с экспертом 3 от 08.05.2025. Личный архив автора.

¹⁶ Интервью с экспертом 1 от 01.04.2025. Личный архив автора.

¹⁷ «Одним из основных приоритетов будет лозунг: конкуренция во всем» Дмитрий Махонин определил задачи на посту губернатора Пермского края (2020) [Электронный ресурс], *Новый компаньон*, 7 февраля. URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-5651222.html> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁸ Губернатор Пермского края Дмитрий Махонин рассказал о планах на грядущий бюджетный период (2024) [Электронный ресурс], *Звезда*, 28 марта. URL: <https://zvezda.su/society/2024/3/gubernator-permskogo-kрая-dmitrij-mahonin-rasskazal-o-planah-na-gryadushhij-byudzhetyj-period> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁹ Послание губернатора Пермского края по итогам и планам социально-экономического развития региона (2024) [Электронный ресурс], 16 апреля. URL: <https://gubernator.permkrai.ru/governor/stenogramm/poslanie-gubernatora-permskogo-kрая-itogam-i-planam-sotsialnogo-ekonomicheskogo-razvitiya-region/> (дата обращения: 01.02.2026).

ект «Знай наших» – это проект об «особости» Пермского края, о его выдающихся жителях, о красивейших местах, о самых высоких достижениях региона»²⁰. Знаком «Знай наших!» отмечают жителей Прикамья, чьи имена стали символами силы, таланта и беззаветного служения родному краю в науке, культуре и труде.

Проект «Знай наших» напрямую связан с локальной и региональной идентичностью. Программа подчеркивала достижения земляков в культуре, спорте, науке, бизнесе, что усиливало гордость за региональный контекст. Расширение локальных нарративов, связанных с историческими постулатами Пермской земли, работало на укрепление местной памяти. Рассматриваемые дискурсы ориентированы на эмоциональную составляющую и работают на сплочение жителей.

5. *Региональные движения и организации*, создаваемые для выражения интересов региона и мобилизации населения на основе региональной идентичности. Такие организации активно использовали риторику «мы – жители данного региона» (уральцы, новгородцы, сибиряки и т.д.), что подчеркивается и в их названиях. Яркими примерами таких движений в 1990-е гг. являлись «Преображение Урала» в Свердловской области и другие, которые играли важную роль в переизбрании губернаторов и формировании большинства в региональных парламентах. В настоящее время активность проявляют некоммерческие организации, например, патриотические и земляческие. Они могут вести деятельность по популяризации региональных особенностей, осуществлять проекты по идентитарной тематике.

Наиболее важной организацией, выделенной экспертами как продвигающей интересы региона, выступает «Пермское землячество»²¹, основной целью которой, согласно Уставу, является «объединение пермяков, а также иных лиц, связанных с Пермским краем на основе общности их интересов, для удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей, взаимопомощи и продвижения положительного имиджа Пермского края»²². Решение имиджевой задачи сочетается с работой по поддержке регионального сообщества: «Люди – наше главное богатство»²³. В конце 2005 г. Пермское землячество учредило общественную награду – Строгановскую премию – за выдающиеся достижения пермяков, прославивших своими добрыми делами родной край и его жителей.

Заключение

Подводя итог, отметим, что нормативная институционализация предполагает укоренение категорий региональной идентичности в политико-правовом и институциональном аспектах. Нормативно и на уровне институтов закрепляя те или иные маркеры специфики территории и сообщества, региональные акторы определяют их в качестве основополагающих и на уровне политических курсов обеспечивают непрерывное присутствие данных смыслов в дискурсивном пространстве.

Анализ результатов изучения институционализации региональной идентичности в Пермском крае показывает, что наиболее значимое проявление в регионе связано с нормативным закреплением региональной специфики на основе экономического дискурса и артикуляции идеи землячества в позиционировании и деятельности как политической элиты, так и региональных организаций.

Исследование подтверждает аналитический потенциал подхода и демонстрируют необходимость его применения при дальнейшем изучении политических курсов на уровне региона в рамках политики идентичности.

Понятие «нормативной институционализации региональной идентичности» открывает новые возможности в проведении сравнительных исследований политических процессов в регионах. Практическая ее значимость определяется потенциалом использования для реализации политики идентичности. Обращение к эффективным практикам и направлениям позволяет оценить ресурсный потенциал региона в контексте развития страны, ее будущего. Выход на уровень стратегического и системного видения политики идентичности сформирует благоприятную основу для использования идентитарных ресурсов в развитии территорий.

Список литературы / References

²⁰ «Пермский край! Знай наших!». Организатор проекта: ППРО «НАСМНОГО» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/znaynashih59> (дата обращения: 01.02.2026).

²¹ Интервью с экспертом 2 от 05.04.2025. Личный архив автора.

²² Устав Региональной общественной организации «Пермское землячество» (2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://perm-community.ru/work/state/> (дата обращения: 01.02.2026).

²³ Региональная общественная организация «Пермское землячество» [Электронный ресурс]. URL: <https://perm-community.ru/> (дата обращения: 01.02.2026).

- Борисова, Н. В. (2017) *Когда языки в огне: опасивание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях*. М.: Политическая энциклопедия, 189 с. [Borisova, N. V. (2017) *When languages are on fire: challenging language regimes as a challenge to the balance in interethnic relations*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 189 с. (In Russ.)].
- Бурдые, П. (2005) 'Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона»', *Ab imperio*, 3, сс. 45–61. [Bourdieu P. (2005) 'Identity and representation: elements of critical reflection on the idea of "region"', *Ab imperio*, 3, pp. 45–61. (In Russ.)]. DOI: 10.1353/imp.2002.0002.
- Гриценко, Г. Д. (2024) 'Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы', *Регионология*, 2, сс. 446–462. [Gritsenko G.D. (2024) 'Social construction of all-Russian identity in the North Caucasus: state and prospects', *Regionology*, 2, pp. 446–462. (In Russ.)]. DOI: 10.15507/2413-140
- Калашникова, С. К., Погодина, М. Я. (2024) 'Методологические проблемы современных исследований территориальной идентичности: город, агломерация, регион', *Политическая наука*, 1, сс. 233–258. [Kalashnikova, S. K., Pogodina, M. Ya. (2024) 'Methodological problems of territorial identity studies: city, agglomeration, region', *Political Science*, 1, pp. 233–258. (In Russ.)]. DOI: 10.31249/poln/2024.01.09.
- Киреева, И. В., Куква, Е. С., Ляушева, С. А., Жаде, З. А., Ильянова, Н. А. (2024) 'Брендинг регионов и его потенциал в укреплении российской национальной идентичности (кейсы Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана)', *Регионология*, 2, сс. 368–387. [Kireeva I.V. et al. (2024) 'Branding of regions and its potential in strengthening Russian national identity (cases of Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan)', *Regionology*, 2, pp. 368–387. (In Russ.)]. DOI: 10.15507/2413-1407.127.032.202402.368-387.
- Китинг, М. (2003) 'Новый регионализм в западной Европе', *Логос*, 6, сс. 67–116. [Keating M. (2003) 'New regionalism in Western Europe', *Logos*, 6, pp. 67–116. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2010) 'Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 90–105. [Malinova O.Yu. (2010) 'Symbolic politics and the construction of macro-political identity in post-Soviet Russia', *Polis. Political Studies*, 2, pp. 90–105. (In Russ.)].
- Мирошниченко, И. В., Морозова, Е. В. (2022) 'Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий', *Политическая наука*, 3, сс. 144–163. [Miroshnichenko, I.V., Morozova, E. V. (2022) 'Public policy as a space for converting intangible resources into factors of territorial development', *Political Science*, 3, pp. 144–163. (In Russ.)]. DOI: 10.31249/poln/2022.03.07.
- Назукина, М. В. (2022) 'Регионализм в «посланиях» глав субъектов РФ: дискурсивный аспект', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 68–82. [Nazukina M.V. (2022) 'Regionalism in the «messages» of the heads of subjects of the Russian Federation: a discursive perspective', *Polis. Political Studies*, 2, pp. 68–82. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/2022.02.06.
- Назукина, М. В. (2024) 'Этническая идентичность в переписях как инструмент институциональных изменений: теоретический аспект', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(4), сс. 720–732. [Nazukina M.V. (2024) 'Ethnicity in Censuses as an Instrument of Institutional Change: Theoretical Aspect', *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seria: Politologiya*, 26(4), pp. 720–732. (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-720-732.
- Панов, П. В. (2019) 'Структурные факторы институционализации этничности в политике «национальных республик» Российской Федерации', *Вестник Пермского университета. Политология*, № 4, сс. 5–18. [Panov, P. V. (2019) 'Structural factors of the institutionalization of ethnicity in the policy of «national republics» of the Russian Federation', *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 4, pp. 5–18. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-5-18.

- Попова, О. В. и Гришин, Н. В. (2024) 'Инструменты государственной политики идентичности в современном мире', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(2), сс. 325–340. [Popova O.V. and Grishin N.V. (2024) 'Instruments of state identity policy in the contemporary world', *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 26(2), pp. 325–340. (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340.
- Селезнева, А. В. и Хугаев, З. Т. (2024) 'Ценностные основания политической идентичности в региональном, национальном и цивилизационном измерениях: концептуальное осмысление и российский контекст', *Социум и власть*, № 4 (102), сс. 80–91. [Selezneva, A. V. and Khugaev, Z. T. (2024) 'Value bases of political identity in regional, national and civilizational dimensions: conceptual understanding and the Russian context', *Sotsium i vlast'*, 4(102), pp. 80–91. (In Russ.)]. DOI: 10.22394/1996-0522-2024-4-80-91.
- Семененко, И. С. (ред.) (2017) *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание. М.: Издательство «Весь Мир», 992 с. [Semenenko, I. S. (ed.) (2017) *Identity. Personality, society, politics*. Encyclopedic edition. IMEMO RAS; Ves Mir, Moscow, Russia. 992 p. (In Russ.)].
- Семененко, И. С. (ред.) (2023) *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. М.: Издательство «Весь мир», 512 с. [Semenenko I.S. (ed.) (2023) *Identity. Personality. Society. Politics. New contours of the research field*. IMEMO RAS; Ves Mir, Moscow, Russia. 512 p. (In Russ.)].
- Фадеева, Л. А. (2024) 'Конструктивные подходы к анализу конструируемой идентичности', *Современная Европа*, 2, сс. 175–183. [Fadeeva L.A. (2024) 'Constructive approaches to the analysis of constructed identity', *Modern Europe*, 2, pp. 175–183. (In Russ.)]. DOI: 10.31857/S0201708324020141
- Фадеева, Л. А., Назукина, М. В. (2020) 'Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований)', *Политическая наука*, 1, сс. 201–220. [Fadeeva, L. A. (2020) 'Institutionalization of political science in Russia: factors, levels, results (on the example of identitarian research)', *Political science*, 1, pp. 201–220. (In Russ.)]. DOI: 10.31249/poln/2020.01.08
- Чернышов, Ю. Г., Дерендяева, А. Д. (2024) 'Формирование имиджей "реорганизованных регионов" в Российской Федерации (по материалам опросов экспертов в Алтайском крае и Республике Алтай)', *Политическая наука*, 1, сс. 155–177. [Chernyshov Yu.G. and Derendyaeva A.D. (2024) 'Formation of images of "re-organized regions" in the Russian Federation (based on expert surveys in Altai Krai and Altai Republic)', *Politicheskaya nauka*, 1, pp. 155–177. (In Russ.)]. DOI: 10.31249/poln/2024.01.06.
- Шадже, А. Ю. (2023) 'Бренд региона в гуманитарном познании: некоторые методологические особенности', *Социально-гуманитарные знания*, 9, сс. 125–129. [Shadze, A.Yu. (2023) 'Regional brand in humanitarian knowledge: some methodological features', *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 9, pp. 125–129. (In Russ.)].
- Béland, D. (2016) 'Identity, politics, and public policy', *Critical Policy Studies*, 1, pp. 1–18. DOI: 10.1080/19460171.2016.1159140
- Bernstein, M. (2005) 'Identity politics. Annual Review of Sociology', 31, pp. 47–74. DOI: 10.1146/annurev.soc.29.010202.100054
- Cherrington, R., Farrow, D., Campenni, M. (2025) 'Can B local communities redefine regional identity?' *Regional Studies, Regional Science*, 12(1), pp. 574–595. DOI:10.1080/21681376.2025.2523050
- Marek, P. (2023) 'Reproduction of the identity of a region: perceptual regions based on formal and functional regions and their boundaries', *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 105 (1), pp. 79–98. DOI: 10.1080/04353684.2022.2097113
- Orjuela, C. (2014) 'Corruption and identity politics in divided societies. Third World Quarterly', 5, pp. 753–769. DOI: 10.1080/01436597.2014.921426.
- Raagmaa, G. (2002) 'Regional identity in regional development and planning', *European Planning Studies*, 2, pp. 55–76. DOI: 10.1080/09654310120099263
- Zimmerbauer, K., Paasi, A. (2013) 'When old and new regionalism collide. De-institutionalization of regions and resistance identity in

municipality amalgamations'. *Journal of Rural Studies*, 30, pp. 31–40. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2012.11.004. .

Статья поступила в редакцию: 21.03.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Назукина Мария Викторовна, доктор политических наук, доцент, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук – филиал ФГБУН ПФИЦ УрО РАН, ведущий научный сотрудник Отдела по исследованию политических институтов и процессов.
E-mail: nazukina@mail.ru (ORCID: [0000-0003-0190-0513](https://orcid.org/0000-0003-0190-0513). ResearcherID: L-8246-2016).

Information about author

Maria V. Nazukina, Dr of Sciences (in Politics), Leading researcher, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: nazukina@mail.ru (ORCID: [0000-0003-0190-0513](https://orcid.org/0000-0003-0190-0513). ResearcherID: L-8246-2016).

УДК-32.019.51

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-87-97

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРЕОДОЛЕНИЕ ШКОЛЬНОГО НАСИЛИЯ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Н. К. Радина

Радина Надежда Константиновна,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация.

Аннотация

В статье анализируется проблема преодоления школьного насилия в контексте ресурсов гражданского общества. Школьное насилие характеризуется с разных сторон (физическое и психологическое насилие, буллинг и моббинг, кибербуллинг и кибермоббинг и т.д.). Особое внимание уделяется такой деструктивной форме, как массовое школьное насилие (включая массовые школьные расстрелы). Проблема школьного насилия рассматривается также с точки зрения кросс-культурной перспективы: представлены основные выводы относительно насилия в школах на материале разных стран, включая Россию. Утверждается, что деятельность структур психологической помощи и структур безопасности в образовательных учреждениях в борьбе с школьным насилием эффективны только в случае взаимодействия с общественностью школы (сообществами детей, педагогов, родителей). Данный тезис доказывается на основе анализа психологических характеристик нападающих, социального контекста нападения, анализа особенностей действий сотрудников системы безопасности образовательного учреждения. Предотвращение насилия в образовательных учреждениях, таким образом, является одной из задач гражданского общества. В статье уделяется внимание роли доверия в сообществах, в том числе между школьниками и взрослыми, подчеркивается значение солидарности и сплоченности. Заключается, что только активность гражданского общества способна преодолеть индивидуальную агрессию и сделать образовательные учреждения более безопасными.

Ключевые слова: гражданское общество; насилие в образовательных учреждениях; школьные расстрелы; доверие; донос; солидарность; кибердружина; ненасилие

Для цитирования: Радина, Н. К. (2026) 'Гражданское общество и преодоление школьного насилия: переосмысление проблемы', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 87-97. 10.17072/2218-1067-2026-2-87-97

CIVIL SOCIETY AND OVERCOMING SCHOOL VIOLENCE: RETHINKING THE PROBLEM

N. K. Radina

Nadezhda K. Radina,

Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

Abstract

This article analyzes the problem of overcoming school violence in the context of available civil society resources. School violence is characterized from various perspectives (physical and psychological violence, bullying and mobbing, cyberbullying and cybermobbing, etc.). Particular attention is given to such a destructive form as mass school violence (including mass school shootings). The problem of school violence is also considered from a cross-cultural perspective. The main findings regarding school violence are presented based on data from various countries, including Russia. It is argued that the effectiveness of psychological support and security measures in combating school violence depends on their interaction with the school community, including children, teachers, and parents. The argument is supported by analyzing attackers' psychological

profiles, the social context of attacks, and security staff response patterns in educational settings. The prevention of violence in educational settings is thus identified as a key responsibility of civil society. The article examines the role of trust in civil society, particularly between children and adults, and underscores the value of solidarity and cohesion. The analysis concludes that only through active civil society engagement can individual aggression be overcome, thereby enhancing the safety of educational institutions.

Keywords: civil society; violence in educational institutions; school shooters; trust; denunciation; solidarity; cybersquad; nonviolence

For citation: Radina, N. K. (2026) 'Civil society and overcoming school violence: rethinking the problem', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 87-97. 10.17072/2218-1067-2026-2-87-97

Введение

В социальных исследованиях проблема школьного насилия в целом и массового насилия в образовательных учреждениях в частности находится преимущественно в поле психологического анализа (Давыдов, Хломов, 2018; Дозорцева и др., 2020; Клейберг, 2020; Ковалева, 2019; Gerard et al., 2016 и др.). Однако очевидно: в стремлении сохранить безопасность детей общество не может ограничиваться только психологическим анализом и психологическим сопровождением проблемы. Создание безопасных школьных пространств требует многостороннего анализа, а общественный статус проблемы свидетельствует о необходимости обсуждения социальных технологий с реальным превентивным потенциалом.

В данном обзорном исследовании на материале современных научных публикаций из разных предметных перспектив будет осуществлен поиск оснований для формулирования комплекса общественных действий в отношении сохранения безопасности в образовательных учреждениях. Особое внимание предполагается уделить тем ресурсам, которыми в контексте современной политической теории обладает гражданское общество как совокупность общественных отношений, институтов, ассоциаций граждан, независимых от государства, способное противостоять деструктивным социальным вызовам.

Цель статьи – представить возможности политической теории и социальные аспекты проблемы, а также ресурсы локальных групп и сообществ, связанных с образовательными учреждениями, в противодействии разрушительному феномену школьного насилия. Исходя из политологической перспективы, в статье будут представлены содержательные и организационные выводы относительно существования насилия в школе (формы, акторы, причины и т.д.) и на этой основе переосмыслены ресурсы общественных сил в противодействии данному негативному социальному фактору.

Политическая теория в интерпретации школьного насилия

Насилие в школе как отрефлексируемая и артикулированная проблема оказалось в числе «общественных зол» со второй половины XX в., а в российской действительности – в начале XXI в.

Понимание насилия в контексте политической теории также кардинально изменилось с середины прошлого века (Родионова, Смирнов, 2022). Согласно классическому подходу, насилие – публичный, волевой и наблюдаемый акт, совершаемый актором (индивидом, группой или государством), осознаваемый жертвой, утверждающий или разрушающий прежний социальный порядок. Понимание «нового» насилия зародилось в недрах критической социальной теории: общественная репрезентация насилия на данном этапе развития теории предполагала систематическую или эпизодическую опрессию (проявление власти), актор-насильник в «новой» интерпретации выступал как функция и порождение общественного дискурса, жертва – случайная и нерелексивная, не способная себя идентифицировать, а сам акт насилия характеризовался как разрушающий политическое поле и требующий сопротивления.

Понимание «нового» насилия в политической философии созвучно психологическим трактовкам: будущий насильник создается обществом в сетях страха перед «ближним» (Жижек, 2010), насилие – результат деструктивного сопротивления прекарности и уязвимости (Батлер, 2022), а в основе деструктивного акта лежат нанесенные в прошлом травмы (психотравмирование) (Герман, 2022). Внешне переосмысление насилия в политической теории представляется весьма психологично, в логике изменения политической науки после принятия идей фрейдизма, однако вывод о действиях в

концепции «нового» насилия вполне политологический и политический – ставка на сопротивление и практику общественного ненасилия (Аренд, 2014; Батлер, 2022; Жижек, 2010 и др.). Как сходство, так и отличие психологического подхода от политологического заключается в осмыслении роли общественного дискурса в воспроизводстве насилия: действительно, насилие порождается общественным дискурсом (в этом психология и политология едины), однако для предотвращения актов агрессии недостаточно выявлять и лечить потенциальных насильников (психологический подход), необходимо изменять непосредственно общество, включая реакцию на столкновение с насилием, ориентируя общество на ненасилие (политологический подход).

Джудит Батлер предлагает связать практику ненасилия с силой, которая отлична от деструктивного насилия и проявляет себя в союзах солидарности, тем самым отвергнув характеристику ненасилия как слабой и никчемной пассивности (Батлер, 2022).

Насилие в образовательных учреждениях: массовые расстрелы

Школьная жизнь – часть публичной сферы, поэтому большинство проблем «большого общества» естественным образом включается в социальную жизнь школы. Массовое насилие в школе, особенно массовые расстрелы, в последние годы изучались с особой тщательностью. Исследователи утверждают, что подобные нападения преимущественно спланированные, не импульсивные, об их подготовке всегда кто-то информирован. Межстранный анализ массового насилия в образовательных учреждениях позволил сформулировать факторы, влияющие на специфику организации нападений (Agnich, 2015; Katsiyannis et al., 2018; Lankford, 2016):

- существует статистически значимая связь между национальным уровнем владения огнестрельным оружием и числом школьных стрелков в стране;
- к характеристикам культурного фактора, поощряющего подобные атаки, причисляют «социальную премию за славу» (внимание СМИ) и «культуру чести», регламентирующую поведение мужчин и мальчиков в условиях идентификации оскорбления;
- согласно гендерному фактору, более 90 % нападающих были мальчиками и юношами, они же чаще использовали огнестрельное оружие; атаки девочек и девушек, планирующих нападение, реже предполагали расстрел и чаще предотвращались;
- чем старше были нападавшие, тем успешнее они осуществляли преступление;
- к популярным периодам для осуществления массового насилия в школах исследователи относят начало и окончание учебного года;
- политическая программа может провозглашаться, однако речь идет о символическом насилии (школьные стрелки могут использовать идеологические термины, но в реальности нападающие, как правило, не являются членами политических организаций и не участвуют в политической деятельности);
- подобные преступления совершают как учащиеся образовательных учреждений, являющихся мишенями атаки, так и посторонние.

Таким образом, сравнительный анализ показывает нечто общее и «объективное», что может быть в зоне внимания и контроля правоохранительных органов или психологической службы школы, а также в зоне внимания общественности, например, детских общественных организаций или организаций, объединяющих родителей. Многие из перечисленных факторов и аспектов разрушительной агрессии непосредственно связаны как с коммуникацией в группе, так и с индивидуальным неблагополучием.

Кто нападает? Типологии школьных агрессоров

Создание типологий агрессоров и школьных стрелков затруднено из-за того, что исследователям, как правило, доступны следы событий, которые по какой-то причине были зафиксированы прессой, данные других специалистов в рамках уголовных дел, а также дневники и интернет-записи стрелков, если они были обнародованы (Pfeifer, Ganzevoort, 2014). Благодаря постсобытийному анализу было выяснено, что нападающие считают себя жертвами травли со стороны ровесников или жертвами несправедливости со стороны школьной администрации (Sommer et al., 2014), склонны к аутоагрессии, включая суицидальное поведение (Gerard et al., 2016), обладают выраженными нарциссическими чертами (Bushman, 2018), практически половина из них (более 40 %) до совершения преступления демонстрировала жестокое обращение с животными (Arluke, Madfis, 2014). В социальных контактах «школьные агрессоры» не просто одинокие или изолированные – они непричастные и обособленные, с верой в собственную исключительность (Gerard et al., 2016).

М. Иоанну, Л. Хаммонд и О. Симпсон рассмотрели 40 случаев стрельбы в школах с 1966 по 2012 г. в разных странах (США, Германия, Канада, Бразилия, Финляндия, Нидерланды и Аргентина) и предложили типологию стрелков, основанную на факторах риска (Ioannou et al., 2015). Исследователи идентифицировали три группы (типа) школьных стрелков. В первую группу (с проблемами эмоционального и/или психического здоровья) вошли социально изолированные правонарушители-юноши, принимающие лекарства и/или получающие терапию из-за проблем с психическим здоровьем; с диагностированным психическим расстройством; увлекающиеся жестокими видеоиграми и/или жестокими фильмами; в прошлом – жертвы школьной травли с мыслями о самоубийстве (в разговоре, письмах или рисунках); фантазирующие о насилии и ведущие дневник. Второй тип (отвергнутый школьный стрелок) – это правонарушитель, переживший недавний разрыв эмоциональных отношений, с попытками самоубийства в прошлом; с опытом домашнего насилия; отстраненный от занятий или исключенный из школы, из семьи, где родители могут злоупотреблять наркотиками и/или алкоголем. Третий тип (криминальный школьный стрелок) – интересуется оружием, возможно, с судимостью в прошлом; с опытом насилия; способный к планированию и осуществлению преступления с сообщником.

Данная типология раскрывает возможности окружающих в превентивной работе с потенциальным школьным агрессором. Опыт школьной травли, ориентация на жестокость в виртуальном мире, неблагополучная семейная ситуация – фон, порождающий акт нападения, следовательно, превентивная работа со школьниками предполагает создание «продуктивной социальности», конструирование общественных связей и сетей, поддерживающих школьников в критические минуты.

Как строится безопасность образовательных учреждений

Обсуждение проблем безопасности образовательных учреждений в контексте школьного насилия доминирует в англоязычном научном дискурсе. Важной внешней темой по отношению к подобным преступлениям оказывается анализ медийного сопровождения ситуаций с массовыми нападениями в школах, детских садах, университетах. Связывая медийное влияние и приобретение оружия после массовых школьных расстрелов, исследователи опираются на теорию Стэнли Коэна о моральных паниках, которая объясняет острые реакции общества в результате предвзятого изображения в СМИ какого-либо факта или явления, что затрудняет конструктивный выход из проблемных ситуаций (Fox et al., 2021; Luca et al., 2020; Madfis, 2016; Wallace, 2015). Во многом на основе медийных нарративов складывается терминологическое поле школьных расстрелов, возникают образы-маркеры типа «Колумбайн», поддерживаются идеи о вооружении учителей (Agnich, 2015).

Идея отвечать силой на силу (то есть вооружаться) – одна из очевидных идей для сохранения безопасности образовательных учреждений (Price, 2019). В исследованиях подчеркивается, что события в «Колумбайне» в 1999 г. (массовое убийство в школе, совершенное двумя учениками старших классов школы «Колумбайн», штат Колорадо в США) спровоцировали ошибочную стратегию усиления карательных дисциплинарных мер, наблюдение с помощью камер видеонаблюдения, обеспечение безопасности с помощью металлодетекторов и ограничения доступа в школы и университеты (Madfis, 2014). Однако эти решения лишены эмпирического обоснования: в современных школах устанавливают камеры слежения и вооруженных охранников для предотвращения «еще одного Колумбайна», однако эти меры уже применялись в данной американской школе и не остановили преступников, не предотвратили убийства.

Новая выдвигаемая стратегия защиты связана с контролем огнестрельного оружия (Gius, 2018) и созданием в образовательных учреждениях атмосферы доверия, когда учащиеся сообщают кому-либо из сотрудников образовательного учреждения о наблюдениях и сведениях, связанных с безопасностью (Katsiyannis et al., 2018; Gerard et al., 2016).

В исследованиях обсуждается «кодекс молчания», препятствующий доверительному информированию взрослых о планируемых нападениях, и действия взрослых по восстановлению доверия, которое способно спасти жизни детей, поскольку только сообщая о планах преступников возможно предотвратить нападения и обойтись без жертв (Madfis, 2014). Э. Мэдфис настаивает на том, что карательная политика не просто неэффективна, она активно контрпродуктивна, поэтому традиционные меры безопасности должны использоваться в сочетании с восстановлением доверия между обучающимися и сотрудниками образовательных учреждений.

Особое место в дискуссиях о безопасности занимают стратегии поведения учащихся и сотрудников в условиях атаки нападающего. Все возможные формы сопротивления условно разделены на две основные парадигмы: традиционную и новую многовариантную (Jonson et al., 2020). Первую пара-

дигму обычно называют «блокировкой», она предполагает во время нападения запираание дверей и пассивное «замирание» до прибытия полиции. Вторая парадигма (многовариантный ответ) опирается на блокировку, но также использует и другие варианты действий (от баррикад до эвакуации и активного сопротивления преступнику). Для иллюстрирования работы обеих парадигм исследователи рассматривают конкретные примеры, например, стрельбу в Технологическом институте Вирджинии, когда при активном сопротивлении жертв было значительно меньше, чем в помещениях, где использовалась пассивная реакция (Jonson et al., 2020; Jonson, 2017).

В настоящее время создаются специальные программы по типу информирования и тренинговых занятий, позволяющих отработать поведение в ситуации нападения. В основе этих программ лежат три основных правила: 1) по возможности покинуть место происшествия; 2) если невозможно убежать, необходимо забаррикадироваться при помощи предметов окружающей среды (например, стульями, столами), чтобы помешать стрелку проникнуть внутрь; 3) в крайнем случае необходимо отвлекать и активно сопротивляться путем бросания предметов и/или нападения на стрелявшего (Jonson et al., 2020).

Проблемы безопасности особенно остры, если речь идет не о посторонних нападающих, а об учащих, которые хорошо ориентируются в пространстве и знают, как войти в школу, минуя охрану. Значительные затраты на металлодетекторы и другие приспособления для идентификации оружия, привлечение охранных агентств и т.п. решают лишь часть проблем (Jonson, 2017). Ш.Л. Джонсон на конкретных примерах демонстрирует, что эффективность металлодетекторов проявляется в одних случаях и оказывается ничтожной в других, поэтому так важно полагаться не только (и не столько) на технические приспособления, сколько на человеческий фактор (участие всего коллектива образовательного учреждения в сохранении собственной безопасности через сообщения о возможных угрозах).

В исследованиях анализируются последствия нападений, обсуждаются различные формы посттравматических расстройств у выживших и свидетелей (Lowe, Galea, 2017), включая увеличение объема приема антидепрессантов у школьников (Rossin-Slater et al., 2020) и снижение показателей качества образования (резкий спад посещаемости, перевод учащихся в другие образовательные учреждения, ухудшение результатов тестов по математике и английскому языку и др.) (Beland, Kim, 2016; Reeping et al., 2021).

В контексте проблем безопасности в образовательных учреждениях рассматривается контроль за фанатскими группами и группами ненависти, предлагающим в сети поддержку преступникам, открыто демонстрирующим сочувствие школьным агрессорам и школьным стрелкам (по мотивам рассказов преступников о «вынужденной мести» за травлю и несправедливость) (Raitanen et al., 2019). Данные виртуальные группы несложно обнаружить, но практически невозможно контролировать (Raitanen, Oksanen, 2018). В то же время в данных сетях могут создаваться новые планы преступлений, формироваться деструктивные установки на проблему решения социальных конфликтов.

Российские исследования о нападениях в школах

Исследовательское поле проблемы «школьных расстрелов» зарубежными исследователями разрабатывается более 20 лет, проведены десятки сравнительных межстрановых исследований, каждое предметное поле в русле решения задач данной проблемы насыщается деталями и прирастает теориями. Представленные сравнительные исследования содержат и российский материал (см., например: Lankford, 2016), что позволяет воспринимать российский контекст как включенный в мировой научный дискурс о школьных преступлениях.

В последние годы в российских научных журналах появились статьи с поиском релевантных теорий для осмысления российского контекста проблемы «массовых расстрелов» (Клейберг, 2020), научные обзоры зарубежных проектов с частичным использованием российской эмпирики (Буров, 2025; Давыдов, Хломов, 2018), а также первые опыты моделирования процесса радикализации школьных стрелков (Karpova et al., 2021).

Выстраивается российская специфика нападений в образовательных учреждениях: изучаются конкретные случаи на российском материале (Карпова, Максимова, 2021), психологические характеристики российских школьных стрелков (Дозорцева и др., 2020), характеристики российских фанатских сообществ, посвященных российским школьным стрелкам (Чудинов и др., 2021), формулируются рекомендации по предотвращению преступлений, релевантные российским практикам (например, предлагается из учащихся создавать кибердружины, способные идентифицировать в сети признаки радикализации потенциальных стрелков для их дальнейшей блокировки) (Пучнин, Пучнина, 2021).

Остановить насилие в образовательных учреждениях: роль гражданского общества

Противодействие массовым формам насилия в школе или университете традиционно рассматривается из психологической перспективы или из перспективы организационных изменений образовательных учреждений (усиление охраны, технологические совершенствования и т.д.). В то же время все аспекты, связанные с проблемой массового насилия, непосредственно касаются сообщества учащихся, педагогов и родителей. Так, агрессоры, претендующие на массовые убийства, в ряде случаев оказываются в прошлом мишенями школьной травли и/или исключенными из социальной школьной жизни. Выясняется, что достаточно часто до нападения потенциальные агрессоры сообщают о своих намерениях – в обычной или цифровой коммуникации, словно пытаясь манифестами привлечь внимание и остановить деструктивный поступок. Исследователи пишут о необходимости восстановления доверия между учащимися и школьной администрацией и взаимопомощи в превентивных действиях, поскольку не существует определенных «психологических профилей» потенциальных массовых убийц для оперативной идентификации «преступников»: психологизация проблемы не сможет помочь ее решению.

Однако из политологической перспективы «нового» теоретического прочтения насилия никто «... не обладает личным знанием обо всех членах группы или общества, и потому сами по себе личные отношения не могут быть использованы для контроля над насилием» (Норт и др., 2011: 57).

В докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2023 г. подчеркивается, что солидарность и сплоченность – ведущие идеологемы социального развития (Доклад..., 2023). Сообщества учеников, педагогов, родителей – с кружками, родительскими комитетами, педагогическими группами и т.д. – органичная часть российского гражданского общества, поэтому ключевая идеологическая установка на солидарность и сплоченность может быть проанализирована с точки зрения профилактики насилия в образовательных учреждениях. С этой точки зрения, наиболее значимые аспекты в решении проблемы следующие:

- взаимодействие профессионалов безопасности образовательных учреждений (от школьных психологов до сотрудников подразделения по делам несовершеннолетних МВД) со всеми сообществами, так или иначе включенными в жизнь детских садов, школ и университетов, в том числе сообществами родителей;
- общественное противодействие всем формам насилия, общественный контроль за коммуникациями в публичной сфере для соблюдения принципов ненасилия;
- конструирование открытой коммуникации, демонтаж социального страха «стукачества» и доноительства, создание доверительных отношений с представителями власти в области общественной безопасности.

Доклад указывает на общественный дискурс, способный (не)воспроизводить насилие, и акцентирует роль социума – российского гражданского общества – в противодействии насилию. Открытым остается вопрос: как может общество противостоять насилию? На него отвечают политические философы: противостоять возможно ненасилием, связывая практику ненасилия с силой, отличной от деструктивного насилия, в союзах солидарности, аннигилируя характеристику ненасилия как слабой и ничемной пассивности (Батлер, 2022).

Идеология ненасилия в социальном взаимодействии является важным фактором профилактики школьной травли и активно продвигается психолого-педагогическим сообществом (Арпентьева, 2016). В то же время необходимо, чтобы сообщество родителей также разделяло идеологию ненасилия, чтобы каждый родитель на уровне трансляции ребенку правил взаимодействия с социумом разъяснял непустотность насилия, в том числе и психологического. Понимание того, что жертва школьной травли (жертва в любой детской группе: и в классе, где обучается ребенок, за которого родитель несет ответственность, и в соседнем классе) спустя время может вернуться как агрессор – это понимание способно мотивировать родительское сообщество на более значительную поддержку школьных «профессионалов безопасности».

Идеология ненасилия, продвигаемая в содружестве сообществами образовательных учреждений, подкрепленная сотрудничеством с психологами и администрацией, способна выступить противовесом

для предотвращения возможных атак, поскольку «формальные институты контролируют насилие только при существовании организации, способной обеспечить безличное соблюдение правил» (Норт и др., 2011: 61).

Сообщества родителей и учителей могут открыто и свободно формулировать свою позицию относительно ненасилия во взаимодействии с детьми и подростками, для того чтобы в российском обществе происходило переосмысление отношения к насилию. Это особенно важно, учитывая современные российские ориентиры на традиционные ценности, где сила и агрессия, как и прежде, связываются с мужским поведением (Кон, 2010). Признавая право мужской гендерной группы на конструктивные формы агрессии (спорт, защита, конструктивные трансформации среды и т.п.), взрослым (родителям, педагогам, психологам и т.д.) необходимо обозначать и обосновывать личные границы в социальной коммуникации, разъяснять роль ненасильственного взаимодействия, обучая детей и подростков правилам общественной жизни здорового общества.

Что касается открытой коммуникации, необходимо также переосмысливать, перестраивать и в новом формате транслировать формы коммуникаций между обществом и институтами власти, включая сотрудников полиции и других подразделений, занимающихся охраной прав граждан. В исследованиях презрение к доносам («стукачество») связывается с советским и постсоветским наследием, «лагерным прошлым», недоверием власти в целом и сотрудникам МВД в частности (Айсин, 2015; Мамедова, Барышева, 2021). Переосмысление современных вызовов, а также возвращение доверия в отношения между властью и обществом требуют катализатора – общественных дискуссий – для того, чтобы общество более заинтересованно участвовало в обеспечении собственной безопасности. Предложенная исследователями форма общественных кибердружин для контроля цифровых коммуникаций школьников (Пучнин, Пучнина, 2021) может выступать продуктивной технологией возвращения доверия в процессе совместной активности власти и общества в сфере безопасности образовательных учреждений. Таким образом, обеспечение безопасности в образовательном пространстве возможно на основе развития различных форм солидарности и сплоченности российского общества.

Сложность перестройки отношения общества к насилию через общественную солидарность не вызывает сомнения. Исторический анализ показывает, что и в СССР с развитым детским движением, педагогическим контролем за детскими коллективами, встречалась школьная травля (см., например, известный художественный фильм «Чучело» режиссера Р. Быкова по мотивам одноименной повести В. Железникова, киностудия «Мосфильм», 1983). Современные социальные вызовы оставляют обществу выбор: поддаться угрозам, до последнего уклоняться от решения острых задач или искать ресурсы для сопротивления и преодолевать угрозы массовых преступлений в образовательных учреждениях, опираясь на солидарность и сплоченность российского общества.

Выводы

Пока насилие в образовательных учреждениях воспринимается как психологическая проблема неблагополучных одиночек, совершающих нападения и массовые убийства под давлением психотравмирующего опыта, преодоление этой проблемы выглядит сомнительно. Если же анализировать социальный фон, рассматривать данную проблему в контексте сопротивления насилию со стороны гражданского общества, ресурсы преодоления становятся очевидными.

Ключевым ресурсом сопротивления выступают солидарность и сплоченность, которые на уровне школьных сообществ (родителей, детей, педагогов и т.д.) способны противостоять идеологии насилия. Поскольку загнанная жертва впоследствии может выступать в роли агрессора, продолжая насилие на новом витке, именно противостояние любым формам насилия на «низовом уровне» повседневной коммуникации (формулирование и утверждение идеологием ненасилия) позволяет обеспечить прерывание токсичного круга. Солидарность и сплоченность сообществ поддерживает деятельность «профессионалов безопасности» в школьных образовательных пространствах, а открытая вертикальная коммуникация (учащихся и педагогов, родителей и школьной администрации, учащихся и сотрудников МВД и т.д.) позволяет заново создавать каналы доверия, разрушая стереотипы «стукачества».

Таким образом, именно социальный ресурс, работа гражданского общества способны преодолеть индивидуальную агрессию и сделать образовательные учреждения более безопасными.

Список литературы / References

- Айсин, Т. К. (2015) 'Недоверие общества к МВД: суть проблемы и возможные пути решения', *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*, 1, сс. 80-83. [Aisin, T. K. (2015) 'Public distrust of the Ministry of Internal Affairs: the essence of the problem and possible solutions', *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, 1, pp. 80-83. (In Russ.)].
- Аренд, Х. (2014) *О насилии*. М.: Новое издательство [Arendt, H. (2014) *On Violence*. Moscow: Novoye izdatel'stvo (In Russ.)].
- Арпентьева, Р. М. (2016) 'Проблема социального порядка и насилие в школах', *Проблемы современного образования*, 5, сс. 39-49. [Arpentyeva, R. M. (2016) 'The Problem of Social Order and Violence in Schools', *Problems of modern education*, 5, pp.39-49. (In Russ.)].
- Батлер, Дж. (2022) *Сила ненасилия: сцепка этики и политики*. М.: Издательский Дом ВШЭ [Butler, J. (2022) *The Power of Nonviolence: The Entanglement of Ethics and Politics*. Moscow: Izdatel'skiy Dom VSHE (In Russ.)].
- Буров, Ю. Б. (2025) 'Массовое убийство в образовательных организациях: феномен, механизмы, причины, профилактика', *Инновационное развитие профессионального образования*, 1 (45), сс. 122–133. [Burov, Yu. B. (2025) 'Mass murder in educational institutions: phenomenon, mechanisms, causes, prevention', *Innovative development of vocational education*, 1 (45), pp.122–133. (In Russ.)].
- Герман, Дж. (2022) *Травма и исцеление: последствия насилия от абьюза до политического террора*. М.: Эксмо [Herman, J. (2022) *Trauma and Healing: The Consequences of Violence from Abuse to Political Terror*. Moscow: Eksmo (In Russ.)].
- Давыдов, Д.Г., Хломов, К.Д. (2018) 'Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика', *Национальный психологический журнал*, 4(32), сс. 62-76. DOI: 10.11621/npj.2018.0406. [Davydov, D.G., Khlomov, K.D. (2018) 'Mass killings in educational institutions: mechanisms, causes, prevention', *National Psychological Journal*, 4(32), pp. 62-76. (In Russ.)].
- Дозорцева, Е. Г., Ошевский, Д. С., Сыроквашина, К. В. (2020) 'Психологические, социальные и информационные аспекты нападения несовершеннолетних на учебные заведения', *Психология и право*, 10(2), сс. 97-110. DOI: 10.17759/psylaw.2020100208 [Dozortseva, E. G., Oshevsky, D. S., Syrokvashina, K. V. (2020) 'Psychological, social, and informational aspects of attacks by minors on educational institutions', *Psychology and Law*, 10(2), pp.97-110. (In Russ.)].
- Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2023 год (2023). М.: Общественная палата Российской Федерации [Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2023 (2023). Moscow: Obshhestvennaya palata Rossijskoj Federacii (In Russ.)].
- Жижек, С. (2010) *О насилии*. М.: Издательство Европа [Zizek S. (2010) *On Violence*. Moscow: Izdatel'stvo Yevropa (In Russ.)].
- Карпова, А. Ю., Максимова, Н. Г. (2021) 'Скулшутинг в России: что имеет значение?', *Власть*, 1, сс. 93-108. DOI: 10.31171/vlast.v29i1.7920. [Karpova, A. Yu., Maksimova, N. G. (2021) 'School-shooting in Russia: What Matters?', *Vlast*, 1, pp.93-108. (In Russ.)].
- Клейберг, Ю. А. (2020) 'Шутинг как психолого-девиантологический феномен', *Вестник экспериментального образования*, 1(22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shutting-kak-psiologo-deviantologicheskij-fenomen> (дата обращения: 29.12.2025). [Kleiberg, Yu. A. (2020) 'Shooting as a psychological-deviantological phenomenon', *Journal of experimental education*, 1(22) (In Russ.)].
- Кон, И. С. (2010) 'Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире', *Этнографическая мозаика*, 6, сс. 99-114. [Kon, I. S. (2010) 'Changing Men in a Changing World', *Jetnograficheskaja mozaika*, 6, pp. 99-114. (In Russ.)].
- Мамедова, Ф.Ф., Барышева, К.А. (2021) 'Уголовно-правовой запрет на несообщение о преступлении (правовые и нравственные аспекты)', *Право Журнал Высшей школы экономики*, 5, сс. 122–147. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.122.147 [Mamedova, F. F., Barysheva, K. A. (2021) 'Criminal-legal ban on failure to report a crime (legal and moral aspects)', *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 5, pp. 122–147. (In Russ.)].

- Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011) *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство Института Гайдара [North, D., Wallis, D., Weingast, B. (2011) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Written Human History*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara (In Russ.)].
- Пучнин, А. В., Пучнина, М. Ю. (2021) 'Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних', *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3(91), сс. 115-120. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-3-115-120 [Puchnin, A. V., Puchnina, M. Yu. (2021) 'The Influence of Destructive Internet Content on the Formation of Columbine Ideas Among Minors', *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3(91), pp. 115-120. (In Russ.)].
- Родионова, М. М., Смирнов, Н. М. (2022) 'Корабль Тесея: трансформации понятия насилия в политической и социальной теории', *Полития*, 3 (106), сс. 6-27. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27 [Rodionova, M. M., Smirnov, N. M. (2022) 'The Ship of Theseus: Transformations of the Concept of Violence in Political and Social Theory', *Politeia*. 3 (106), pp. 6-27. (In Russ.)].
- Чудинов, С. И., Сербина, Г. Н., Мундриевская, Ю. О. (2021) 'Сетевая организация скулшутеров в социальной сети «ВКонтакте» на примере фанатского сообщества «керченского стрелка»', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4, сс. 363-383. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1740 [Chudinov, S. I., Serbina, G. N., Mundrievskaya, Yu. O. (2021) 'Network organization of school shooters on the social network 'VKontakte' using the example of the fan community of the 'Kerch shooter'', *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, pp. 363-383. (In Russ.)].
- Agnich, L. E. (2015) 'A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-Based Mass Murder Attacks', *American Journal of Criminal Justice*, 40 (1), pp. 1-22, DOI: 10.1007/s12103-014-9239-5
- Arluke, A., Madfis, E. (2014) 'Animal Abuse as a Warning Sign of School Massacres: A Critique and Refinement', *Homicide Studies*, 18 (1), pp. 7-22, DOI: 10.1177/1088767913511459
- Beland, L.-P., Kim, D. (2016) 'The Effect of High School Shootings on Schools and Student Performance', *Educational Evaluation and Policy Analysis*, 38(1), pp. 113-126, DOI: 10.3102/0162373715590683
- Fox, J.A., Sanders, N.E., Fridel, E.E., Duwe, G., Rocque, M. (2021) 'The Contagion of Mass Shootings: The Interdependence of Large-Scale Massacres and Mass Media Coverage', *Statistics and Public Policy*, 8(1), pp. 53-66, DOI:10.1080/2330443X.2021.1932645
- Gerard, F.J., Whitfield, K.C., Porter, L.E., Browne, K.D. (2016) 'Offender and Offence Characteristics of School Shooting Incidents', *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*, 13 (1), pp. 22-38, DOI: 10.1002/jip.1439
- Gius, M. (2018) 'The effects of state and Federal gun control laws on school shootings', *Applied economics letters*, 25(5), pp. 317-320, DOI: 10.1080/13504851.2017.1319555
- Ioannou, M., Hammond, L., Simpson, O. (2015) 'A model for differentiating school shooters characteristics', *Journal of Criminal Psychology*, 5 (3), pp. 188-200, DOI: 10.1108/JCP-06-2015-0018
- Jonson, C. L. (2017) 'Preventing School Shootings: The Effectiveness of Safety Measures', *Victims and Offenders*, 12(6), pp. 956-973, DOI: 10.1080/15564886.2017.1307293
- Jonson, C. L., Moon, M. M., Hendry, J. A. (2020) 'One Size Does Not Fit All: Traditional Lockdown Versus Multioption Responses to School Shootings', *Journal of School Violence*, 19(2), pp. 154-166, DOI: 10.1080/15388220.2018.1553719
- Karpova, A., Savelev, A., Maksimova, N. (2021) 'Modeling the Process of School Shooters Radicalization (Russian Case)', *Social Sciences*, 10, p. 477, DOI: 10.3390/socsci10120477
- Katsiyannis, A., Whitford, D. K., Ennis, R. P. (2018) 'Historical Examination of United States Intentional Mass School Shootings in the 20th and 21st Centuries: Implications for Students, Schools, and Society', *Journal of Child and Family Studies*, 27

- (8), pp. 2562-2573, DOI: 10.1007/s10826-018-1096-2
- Lankford, A. (2016) 'Public mass shooters and firearms: A cross-national study of 171 countries', *Violence and Victims*, 31(2), pp. 187-199, DOI: 10.1891/0886-6708.VV-D-15-00093
- Lowe, S. R., Galea, S. (2017) 'The Mental Health Consequences of Mass Shootings', *Trauma, Violence, and Abuse*, 18(1), pp. 62-82, DOI: 10.1177/1524838015591572
- Luca M., Malhotra D., Poliquin C. (2020) 'The Impact of Mass Shootings on Gun Policy', *Journal of Public Economics*, 181, p. 104083, DOI: <https://doi.org/10.1016/j>
- Madfis, E. (2014) 'Averting School Rampage: Student Intervention Amid a Persistent Code of Silence', *Youth Violence and Juvenile Justice*, 12(3), pp. 229-249, DOI: 10.1177/1541204013497768
- Madfis, E. (2016) "'It's Better to Overreact": School Officials' Fear and Perceived Risk of Rampage Attacks and the Criminalization of American Public Schools', *Critical Criminology*, 24(1), pp. 39-55, DOI: 10.1007/s10612-015-9297-0
- Pfeifer, B., Ganzevoort, R. R. (2014) 'The Implicit Religion of School Shootings: Existential Concerns of Perpetrators Prior to Their Crime', *Journal of Religion and Violence*, 2(3), pp. 447-459. DOI: 10.5840/jrv20153172
- Price, J. H. (2019) 'School Firearm Violence Prevention Practices and Policies: Functional or Folly?', *Violence and Gender*, 3(6), pp. 154-167, DOI: 10.1089/vio.2018.0044
- Raitanen, J., Oksanen, A. (2018) 'Global Online Subculture Surrounding School Shootings', *American Behavioral Scientist*, 62(2), pp. 195-209, DOI: 10.1177/0002764218755835
- Raitanen, J., Sandberg, S., Oksanen, A. (2019) 'The bullying-school shooting nexus: Bridging master narratives of mass violence with personal narratives of social exclusion', *Deviant Behavior*, 40(1), pp. 96-109, DOI: 10.1080/01639625.2017.1411044
- Reeping, P. M., Gobaud, A. N., Branas, Ch. C., Rajan, S. (2021) 'K-12 School Shootings Implications for Policy, Prevention, and Child Well-Being', *Pediatric Clinics of North America*, 68(2), pp. 413-426. DOI: 10.1016/j.pcl.2020.12.005
- Rossin-Slater, M., Schnell, M., Schwandt, H., Trejo, S., Uniat, L. (2020) 'Local exposure to school shootings and youth antidepressant use', *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 117(38), pp. 23484-23489, DOI: 10.1073/pnas.2000804117
- Sommer, F., Leuschner, V., Scheithauer, H. (2014) 'Bullying, Romantic Rejection, and Conflicts with Teachers: The Crucial Role of Social Dynamics in the Development of School Shootings', *A Systematic Review International Journal of Developmental Sciences*, 8(1-2), pp. 3-24, DOI: 10.3233/DEV-140129
- Wallace, L. N. (2015) 'Responding to violence with guns: Mass shootings and gun acquisition', *Social Science Journal*, 52(2), pp. 156-167, DOI: 10.1016/j.soscij.2015.03.002. .

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 13.04.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, профессор, профессор Института международных отношений и мировой истории.
E-mail: rasv@yandex.ru (ORCID: [0000-0001-8336-1044](https://orcid.org/0000-0001-8336-1044)).

Information about author

Nadezhda K. Radina, Doctor of Sciences (in Politics), Professor, Institute of International Relations and World History.
E-mail: rasv@yandex.ru (ORCID: [0000-0001-8336-1044](https://orcid.org/0000-0001-8336-1044)).

УДК-316.346.32-053.6

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-98-111

ЦИФРОВАЯ ЭКОСИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

А. А. Ширинянц, О. Ю. Шмелева

Ширинянц Александр Андреевич,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация,
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Российская Федерация.

Шмелева Ольга Юрьевна,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация.

Аннотация

На материалах прикладных исследований рассматриваются структурно-содержательные особенности политического мировоззрения молодежи мегаполисов Приволжского федерального округа в контексте изучения специфики функционирования цифровых экосистем Уфы, Казани, Нижнего Новгорода. Проводятся сравнительный анализ цифровой среды трех мегаполисов и оценка социальной результативности принимаемых на региональном уровне цифровых решений. Обосновывается вывод о неравномерном развитии цифровой среды в изучаемых субъектах, внутренних противоречиях цифровизации, связанных с издержками принимаемых цифровых решений. В рамках изучения структуры мировоззрения молодежи выделяются предикторы удовлетворенности респондентов состоянием цифровых экосистем, в числе которых оценка доступности, эффективности цифровой инфраструктуры, представления об актуальных проблемах и противоречиях цифровизации. Отмечаются высокий потенциал влияния цифровых экосистем и одновременно противоречивый характер их воздействия на политическое мировоззрение молодежи, для которой характерны прагматичный, умеренно-критичный подход к оценке состояния цифровой среды мегаполисов, амбивалентность представлений о цифровизации, вызванной различной маркировкой в ее сознании технологических и административных решений. Выдвигается положение о том, что издержки реализации цифровых проектов в изучаемых регионах становятся факторами социально-психологических рисков, связанных с усилением фрустрации, депривации в сознании молодых людей, с невозможностью спрогнозировать вектор развития их мировоззрения.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая экосистема; цифровое государство; мегаполис; цифровая инфраструктура; молодёжь мегаполиса; политическое мировоззрение; региональный профиль; риски цифровизации

Для цитирования: Ширинянц, А. А., Шмелева, О. Ю. (2026) 'Цифровая экосистема современного мегаполиса как механизм формирования политического мировоззрения российской молодёжи', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 98-111. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-98-111

Финансовая поддержка: Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования и ЭИСИ, проект №НИОКТР 124111400008-2 «Архитектоника образа будущего российского государства в сознании молодёжи современного мегаполиса: региональные модели, факторы формирования, идейно-ценностные размежевания».

DIGITAL ECOSYSTEM OF A MODERN MEGAPOLIS AS A MECHANISM FOR FORMING THE POLITICAL WORLDVIEW OF RUSSIAN YOUTH

A. A. Shirinyants, O. Y. Shmeleva

Alexander A. Shirinyants,
M. V. Lomonosov Moscow State University,
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation.

Olga Y. Shmeleva,
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation.

Abstract

The article examines the structural and substantive features of youth political worldview and the functioning of digital ecosystems in the Volga Federal District cities of Ufa, Kazan, and Nizhny Novgorod. It provides a comparative analysis of these cities' digital environments and assesses the social effectiveness of regional digital solutions. The study shows the uneven development of the digital environment and the internal contradictions of digitalization associated with the costs of digital decisions. Within the study of youth worldview, predictors of satisfaction with digital ecosystems are identified, including assessments of the accessibility and effectiveness of digital infrastructure, as well as perceptions of key problems and contradictions of digitalization. Digital ecosystems have been showing a strong yet contradictory impact on youth political worldviews, marked by a pragmatic and moderately critical assessment of urban digital environments and ambivalent perceptions of digitalization shaped by differing views of technological and administrative solutions. The authors conclude that the costs of implementing digital projects in the studied regions become factors in socio-psychological risks, associated with increased frustrations and deprivations in the minds of young people, as well as the inability to predict the vector of worldview development.

Keywords: digitalization; digital ecosystem; digital state; megalopolis; youth of the megalopolis; political worldview; regional profile; risks of digitalization

For citation: Shirinyants, A. A., Shmeleva, O. Y. (2026) 'Digital ecosystem of a modern megapolis as a mechanism for forming the political worldview of Russian youth', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 98-111. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-98-111

Funding: The work was carried out with the financial support of Ministry of science and higher education of the Russian Federation and EISR, project № EGISN R&D 124111400008-2 «The architectonics of the image of the future Russian state in the minds of the youth of a modern metropolis: regional models, factors of formation, ideological and value divisions».

Введение

Интенсивно развивающаяся цифровая экосистема современных мегаполисов в условиях технологической революции 4.0 становится одним из ключевых факторов формирования политического мировоззрения, ценностей, моделей восприятия homo digital (Гигаури и др., 2019: 53). По мере дальнейшей вовлеченности россиян в цифровую среду в условиях реализации федерального проекта «Экономика данных», достижения национальных целей развития, обозначенных президентом Российской Федерации¹ и закреплённых в нормативных документах («цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы», «увеличение к 2030 г. до 99 % доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной

¹ Стенограмма выступления В.В. Путина на пленарном заседании XXVII Петербургского международного экономического форума 1 июня 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234> (дата обращения: 09.09.2025).

форме, охват домохозяйств Интернетом до 97 % к 2030 г. и до 99 % к 2036 г.»²), роль и значение данного фактора будет расти. Вместе с тем процесс формирования в современной России цифровой экосистемы сопряжен с внутренними противоречиями, вызовами, социально-политическими рисками, связанными с «дисбалансом цифровизации как инструмента устойчивого развития» (Голова, Курбатова, 2021), ее внутренней дихотомией, открывающей широкий спектр благ, возможностей для населения мегаполисов и одновременно сопряженной с административными издержками – сохранением архаичных практик управления на местах, проблемой редуционизма, локализацией цифровых решений, формализацией коммуникации и др. Противоречивые эффекты цифровизации, формирующей «несколько линий напряжения в обществе» (Володенков, 2022: 341), связанных с ценностными трансформациями, расширением числа акторов, способных влиять на «формирование мировоззренческих ориентиров человека» (Ромашкина, Киричук, 2024: 638) и утратой государством статуса ключевого актора управления массовым сознанием россиян, актуализируют *проблему противоречивого воздействия цифровых экосистем современных мегаполисов на мировоззрение российской молодежи*, максимально вовлеченной в цифровые технологии, сервисы, платформы, различные сетевые сообщества, отличающейся восприимчивостью к новому, высоким уровнем политизации и вестернизации сознания, тревожности, стресса. Решение поставленной в статье проблемы предполагает поиск ответов на следующие исследовательские вопросы: какова роль цифровой экосистемы в формировании мировоззрения молодежи? каковы социальная результативность цифровых решений и оптимальные стратегии ее повышения? какой молодежи люди видят роль цифровых технологий в будущем? Целью данной статьи стало изучение особенностей и механизма воздействия цифровой экосистемы мегаполисов на политическое мировоззрение молодежи больших городов.

Теоретические основания исследования

Проблематика, связанная с изучением различных аспектов цифровой экосистемы и ее влияния на субъективное пространство политики, широко представлена в современном научном дискурсе. Основные направления исследований по данной теме касаются уточнения понятия «цифровая экосистема», рассмотрения архитектуры цифровых экосистем, ее структурных элементов, принципов функционирования, регионального опыта становления и развития; концепции «умного города» как неотъемлемого атрибута цифровых экосистем; изучения ценностных изменений в расширяющемся цифровом пространстве; анализа рисков и социально-психологических издержек цифровизации. Отдельный пласт работ посвящен рассмотрению влияния цифровых экосистем на трансформацию сферы публичной политики и гражданскую активность жителей мегаполисов.

Диапазон определений цифровой экосистемы, представленный в научном дискурсе, варьируется от интерпретации учеными последней как «масштабных системных ландшафтов государственного уровня, состоящих из множества игроков и технологических систем», «ключевого фактора повышения благосостояния и благополучия» (Draheim, Krimmer, Tammert, 2021: 165), инструмента модернизации существующих коммуникативных систем между властью и обществом (Федорченко, 2022) до рассмотрения цифровых экосистем как «пространства для реализации гражданской активности молодежи» (De Blasio, Viviani, 2020). В данной статье цифровая экосистема современного мегаполиса трактуется авторами как пространственно-временной континуум, включающий совокупность взаимосвязанных элементов (цифровых платформ, сервисов, инновационных технологий, коммуникаций, сетевых форм взаимодействий пользователей), складывающихся в определенном временном измерении, формирующих фокус восприятия цифровых решений и практик властей представителями *homo digitals*.

Значительный пласт публикаций посвящен рассмотрению регионального и зарубежного опыта функционирования цифровых сред мегаполисов и городских агломераций, изучению различных моделей функционирования цифровых экосистем, анализу проблем, противоречий, развитию

² О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986?erid=2SDnjc45hpG> (дата обращения: 12.08.2025); Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». 2025–2030 гг., утвержденный протоколом Президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 20 декабря 2024 г. № 12пр. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения: 12.08.2025).

межгосударственных цифровых экосистем (Махмудова, Ашурова, Разакова, 2022; Морозова, 2024; Удовенко, 2022; Dommett, Power, 2023). К.С. Кондратенко в процессе анализа региональных пабликов акцентирует внимание на технологиях и практиках управления региональных властей массовым сознанием граждан с целью вовлечения пользователей в цифровые каналы, повышения уровня доверия населения цифровым сервисам, мотивации к цифровому участию (Кондратенко, 2020).

Существенное внимание в исследовательском поле уделено изучению рисков расширения цифрового пространства (аксиологических, социально-психологических, административных и др.), «комплекс которых... не позволяет сформулировать однозначный сценарий трансформации мировоззрения в цифровую эпоху» (Володенков и др., 2023: 21). Ряд ученых акцентирует внимание на рисках управления, обусловленных противоречиями между вновь внедряемыми цифровыми технологиями и нормативно-правовыми ограничениями (Удовенко, 2022: 38–39); «отсутствием признаков экосистемы», сводящейся к «набору автономных решений по переводу различных городских услуг в цифровую среду» (Голова, Курбатова, 2021: 49); архаизацией отдельных практик управления (цифровые сервисы «становятся новыми проводниками старых институтов») (Кондратенко, 2020: 488); «формализацией общения и сужением списка тем» коммуникации между властью и обществом, «сомнительностью стратегий продвижения сайтов», противоречиями.

Административные издержки зачастую становятся факторами социально-психологических рисков цифровизации, связанных с фиксируемой в обществе «сетевой» агрессией, социальным стрессом («Умный город» XXI века, 2018), снижением уровня психологической безопасности, удовлетворенности граждан предложенными цифровыми решениями (Голова, Курбатова, 2021; Соколов, Гребенко, 2024), а также «усилением депривации, связанной с неоправданностью ожиданий от использования цифровых сервисов... которые легко могут перерасти в претензии и разочарование» (Кондратенко, 2020: 488).

Отдельным предметом изучения в научном дискурсе стали аксиологические риски цифровизации, обусловленные «значимыми изменениями в традиционных ценностно-смысловых системах» (Володенков, 2022: 341); «противопоставлением современных гуманистических ценностей идеям технократического контроля и управления» (Быков, Курушкин, 2022); «подверженностью граждан воздействию манипулятивных алгоритмических инструментов цифровых платформ, на которых транслируются деструктивные нарративы, способствующие разрушению мировоззрения и ценностей общества» (Ромашкина, Киричук, 2024: 630). Особую значимость риск манипулирования сознанием, переформатирования ценностей приобретает в связи с «ограниченностью воздействия традиционных агентов социализации [в том числе государства] на формирование мировоззренческих ориентиров человека» (Там же) в условиях «цифрового капитализма», при котором «цифровые корпоративные гиганты стали конкурентами постмодернистского государства в формировании мировоззренческих картин» (Федорченко, 2022: 69). Отдельное внимание в науке получил феномен «цифрового колониализма», подразумевающий «имперский контроль на уровне архитектуры цифровой экосистемы (программное обеспечение, оборудование и сетевое подключение)» и «порождающий пять связанных форм доминирования, в том числе прямую власть над политическими, экономическими и культурными сферами жизни» (Kwet, 2019: 3).

Еще одно направление исследований представлено трудами, посвященными проблеме трансформации сферы публичной политики под воздействием цифровизации, образующей единую инфраструктуру взаимодействия, пространство для «создания коалиций и сотрудничающих партнерств, действующих в интересах их создателей» (De Blasio, Viviani, 2020 и др.). В рамках данного тематического кластера изучаются феномены «цифрового активизма» (De Blasio, Viviani, 2020), гражданской активности жителей мегаполисов, механизм влияния цифровых экосистем на электоральную активность россиян; свойство цифровых платформ и сервисов, связанное с «высокой способностью мобилизации к гражданским действиям» (Krawatzek, 2022: 1115; Соколов, Гребенко, 2024).

Несмотря на имеющийся в науке широкий круг работ по рассматриваемой проблематике, остаются вопросы, требующие дальнейшего изучения. В частности, требуют специальных исследований запросы и ожидания молодежи, связанные с развитием цифровых экосистем, нужно изучить ее представления об актуальных проблемах и противоречиях реализации цифровых решений на местах и т.д. Часть этих вопросов была рассмотрена нами в рамках проведенных прикладных исследований.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составили принципы системного и социально-психологического подходов, позволившие сфокусировать внимание на изучении структурно-содержательных элементов политического мировоззрения молодежи в контексте ее социальных контактов, связей, включенности в социальные отношения, выстраиваемые в логике развития цифровой экосистемы мегаполиса. Кроме того, в работе использована модель «вызова – ответа» А. Тойнби, согласно которой технологическая революция 4.0 и цифровизация городских пространств рассматриваются в качестве ключевого вызова, ставящего перед государством, властью, обществом *проблему выбора оптимальной стратегии управления* («ответ») с целью повышения социальной результативности цифровых решений (Тойнби, 1991).

Сложность объекта изучения, представляющего механизм формирования политического мировоззрения молодежи современного мегаполиса в условиях развития цифровой среды, предопределила выбор совокупности релевантных методов и двухступенчатой процедуры проведения прикладных исследований. На первом этапе производились мониторинг цифровых экосистем трех мегаполисов Приволжского федерального округа (Уфы, Казани, Нижнего Новгорода), их сравнительный анализ по таким индикаторам, как развитость цифровой среды указанных городов, профиль цифровых платформ, сервисов, их функциональность, востребованность среди населения изучаемых субъектов, охват целевой аудитории с целью изучения цифрового профиля регионов.

На втором этапе методами анкетирования, ассоциативного тестирования и контент-анализа сообщений, материалов цифровых платформ, проведенного посредством аналитических инструментов TGStat, Voyant, «ПрессИндекс», осуществлялось изучение структурно-содержательных особенностей политического мировоззрения молодежи. Корпус эмпирических данных, полученных посредством реализации социологических и психосемантических методик, позволил изучить когнитивные, оценочные элементы мировоззрения. В рамках проведения социологического опроса, реализованного в октябре – ноябре 2024 г. в трех мегаполисах Приволжского федерального округа – Нижнем Новгороде, Казани и Уфе (выборка составила 558 чел., возрастной диапазон – 18–35 лет) – внимание фокусировалось на следующих предикторах:

- значимость городской среды для молодежи;
- оценки социальной результативности цифровой экосистемы мегаполиса, ее востребованности у молодежи, удовлетворенности функционированием цифровой инфраструктуры мегаполисов;
- доступность цифровых сервисов, платформ, технологий;
- запросы и ожидания молодежи от развития цифровой среды;
- представления молодых людей о проблемах, противоречиях функционирования цифровых экосистем.

Второй блок данных составили материалы ассоциативного тестирования, реализованного синхронно с анкетированием в указанных выше субъектах Российской Федерации, отражающие бессознательные элементы через набор вербальных ассоциаций с ключевым словом «будущее российское государство». Выборка составила 558 чел., возрастной диапазон – 18–35 лет. Всего было получено 1569 вербальных ассоциаций. Обработка полученных данных, их систематизация и структурирование производились на основании формулы Нобла:

$$K = \frac{n - 1}{N},$$

где n – общее количество совпавших реакций; N – общее количество всех реакций.

Полученные в результате психосемантических и социологических исследований данные были соотнесены с результатами веб-аналитических исследований. Затем посредством перекрестного анализа данных выявлялись взаимозависимости показателей, определялись направления связей. В рамках проведенных исследований обосновывалась гипотеза о противоречивом характере воздействия цифровой экосистемы мегаполиса на мировоззрение молодежи, формирующей сложную систему представлений респондентов.

Результаты

Каркас цифровой экосистемы изучаемых мегаполисов составила разветвленная инфраструктура федеральных и региональных проектов, сервисов (многофункциональных и отраслевых). Во всех трех субъектах по состоянию на октябрь – ноябрь 2024 г. функционировали цифровые платформы в сфере образования, благоустройства, региональные порталы медицинских услуг, сервисы мониторинга работы общественного транспорта, обслуживания транспортных карт, инициативного бюджетирования, туристические порталы, интернет-приемные, федеральные многофункциональные платформы.

Вместе с тем можно констатировать *различия цифровых профилей* Уфы, Казани, Нижнего Новгорода и неравномерность развития цифровых экосистем в изучаемых мегаполисах по охвату digital-сервисами различных сфер жизнедеятельности, по их востребованности у населения, по спектру возможностей. Например, сервис по обслуживанию транспортных карт оказался более популярен среди нижегородцев (за сентябрь – ноябрь 2024 г. зафиксировано 636 198 посещений, в Татарстане и Башкортостане за аналогичный период – 102 300 и 173 569 соответственно)³. Схожая тенденция выявлена в функционировании платформ инициативного бюджетирования. Среди нижегородцев отмечено в 23 раза больше их посещений (763 605), чем среди жителей Татарстана (33 157)⁴. У жителей Казани более популярен, чем у нижегородцев, оказался паркинг-сервис (122 209 и 76 835 посещений соответственно); в Уфе он вовсе отсутствует⁵.

Цифровые платформы и сервисы в изучаемых субъектах Российской Федерации дифференцируются по охвату сфер жизнедеятельности и функциональности цифровых площадок. В Нижегородской области, в частности, действует ряд социально ориентированных платформ, позволяющих жителям сообщать о проблемах, получать оповещения («Умный регион»), дистанционно голосовать на выборах (ДЭГ). В Татарстане и Башкортостане на конец 2024 г. система ДЭГ отсутствовала, вместе с тем в данных субъектах функционирует разветвленная сеть сервисов в области благоустройства, экологии, позволяющих осуществлять мониторинг по более чем 132 показателям – от уборки мусора, снега до контроля за безнадзорными животными⁶. Подобные сервисы довольно скромно представлены в Нижегородском регионе. Функциональность цифровых платформ и сервисов дополняют и расширяют внедряемые в практику управления изучаемых регионов проекты, основанные на технологиях искусственного интеллекта («Тепловая карта мест притяжения визитеров в сфере туризма», «Компьютерное зрение», «Речевая аналитика» в Нижегородской области; ИИ-проекты для борьбы с безнадзорными животными, контроля за перегрузом фур на дорогах, вывозом отходов в Татарстане). С 2024 г. работает система оплаты проезда по биометрии в метро Нижнего Новгорода и Казани.

Несмотря на наличие развитой цифровой инфраструктуры, созданной в изучаемых нами мегаполисах, результаты социологического опроса свидетельствуют о неоднозначном восприятии молодежью цифровых экосистем данных городов. Большинство респондентов (57 %) удовлетворены условиями проживания в большом городе *не в полной мере*, 11 % – скорее не удовлетворены и 2,6 % – совершенно не удовлетворены. Только 25 % респондентов полностью устраивает среда проживания в мегаполисе. Наибольший уровень недовольных условиями жизни зафиксирован в Уфе и Нижнем Новгороде (по 66 %).

Спектр проблем, волнующих молодежь мегаполисов Приволжского федерального округа, включает транспортные (87 %), жилищные (59 %), материальные – рост цен (54 %) и низкая оплата

³ Ситикард [Электронный ресурс]. URL: <https://siticard.ru/> (дата обращения: 20.01.2026); Транспортная карта в Республике Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <https://transkart.ru/> (дата обращения: 19.01.2026); Алга – единая транспортная карта Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <https://alga-card.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).

⁴ «Вам решать» – губернаторский проект инициативного бюджетирования [Электронный ресурс]. URL: <https://vam.golosza.ru/> (дата обращения: 21.01.2026); Благоустройство общественных пространств [Электронный ресурс]. URL: <https://gorodsreda.tatar.ru/> (дата обращения: 21.01.2026); Республиканская программа «Наш двор» [Электронный ресурс]. URL: <https://dvor.tatar/> (дата обращения: 20.01.2026).

⁵ Парковочное пространство Нижнего Новгорода [Электронный ресурс]. URL: <https://parkovkinn.ru/> (дата обращения: 20.01.2026); Казанский паркинг [Электронный ресурс]. URL: <https://parkingkzn.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).

⁶ «Антиснег», г. Нижний Новгород [Электронный ресурс]. URL: <https://geonn.grad-nn.ru/> (дата обращения: 22.01.2026); «ЛЮ-КОЛО» – сервис решения жилищных вопросов для жителей Татарстана [Электронный ресурс]. URL: <https://locolo.tatarstan.ru/> (дата обращения: 22.01.2026); «Народный контроль». Татарстан; «Уфа снежная», «Уфа чистая», «Интерактивная карта ямочного ремонта»; Экологично Казань [Электронный ресурс]. URL: <https://ecologiczn.ru/#header> (дата обращения: 22.01.2026); Зеленая Башкирия [Электронный ресурс]. URL: <https://ufa-green.ru/> (дата обращения: 22.01.2026).

труда (20 %), социально-психологические (психологическая усталость проживания в мегаполисе – 40 %; сложности адаптации – 8 %; равнодушие, индивидуализм, безразличие окружающих – 16 %); экологические (32 %) проблемы, а также связанные с издержками инфраструктуры (14 %) и преступностью (8 %).

Вышеприведенную статистику дополняют данные мониторинга в «Телеграм» с 1 января по 31 декабря 2024 г., полученные посредством использования ресурса TGStat. Значительную активность в рассмотренных региональных Телеграм-каналах в 2024 г. стимулировали посты с маркерами «ЖКХ» и «работа общественного транспорта» (табл. 1). Нерешенность хозяйственных и коммунальных проблем считали факторами, способствующим формированию негативного образа государства, 19,4 % респондентов. Согласно параметрам сетевой активности, это ключевая проблема. Темы ЖКХ, благоустройства, работы транспорта, роста цен носят константный характер, перманентно поднимаются в пабликах на протяжении 2023–2025 гг.

Таблица 1 / Table 1

**Частота использования лексемы «ЖКХ» в городских Телеграм-каналах /
Frequency of use of the lexeme "ZHKH" (housing and communal services)
in urban Telegram channels**

Показатель сетевой активности	Регион проживания		
	Нижегородская область	Республика Башкортостан	Республика Татарстан
Число постов	1151	995	687
Аудитория постов	8 881 174	10 602 269	15 472 031
Средний охват поста	7716,050391	10655,54673	22521,15138
Запросы	534 804	388 520	394 017

Источник: данные мониторинга TGStat за период с 1.01.2024 г. по 31.12.2024 г.

Актуальность вышеприведенных тем для населения подтверждают также данные о количестве обращений граждан по обозначенным проблемам в официальные структуры посредством цифровых платформ и сервисов. В частности, контент-анализ сообщений нижегородцев на официальной странице губернатора Нижегородской области Г.С. Никитина в социальной сети «ВКонтакте»⁷ с 23 декабря 2024 г. по 15 марта 2025 г. (проанализировано 14 постов, 4435 сообщений граждан) позволяет сделать вывод о том, что обозначенные выше вопросы лидируют в общем массиве обращений, независимо от темы поста губернатора и его посылы населению (табл. 2). При этом общая тональность сообщений носит преимущественно критический, негативный характер, о чем свидетельствует частота использования экспрессивной, пейоративной, дерогативной лексики в текстах сообщений («критическая ситуация» (2)⁸, «аварии» (аварийные ситуации), «отписки» (4), «бардак» (8), «медицина развалена», «проблемы в работе общественного транспорта» (26), «не на чем уехать», «бесхозяйственность», «позор» (3), «не хватает кадров», «не ходит транспорт» и др.).

⁷ URL: https://vk.com/glebnikitin_nn (дата обращения: 21.01.2026).

⁸ В скобках указана частота упоминаний лексемы в общем массиве сообщений.

**Результаты контент-анализа сообщений на официальной странице
Г.С. Никитина в социальной сети «ВКонтакте» /
Content analysis results for posts from the official VK page of G.S. Nikitin**

Дата и тема поста	Тематика сообщений к посту								
	ЖКХ	Транспорт, дороги	Социальная поддержка, демография	Благо- устройство	Экология	Медицина	Образование	Другие (в т.ч. личные сообщения граждан)	Всего сооб- щений
23.12.2024 г. – демография (пятилетие семьи в Нижегородской области)	49	81	170	48	6	46	–	600	1 тыс.
31.12.2024 г. – история празднования Нового года в Нижнем Новгороде, поздравление губернатора	46	18	4	17	–	–	1	137	223
14.01.2025 г. – инспектирование губернатором готовности строящейся школы	70	42	4	62	–	5	48	169	400
21.01.2025 г. – визит Д. Григоренко в регион	181	338	–	13	3	–	24	135	694
31.01.2025 г. – запуск нового проекта «Бойцы, герои!»	10	87	–	–	–	–	–	67	164
03.02.2025 г. – вручение медалей ветеранам ВОВ	149	35	27	82	1	9	–	153	456
21.02.2025 г. – визит вице-премьера М. Хуснуллина в Нижегородскую область	31	60	4	19	6	6	–	130	256
01.03.2025 г. – развитие проекта «Уроки с путешествием»	51	30	10	14	–	18	6	158	287
08.03.2025 г. – поздравление губернатора с 8 Марта	48	29	6	25	12	9	1	98	228
13.03.2025 г. – визит М. Решетникова в регион	41	11	–	–	3	–	5	73	133

Источник: таблица составлена авторами по материалам мониторинга официальной страницы Г.С. Никитина в социальной сети «ВКонтакте» с 23 декабря 2024 г. по 15 марта 2025 г.

Данные о количестве обращений населения в Центр управления регионом (ЦУР) по Нижегородской области за аналогичный период времени коррелируют с вышеприведенной статистикой (табл. 3) и подтверждают тенденцию о лидировании по числу запросов вопросов ЖКХ, благоустройства, транспорта, составляющих более половины сообщений в общем массиве обращений. Аналогичную статистику приводит К.С. Кондратенко в своей статье (Кондратенко, 2020: 484).

Данные ЦУР Нижегородской области /
Data from the Regional Control Center of the Nizhny Novgorod Region

Период	Топ-5 тем обращений						Общее количество обращений нижегородцев в ЦУР
	Общественный транспорт	ЖКХ	Дороги	Благоустройство	Здравоохранение	Другие	
3–10.03.2025	467	462	367	223	130	–	2154
24–30.03. 2025	255	151	314	375	–	125	1797
24.02–2.03.2025	351	282	227	131	149	–	1628

Источник: составлено по результатам систематизации данных ЦУР из открытых источников⁹.

Важными элементами цифровой экосистемы мегаполисов являются площадки коммуникации, охватывающие значительное число респондентов (рис. 1), что позволяет говорить о широкой вовлеченности молодежи мегаполисов в цифровую экосистему, знании респондентами ее архитектуры, механизма функционирования.

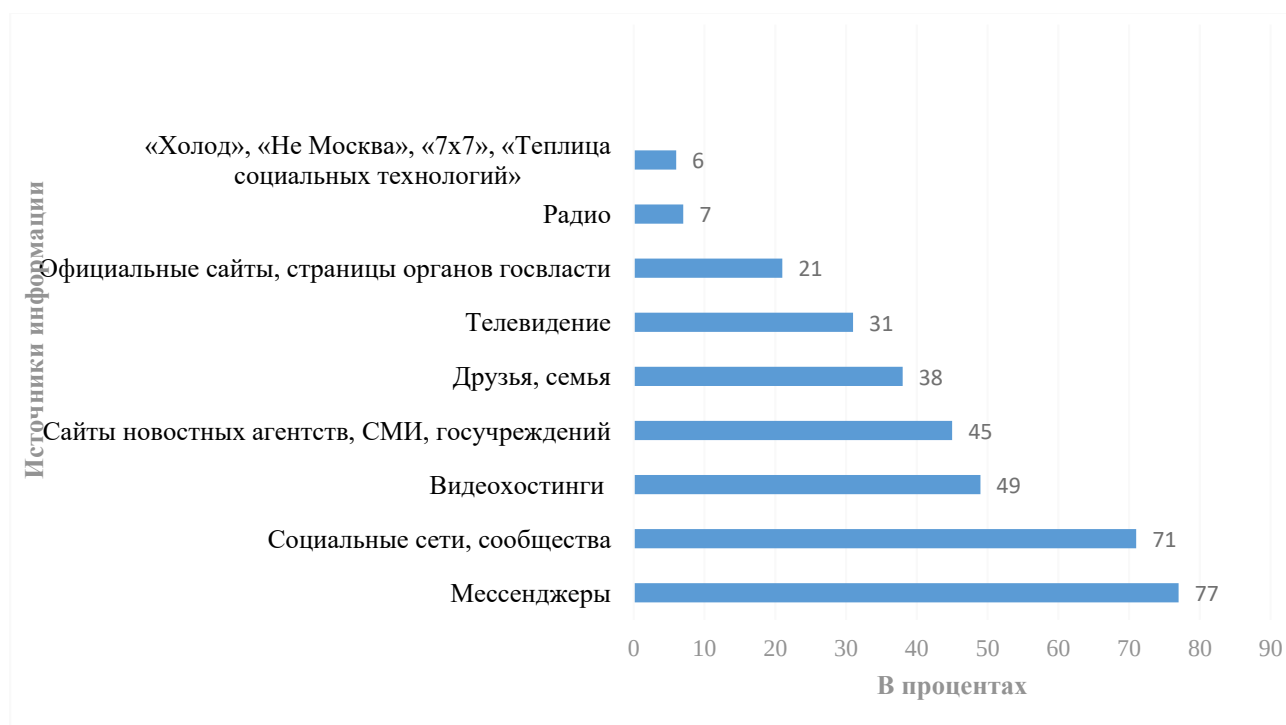

Рис. Источники получения информации для молодежи / Fig. Information sources for youth

Примечание: Издания «Холод», «Не Москва», «7x7», «Теплица социальных технологий» признаны Министерством юстиции РФ иностранными агентами
(источник: данные анкетирования, реализованного авторами)

Чаще обращалась к мессенджерам и использовала их в качестве источника получения информации молодежь Нижнего Новгорода и Москвы (86 и 93 % соответственно), реже — пользователи из Ростова-на-Дону (66 %). В Уфе и Казани показатель вовлеченности молодежи варьировался на уровне

⁹ Центр управления регионом (Нижегородская область) [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-201789005_16774 (дата обращения: 22.01.2026); ЦУР [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-201789005_16919 (дата обращения: 22.01.2026); ЦУР [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-201789005_16748 (дата обращения: 22.01.2026).

72 %. При этом в национальных регионах отмечен более высокий процент респондентов, получающих информацию от друзей и семьи (42 % в Уфе и 45 % в Казани). Следовательно, цифровые каналы коммуникации становятся ключевым механизмом формирования политического мировоззрения молодежи современных мегаполисов и одновременно фактором риска политического манипулирования. Через мессенджеры осуществляется деятельность по втягиванию россиян, в т.ч. молодежи, в совершение противоправных действий, управлению протестными настроениями пользователей. 53 % респондентов эпизодически, а 18 % регулярно в 2024 г. сталкивались в социальных сетях, Интернете, в реальной жизни с информацией протестного характера. Только 29 % не встречали подобного контента.

Риск увеличения манипулятивного воздействия на целевую аудиторию возрастает на фоне выявленных в процессе анкетирования слабых мест в системе политической коммуникации. В частности, опрос показал наличие *коммуникационной дистанции* между властью/государством в лице его учреждений и молодыми людьми, особенно отчетливо выраженной в категориях 14–17 и 18–23 лет. Данный вывод вытекает из незначительной востребованности официальных цифровых каналов коммуникации у молодежи: только 21 % опрошенных отметили в качестве источника получения информации официальные сайты, страницы в социальных сетях госучреждений, представителей власти, 28 % опрошенных заявили, что являются их пользователями и регулярно просматривают контент. 68 % респондентов были не подписаны на каналы, чаты федеральных, региональных, местных политиков и официальных структур в социальных сетях и мессенджерах. В региональном разрезе наибольшая коммуникативная дистанция между властью и обществом и высокий уровень индифферентности к подобным каналам коммуникации отмечен среди молодежи Уфы и Казани (82 и 75 % соответственно), наименьшая – в Нижегородской области, где каждый второй респондент потребляет контент официальных ресурсов.

Среди причин незначительной популярности среди молодежи официальных источников информации – «нехватка альтернативных мнений для объективной оценки» (53 %), превалирование агитационных форматов коммуникации («не объясняют, а агитируют») (30 %), недостоверность данных («говорят неправду») (18 %), «неориентированность контента на молодежь» (17 %), «авторы не пользуются авторитетом» (14 %).

Неудовлетворенность предоставляемой на официальных страницах, сайтах информацией вынуждает молодых людей обращаться к альтернативным источникам (43 % – периодически и 23 % – регулярно). Наибольшей содержательностью, способностью формировать представления молодежи о текущей политике государства и стратегии его развития в будущем, по мнению респондентов, отличаются блоги, подкасты лидеров мнений (48 %), персональные страницы, каналы официальных лиц (чиновников, руководителей молодежных организаций, молодежных лидеров) в социальных сетях «ВКонтакте», «Telegram» (44 %).

Еще одним слагаемым политического мировоззрения молодежи современного мегаполиса являются представления респондентов о цифровизации и цифровой экосистеме большого города. Развитие науки, технологий, дальнейшая цифровизация рассматриваются 66 % опрошенных как приоритетные направления развития российского государства в будущем, 35 % видят его современным, цифровым, следующим инновационным тенденциям. Кроме того, ценности развития, инноваций заняли прочную нишу в ценностной картине мира молодежи: 59 % выделили их в числе тех, которые могут стать фундаментом развития России в будущем.

Факт того, что цифровое мышление прочно вошло в структуру сознания молодежи, подтверждают результаты ассоциативного тестирования. Лексемы «инновации», «развитие», «цифровизация» оказались представлены в структуре семантического ядра к словосочетанию «государство будущего» с коэффициентами Нобла 0,022 (36 упоминаний), 0,017 (29 упоминаний) и 0,008 (13 упоминаний) соответственно. Технологический аспект нашел место в образе будущего государства, но уступил первенство таким параметрам, как сила и стабильность – 0,057 и 0,023 (92 и 37 упоминаний) соответственно.

Молодые люди признают за цифровыми технологиями будущее государства и одновременно рассматривают цифровую среду мегаполиса как данность, неотъемлемый атрибут современного города. Использование широкого спектра инноваций и цифровых технологий отметил в качестве преимущества мегаполиса только 31 % опрошенных. В рейтинге преимуществ и возможностей, которые предоставляют крупные города, доступ к цифровой инфраструктуре уступает первенство возможностям самореализации (76 %), нахождению множества социальных контактов, связей, использованию разветвленной социальной коммуникации (60 %), получению разностороннего образования (65 %). Следовательно, доступ к широкому спектру цифровых платформ, инновационных технологий,

большим потокам информации, а также комфортная и безопасная среда не воспринимаются как исключительное благо мегаполиса, притягивающее молодежь. Данный факт позволяет говорить об антиномичном восприятии молодежью цифровой среды, рассматриваемой как неотъемлемый атрибут образа будущего и одновременно как фактор риска.

Обсуждение

Результаты прикладных исследований свидетельствуют о существенном потенциале воздействия цифровой экосистемы мегаполисов на формирование мировоззрения молодежи, однако данное воздействие *носит противоречивый характер*. С одной стороны, цифровизация и связанные с ней инновационные технологии, практики управления, ценности положительно маркированы в сознании молодежи; рассматриваются как прочный фундамент будущего. С другой стороны, в структуре мировоззрения отчетливо прослеживается прагматичный, умеренно-критичный подход молодых людей к оценке функционирования цифровых экосистем мегаполисов, основанный на видении как преимуществ, возможностей цифровизации, так и издержек, противоречий, проблем, рисков дигитализации, связанных с неравномерным развитием ее в отдельных субъектах, дисбалансом цифровизации, «не позволяющих сформулировать однозначный сценарий трансформации мировоззрения в цифровую эпоху» (Володенков и др., 2023: 21).

Выявленный в результате проведенного исследования спектр актуальных проблем – административных, коммуникационных, социально-психологических – позволяет говорить о сохранении традиционных форматов, моделей, управления, элементов редуционизма, архаизации административных практик на местах, снижающих эффективность принимаемых цифровых решений. Цифровые платформы и технологии не стали панацеей для решения традиционных проблем региона в сфере ЖКХ, транспорта – изношенности коммунальных сетей, подвижного состава, кадрового голода, логистических сложностей мегаполисов. Издержки управления в сфере ЖКХ, транспорта, коммуникации остаются ключевыми вызовами для региональных властей. Применительно к сфере коммуникации имеет место воспроизводство коммуникативной стратегии, не в полной мере отвечающей запросам молодежи, основанной на формальном подходе, PR, агитации как технологиях общения с аудиторией, неполнотой контента и недостоверностью сведений, что свидетельствует о «дисбалансе между потребностями граждан и управленческим алгоритмами» (Кондратенко, 2020: 488). Цифровые сервисы «становятся новыми проводниками старых институтов» и практик управления на региональном и муниципальных уровнях, чем «загоняют в тупик реализацию цифровых проектов» (Там же: 477, 488).

Заключение

Цифровая экосистема современных мегаполисов в условиях технологического развития страны становится ключевым фактором формирования политического мировоззрения молодежи, представляющего сложную, многомерную, амбивалентную систему взглядов, убеждений, идей, в которой отчетливо прослеживаются футурологические представления о перспективах развития цифровой среды, проблемах и противоречиях реализации цифровых проектов в регионах. Особую значимость для молодых людей представляет административный аспект цифровизации, связанный с социальной результативностью, непротиворечивостью и неформальностью принимаемых цифровых решений. Сложившееся в массовом сознании молодежи устойчивое видение противоречий, изъянов в реализации цифровой политики становится фактором социально-психологических и политических рисков, связанных: 1) с усилением фрустрации, депривации в массовом сознании молодежи; 2) невозможностью прогнозирования сценария развития мировоззрения, политической картины мира. Игнорирование представителями власти вышеназванных изъянов и противоречий грозит усилением «критической массы негативных последствий» (Г.Л. Тульчинский) – уходом молодежи на альтернативные цифровые платформы, ростом недоверия и др. Поэтому управление политической архаизацией, рисками, акцент на социальной результативности принимаемых цифровых решений в превентивных целях должны стать частью инновационной политики государства.

Список литературы / References

- Быков, И. А., Курушкин, С. В. (2022) 'Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 3, сс. 419–432 DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432> [Bykov, I. A., Kurushkin, S. V. (2022) 'Digital political communication in Russia: the values of humanism versus the technocratic approach', *RUDN Journal of POLITICAL SCIENCE*, 3, pp. 419–432. (In Russ.)].
- Василенко, И. А. (ред.) (2018) «Умный город» XXI века: возможности и риски smart-технологий в городском ребрендинге. Москва: Международные отношения. 256 с. ["Smart City" of the 21st Century: Opportunities and Risks of Smart Technologies in Urban Rebranding. Moscow: Mejdunarodnie otnosheniya. 256 p. (In Russ.)].
- Володенков, С. В. (2022) 'Политика в цифровом формате в исследованиях российских и зарубежных учёных: представляю номер', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 3, сс. 339–350. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350> [Volodenkov, S. V. (2022) 'Politics in digital format in the studies of Russian and foreign scientists: I present the issue', *RUDN Journal of POLITICAL SCIENCE*, 3, pp. 339–350. (In Russ.)].
- Володенков, С. В., Федорченко, С. Н., Печенкин, Н. М. (2023) 'Особенности формирования мировоззрения в условиях современной цифровой среды: анализ академических дискурсов', *Дискурс-Пи*, 1, сс. 8–16 DOI: [10.17506/18179568_2023_20_1_8](https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8) [Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S. N., Pechenkin, N. M. (2023) 'Features of the formation of a worldview in the context of a modern digital environment: analysis of academic discourses', *Diskurs_Pi*, 1, pp. 8–16. (In Russ.)].
- Гигаури, Д. И., Гуторов, В. А., Ширинянц, А. А. (2019) 'Youtube-блогеры как лидеры общественного мнения молодежи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве', *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, сс. 38–46. [Gigauri, D. I., Gutorov, V. A., Shirinyants, A. A. (2019) 'Youtube-bloggers as leaders of public opinion of youth: new technologies of identity formation in virtual space', *The Caspian region: politics, economy, culture*, 3, pp. 38–46. (In Russ.)].
- Голова, А. Г., Курбатова, Е. В. (2021) 'Цифровая экосистема города как драйвер устойчивого развития', *Экономические системы*, 4, сс. 43–52. DOI: [10.29030/2309-2076-2021-14-4-43-52](https://doi.org/10.29030/2309-2076-2021-14-4-43-52). [Golova, A.G., Kurbatova, E. V. (2021) 'Digital ecosystem of the city as a driver of sustainable development' [Cifrovaya ekosistema goroda kak draiver ustoichivogo razvitiya], *Economic systems*, 4, pp. 43–52. (In Russ.)].
- Кондратенко, К. С. (2020) 'Управленческая ментальность новых цифровых сервисов обратной связи с населением: технологии мотивации поведением пользователей', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 4, сс. 475–492. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.404> [Kondratenko, K. S. (2020) 'Management mentality of new digital services of feedback with the population: technologies of motivation by user behavior', *Political expertise: POLITEK*, 4, pp. 475–492. (In Russ.)].
- Махмудова, Г. Н., Ашурова, З. А., Разакова, Б. С. (2022) 'Развитие цифровой экосистемы и формирование цифровых платформ в Узбекистане', *π-Economy*, 2, сс. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.15201> [Makhmudova, G. N., Ashurova, Z. A., Razakova, B. S. (2022) 'Development of the digital ecosystem and formation of digital platforms in Uzbekistan', *π-Economy*, 2, pp. 7–21. (In Russ.)].
- Морозова, С. С. (2024) Цифровые экосистемы в политической сфере: анализ тенденций и перспективы развития, *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 2, сс. 356–369. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.215> [Morozova, S. S. (2024) Digital ecosystems in the political sphere: analysis of trends and development prospects, *Political expertise: POLITEK*, 2, pp. 356–369. (In Russ.)].
- Ромашкина, А. Б., Киричук, Д. А. (2024) Трансляция ценностно-смысловых нарративов в публичной цифровой коммуникации: возможности и ограничения, *Вестник Российского университета*

- дружбы народов. Серия: Политология, 4, сс. 630–643. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-630-643 [Romashkina, A. B., Kirichuk, D. A. (2024) Broadcasting value-semantic narratives in public digital communication: possibilities and limitations, *RUDN Journal of POLITICAL SCIENCE*, 4, pp. 630–643. (In Russ.)].
- Соколов, А. В., Гребенко, Е. Д. (2024) Создание и развитие цифровых экосистем в России как способа коммуникации власти и граждан, *PolitBook*, 2, сс. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-2-6-23> [Sokolov, A. V., Grebenko, E. D. (2024) Creation and Development of Digital Ecosystems in Russia as a Way of Communication between Government and Citizens, *PolitBook*, 2, pp. 6–23. (In Russ.)]
- Тойнби, А. Дж. (1991) *Постижение истории*. М: Прогресс. 736 с. [Toynbee, A. J. (1991) *Understanding History*. Moscow: Progress. 736 p. (In Russ.)].
- Удовенко, И. П. (2022) Государство в цифровом преобразовании управленческих процессов: от электронного документооборота к цифровым экосистемам, *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2, сс. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.20542/afij-2022-2-32-42> [Udovenko, I. P. (2022) The state in the digital transformation of management processes: from electronic document management to digital ecosystems, *Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAS*, 2, pp. 32–42. (In Russ.)].
- Федорченко, С. Н. (2022) Мировоззрение в условиях цифровизации государства, *Журнал политических исследований*, Т.6, № 3, сс. 69-90 DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-69-90> [Fedorchenko, S. N. (2022) Worldview in the context of digitalization of the state, *Journal of Political Studies*, 3, pp. 69-90. (In Russ.)].
- De Blasio, E., Viviani, L. (2020) Platform party between digital activism and hyper-leadership: The reshaping of the public sphere, *Media and Communication*, 4, pp. 16–27. DOI: <https://doi.org/10.17645/mac.v8i4.3230>
- Dommett, K., Power, S. (2023). Monitoring digital election campaigns: Assessing the transparency ecosystem in the United Kingdom, *Politics*, 1, pp. 119–139. DOI: <https://doi.org/10.1177/02633957231156084>
- Draheim, D., Krimmer, R., Tammet, T. (2021) On state-level architecture of digital government ecosystems: From ICT-driven to data-centric, *Transactions on Large-Scale Data-and Knowledge-Centered Systems XLVIII: Special Issue In Memory of Univ. Prof. Dr. Roland Wagner*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, pp. 165–195. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-662-63519-3_8
- Krawatzek, F. (2022) A Sign of Things to Come? Youth and Politics: Regimes, Values and Agency, *Europe-Asia Studies*. Vol. 74(7), pp. 1105–1122.
- Kwet, M. (2019) Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South, *Race & Class*, 4, pp. 3–26. .

Статья поступила в редакцию: 23.02.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии, профессор кафедры сравнительной политологии.

Email: jants@yandex.ru (ORCID: [0000-0002-6949-2256](https://orcid.org/0000-0002-6949-2256)).

Шмелева Ольга Юрьевна, доктор политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории.

Email: o_shmeleva1977@mail.ru (ORCID: [0000-0002-7082-5433](https://orcid.org/0000-0002-7082-5433)).

Information about authors

Alexander A. Shirinyants, Doctor of Sciences (in Politics), Professor, Head of the Department of History of Socio-Political Doctrines of the Faculty of Political Science, Professor of the Department of Comparative Political Science.

Email: jants@yandex.ru (ORCID: [0000-0002-6949-2256](https://orcid.org/0000-0002-6949-2256)).

Olga Y. Shmeleva, Doctor of Sciences (in Politics), Associate Professor of the Department of Political Science at the Institute of International Relations and World History.

Email: o_shmeleva1977@mail.ru (ORCID: [0000-0002-7082-5433](https://orcid.org/0000-0002-7082-5433)).

УДК-324:328

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-112-120

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НАЗНАЧЕНИЙ ДЕПУТАТОВ В КОМИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. С. Шустров

Шустров Александр Сергеевич,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация.

Аннотация

Современная Государственная Дума РФ в публицистике и политологических исследованиях зачастую рассматривается как институт, не обладающий политической волей. В рамках этой оптики главным объяснением законотворческой деятельности депутатов являются интересы исполнительной власти. В данной статье поднимается вопрос о том, имеют ли место иные, институциональные факторы, способные объяснить вариативность в работе парламента. Для ответа на этот вопрос в работе анализируются назначения депутатов в комитеты VII созыва Государственной Думы. Автор исходит из того, что вследствие избрания депутатов в рамках разных избирательных систем – пропорциональной и мажоритарной – у депутатов и партий возникают различные электоральные стимулы, что, в свою очередь, приводит к назначениям в определенные типы комитетов – распределительные и по общественным благам. Подобное распределение депутатов по комитетам помогает решать задачу переизбрания на следующий срок. В эмпирической части для проверки гипотезы используется метод логистической регрессии, чтобы оценить, насколько отличается вероятность быть назначенным в указанные комитеты в зависимости от типа избирательной системы. Анализ показал, что депутаты-одномандатники чаще попадают в распределительные комитеты по сравнению с депутатами, прошедшими в парламент по спискам. Полученные результаты акцентируют внимание на важности рассмотрения широкого круга факторов, способных объяснять причины процессов, происходящих в российском парламенте.

Ключевые слова: назначения в комитеты; электоральные стимулы; избирательная система; Государственная Дума РФ; распределительная теория; информационная теория; логистическая регрессия

Для цитирования: Шустров, А. С. (2026) 'Электоральный аспект назначений депутатов в комитеты Государственной Думы Российской Федерации', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 112-120. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-112-120

THE ELECTORAL ASPECT OF APPOINTING DEPUTIES TO COMMITTEES OF THE RUSSIAN FEDERATION STATE DUMA

A. S. Shustrov

Alexander S. Shustrov,

HSE University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

In public discourse and political science research, the State Duma is often viewed as an institution lacking political will. From this perspective, the primary explanation for the legislative behavior of deputies is the interests of the executive branch. This article raises the question of whether institutional factors that can explain the variability in the parliament's work exist. To answer this question, the study analyzes the appointments of deputies to committees of the State Duma of the VII convocation. The author proceeds on the assumption that deputies elected under different systems (proportional and majoritarian) develop distinct electoral incentives. This, in turn, leads to appointments to specific types of committees—distributive and public goods committees. Such allocation of deputies to committees helps address the task of re-election. In the empirical part,

logistic regression is used to test the hypothesis and assess how the likelihood of committee assignment varies with the type of electoral system. The analysis showed that single-member district deputies are more likely to be assigned to distributive committees compared to deputies elected to parliament via party lists. The results highlight the importance of considering a wide range of factors that can explain the processes occurring in the Russian parliament.

Keywords: committee assignments; electoral incentives; electoral system; Russian State Duma; distributive theory; informational theory; logistic regression

For citation: Shustrov, A. S. (2026) 'The electoral aspect of appointing deputies to committees of the Russian Federation State Duma', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 112-120. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-112-120

Введение

В политической науке утвердилось понимание ключевой роли парламентских комитетов в функционировании законодательных органов. В современных исследованиях признается, что развитая система комитетов является необходимым, хотя и недостаточным, условием эффективного функционирования парламента, прежде всего с точки зрения влияния на содержание законодательства и взаимодействия с исполнительной властью (Martin, 2014). Наряду с партийными фракциями, законодательные комитеты являются главными институциональными элементами организации деятельности легислатур и агрегации предпочтений (Saalfeld, Strøm, 2014). Они служат инструментом обсуждения законодательства, контроля и взаимодействия с правительством, что обеспечивает эффективность принятия управленческих решений и влияния на проводимую политику (Gschwend, Zittel, 2018).

Государственная Дума не является исключением как минимум с точки зрения формальных полномочий. Среди важных законотворческих функций можно выделить следующие: определение приоритетности через внесение предложений по формированию проекта примерной программы по законодательной деятельности и календаря рассмотрения вопросов, подготовка заключений на законопроекты и проектов постановлений, предварительное рассмотрение законопроектов и их подготовка к рассмотрению палатой, а также рассмотрение и исполнение поручений Совета Государственной Думы¹. Перечисленный список полномочий не является исчерпывающим, постоянно корректируется и дополняется. В то же время растет и контроль за деятельностью депутатов в комитетах. Это подчеркивает растущую роль комитетов и их руководителей в разработке законодательства (Зарипов, 2025).

В этой связи примечательно, что, несмотря на особое место комитетов в обеспечении деятельности современного российского парламента, нет достаточного понимания, по каким принципам формируется их состав. Существующая литература о факторах назначения депутатов в комитеты во многом опирается на теории, сформулированные применительно к другим областям законотворческой деятельности – поименном голосовании, инициации законопроектов, выступлениям в парламенте. Так или иначе практически во всех из них главным выделяют электоральный фактор – тип избирательной системы, применяемой на выборах в парламент, значительно влияет на набор стимулов, получаемых партиями и кандидатами. Депутаты, избираемые в рамках одномандатных округов, стремятся получить назначения в комитеты, которые позволят им предоставить преференции своим локальным избирателям, а партиям выгодно назначать депутатов подобным образом в случае их электоральной уязвимости, чтобы обеспечить переизбрание. Вместе с тем партии стремятся назначать депутатов, избираемых по спискам, в общенационально важные комитеты в соответствии с их опытом и компетенциями для максимизации эффективности законотворческой деятельности; депутаты взамен получают возможность работы в профильных комитетах для реализации политики согласно своим предпочтениям.

В то же время в современных исследованиях российский парламент зачастую рассматривается в качестве бессубъектного политического органа. Такие явления, как провалы законопроектов, инициированных исполнительной властью, внесение поправок к законопроектам, существенно изменяющих их первоначальный вид (Noble, 2020), наложение вето на поступившие законодательные инициативы Советом Федерации или президентом, несмотря на предварительную согласовательную практику «ну-

¹ Регламент Государственной Думы [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата обращения: 15.06.2025).

левых чтений», интерпретируются преимущественно через призму конфликтов внутри исполнительной ветви власти. Последняя предстает как доминирующая по отношению к парламенту, но при этом внутренне фрагментированная политическая сила (Charap, 2007), противоречия внутри которой находят отражение в законотворческих процессах в Государственной Думе. Представляется, что, если следовать подобной логике, назначения в комитеты должны быть подчинены главным образом внутриэлитным интересам или стремлению к управляемости парламента, а не электоральному контексту. Тем не менее существуют и противоположные свидетельства, предполагающие как наличие индивидуальных стимулов депутатов, так и возможности для их реализации: лоббизм со стороны влиятельных экономических игроков (Chaisty, 2013) и региональных элит (Petrov*, Nazrullaeva, 2018), необходимость поиска сильных кандидатов для партий в одномандатных округах (Кынев**, 2017), а также автономная разработка законодательства (Remington, 2008). Дополнительный интерес к изучению логики назначений депутатов в комитеты Государственной Думы добавляет и то, что, в отличие от других сфер законотворческой деятельности парламентариев, разработанные теории не так часто проверялись в контексте смешанных избирательных систем. При этом изучение именно смешанных систем позволяет обойти ограничения в сравнительных исследованиях, связанные с временными, страновыми и культурными различиями.

Таким образом, остается открытым вопрос о том, оказывают ли электоральные правила влияние на назначения депутатов в комитеты Государственной Думы. Для его эмпирической проверки в статье используется метод логистической регрессии, позволяющий оценить вероятность назначения депутатов, избранных по мажоритарной и пропорциональной избирательным системам, в различные типы парламентских комитетов.

Теории назначений в комитеты

Основные подходы к объяснению логики назначения депутатов в парламентские комитеты можно разделить на две группы в зависимости от того, кому приписывается решающая роль в этом процессе. Первая группа теорий, к которой относятся распределительная и информационная, исходит из того, что ключевым влиянием на комитетские назначения обладают сами законодатели, основываясь на своих личных карьерных стимулах. Вторая группа, куда входят теории партии-картеля и владения вопросами, переносит акцент на партии как коллективных игроков, обладающих значительными ресурсами и институциональными механизмами для контроля над распределением назначений внутри парламента.

Распределительная теория опирается на предпосылку о доминировании мотива переизбрания. Если депутат заинтересован прежде всего в сохранении мандата, он будет стремиться к таким комитетам, которые позволяют демонстрировать локальным избирателям конкретные и территориально осязаемые результаты. Речь идет о комитетах, связанных с сельским хозяйством, транспортной и энергетической инфраструктурой, строительством и иными сферами, где возможно направлять ресурсы в конкретные округа. Эмпирические исследования подтверждают релевантность этой логики: на материалах парламента Турции (Ciftci et al., 2008), Европейского парламента (Yordanova, 2009), Конгресса Аргентины (Crisp, 2009) и Мексики (Raymond, Juárez, 2019) показано, что характер комитетских назначений коррелирует с социально-экономическими особенностями округов. В этом смысле отдельный комитет выступает не только как функциональное подразделение парламента, но и как инструмент обслуживания избирателей.

Информационная теория предлагает иной ракурс. В ее рамках комитеты рассматриваются прежде всего как механизм аккумуляции и институционализации экспертизы, позволяющий парламенту конкурировать с бюрократией и снижать неопределенность при разработке политики (Martin, 2014). Депутаты с профильным образованием или профессиональным опытом стремятся к специализации в соответствующих сферах (McElroy, 2006), а оптимальное распределение членов парламента по комитетам повышает общую эффективность института (Woon, 2009). Однако и в этой логике специализация может сочетаться с электоральными стимулами: работа в комитете, соответствующем интересам округа, одновременно усиливает и экспертный статус депутата, и его позиции в борьбе за переизбрание.

* Внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов с 03.06.2022.

** Внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов с 20.02.2026.

Партийно-ориентированные теории, напротив, исходят из того, что назначения в комитеты не являются результатом исключительно индивидуального выбора парламентариев. Они рассматривают партии как организационные структуры, стремящиеся к контролю над повесткой и поддержанию устойчивого большинства (Cox, McCubbins, 1993). Назначения используются как инструмент внутрипартийного управления: через них распределяются ресурсы, вознаграждается лояльность, обеспечивается баланс между различными группами. Влияние партий на процесс назначения варьируется в зависимости от институциональных условий и статуса конкретных комитетов (Heitshusen et al., 2005; Whitaker, 2001).

Важно подчеркнуть, что перечисленные теории не являются взаимоисключающими. Информационная теория не исключает возможность конкуренции за назначения в электорально привлекательные комитеты с точки зрения возможностей предоставления предпочтений избирателям округов (Krehbiel, 2004). В то же время теория партий-картелей признает наличие индивидуальных предпочтений, хотя и рассматривает их подчиненными партийным интересам. Депутаты стремятся оставаться лояльными своим партиям, поскольку существует конкуренция за места в комитетах (Cox, McCubbins, 1993). Это подразумевает, что в системах, где одновременно существуют и стимулы для культивации «личного голоса», и сильные партии, последние помогают кандидатам налаживать прямые связи с определенными группами их лояльных избирателей. Партии также опираются на характеристики законодателей, такие как профессиональный опыт и образование, а также состав избирательных округов, для определения назначений в комитеты (Shugart et al., 2021). Таким образом, назначения в комитеты могут совмещать стимулы как на индивидуальном, так и на партийном уровне.

Эта логика усиливается, если рассматривать законодательные органы со смешанными избирательными правилами на выборах в них. Сочетание одномандатных округов и партийных списков формирует различные стимулы в отношении разных групп депутатов. Например, смешанная избирательная система Германии создает стимулы для формирования «личного голоса» на уровне мажоритарных округов, что в конечном счете увеличивает общепартийное представительство (Gschwend, Zittel, 2018). Такая модель выстраивает систему взаимных вознаграждений: депутаты, демонстрирующие идеологическую лояльность и партийную поддержку, получают доступ к позициям, которые одновременно усиливают их местное влияние и позволяют накапливать персональный электоральный капитал (Giannetti et al., 2019). Сопоставимая логика наблюдается в практике Либерально-демократической партии Японии, где партия сочетает поддержку электорально уязвимых кандидатов с закреплением ключевых комитетских позиций за опытными политиками, чья деятельность укрепляет партийный имидж (Pekkanen et al., 2006). В результате партия решает сразу две задачи: обеспечивает краткосрочное электоральное выживание своих представителей и одновременно поддерживает долгосрочную репутацию и управленческую устойчивость.

Таким образом, в условиях смешанных избирательных правил можно ожидать комплексную логику назначений. Депутаты, прошедшие по мажоритарным округам, будут назначаться в распределительные комитеты. Распределительные комитеты имеют полномочия по регионально ориентированной инфраструктурной политике, что способствует формированию электоральной поддержки, напрямую не ассоциированной с партийной принадлежностью, и благоприятствует выполнению предвыборных обещаний. Типичными примерами таких округов в литературе выступают комитеты по сельскому хозяйству, энергетике, транспорту и строительству. В то же время депутаты, прошедшие в парламент по спискам, будут назначаться в комитеты по общественным благам, специализирующиеся на распределении географически несконцентрированных благ, и комитеты по «высокой политике», полномочия которых связаны с наиболее резонансными управленческими сферами. Вследствие медийной важности деятельности комитетов по общественным благам и «высокой политике» партиям выгодно назначать в них своих представителей в соответствии с их опытом и специализацией, поскольку благодаря деятельности их членов складывается отношение ко всей партии на национальном уровне. Комитеты, касающиеся вопросов здравоохранения, образования, окружающей среды и других социальных гарантий государства, выступают примерами комитетов по общественным благам, в то время как комитеты, занимающиеся вопросами экономики, конституции и – шире – правовой системы государства, обороны и внешней политики относят к комитетам по «высокой политике» (Shugart et al., 2021).

Тем не менее в российском контексте можно также ожидать, что работа в комитетах по «высокой политике» в большей степени подчинена логике управляемости и координации с исполнительной властью. Это предполагает, что назначение в подобные комитеты связано прежде всего со статусом конкретного депутата в политической системе – с его личной репутацией и связями с представителями исполнительной ветви власти, а не с электоральным контекстом. По этой причине в эмпирической

части рассматриваются назначения только в два типа комитетов: распределительные и по общественным благам. Это является одним из ограничений данной статьи.

Исходя из вышесказанного, основная гипотеза состоит в следующем: депутаты Государственной Думы, прошедшие по мажоритарным округам, с большей вероятностью назначаются в распределительные комитеты по сравнению с депутатами, прошедшими по партийным спискам. Мы также предполагаем, что опыт и специализация депутатов будут положительно связаны с назначением в комитеты по общественным благам.

Данные и методы

Для проверки нашей гипотезы мы рассматриваем комитетские назначения депутатов Государственной Думы VII созыва, поскольку после избирательной реформы, вернувшей смешанную систему выборов, в нем присутствовали депутаты, избранные как по мажоритарной, так и по пропорциональной избирательным системам. Вследствие того, что депутаты могут менять членство в комитетах на протяжении созыва, мы рассматриваем только первые назначения, так как они лучше отражают первоначальные намерения партий и депутатов. Как было указано ранее, мы сосредотачиваемся на двух типах комитетов: распределительных и по общественным благам.

На основе классификации, предложенной Р. Пекканеном (Pekkanen et al., 2006), были категоризированы и отобраны соответствующие комитеты. Данная классификация является достаточно устойчивой и используется в литературе по назначениям в комитеты (Gschwend, Zittel, 2018). Тем не менее вследствие своей окружной специфики также к распределительным был добавлен Комитет по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока. Таким образом, как распределительные мы классифицировали следующие комитеты: Комитет по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока; Комитет по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству; Комитет по аграрным вопросам; Комитет по энергетике; Комитет по транспорту и строительству. Как комитеты по общественным благам были отобраны следующие: Комитет по охране здоровья; Комитет по образованию и науке; Комитет по вопросам семьи, женщин и детей; Комитет по экологии и охране окружающей среды; Комитет по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям; Комитет по труду, социальной политике и делам ветеранов. Мы получили 209 депутатов, первые назначения которых были именно в эти комитеты: 106 депутатов были назначены в распределительные комитеты, а 103 – в комитеты по общественным благам.

В качестве метода количественного анализа используется логистическая регрессия. Зависимая переменная – принадлежность к распределительному комитету или комитету по общественным благам. Мы кодировали назначение в распределительный комитет (distributive committee) как 1, как 0 – в комитет по общественным благам. Основной независимой переменной выступает способ избрания депутата по мажоритарной или пропорциональной избирательной системе – 1 и 0 соответственно (переменная single-member district, SMD).

В модели присутствует ряд контрольных переменных. Во-первых, стаж законодательной деятельности (tenure), выраженный в количестве созывов, на протяжении которых работал депутат, а также присутствие в предыдущем VI созыве (previous_convocation). В ряде исследований высказывается предположение о том, что парламентский стаж положительно связан с вероятностью назначения в комитеты, чья деятельность в большей степени влияет на формирование партийного имиджа на национальном уровне (Gschwend, Zittel, 2018). Таким образом, ожидается, что стаж будет положительно связан с назначением в комитеты по общественным благам.

Во-вторых, была взята дамми-переменная, отражающая факт работы законодателя в том же комитете, но в предыдущем созыве (same_committee). В литературе есть подтверждения, что депутаты склонны продолжать работу в тех комитетах, в которых они уже работали ранее (Mickler, 2013). Как известно, комитеты могут реорганизовываться от созыва к созыву, поэтому мы кодировали продолжение работы в комитете при реорганизации в следующих случаях. В случае объединения комитетов депутаты двух предыдущих кодировались как имеющие опыт работы в новом. Если же комитет разделялся, то опыт работы засчитывался в двух новых.

Кроме того, мы закодировали обладание опытом в сфере деятельности комитета – бизнес или предыдущую работу (experience), а также связанность образования депутата со сферой компетенций комитета (education). Как было подчеркнуто ранее, наличие профильного образования должно быть положительно связано с назначением в комитеты по общественным благам по причине медийной важности работы членов фракций в этих комитетах. С опытом работы, на наш взгляд, не так однозначно:

с одной стороны, работа врачом должна увеличивать вероятность назначения в Комитет по охране здоровья, с другой – связь с внешними интересами, такими как интересы региональных элит или интересы бизнеса, может быть положительно связана с назначением уже в распределительные комитеты в определенных случаях: например, депутат, обладающий животноводческим бизнесом, вероятно, будет стремиться к назначению в комитет по сельскому хозяйству. Данные о биографии депутатов были собраны по открытым источникам; другие переменные – с сайта Государственной Думы или официальных документов.

Безусловно, кодирование опыта работы и образования как связанного с деятельностью комитетов в определенных случаях достаточно проблематично: например, как образование для Комитета по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока (здесь наличие образования кодировалось в случае, если научная/образовательная деятельность депутата связана с изучением Крайнего Севера или Дальнего Востока), либо связанность работы для Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов (здесь в основном наличие предыдущего опыта определялось как профсоюзная деятельность или работа в органах власти, если должность была в структуре, занимающейся схожими вопросами). Важно отметить, что работа в Государственной Думе в этих же комитетах в предыдущих созывах также кодировалась как наличие опыта. Озвученные затруднения с валидностью сбора биографических данных по открытым источникам, к сожалению, практически невозможно решить без привлечения экспертного анализа, как, например, в работе А. Кынева **, проделавшего сравнительный анализ депутатского корпуса Государственной Думы VI–VII созывов (Кынев **, 2017).

Мы также включаем в анализ фракционную принадлежность (переменные KPRF, LDPR, SR; референтная категория – «Единая Россия»). Последняя позволяет учесть влияние процесса межпартийного распределения комитетских назначений, поскольку более сильные фракции, как правило, обладают большими возможностями занимать места в приоритетных для себя комитетах. Мы можем предположить, что, например, КПРФ, зачастую использующая темы социальной справедливости и социальных гарантий государства, будет стремиться быть широко представленной в комитетах по общественным благам.

Результаты

С полученными результатами можно ознакомиться в таблице. Они подтверждают основную гипотезу. Депутаты-одномандатники действительно чаще назначаются в распределительные комитеты. Обнаруженный эффект оказался достаточно весомым: избрание в рамках мажоритарной избирательной системы повышает вероятность быть назначенным в распределительный комитет в среднем на 0,195 (средний предельный эффект, вычисленный по всем наблюдениям; Average Marginal Effect, AME). Кроме того, мы видим ограниченное подтверждение того, что опыт и компетенции ассоциированы с назначением в комитеты по общественным благам: стаж работы отрицательно связан с назначением в распределительные комитеты: увеличение количества созывов за плечами депутата на 1 понижает вероятность быть назначенным в этот тип комитетов в среднем на 0,08 (AME), в то время как образовательный бэкграунд на вероятность назначения не влияет. Тем не менее мы не можем полностью быть уверенными в том, что профильное образование не влияет на назначение в комитеты, важные для партийного имиджа, поскольку в анализ не включены комитеты по высокой политике. Отметим также, что фракционная принадлежность не связана с назначением в тот или иной тип комитетов, что опровергает предположение о заинтересованности партий быть перепредставленными в определенных комитетах.

** Внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов с 20.02.2026.

**Назначения в комитеты /
Committee appointments**

<i>Variables</i>	<i>Distributive committee</i>
Intercept	-0.629* (0.367)
SMD	0.830*** (0.318)
tenure	-0.367** (0.159)
same_committee	-0.156 (0.470)
education	-0.433 (0.343)
experience	0.410 (0.392)
previous_convocation	0.999* (0.520)
KPRF	0.659 (0.564)
LDRP	-0.432 (0.599)
SR	0.536 (0.619)
Observations	209
Pseudo R^2	0.056

Note: Standard errors in parentheses.

* $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$

Дополнительным ограничением является возможная контаминация поведения депутатов Государственной Думы, то есть влияние институциональных правил одного уровня на другой (Ferrara, 2005). В нашем случае это означает, что существование смешанных правил избрания в Государственную Думу может «загрязнять» стимулы, которые существовали бы при чистой избирательной системе – полностью пропорциональной или полностью мажоритарной, мотивируя депутатов и партии применять более взвешенные стратегии. Это оборотная сторона медали изучения смешанных электоральных систем. Например, эффект контаминации был обнаружен в условиях смешанных выборов в Японии, где активность в инициировании законопроектов определялась эффектом как пропорциональной, так и мажоритарной систем (Pekkanen et al., 2006). В российском контексте контаминация может возникать вследствие следующих особенностей избирательной системы: кроме федеральной части, в партийных списках также присутствует множество региональных групп, что усиливает связь «списочников» с регионами. К тому же кандидатам не запрещается одновременно выдвигаться как по одномандатным округам, так и в составе партийного списка. Оценка эффекта контаминации зачастую требует использования более изощренной методологии эмпирического анализа и выходит за рамки данной статьи.

Заключение

В значительной части литературы современная Государственная Дума небеспочвенно рассматривается бессубъектным органом, преимущественно реализующим решения, сформированные исполнительной властью. В рамках такой перспективы электоральные аспекты законотворческой деятельности депутатов неизбежно оказываются смещенными на периферию исследовательского внимания. Вопреки этому, существуют эмпирические свидетельства автономной работы парламента. Кроме того, электоральная реформа, вернувшая смешанную избирательную систему на выборах в Государственную Думу, неизбежно размывает власть партий и федеральной бюрократии над законодательной деятельностью депутатов вследствие репрезентации региональных интересов на федеральном уровне.

Назначения в определенные типы комитетов являются одним из наиболее исследуемых наблюдаемых проявлений электоральных стимулов депутатов и партий. Наша гипотеза состояла в том, что депутаты-одномандатники, более ориентированные на локальных избирателей, будут склонны получать назначения в распределительный тип комитетов. Членство в них дает возможности для предоставления предпочтений местным жителям, что увеличивает шансы на переизбрание в округе.

Для проверки гипотезы был использован метод логистической регрессии на данных о назначениях депутатов в комитеты Государственной Думы VII созыва. Мы нашли свидетельства того, что депутаты, прошедшие в парламент в рамках мажоритарной избирательной системы, с большей вероятностью назначаются в распределительные комитеты по сравнению с депутатами, прошедшими по партийным спискам. Полученные результаты обращают внимание на важность институциональных факторов при анализе деятельности депутатов российского парламента (Шустров, 2023).

Список литературы / References

- Кынев, А. В. ** (2017) 'Государственная Дума РФ VII созыва: между "Спящим потенциалом" и партийной дисциплиной', *Полития*, 4(87), сс. 65–81. [Kynev, A. V. (2017) 'The State Duma of the Russian Federation of the VII convocation: between "dormant potential" and party discipline', *Politeia*, 4(87), pp. 65–81. (In Russ.)].
- Зарипов, Н. А. (2025) 'Статус председателей парламентских комитетов в Государственной Думе VI—VIII созывов: законотворческая активность и сети соавторства', *Полития*, 3(118), сс. 32–57. [Zaripov, N. A. (2025) 'The status of parliamentary committee chairs in the State Duma of VI—VIII convocations: legislative activity and co-authorship networks', *Politeia*, 3(118), pp. 32–57. (In Russ.)]
- Шустров, А. С. (2023) *Влияние типа мандата на законодательное поведение депутатов Государственной Думы РФ*. Москва. 71 с. [Shustrov, A. S. (2023) *The effect of the type of mandate on legislative behavior of Russian State Duma deputies*. Diss. Moscow. 71 p. (In Russ.)].
- Chaisty, P. (2013) 'The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma', *Europe-Asia Studies*, 65(4), pp. 717–736.
- Charap, S. (2007) 'Inside out: Domestic political change and foreign policy in Vladimir Putin's first term', *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 15, pp. 335–352.
- Ciftci, S., Forrest, W., Tekin, Y. (2008) 'Committee Assignments in a Nascent Party System: The Case of the Turkish Grand National Assembly', *International Political Science Review*, 29(3), pp. 303–324.
- Cox, G. W., McCubbins, M. D. (1993) *Legislative Leviathan: Party Government in the House*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Crisp, F., Escobar-Lemmon, M., Bradford, S., Mark, P., Taylor-Robinson, M. (2009) 'The Electoral Connection and Legislative Committees', *The Journal of Legislative Studies*, 15(1), pp. 35–52.
- Ferrara, F., Herron, E., Nishikawa, M. (2005) *Mixed electoral systems*. New York and Houndmills: Palgrave Macmillan.
- Giannetti, D., Pedrazzani, A., Pinto, L. (2019) 'Personal Ambitions, Expertise and Parties' Control: Understanding Committee Assignment in the Italian Chamber of Deputies', *Parliamentary Affairs*, 72(1), pp. 119–140.
- Gschwend, T., Zittel, T. (2018) 'Who brings home the pork? Parties and the role of localness

** Внесен Министерством юстиции РФ в реестр иноагентов с 20.02.2026 г.

- in committee assignments in mixed-member proportional systems', *Party Politics*, 24(5), pp. 488–500.
- Heitshusen, V., Young, G., Wood, D. (2005) 'Electoral context and MP constituency focus in Australia, Canada, Ireland, New Zealand, and the United Kingdom', *American Journal of Political Science*, 49(1), pp. 32–45.
- Krehbiel, K. (2004) 'Legislative Organization', *The Journal of Economic Perspectives*, 18(1), pp. 113–128.
- Martin, S. (2014) 'Committees' in Martin, S., Saalfeld, T., Strøm, K. (eds.) *The Oxford Handbook of Legislative Studies*. Oxford: Oxford University Press.
- McElroy, G. (2006) 'Committee Representation in the European Parliament', *European Union Politics*, 7(1), pp. 5–29.
- Mickler, T. (2013) 'Standing committee assignments in the German Bundestag – who gets what in within-party negotiations?', *German Politics*, 22, pp. 421–440.
- Noble, B. (2020) 'Authoritarian amendments: Legislative institutions as intra-executive constraints in post-Soviet Russia', *Comparative Political Studies*, 53(9), pp. 1417–1454.
- Pekkanen, R., Nyblade, B., Krauss, E. S. (2006) 'Electoral incentives in mixed-member systems: party, posts, and zombie politicians in Japan', *American Political Science Review*, 100(2), pp. 183–193.
- Petrov, N.*, Nazrullaeva, E. (2018) 'Regional Elites and Moscow' in Treisman, D. (ed.) *The new autocracy: Information, politics, and policy in Putin's Russia*. Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Raymond, D., Juárez, S. (2019) 'Constituency Preferences and Committee Selection in the Mexican Cámara de Diputados', *Latin American Politics and Society*, 61(4), pp. 95–117.
- Remington, T. (2008) 'Patronage and the party of power: President-parliament relations under Vladimir Putin', *Europe-Asia Studies*, 60, pp. 959–987.
- Saalfeld T., Strøm K. (2014) 'Political Parties and Legislators' in Martin, S., Saalfeld, T., Strøm, K. (eds.) *The Oxford Handbook of Legislative Studies*. Oxford: Oxford University Press.
- Shugart, M., Bergman, M., Struthers, C., Krauss, E., Pekkanen, R. (2021) *Party Personnel Strategies: Electoral Systems and Parliamentary Committee Assignments*. Oxford: Oxford University Press.
- Whitaker, R. (2001) 'Party Control in a Committee-Based Legislature? The Case of the European Parliament', *Journal of Legislative Studies*, 7(4), pp. 63–88.
- Woon, J. (2009) 'Issue Attention and Legislative Proposals in the U.S. Senate', *Legislative Studies Quarterly*, 34(1), pp. 29–54.
- Yordanova, N. (2009) 'The rationale behind committee assignment in the European Parliament: distributive, informational and partisan perspectives', *European Union Politics*, 10, pp. 253–280. .

Статья поступила в редакцию: 29.09.2025

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 14.04.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Шустров Александр Сергеевич, аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам.
E-mail: asshustrov@hse.ru (ORCID: 0009-0004-9355-0737. ResearcherID: LKJ-5605-2024).

Information about author

Alexander S. Shustrov, Graduate Student, Doctoral School of Political Science.
E-mail: asshustrov@hse.ru (ORCID: 0009-0004-9355-0737. ResearcherID: LKJ-5605-2024).

* Внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов с 03.06.2022

Международные отношения

УДК-327:323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-121-130

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ДИАСПОРОЙ ЗА РУБЕЖОМ: ОПЫТ ПОЛЬШИ

К. С. Бахова

Бахова Ксения Сергеевна,

Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Москва,
Российская Федерация.

Аннотация

Представленное исследование посвящено выявлению и типологизации современных политических инструментов, используемых государственными властями Польши для выстраивания конструктивной кооперации с диаспорой за рубежом и поддержания ее деятельности, направленной на популяризацию традиций и культуры страны происхождения, привлечения в Польшу человеческих и финансовых ресурсов и улучшения имиджа государства на международной арене. Центральным в исследовании является понятие «диаспора» как субъект политического процесса, опирающийся на национальную идентичность и обладающий суверенностью в принятии решений, затрагивающих разные сферы общественной жизни как принимающего государства, так и страны происхождения. Результаты исследования указывают на развитие политических инструментов Польши; активное использование цифровых и информационных ресурсов, отвечающих запросам современной глобализации; применение инструментов для реализации задач на разных уровнях – государственном и международном; стремление Польши к оптимизации методов поддержки диаспоры за рубежом. На основе статистических данных и публичной информации о Карте поляка сделаны выводы о гибкости и ситуативности внедряемых государством политических инструментов, корреляции используемых инструментов со страной проживания диаспоры.

Ключевые слова: политические инструменты; государственная политика; внешняя политика; идентичность; диаспора; Польша; Карта поляка

Для цитирования: Бахова, К. С. (2026) 'Политические инструменты и направления взаимодействия с диаспорой за рубежом: опыт Польши', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 121-130. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-121-130

POLITICAL TOOLS AND DIRECTIONS OF INTERACTION WITH THE DIASPORA ABROAD: EXPERIENCE OF POLAND

K. S. Bakhova

Kseniya S. Bakhova,

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences Moscow,
Russian Federation.

Abstract

The presented study is devoted to identifying and typologizing the modern political instruments used by the Polish authorities to build constructive cooperation with the diaspora abroad and to support its activities aimed at promoting the traditions and culture of the country of origin, attracting human and financial resources to Poland, and improving the state's image on the international stage. Central to the study is the notion of "diaspora," as well as the examination of the diaspora as a subject of the political process, grounded in national identity and possessing sovereignty in decision-making that affect various spheres of public life for both the

host country and the country of origin. The study's results indicate the development of Poland's political instruments; the active use of digital and information resources meeting the demands of contemporary globalization; the application of tools to achieve tasks at different levels – both national and international; and Poland's effort to optimize methods of supporting the diaspora abroad. Based on statistical data and public information about the Pole's Card, the conclusions address the flexibility and situational nature of the state's implemented political instruments and the correlation between the instruments used and the diaspora's country of residence.

Keywords: political instruments; state policy; foreign policy; identity; diaspora; Poland; Pole's Card

For citation: Bakhova, K. S. (2026) 'Political tools and directions of interaction with the diaspora abroad: experience of Poland', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 121-130. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-121-130

Введение

Глубокие исторические корни диаспор, широкое географическое присутствие, масштабная значимость в разных сферах общественной жизни сделали их частью глобального мира. В современных исследованиях диаспора рассматривается не только как этническая общность, но и как политический феномен, чья значимость определяется в том числе отношением к «титulyному» государству и институциональной организованностью.

Польская диаспора является весомым примером транснациональной общности с выраженной субъектностью. Численность проживающих за пределами материнского государства людей польского происхождения представляет собой значительный ресурс в соотношении с населением самой Польши. Наиболее крупные сообщества находятся в США, Бразилии, странах ЕС и на постсоветском пространстве. Им удалось адаптироваться к условиям принимающей страны, сохраняя при этом институциональные формы консолидации – от культурных центров и школ до политических партий и общественных организаций.

Польша как деятельный актор на международной арене прикладывает усилия к получению политических и иных преференций из разнообразных дифференцированных источников, в том числе польской диаспоры за рубежом. Однако для обеспечения в полном объеме реализации имеющихся стратегических и тактических решений государству требуется тщательно разрабатывать и модернизировать собственный применяемый арсенал, в состав которого входят и политические инструменты, анализ и типологизация которых является одной из ключевых задач данного исследования.

Теоретические подходы: понятие «диаспора» и ее субъектность

Понятие «диаспора», несмотря на растущий интерес в исследовательских кругах, а также трансформирующуюся степень влияния диаспор в транснациональном пространстве, до сих пор не имеет единой интерпретации и рассматривается учеными с разных ракурсов. Прежде всего данная тенденция связана с широким употреблением данного термина во многих научных направлениях и дисциплинах, например, в политологии, этнологии, культурологии и пр.

С целью выявления наиболее релевантного понятия были определены следующие основополагающие позиции направления исследования. Так, диаспора рассматривается как явление прежде всего политическое, ключевым аспектом которого является не этническая общность, а национальное государство. Кроме того, важную роль играют институты диаспоры и ее обладание не только этнокультурным, но и этнополитическим содержанием. Также диаспора имеет специфическую особенность по сравнению с иными группами лиц определенной национальности: она обладает внутренним импульсом и потребностью к самосохранению (Обидина, 2012: 7–11).

В статье используется широкое определение: «Диаспора – это этнокультурный и этнополитический феномен, возникающий на основе этнических групп, проживающих за пределами “титulyного” государства и обладающих рядом признаков, к которым относятся: множественная этническая самоидентификация, предполагающая наличие этнокультурной связи и со страной проживания, и с этнической родиной; создание институтов, призванных обеспечить сохранение и развитие диаспоры, в том числе международного характера; существование стратегии взаимодействия с государственными институтами как страны проживания, так и “титulyного” государства» (Полоскова, 2000, cited in Обидина, 2012: 11).

Развитая система институтов как диаспоры, так и материнского государства в отношении соотечественников за рубежом позволяет диаспоральным объединениям претендовать на официальный статус в рамках общественно-политического процесса, утверждающего их суверенность и потенциал принимать активную роль в государственных, региональных и международных вопросах и влиять на ход событий. Они используют возможность достижения собственных целей на разных уровнях политико-территориально устройства путем воздействия на государственные институты, которые, в свою очередь, способны реализовывать «интересы членов диаспоры по сохранению и доступу к этническим и языковым аспектам культуры» (Лошкарев, Протасов, 2023: 184) и поддерживать национально-государственную идентичность в качестве «устойчивой взаимосвязи человека с национальной общностью (как этнически однородной, так и неоднородной), репрезентацией которой выступает образ «мы» как воображаемого сообщества» (Титов, 2016: 92). Их эффективность поддается оцениванию, например, через возможности защиты мигрантов и поддержания чувства сопричастности диаспоры к происходящим в государстве событиям.

Согласно Г. Шефферу, диаспоры проявляют себя как самостоятельные политические субъекты в рамках «модели треугольника»: родина – диаспора – «принимающее» государство (Sheffer, 2003, cited in Лошкарев, 2015: 130). Кроме того, автономное существование диаспоры и ее участие в транснациональных взаимодействиях лишь подтверждает активную интеграцию в современное политическое пространство негосударственных акторов и общую тенденцию к усилению их влияния. Таким образом, формируется потребность государства к изобретению новых методов и средств взаимодействия с диаспорой за рубежом, которые отвечали бы ее актуальной позиции на политической арене.

Польша является примером государства, которое проводит активную политику в отношении диаспоры за границей, ориентируясь не только на общемировой политический опыт, но и конструируя собственные способы взаимодействия и внедряя индивидуальные подходы.

Польская диаспора за рубежом как актор политического процесса

Согласно официальному portalу польских властей, численность польской диаспоры за рубежом составляет около 20 млн человек¹. В соотношении с численностью населения Польши примерно в 38 млн человек данный показатель является весомым и демонстрирует широкие возможности использования человеческих ресурсов государством при стратегически выверенных действиях.

Многочисленность польской диаспоры за рубежом и ее страновое разнообразие связаны с историческими, экономическими и политическими факторами. Так, раздел, а затем и уничтожение Речи Посполитой в 1795 г. (Стегний, 2002: 4) вынудили поляков либо покинуть родные земли и стать гражданами иностранных государств, либо принять новую власть на территории своего фактического места проживания и ассимилироваться. Экономические аспекты имели перманентное приоритетное значение в вопросах польской эмиграции на протяжении столетий. Например, еще во второй половине XIX в. началось переселение польских крестьян преимущественно в обжитые южные районы Бразилии (Заринов, 1998: 93). В XXI веке показательным событием стала массовая эмиграция поляков после вхождения Республики Польша в состав Европейского союза (Lesińska, 2018: 98), упростившего преодоление имеющихся бюрократических барьеров эмигрантами и вызвавшего осязаемый трудовой дефицит в стране. С точки зрения политических истоков переселения поляков и их сложившегося поколенческого проживания на территории иностранных государств можно привести пример польской диаспоры в России. Хотя она и является немногочисленной (согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., 22 024 человек²), однако активно реализует свои возможности по созданию Полонийных³ организаций. Преимущественно они расположены на территории Сибири. Это в том числе связано с большим количеством сосланных на Восток во времена Российской империи и СССР поляков (Польша в XX веке..., 2012: 304–314).

На современном этапе польская диаспора за рубежом демонстрирует не только длительность существования и динамику трансформационных процессов ввиду внешних и внутренних факторов, но

¹ День Полонии и поляков за границей [Электронный ресурс], *Serwis Rzeczypospolitej Polskiej*. URL: <https://www.gov.pl/web/rossija/-----3> (дата обращения: 29.12.2025).

² Всероссийская перепись населения 2020. Национальный состав населения [Электронный ресурс], *ФАДН России*. URL: <https://fadm.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/file-download/qj8-sbvyq8bcn5ryvreaigm8pno9rg9> (дата обращения: 29.12.2025).

³ *Полония* (лат. *Polonia*) – широко используемый термин в польскоязычном пространстве, обозначающий в том числе польскую диаспору за рубежом.

и достижение определенной независимости в рамках взаимодействия с принимающим государством и страной происхождения, устойчивое закрепление активной позиции на страновом, региональном и даже международном уровнях, а также укрепление субъектности в политическом пространстве, основанной на мобилизации соотечественников, их объединении через институциональные возможности, сохранении национальной идентичности и защите собственных прав, свобод и интересов.

К примеру, польское меньшинство как одно из крупнейших по численности в Литве благоприятным образом для себя использует право принимающей страны на создание политических партий по этническому признаку: с 1994 г. на территории Литовской Республики действует партия «Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей» (до 2016 г. – «Избирательная акция поляков Литвы»). Ее работа позволяет на более официальном и нормативно-правовом уровне отстаивать интересы польского нацменьшинства в литовском государстве, а также открыто и публично от лица всей Полонии высказывать «претензии в отношении системной дискриминации со стороны правительства Литвы по ряду вопросов» (Бусыгина, Онищенко, 2019: 44).

Польская диаспора в США является самой многочисленной в сравнении с другими Полониями – почти 9 млн человек. Она имеет широкое влияние внутри страны на разные сферы общественной жизни (политическую, экономическую, культурную и пр.) и, кроме того, выстраивает конструктивный диалог с другими диаспорами (например, восточноевропейских стран) и с региональными и международными акторами.

С точки зрения влияния польской диаспоры на политику США можно отметить следующее. У ее внешнеполитической повестки не существует серьезных оппонентов, а также она составляет заметную группу населения, особенно в штатах Висконсин, Мичиган, Коннектикут, Нью-Йорк и Иллинойс, что побуждает кандидатов разных электоральных уровней учитывать ее потенциальный политический вес в предвыборной гонке. Однако электоральные и финансовые возможности польской диаспоры реализуются не в полной мере (Лошкарёв, 2017: 238).

Интересный случай наблюдается в культурной сфере. Так, в международный прокат в 2024 г. вышел фильм «Настоящая боль» американского актера и режиссера Джесси Айзенберга, имеющего польские корни. Кинокартина повествует о двух американских кузенах, отправившихся в Польшу, чтобы почтить память своей покойной бабушки, пережившей Холокост, и частично вдохновлена личной историей режиссера. Следствием работы над данным фильмом стало получение Джесси Айзенбергом польского гражданства от президента Польши Анджея Дуды на церемонии в Нью-Йорке⁴. «Настоящая боль», раскрывающая события Второй мировой войны солидарно польской позиции и с обесцениванием решающей роли Красной армии⁵, получила признание и была отмечена номинациями на разные кинонаграды (например, «Оскар»). Таким образом, члену польской диаспоры, благодаря возможностям страны проживания, удалось вывести исторические нарративы Варшавы на новый культурный уровень и распространить их среди мировой общественности, во многом не вдающейся в подробности и «полутона» произошедшей человеческой катастрофы.

Значение церкви в качестве влиятельного внутри- и внешнеполитического актора имеет широкую историческую и социальную доказательную базу, и польский костел не стал исключением, так как католицизм является важной составляющей идентичности польского народа. В настоящее время роль церкви в Польше достаточна велика: она сохраняет весомое положение в стране, пользуется авторитетом в обществе и способна прямо и косвенно влиять на политические процессы (Аляев, 2003, cited in Мещеряков, 2014: 251–252). Вместе с тем ее политическая активность и взаимосвязь с государственными властями могут привести к негативным последствиям на международной арене, дискредитирующим ее первостепенное значение как религиозной организации. Например, в 2023 г. белорусскими властями был арестован польский священнослужитель по подозрению в государственной измене и шпионаже⁶.

Польская диаспора за рубежом смогла преодолеть путь от просто этнической группы, проживающей вне территории «титального» государства, к негосударственному субъекту внутренней и внешней политики. Однако Республика Польша не в полной мере использует ресурсный потенциал своей диаспоры, что подталкивает государство к трансформации имеющихся и созданию новых стратегий, методов, механизмов и инструментов взаимодействия с ней.

⁴ US actor Jesse Eisenberg gets Polish citizenship [online], BBC. Available at: <https://www.bbc.com/news/articles/c2kg17p2102o> (accessed: 29.12.2025).

⁵ Захарова возмутилась искажению истории в фильме «Настоящая боль» [Электронный ресурс], ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/23326769> (дата обращения: 29.12.2025).

⁶ Catholic clerics spared years in Belarusian jails after Vatican intervention [online], TVP WORLD. Available at: <https://tvp-world.com/90118523/henryk-okolotowicz-andrzej-juchniewicz-freed-by-lukashenko-as-vatican-intervenes> (accessed: 30.01.2026).

Классификация политических инструментов Польши, используемых в отношении диаспоры за рубежом

За годы взаимодействия Польши с ее диаспорой за рубежом государству удалось выстроить конструктивную траекторию, направленную на совместную созидательную деятельность, а не авторитарное подчинение диаспоры – части польского общества, обладающего некими субъектностью и мобильностью, – продиктованным «титულიной» страной правилам.

Но все же польские соотечественники не обладают полным иммунитетом от воздействия жестких инструментальных решений центрально-европейской страны, причиной которых они не являются, однако чье следствие они испытывают на себе. Так, с 2024 по 2025 г. решением польских властей были закрыты все три российских генконсульства на территории страны: в Познани, Кракове и Гданьске. Очевидно, что российская сторона была вынуждена выдвинуть соразмерный политический ответ, чем в данном случае являются «зеркальные меры», то есть закрытие генеральных консульств Польши в Санкт-Петербурге, Калининграде и Иркутске⁷. В этой ситуации пострадавшими сторонами являются как российские, так и польские соотечественники, которые сталкиваются с большими сложностями во взаимодействии с институтами стран своего происхождения в связи с введенными чувствительными ограничениями их деятельности. Но Польшей инструментарий был использован против российских властей для демонстрации категоричного несогласия с проводимой ими политикой, а польская диаспора за рубежом попала в зону риска, на который власти Польши были готовы пойти ради достижения своих политических целей.

В разнообразии политических инструментов Польши можно выделить следующий их перечень исходя из наиболее распространенных направлений использования при взаимодействии с диаспорой за рубежом.

Информационные инструменты включают в себя печатные и электронные источники и информационные ресурсы, позволяющие польским властям коммуницировать с представителями Полонии, ознакомлять их с предлагаемыми возможностями. Кроме того, польские СМИ за рубежом способствуют пропаганде польского языка и большей осведомленности о политической повестке Польши среди ее соотечественников в иностранных государствах.

Так, сервис Республики Польша gov.pl, являющийся официальным сайтом польских органов власти, предоставляет сведения и ресурсы как актуальные внутри страны и преимущественно ее гражданам, так и распространяющиеся за пределы государства и направленные в том числе на взаимодействие с представителями Полонии. Например, на данном сервисе можно найти информацию о правилах оформления Карты поляка, а также польских организациях за рубежом (названия, адреса, веб-сайты и т.п.).

В 2012 г. глава МИД Польши Р. Сикорский добился назначения подконтрольного ему органа власти вместо Сената распределяющим средства среди бенефициаров на конкретные проекты по Полонийной тематике через юридически оформленные заявки и обоснование объемов финансирования, а не как ранее на безальтернативной основе (Лошкарев, 2025: 48). Для этого активно используются цифровые платформы, на которых размещается подробная информация о проводимых конкурсах и грантах и благодаря которым формирование отчетности и контрактов, а также коммуникация между государством и получателями поддержки становятся проще и доступнее. В качестве примера можно привести ресурсы, через которые Министерство иностранных дел Республики Польша реализует направленный на обеспечение польских диаспор и поляков за рубежом ежегодный конкурс «Польская инфраструктура», – eGranty и WITKAS.pl.

Кроме того, Польша активно поддерживает СМИ, создаваемые и распространяемые Полонией за рубежом. Согласно Правительственной стратегии сотрудничества с Полонией и поляками за границей на 2025–2030 гг., польские СМИ за рубежом играют решающую роль в достижении целей по гражданскому воспитанию и укреплению просоциальных установок соотечественников⁸. В первую очередь они способствуют повышению общего уровня знаний польского языка соотечественниками, а также формированию общественно-политической парадигмы донесения новостей, соответствующей

⁷ Закрытие польского генконсульства в Смоленске 14 июля 2023 г. связано с иными причинами, а именно «недружественными действиями» властей Польши и незаконным изъятием российской дипломатической недвижимости (здания школы) в Варшаве.

⁸ Rządowa Strategia współpracy z Polonią i Polakami za granicą na lata 2025-2030 [online], Serwis Rzeczypospolitej Polskiej. Available at: <https://www.gov.pl/web/slowenia/rzadowa-strategia-wspolpracy-z-polonia-i-polakami-za-granica-na-lata-2025-2030> (accessed: 30.12.2025).

польскому государственному курсу. Помимо оказания непосредственно финансовой помощи, органы государственной власти совместно с учебными заведениями Польши организуют образовательные программы для польских журналистов, ведущих свою деятельность за границей: стажировки, магистратуру, курсы повышения квалификации. Данный инструмент позволяет наладить контакты с польскими журналистскими кругами за рубежом, выстроить взаимоотношения в более лояльном ключе, а также потенциально использовать их для достижения собственных внешнеполитических целей.

Культурно-образовательные инструменты состоят из элементов, способствующих ознакомлению членов польской диаспоры с культурными особенностями страны происхождения, ее традициями и историей, польским языком, а также мотивирующих получать образование в Польше.

Важную роль в реализации указанного инструментария играют организации Полоний, которых насчитывается около 4 тыс. по всему миру. Данные акторы обладают широким разнообразием: в их число входят Дома Польские, фонды и ассоциации, балетные труппы, ансамбли народного танца и хоры, футбольные клубы, католические общества, социально-культурные объединения и т.п. Благодаря таким организациям члены польской диаспоры за границей имеют возможность объединяться по интересам, при этом углубляя знания в лингвистических, исторических и культурных аспектах своего «титульного» государства. А потомки польских переселенцев, не имеющие прямых связей со страной происхождения, способны напрямую соприкоснуться с наследием своей нации. Кроме того, около тысячи польских школ расположено на территориях многих государств. Это связано с тем, что среди польских соотечественников довольно распространено стремление к сохранению своей национальной идентичности и, понимая все ассимилятивные процессы ввиду проживания вне страны происхождения, они тем не менее пытаются дать польскую культурно-образовательную базу своим детям, на которую они могли бы опереться в течение всего жизненного пути, а также передавать новым поколениям.

Через программы в сферах образования и культуры Польша активно пытается привлечь внимание представителей диаспоры за рубежом с целью выстраивания долгосрочного сотрудничества. Государство стремится взвешенно оценивать человеческий ресурс своих диаспор и нераскрытый потенциал их деятельности, что мотивирует его вводить все новые инструменты и модифицировать их под современные общественные запросы и государственные нужды. Так, Польское национальное агентство академических обменов предлагает молодым людям польского происхождения специальную стипендиальную программу имени генерала Андерса, позволяющую им проходить обучение в Польше при финансовой поддержке, с погружением в польскую культурную и языковую среду.

Таким образом, культурно-образовательные инструменты активно внедряются во взаимодействие Польши с диаспорой за рубежом в связи с их эффективностью и результативностью в поддержании осведомленности соотечественников о своем национальном богатстве и исторической памяти, а также косвенном влиянии на распространение польской культуры и образования среди иностранцев.

Финансово-экономические инструменты включают в себя все средства государственной финансовой поддержки полонийных организаций и иных инициатив представителей польской диаспоры за рубежом, выстраивания экономических и деловых отношений с ними, а также способы стимулирования притока инвестиций из иных стран в Польшу через возможности Полонии.

Польское государство ежегодно выделяет около 600 млн злотых на политику в отношении диаспоры за границей, распределяя эти средства между различными министерствами и отраслевыми направлениями, а также Полониями через проводимые конкурсы и грантовую поддержку⁹. Несмотря на самостоятельность польской диаспоры за рубежом в качестве общественно-политического актора, она не может в полной мере единолично финансово себя обеспечить по причине не первостепенности получения прибыли в ее деятельности, а приоритетности таких задач, как популяризация польского языка, культуры и традиций, образования и вероисповедания, а также ознакомление широких масс с историческими, политическими и прочими особенностями страны происхождения, которые по большей части не монетизируются. Поэтому денежное безвозмездное вложение Польши в работу польских физических и юридических лиц в данной области направлено на стимулирование позитивных тенденций в рамках достижения поставленных целей на региональных, федеральных и международных уровнях.

^{9 9} Rządowa Strategia współpracy z Polonią i Polakami za granicą na lata 2025-2030 [online]...

Государственный спрос на мотивирование диаспоральной активности в финансовой сфере Польши стал также причиной организации программы *Poland Business Adventure*. В рамках ее реализации предлагается представителям польской диаспоры за границей в возрасте от 18 до 35 лет, проживающим, что примечательно, в ЕС, Великобритании, США или Канаде, пройти трехмесячную стажировку в престижных польских компаниях, включая государственные предприятия и филиалы международных корпораций. Основная идея программы состоит в получении участниками практического опыта работы в бизнесе, установлении ценных профессиональных связей, а также погружении в польскую культурно-лингвистическую среду и реалии делового рынка. А благодаря финансированию *Poland Business Adventure* Министерством иностранных дел Республики Польша и Польским агентством инвестиций и торговли стажеры имеют возможность минимизировать собственные денежные расходы и даже получить стипендию.

Субъектами экономического лоббизма являются польские бизнес-структуры и их ассоциации за рубежом, обладающие посредническими, представительными и консультационными ролями. Они способны выступать в качестве связующих звеньев сотрудничества и представлять особые интересы конкретных социально-экономических групп, влиять на законотворческие процессы в рамках стран и объединений (например, ЕС) (Czub, 2016: 187–188). Так, активную деятельность реализуют Конфедерация работодателей Левиафан – представительная организация работодателей как на национальном уровне, так и в Европейском Союзе – и Союз польских банков, в задачи которого входят представительство и защита общих интересов его членов, предоставление консультационных услуг и экспертиз, сотрудничество с Национальным банком Польши, правительством и компетентными министерствами в области функционирования законов и т.п.

Правовыми инструментами являются нормативно-правовая база, регламентирующая отношения Польши и диаспоры за рубежом, и основанные на ее законодательном фундаменте иные документы и юридические права.

Важной ролью в правовом взаимодействии государства и диаспоры наделен Закон от 9 ноября 2000 г. о репатриации, причиной принятия которого послужило признание Польшей обязанности содействовать репатриации поляков, оставшихся на Востоке (особенно в азиатской части бывшего СССР) и не сумевших в результате депортаций, ссылок и других национальных и политических преследований в конечном счете поселиться в Польше.

Кроме прямого правового инструмента по возвращению соотечественников в страну происхождения, был принят Закон от 7 сентября 2007 г. о Карте поляка, позволяющий ее обладателям – иностранцам польского происхождения, а также активным участникам культурно-образовательной деятельности полонийных организаций – получить преференции при оформлении визы в Польшу, обучении и трудоустройстве. Карта поляка также может быть использована в качестве «трамплина» для получения польских вида на жительство и гражданства.

В 2024 году была принята Правительственная стратегия сотрудничества с Полонией и поляками за границей на 2025–2030 гг. Данный документ является подробно проработанным элементом стратегического планирования государственной деятельности в области международных отношений с выстроенной приоритетностью, обозначением преимущественных особенностей польских диаспор за рубежом и имеющихся долгосрочных вызовов в выстраивании прагматичной коммуникации.

Правовые инструменты позволяют регламентировать взаимодействие Польши и ее диаспоры за границей на официальном юридическом уровне, что позволяет с учетом государственных и международных норм реализовывать поставленные задачи.

Основные направления инструментов, используемых Польшей в отношении диаспоры за рубежом, обладают дифференцированностью и одновременно взаимодополняемостью. Кроме того, государство стремится скрупулезно подбирать инструменты исходя из области поставленной задачи, особенностей стран проживания целевой аудитории, степени вовлеченности объекта влияния и иных важных факторов. Глобальные тенденции развития современного мира и скорости его изменчивости требуют от государственного аппарата гибкости и адаптивности, а также соответствия текущим трендам. Несмотря на большой объем проделанной в данной сфере работы, многие вопросы до сих пор остаются не в полной мере изученными и охваченными государственным инструментарием.

Карта поляка в качестве правового инструмента взаимодействия Польши с диаспорой за рубежом

Карта поляка – документ, подтверждающий принадлежность лица к польскому народу. Она не предоставляет польское гражданство или право на постоянное проживание, не заменяет заграничный паспорт, но открывает ряд других важных возможностей. Ее можно отнести к правовому инструменту диаспоральной политики Польши.

Карта поляка была введена в 2007 г., и одной из причин данного решения называют ограниченный доступ в Польшу для представителей польских меньшинств из постсоветских государств с момента присоединения страны к Шенгенскому соглашению, которое привело к ужесточению пограничного контроля и визового режима для ее восточных соседей. Помимо этого, после присоединения Польши к ЕС увеличилась эмиграция поляков, отрицательно повлиявшая на кадровый резерв государства.

До 2019 г. данную карту могли получить исключительно граждане постсоветских стран, но позже она стала доступной и другим иностранцам.

Карта поляка дает ее обладателям определенные преимущества, которые, однако, релевантны именно на территории Польши (льготы при трудоустройстве, обучении и т.п.).

В отличие от программы репатриации, главной задачей Карты поляка не является возвращение этнических поляков на историческую родину, но она также нацелена на мобилизацию человеческого ресурса, находящегося за пределами страны, для восполнения баланса внутри Польши.

Согласно польским статистическим данным, с 2008 по 2024 г. Карту поляка выдали 393 991 иностранцам¹⁰. Однако стоит учесть, что к 2024 г. Карта поляка была аннулирована у 1830 человек, в том числе у четырех за оскорбляющее поляков поведение, а также у 7310 человек в связи с приобретением польского гражданства или получением постоянного вида на жительство¹¹.

Гражданам Украины выдано около 77 тыс. Карт поляка. В то же время 2,5 тыс. человек отказано в ее выдаче. Почти 22 % от общего количества (более 17 тыс.) было выдано гражданам Украины с февраля 2022 г. Среди граждан других стран бывшего СССР Польша выдала больше всего Карт поляка белорусам (более 100 тыс.), в том числе около 40 % после февраля 2022 г. (почти 40 тыс.). Гражданам РФ за более чем 15 лет выдано примерно 6 тыс. Карт поляка, в том числе трети из них (более 2 тыс.) – после февраля 2022 г.¹²

Несмотря на успешные статистические показатели, Польша для многих обладателей Карты поляка стала не конечным пунктом назначения, а альтернативным шагом для более интенсивного продвижения и закрепления в западных странах Европы, что, очевидно, идет вразрез с ее целеполаганием.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что Карта поляка стала востребована среди людей польского происхождения и вносящих особый вклад в деятельность польских НКО и позволила им с учетом географических и политических обстоятельств воссоздавать связи с Польшей, используя предлагаемые преференции, однако ее возможности не в состоянии закрыть потребность польского государства в человеческих ресурсах в полном объеме. Кроме того, в связи с данной законодательной инициативой возник ряд проблем, затрагивающих демографическую сферу: возросли риски прибытия в страну иностранцев, получивших Карту поляка незаконным путем, а некоторые ее обладатели дискредитировали главный постулат – приверженность польской нации и ее традициям.

Выводы

Польская диаспора за рубежом выступает ярким эмпирическим примером трансформации этнического сообщества в самостоятельного негосударственного актора. Ее значительная численность, широкое территориальное расселение, стремление к сохранению национальной идентичности, в том числе через институциональные структуры, позволяют Польше реализовывать внутри- и внешнеполитические стратегические решения с помощью задействования весомого диаспорального ресурса,

¹⁰ Rocznik Demograficzny 2025 [online], *Główny Urząd Statystyczny*. Available at: https://stat.gov.pl/files/gfx/portalinformacyjny/en/defaultaktualnosci/3328/3/19/1/demographic_yearbook_of_poland_2025_en.pdf (accessed: 30.12.2025).

¹¹ Фальсификация документов, оскорбительное поведение, угроза безопасности: за что могут лишит Карты поляка [Электронный ресурс], *The Warsaw*. URL: <https://www.the-warsaw.pl/117837/falsifikacja-dokumentov-oskorbitelnoe-povedenie-ugroza-bezopasnosti-za-chto-mogut-lishit-karty-poljaka/> (дата обращения: 25.12.2025).

¹² С февраля 2022 г. украинцы получили 20 % Карт поляка от всех выданных за 15 лет [Электронный ресурс], *TACC*. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22652941> (дата обращения: 25.12.2025).

например, сохранять и популяризировать польские язык, традиции и культуру, пропагандировать исторические нарративы, соответствующие государственному курсу, а также лоббировать интересы на страновом, региональном и международном уровнях.

Польские власти стремятся реализовывать государственную политику в работе с диаспорой за рубежом, используя модели, выделяемые в научных исследованиях: «репатриационную (переселение на историческую родину), патерналистскую (защита прав соотечественников и оказание им материальной поддержки), прагматическую (модель, опирающаяся на использование политического, экономического, лоббистского потенциалов диаспоры)» (Кртян, 2010: 122). Применение данной теоретической классификации позволяет продемонстрировать преимущества использования государством элементов прагматической модели, которые позволяют ему стать выгодополучателем от возможностей диаспоры как субъекта политического процесса, что делает ее более привлекательной в использовании на интернациональном уровне с долгосрочной перспективой.

Несмотря на разнообразие используемых Польшей политических инструментов, в рамках взаимодействия с диаспорой за рубежом существуют основные направления: информационное, культурно-образовательное, финансово-экономическое и правовое. Реализация данных инструментов носит, как правило, поощрительный и конструктивный характер.

В продвижении Карты поляка есть как положительные тенденции, так и отрицательные. Карта поляка стала востребованным способом укрепления связей государства с лицами польского происхождения, проживающими за рубежом, и предоставила им конкретные преференции на территории Польши, способствуя притоку потенциального человеческого капитала в страну. В исследовании был определен ряд проблем: правоприменительная нагрузка, риски злоупотреблений, демографические и политические последствия массовых миграций и частичные ограничения самого инструмента, не предоставляющего статуса гражданства или постоянного проживания. Это свидетельствует о необходимости регулярной корректировки правового поля и административных процедур, повышения прозрачности отбора и контроля, а также сбалансированного сочетания стимулирующих и защитных мер.

Польская диаспора за рубежом уже проявляет признаки устойчивой субъектности в международном поле: она способна самостоятельно мобилизовывать ресурсы, влиять на общественные дискурсы и вступать в диалог с государственными институтами. Перспективы взаимодействия Польши с диаспорой за границей зависят от гибкости политических подходов и готовности сочетать национальные интересы с уважением к автономии диаспоральных сообществ.

Список литературы / References

- Бусыгина И. М.,* Онищенко А. Д. (2019) 'Положение польского меньшинства в Литовской Республике: внутренние и внешние факторы влияния', *Балтийский регион*, 11(1), сс. 43–59. [Busygina I.M., Onishchenko A.D. (2019) 'The Polish minority in the Republic of Lithuania: internal and external factors', *Baltiyskiy region*, 11(1), pp. 43–59. (In Russ.)]. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-1-4.
- Заринов, И. (1998) *Путь длиннее века (Поляки в Бразилии)*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН. [Zarinov, I. (1998) *The path is longer than a century (Polish people in Brazil)*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. (In Russ.)].
- Кртян, Л. А., (2010) 'Диаспора как инструмент внешней политики государств', *Система ценностей современного общества*, 11, сс. 122–125. [Krtyan, L. A., (2010) 'Diaspora as an instrument of foreign policy of States', *Vestnik MGIMO-Universiteta Sistema cennostey sovremennogo obs'estva*, 11, pp. 122–125. (In Russ.)].
- Лошкарев, И. Д., (2015) 'Роль диаспор в современной мировой политике', *Вестник МГИМО-Университета*, 2(41), сс. 127–133. [Loshkariyov, I. D., (2015) 'The role of diasporas in the current world politics', *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2(41), pp. 127–133. (In Russ.)].
- Лошкарев, И. Д., (2017) 'Ресурсы влияния польской диаспоры в США на американскую внешнюю политику', *Вестник МГИМО-Университета*, 3(54), сс. 238–248. [Loshkariyov I.D., (2017) 'American Polonia's resources of influence and us foreign policy', *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 3(54), pp. 238–248. (In Russ.)]. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-238-248

* Внесена Министерством юстиции РФ в список иностранных агентов с 07.02.2025

- Лошкарев, И. Д., (2025) 'Диаспоральная политика Польши (1991-2025): динамика институциональных изменений', *Балтийский регион*, 17(3), сс. 42–58. [Loshkariyov, I. D., (2025) 'Poland's diasporal policy (1991-2025): dynamics of institutional changes', *Baltiyskiy region*, Tom 17(3), pp. 42–58. (In Russ.)]. DOI: 10.5922/2079-8555-2025-3-3
- Лошкарев, И. Д., Протасов, Д. В. (2023) 'Формирование диаспоральной политики Филиппин: институциональные аспекты', *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 1(58), сс. 179–194. [Loshkariyov, I. D., Protasov D.V. (2023) 'Formation of the Philippine diaspora policy: institutional aspects', *Yugo-Vostoc'naya Aziya: aktual'niye problem razvitiya*, 1(58), pp. 179–194. (In Russ.)]. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-1-1-58-179-194.
- Мещеряков, Д. Ю., (2014) 'Католическая церковь как политический актор в посткоммунистической Польше: влияние на партийную политику', *Политическая наука*, № 3, сс. 249–259. [Meshcheryakov, D. Y., (2014) 'The catholic church as a political actor in post-communist Poland: effect on party politics', *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 249–259. (In Russ.)].
- Обидина, Ю. С. (2012) 'Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях', *Запад-Восток*, 4-5, сс. 5–18. [Obidina, Y. S. (2012) 'Conceptualization of the concept of «diaspora» in modern scientific research', *Zapad-Vostok*, 4-5, pp. 5–18. (In Russ.)].
- Полоскова, Т. В. (2000) Диаспоры в системе международных связей. Дисс.докт.полит.наук. Москва. [Poloskova, T. V. (2000) 'Diasporas in the system of international relations'. Dr.Diss. (Pol.). Moscow. (In Russ.)].
- Польша в XX веке. Очерки политической истории (2012) Москва, «Индрик». [Poland in XX century. Essays on political history (2012). Moscow (In Russ.)].
- Стегний, П. (2002) *Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795.* Москва: «Международные отношения». [Stegnii, P. (2002) *The division of Poland and the diplomacy of Catherine the Great. 1772. 1793. 1795.* Moscow: «Mezhdunarodniye otnosheniya». (In Russ.)].
- Титов, В. В. (2016) 'Национально-государственная идентичность: проблема интерпретации понятия в политической науке', *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*, 3, сс. 92–102. [Titov, V. V. (2016) 'National-State identity: the problem of interpretation of the concept in political science', *Lokus: lud'i, obs'estvo, kul'tury, smysly*, 3, pp. 92–102. (In Russ.)].
- Czub, J. F. (2016) 'Representation of Polish Business Groups in the Institutional System of the European Union', *International Relations and Diplomacy*, 4(3), pp. 177–188.
- Lesińska, M. (2018) 'Participation and Voting Behavior of Poles Abroad in Home Country Elections. The Case of Poles in the US and Canada in Comparative Perspective', *Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny*, 4(170), pp. 97–117.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Бахова Ксения Сергеевна, соискатель

E-mail: bakhovaksenia@yandex.ru (ORCID: 0009-0002-0244-015X).

Information about author

Kseniya S. Bakhova, Applicant

E-mail: bakhovaksenia@yandex.ru (ORCID: 0009-0002-0244-015X).

УДК-325

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-131-142

**«ПОРА ВОЗВРАЩАТЬСЯ ДОМОЙ»: АНАЛИЗ ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ
В ФЕДЕРАТИВНУЮ РЕСПУБЛИКУ СОМАЛИ В 2015–2024 ГГ.**

Г. Р. Оборин

Оборин Глеб Романович,

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация.

Аннотация

На основе данных Глобальной системы отслеживания мобильности населения в Сомали в статье анализируется международная возвратная миграция за период 2015–2024 гг. Цель исследования заключается в выявлении пространственно-временной структуры возвратных потоков и факторов их территориальной концентрации. Теоретико-методологическую основу исследования составляет синтез подходов Жан-Пьера Кассарино и Рассела Кинга, рассматривающих возвращение как структурный этап миграционного цикла, обусловленный ресурсами мигранта и готовностью принимающей среды. Данный подход дополнен концепцией политических возможностей возвратной миграции, позволяющей интерпретировать пространственное распределение потоков через призму институциональной фрагментации постконфликтного государства. Эмпирический анализ основан на методе локальных показателей пространственной ассоциации и регрессионном моделировании с использованием отрицательной биномиальной регрессии с нулевой инфляцией. В результате установлено, что возвратная миграция характеризуется выраженной пространственной асимметрией, нашедшей отражение в дихотомии «север – юг», при концентрации потоков в ограниченном числе районов южной и центральной части Сомали. Регрессионный анализ выявил статистическую значимость урбанистических и инфраструктурных факторов, тогда как пространственно-географические характеристики статистически незначимы, что указывает на доминирование политико-институциональных и экономических детерминант в постконфликтном восстановлении.

Ключевые слова: постконфликтное государство; возвратная миграция; Федеративная Республика Сомали; Африканский Рог; пространственная асимметрия; локальные показатели пространственной ассоциации; ZINB-регрессия

Для цитирования: Оборин, Г. Р. (2026) «Пора возвращаться домой»: анализ возвратной миграции в федеративную республику Сомали в 2015–2024 гг., *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 131-142. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-131-142

Финансовая поддержка: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00123-П (<https://rscf.ru/project/22-18-00123/>).

**"TIME TO RETURN HOME": ANALYSIS OF RETURN MIGRATION TO THE FEDERAL
REPUBLIC OF SOMALIA IN 2015-2024**

G. R. Oborin

Gleb R. Oborin,

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

This article draws on data from the International Organization for Migration's Displacement Tracking Matrix (DTM) in Somalia to analyse international return migration over the period 2015–2024. It aims to identify the spatio-temporal structure of return flows and the factors underlying their territorial concentration. The study is grounded in a synthesis of approaches developed by Jean-Pierre Cassarino and Russell King, conceptualising

return migration as a structural stage of the migration cycle shaped by migrants' resources and the absorptive capacity of receiving areas. This framework is complemented by the concept of political opportunity structures, enabling the spatial distribution of return flows to be interpreted as a reflection of institutional fragmentation in a post-conflict state. Empirically, the analysis combines Local Indicators of Spatial Association (LISA) with Zero-Inflated Negative Binomial (ZINB) regression. The findings reveal pronounced spatial asymmetry, including a north–south divide, with return flows concentrated in a limited number of districts, primarily in southern and central Somalia. Regression results highlight the significance of urban status and humanitarian infrastructure, while geographic factors such as border and coastal location are statistically insignificant, underscoring the dominance of political-institutional and economic determinants.

Keywords: post-conflict state; return migration; Federal Republic of Somalia; Horn of Africa; spatial asymmetry; Local Indicators of Spatial Association; ZINB regression

For citation: Oborin, G. R. (2026) "'Time to return home": analysis of return migration to the federal republic of Somalia in 2015-2024', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 131-142. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-131-142

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00123-P (<https://rscf.ru/project/22-18-00123/>).

Введение

Феномен возвратной миграции в академическом сообществе представляется одним из наиболее дискуссионных и наименее изученных явлений в контексте миграционных исследований (Lang, 2013; White, 2022), в анализе отдельных кейсов, отмеченных высокой интенсивностью трансграничной мобильности (Горохов и др., 2020; Горохов и др., 2023). Однако применительно к Африке и государствам Африканского Рога, одному из наиболее миграционно активных регионов мира, возвратная миграция либо не изучена, либо проанализирована фрагментарно.

Федеративная Республика Сомали характеризуется ограниченной институциональной способностью реализовывать собственную публичную политику, включая регулирование миграционных процессов. В начале 1990-х гг. государство пережило фактический распад на ряд полуавтономных территорий, наибольшую известность среди которых приобрел Сомалиленд, а сам процесс дезинтеграции сопровождался кровопролитным многолетним вооруженным конфликтом и масштабным гуманитарным кризисом. Однако на протяжении последних 10–15 лет Сомали оказалась в центре процессов частичной стабилизации социально-экономической и политической жизни, сопровождаемых в том числе усилением потоков возвратной миграции (Galipo, 2018). В этой перспективе сомалийский случай приобретает самостоятельное политологическое значение. Возвратная миграция в постконфликтных государствах не является нейтральным демографическим процессом, а выступает одновременно индикатором политической стабилизации и инструментом политического восстановления. Способность государства принимать, регистрировать и реинтегрировать собственных граждан выступает одним из базовых маркеров восстановления его инфраструктурной власти в терминах М. Манна (Mann, 1984).

Возвращение в постконфликтные общества традиционно рассматривается в политической науке через призму трех взаимосвязанных процессов: воспроизводства политических институтов на территориях с ограниченным государственным присутствием, конкуренции центральных и региональных властей за легитимность приема возвращенцев и переопределения национальной идентичности через включение или исключение мигрантских сообществ (Brand, 2006; Koinova, 2018). В сомалийском контексте, где федеральное правительство, региональные администрации, непризнанный Сомалиленд и ряд других акторов параллельно претендуют на регулирование миграционных процессов, пространственная структура возвратных потоков становится прямым отражением политической географии страны как фрагментированного де-факто государства (Menkhaus, 2014).

Возвратная миграция как самостоятельный объект исследования формировалась в рамках различных теоретических подходов, по-разному представляющих природу и последствия возвращения. Одним из ранних направлений стала концептуализация возвращения через призму реинтеграции вынужденных переселенцев, получившая развитие в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Примером этого подхода могут послужить работы нигерийского ученого Оласунками Ароволо (Arowolo, 2000) и шведской исследовательницы Дезире Нильссон (Nilsson, 2000). В этих и сходных с ними работах выявлено

базовое противоречие между нормативными ожиданиями «успешного возвращения» и реальными структурными барьерами, с которыми сталкиваются репатрианты. Применительно к государствам Африканского Рога подобная логика возвратной миграции рассматривалась преимущественно в контексте Судана и Эфиопии (Degu, 2007), тогда как сомалийский случай долгое время оставался на периферии систематического анализа.

В последнее десятилетие явление возвратной миграции приобрело новые границы понимания. Так, критический обзор сомалийского исследователя Абдинура Шейха Мохамеда Мохамуда (Mohamud, 2020) демонстрирует, что дискурс «добровольности», окутывающий миграцию африканских возвращенцев из европейских государств, часто маскирует ее принудительный характер. Социолог Адель Галипо рассматривает возвратную миграцию через призму нациестроительства, подчеркивая роль диаспоры в символическом и институциональном восстановлении страны, происходящем в последнее десятилетие (Galipo, 2018). Практические аспекты реинтеграции подробно анализируются в работах Жаклин Овиго и ее коллег (Owigo, Yusuf, 2020; Owigo, 2022), в которых они выявляют системную неустойчивость большинства существовавших в конце 2010-х гг. программ содействия возвращению в сомалийском контексте.

Сравнительную перспективу в контексте возвратной создают эмпирико-полевые исследования географов Венского университета. Так, Лемлем Вельдемариам и соавторы (Weldemariam et al., 2023) рассматривают динамику возвратной миграции в Субсахарской Африке с позиции пространственного анализа, частично затрагивая государства Африканского Рога. Работа Яспера Даг Тьядена и коллег (Tjaden et al., 2025) оценивает предпочтения к повторной миграции среди репатриантов, вернувшихся в страны Восточной Африки, в частности в Судан, Сомали и Эфиопию, в рамках программ содействия возвращению.

Наконец, необходимо отметить значительный массив аналитических материалов, посвященных миграционным процессам в регионе Африканского Рога. Важный контекст создают материалы международных организаций, связанных с анализом миграционных процессов, такие как Международная организация миграции (МОМ) (IOM DTM, 2024; IOM, 2025) и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) (UNHCR, 2025). Не менее значимыми выступают работы, затрагивающие Сомали лишь косвенно, акцентируя внимания на соседствующие с ним государства, такие как Южный Судан и Эфиопия (Newhouse, 2012; Macdonald, Porter, 2021).

Однако до сих пор отсутствует целостная картина по вопросу возвратной миграции в территориальном измерении, в частности пространственно-территориальном расселении. Цель настоящей статьи заключается в выявлении и анализе пространственно-временной структуры международной возвратной миграции в Федеративную Республику Сомали с 2015 по 2024 г., а также определении факторов, подталкивающих мигрантов вернуться в конкретные провинции и районы.

Теоретико-методологическая основа исследования

В качестве теоретико-методологической основы исследования предлагается использовать точечную теоретическую рамку, представленную синтезом концепций циркулярной и возвратной миграции. Первая концепция связана прежде всего с работами Жан-Пьера Кассарино (Cassarino, 2004), который и предложил рассматривать возвращение не как случайный или остаточный феномен, а как полноценный структурный этап миграционного цикла, детерминированный двумя ключевыми аспектами, такими как мобилизованные ресурсы мигранта (социальный, человеческий и финансовый капитал, накопленный за рубежом) и степень готовности принимающей среды к интеграции возвратных мигрантов. Соотношение этих измерений, по Кассарино, определяет как решение о возврате, так и его устойчивость.

Второй подход связан с именем Рассела Кинга (King, 1986), который рассматривает возвратную миграцию как нередко преобладающую модель в нестабильных регионах. Его концепция акцентирует внимание на нелинейности миграционных траекторий, что непосредственно релевантно для сомалийского случая.

Синтез концепций Кассарино и Кинга имеет ряд преимуществ перед классическими подходами и представляется наиболее адаптивным для анализа возвратной миграции в Сомали, поскольку категория «готовности принимающей среды» позволяет операционализировать структурные характеристики принимающих районов, в частности наличие гуманитарной инфраструктуры, не прибегая к национальным данным, недоступным для сомалийского контекста, что значительно облегчает работу с эмпирической базой. Важно и включение в концепцию коллективного измерения возврата (организованные

группы vs индивидуальные решения), напрямую соответствующее дихотомии, фиксируемой эмпирической базой исследования. Наконец, акцент на нелинейности миграционных траекторий согласуется с нестабильным и циклическим характером сомалийской миграционной динамики.

Восполнить политическое измерение возвратной миграции позволяет обращение к концепции структуры политических возможностей возвратной миграции, активно развиваемой в постконфликтных исследованиях (Koinova, 2018). Согласно этой логике, «готовность принимающей среды» Кассарино операционализируется не только через гуманитарную инфраструктуру, но и через ряд других аспектов: способность субнациональных властей контролировать территорию, наличие конкурирующих центров легитимности и степень включенности района в программную географию международных организаций. Применительно к Сомали это означает, что пространственное распределение возвратных потоков следует интерпретировать как отражение фрагментированной политической карты страны, где субнациональные власти разных уровней, де-факто государство Сомалиленд и анклавы влияния террористических организаций формируют различные режимы приема возвращенцев. Эта же рамка позволяет рассматривать программы организованного возврата как инструмент символической ресувверенизации территории, т.е. как практику, через которую международные акторы и центральное правительство закрепляют собственное присутствие в районах с ограниченной государственностью.

Эмпирическая база исследования представлена статистическими данными, собранными в рамках Глобальной системы отслеживания мобильности населения МОМ в Сомали¹. Названный проект функционирует как многокомпонентная система мониторинга перемещения населения, включающая в себя обследования точек въезда, мест проживания и проведение опросов домохозяйств.

Применительно к возвратной миграции ключевым инструментом выступает мониторинг точек въезда, в рамках которого полевые сотрудники МОМ фиксируют потоки возвращенцев на основных погранично-пропускных пунктах и в населенных пунктах-реципиентах при помощи метода опроса ключевых информантов с последующим агрегированием по разным административно-территориальным уровням, вплоть до уровня района (*district*). Вследствие этого подобное не оставляет иного выбора, как взять за единицу анализа связку формата «район – время», благодаря чему итоговая выборка составляет 361 единицы анализа, что соответствует 91 району, рассматриваемых в четыре временных среза.

Сразу необходимо отметить существенные ограничения данной эмпирической базы. Во-первых, неравномерность временных рядов, что связано с самой логикой проведения мониторинга. Три (фактически четыре) раунда мониторинга охватывают периоды разной продолжительности и обобщенности, что исключает возможность ежегодного сравнительного анализа и ограничивает работу с динамикой только рамкой определенных временных рядов. Во-вторых, наличие ярко выраженной правосторонней асимметрии данных, где при проверке нормальности распределения основной массив сосредоточен в правой стороне. В-третьих, существует значительная задержка публикации данных, что свойственно для большей части миграционной статистики. В рассматриваемом кейсе последняя публикация результатов была произведена в начале 2025 г., охватывала период с февраля по сентябрь 2024 г., и по настоящее время данные не обновлялись. Подобное также объясняет верхнюю временную границу исследования. В-четвертых, и в некоторой степени наиболее важное ограничение, система DTM изначально проектировалась для отслеживания внутреннего перемещения, вследствие чего категория международных возвращенцев фиксируется менее систематично. В данном случае граница между возвращенцем из другой страны и внутренним мигрантом в ряде случаев методологически размыта, что потенциально влечет недоучет трансграничных потоков в пользу внутренних.

Однако все вышеперечисленное не обесценивает данные фактически единственного открытого источника по возвратной миграции в Сомали, требуя лишь осторожности в интерпретации и генерализации выводов.

¹ IOM DTM (International Organization for Migration, Displacement Tracking Matrix) (2019) Somalia – Baseline Assessment (B2) – Pilot Round 0 [online]. Geneva: IOM. Available at: <https://dtm.iom.int/datasets/somalia-baseline-assessment-b2-pilot-round-0> (accessed: 7.03.2026); IOM DTM (International Organization for Migration, Displacement Tracking Matrix) (2022) Somalia – Countrywide Baseline 2 – Dataset Round 1 (February 2020 – January 2022) [online]. Geneva: IOM. Available at: <https://dtm.iom.int/datasets/somalia-countrywide-baseline-2-dataset-round-1-feb-2020-jan-2022> (accessed: 7.03.2026); IOM DTM (International Organization for Migration, Displacement Tracking Matrix) (2023) Somalia – Baseline Assessment – Round 2 [online]. Geneva: IOM. Available at: <https://dtm.iom.int/datasets/somalia-baseline-assessment-round-2> (accessed: 7.03.2026); IOM DTM (International Organization for Migration, Displacement Tracking Matrix) (2023) Somalia – Baseline Assessment – Round 2 [online]. Geneva: IOM. Available at: <https://dtm.iom.int/datasets/somalia-baseline-assessment-round-2> (accessed: 7.03.2026).

В качестве переменных в работе задействованы две зависимые и пять независимых переменных, которые представлены в таблице.

**Переменные, используемые в исследовании /
Variables used in the study**

Наименование	Смысловое обозначение	Тип	Роль в модели
<i>group_total</i>	Общая групповая миграция в район	Счетная	Зависимая
<i>indiv_total</i>	Общая индивидуальная миграция в район	Счетная	Зависимая
<i>refugee_camp</i>	Наличие инфраструктуры/наличие в районе лагеря или приемного пункта для возвращенцев	Бинарная	Независимая
<i>urban</i>	Район административный центр, которого является крупным городским центром (население свыше 200 тыс. человек)	Бинарная	Независимая
<i>coastal</i>	Районы с прямым выходом к морю	Бинарная	Независимая
<i>border_district</i>	Районы, граничащие с Эфиопией, Кенией или Джибути	Бинарная	Независимая
<i>federal_state</i>	Принадлежность района к одному из федеральных штатов	Номинальная	Независимая

Основываясь на перечисленном выше теоретико-методологическом дизайне, в исследовании задействовано несколько разнонаправленных методов, в частности пространственный и регрессионный анализ. Пространственный анализ реализован посредством картографической визуализации распределения возвратных потоков по районам в разбивке по типу (групповой/индивидуальный) и временному периоду, а также через метод локальных показателей пространственной ассоциации (*Local Indicators of Spatial Association*).

Последний позволяет выявить статистически значимые локальные кластеры районов со схожими значениями потоков (по типу *high-high* и *low-low*) и пространственные выбросы (типы *high-low* и *low-high*), тем самым верифицируя наблюдаемые на картах паттерны концентрации. Стоит отметить, что матрица пространственных весов построена по методу $k = 5$ ближайших соседей на основе центров районов. Значимость проверялась через итерацию 999 случайных перестановок при уровне статистической значимости $p < 0,05$. Ввиду обозначенной ранее экстремальной правосторонней асимметрии распределения ко всем значениям применена логарифмическая трансформация $\log(x + 1)$.

Регрессионный анализ направлен на оценку статистических взаимосвязей между переменными и выявление факторов, связанных с концентрацией возвратных потоков. Важным моментом является то, что в случае используемой эмпирической базы применение классических регрессионных анализов сопряжено с рядом методологических ограничений. Счетный характер данных с выраженной правосторонней асимметрией и высокой долей нулевых значений, а также неравенство среднего значения и дисперсии не позволяют использовать регрессию по методу наименьших квадратов (линейная регрессия) или стандартную для счетных данных пуассоновскую регрессию. Поэтому в работе будет применен метод отрицательной биномиальной регрессии с нулевой инфляцией (*Zero-Inflated Negative Binomial, ZINB*).

Если кратко описать суть метода *ZINB*, то она заключается в следующем. В рамках метода отдельно оценивается вероятность того, что район в принципе недоступен для возврата, и отдельно общий объем прибывающих в доступные районы. Первый процесс моделируется через логистическую компоненту, второй – через отрицательное биномиальное распределение, учитывающее сверхдисперсию данных. В этом случае параметры модели оцениваются методом максимального правдоподобия.

Эмпирический анализ и результаты исследования

Переходя к эмпирическому анализу, в первую очередь необходимо сфокусироваться на общей пространственной логике возвратной миграции в Сомали. Визуализация этого представлена на рис. 1, 2.

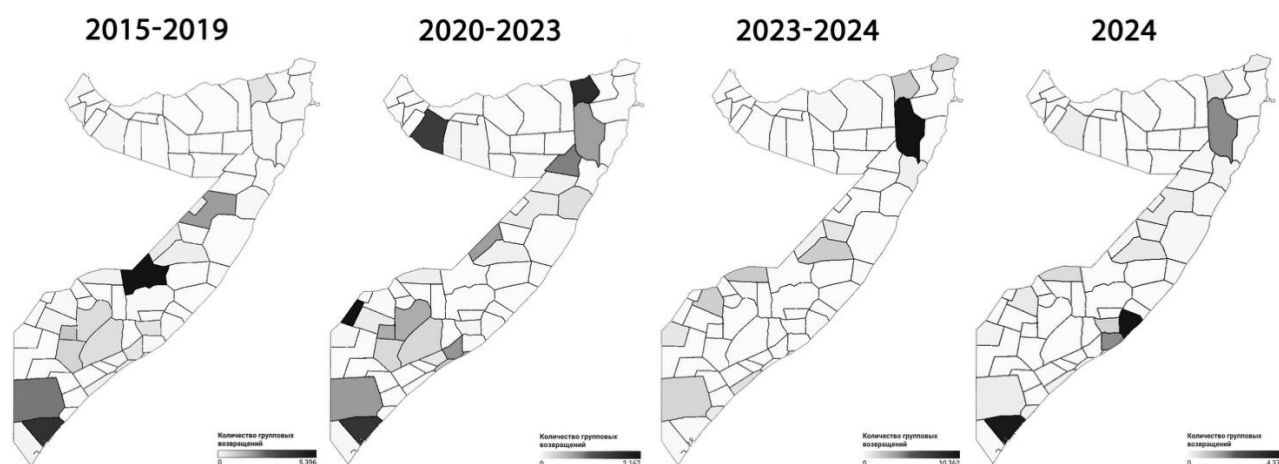

Рис. 1. Территориальное распределение групповой возвратной миграции в Федеративную Республику Сомали по районам, 2015–2024 гг. (составлено автором при помощи веб-инструмента Datawrapper на основе данных DTM Somalia) / Fig. 1. Spatial distribution of group return migration to the Federal Republic of Somalia by district, 2015–2024 (compiled by the author using the Datawrapper web tool based on DTM Somalia data).

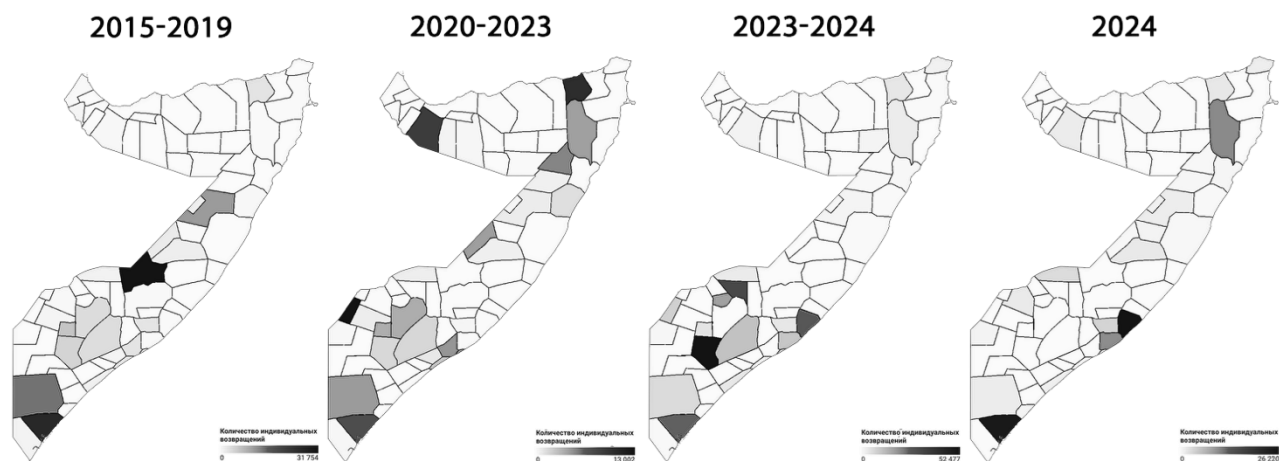

Рис. 2. Территориальное распределение индивидуальной возвратной миграции в Федеративную Республику Сомали по районам, 2015–2024 гг. (составлено автором при помощи веб-инструмента Datawrapper на основе данных DTM Somalia) / Fig. 2. Spatial distribution of individual return migration to the Federal Republic of Somalia by district, 2015–2024 (compiled by the author using the Datawrapper web tool based on DTM Somalia data).

В первом периоде можно наблюдать, что пространственная логика обоих типов миграции совпадает и потоки концентрируются вокруг районов Беледуэине и Кисмайо в центре и на юге страны. В 2020–2023 гг. картина кардинально меняется. Очаги темных пятен рассеиваются по 36 активным районам, а центр тяжести смещается на север, где доля северных штатов достигает 35,7 %, что вписывается в логику перестройки гуманитарных коридоров в условиях пандемических ограничений. Третий период (2023–2024 гг.) фиксирует наиболее выраженное расхождение двух паттернов, при котором групповая миграция монополизирована в северном районе Кардо, тогда как индивидуальная концентрируется на юге в ряде районов, а именно в Диинсооре, Худуре и Ваджиде. В последнем срезе оба типа потоков вновь сходятся, однако уже вокруг новых центров притяжения в лице Кадале и Балкад совместно с вернувшимся в лидеры Кисмайо.

Вследствие этого, вне зависимости от периода, картосхема фиксирует две устойчивые пространственные асимметрии. Во-первых, Сомалиленд остается визуально «белым» на всех восьми панелях, несмотря на относительную политическую стабильность региона (демонстрируя дихотомию «север – юг»). Во-вторых, приморские экономические районы, вопреки интуитивному ожиданию, не

выделяются как устойчивые реципиенты возвратной миграции, тогда как внутренние районы провинций Средняя Шабелле и Байдабо-Гедо формируют ключевые центры притяжения возвращенцев.

Переходя к применению локальных показателей пространственной ассоциации (*LISA*), направленных на выявление статистически значимых пространственных кластеров и пространственных отклонений, необходимо отметить ряд аспектов. Во-первых, ввиду указанной ранее экстремальной правосторонней асимметрии распределения (концентрация свыше 70 % совокупных миграционных потоков в нескольких районах) ко всем значениям применена логарифмическая трансформация $\log(x + 1)$.

Во-вторых, при проведении анализа была предпринята попытка рассмотреть несколько уровней административно-территориального деления, а именно штаты, провинции и районы. На уровне штатов не было обнаружено ни одного статистически значимого кластера или отклонения ни для индивидуальной, ни для групповой логики возврата. На уровне провинций (18 единиц) выделен единственный отклоняющийся случай в лице Северо-Западной провинции Сомалиленда, демонстрирующей более высокую миграционную интенсивность на фоне соседних провинций, однако демонстрируя уровень значимости лишь на уровне $p < 0,1$ ($p = 0,063$), что не достигает высокого порога значимости. Таким образом, локальные показатели пространственной ассоциации проявляют статистическую значимость ($p < 0,05$) только на районном уровне. Именно здесь пространственная структура потоков приобретает устойчивый кластерный характер, что отображено на рис. 3.

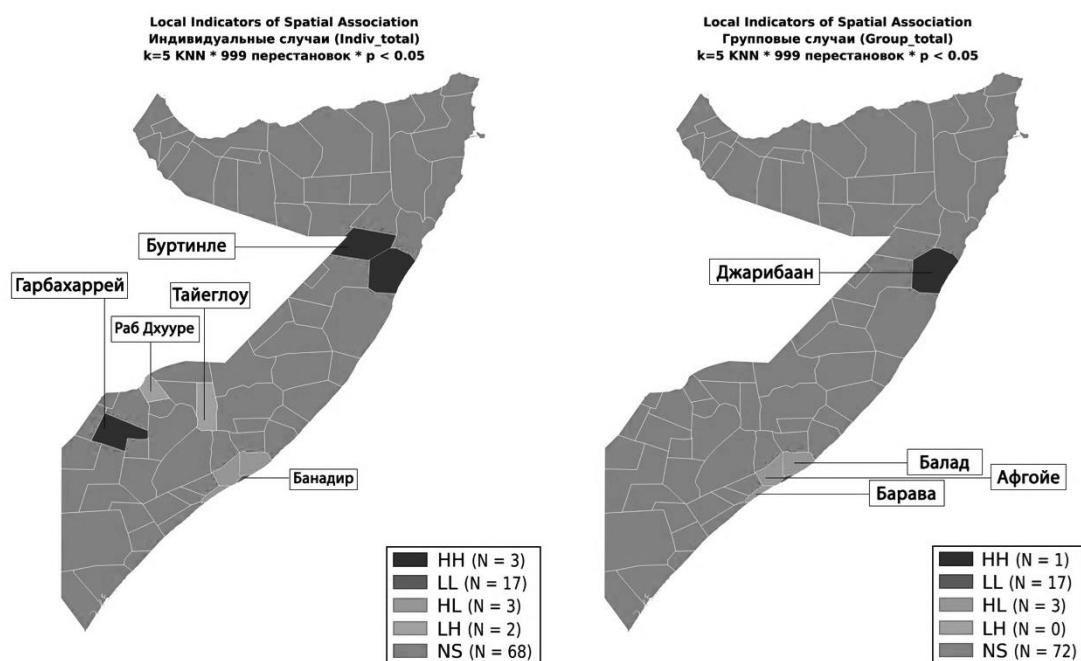

Рис. 3. Карта кластеров *LISA* (Local Indicators of Spatial Association) по районам Сомали, 2015–2024 гг.

(составлено автором при помощи языка программирования Python на основе данных DTM Somalia) / Fig. 3. *LISA* (Local Indicators of Spatial Association) cluster map for Somali districts, 2015–2024 (compiled by the author using the Python programming language based on DTM Somalia data).

Анализ на уровне районов позволил выделить несколько содержательно значимых кластеров и паттернов. Во-первых, выявлены локальные кластеры типа *high-high* в северо-восточной части страны. В логике индивидуального возврата районы Буртинле и Джарибаан образуют зону взаимно высоких значений, значимую для обоих типов потоков. Оба района оснащены лагерной инфраструктурой и располагают крупными городскими центрами, что создает самоподдерживающийся аттрактор и согласуется с устойчивым присутствием Босасо и Кардо в топ-10 реципиентов на протяжении трех из четырех периодов. Помимо этого, тип *high-high* для индивидуальной миграции выявлен в районе Гарбахаррей. Для групповой логики единственным подобным районом является Джарибаан.

Во-вторых, выявлен обширный кластер типа *low-low* в провинции Банадир, представленный 17 районами с нулевыми или минимальными значениями, окруженными столь же «пустыми» соседями.

Кластер устойчив для обоих типов потоков, что указывает на его структурный характер, обусловленный комбинацией хронической нестабильности безопасности и системных пробелов в охвате программами возврата. На его границе расположены три *high-low* выброса в лице Балад, Афгойе и Барава, т.е. районов с высокими значениями на фоне структурно низкого окружения. Все три оснащены лагерной инфраструктурой и резко появляются в топ-10 реципиентов начиная с 2023 г. без какой-либо предшествующей динамики, что можно обозначить как проявление целенаправленного расширения программной географии МОМ и УВКБ ООН (IOM, 2025; UNHCR, 2025).

В-третьих, исключительно в рамках индивидуальной миграции выделяются два выброса типа *low-high*, а именно Тайеглоу и Раб Дхууре (оба провинция Бай, $p = 0,007$ и $p = 0,040$ соответственно), демонстрирующие нулевые значения при соседствующем районе Худур с индивидуальными возвращениями на уровне 30 тысяч человек. Объяснение подобного паттерна можно искать в клановой структуре страны, в частности в доминировании клана раханвейн в данных районах, традиционно обособленного в сомалийской социальной иерархии (Mohamed Mohamud, 2020). Представленное демонстрирует наличие локальных барьеров, блокирующих самостоятельное возвращение даже в условиях высокой миграционной активности соседнего района и не улавливаемых ни одной из формальных переменных модели. Примечательно, что в групповой логике этот *low-high* паттерн полностью отсутствует, т.е. организованные программы в данный ареал попросту не проникают.

В итоге применение метода *LISA* позволяет зафиксировать принципиальное структурное расхождение двух типов потоков. Для индивидуальной миграции характерны три *hh*-кластера и два *lh*-выброса, что образует более диффузный, клановосетевой паттерн. Для групповой миграции *hh*-кластер сжимается до одного района, *lh*-вылет исчезает, однако *hl*-структура Шабелле полностью воспроизводится. Подобное означает, что организованные программы не сглаживают пространственные диспропорции, а воспроизводят и усиливают уже существующие, фактически институционализируя сложившуюся пространственную иерархию реципиентов.

Переходя к факторам, мы переходим к использованию регрессионного анализа, в частности метода отрицательной биномиальной регрессии с нулевой инфляцией (*ZINB*), который разграничивает два процесса. *Zero*-компонента оценивает вероятность того, что район структурно недоступен для возврата, тогда как *count*-компонента описывает объем потока в доступных районах. Важным для этого метода является параметр сверхдисперсии², который равняется $\alpha = 1,371$ для групповой логики возвращения, а для индивидуальной $\alpha = 1,275$, тем самым подтверждая обоснованность выбора *ZINB*-метода перед пуассоновской регрессией.

Применение метода на эмпирической базе исследования и его графическое отображение представлены на рис. 4.

Рассмотрим *count*-компоненту для групповой логики возврата (см. рис. 4, верхний левый график). Переменная, отвечающая за дихотомию «городской –сельский характер района» (*urban*), демонстрирует инцидентное отношение рисков³ (*IRR*), равна показателю 4,37 (при показателе $p < 0,001$). Иными словами, районы с крупным населенным пунктом принимают в 4,4 раза больше организованных возвращенцев, чем районы преимущественно сельского характера при прочих равных условиях. Переменная, отвечающая за наличие инфраструктурных возможностей в районе (*refugee_camp*), также обладает статистической значимостью ($p = 0,051$) при $IRR = 2,14$, т.е. наличие лагерной инфраструктуры удваивает ожидаемый объем группового потока. В свою очередь, это подтверждает предположение о связи организованного возврата с готовностью принимающей среды.

Переменные, связанные с пространственным положением района (*coastal* и *border*), не продемонстрировали статистической значимости. Устойчивым результатом выступает отрицательный эффект Сомалиленда ($IRR = 0,067$, $p < 0,001$), где при сопоставимых характеристиках расположение района в Сомалиленде снижает ожидаемый объем групповых потоков в 15 раз относительно базовой категории Джубаленда.

² В случае если показатель $\alpha = 0$, это означает, что данные соответствуют пуассоновскому распределению и сверхдисперсия отсутствует. В случае если $\alpha > 0$, это демонстрирует наличие сверхдисперсии и обосновывает применение *ZINB*-метода.

³ Коэффициент *count*-компоненты модели *ZINB*, показывающий, во сколько раз изменяется ожидаемый объем потока при изменении предиктора на одну единицу при прочих равных условиях. Значение $IRR = 1$ означает отсутствие эффекта, $IRR > 1$ – положительную связь, $IRR < 1$ – отрицательную.

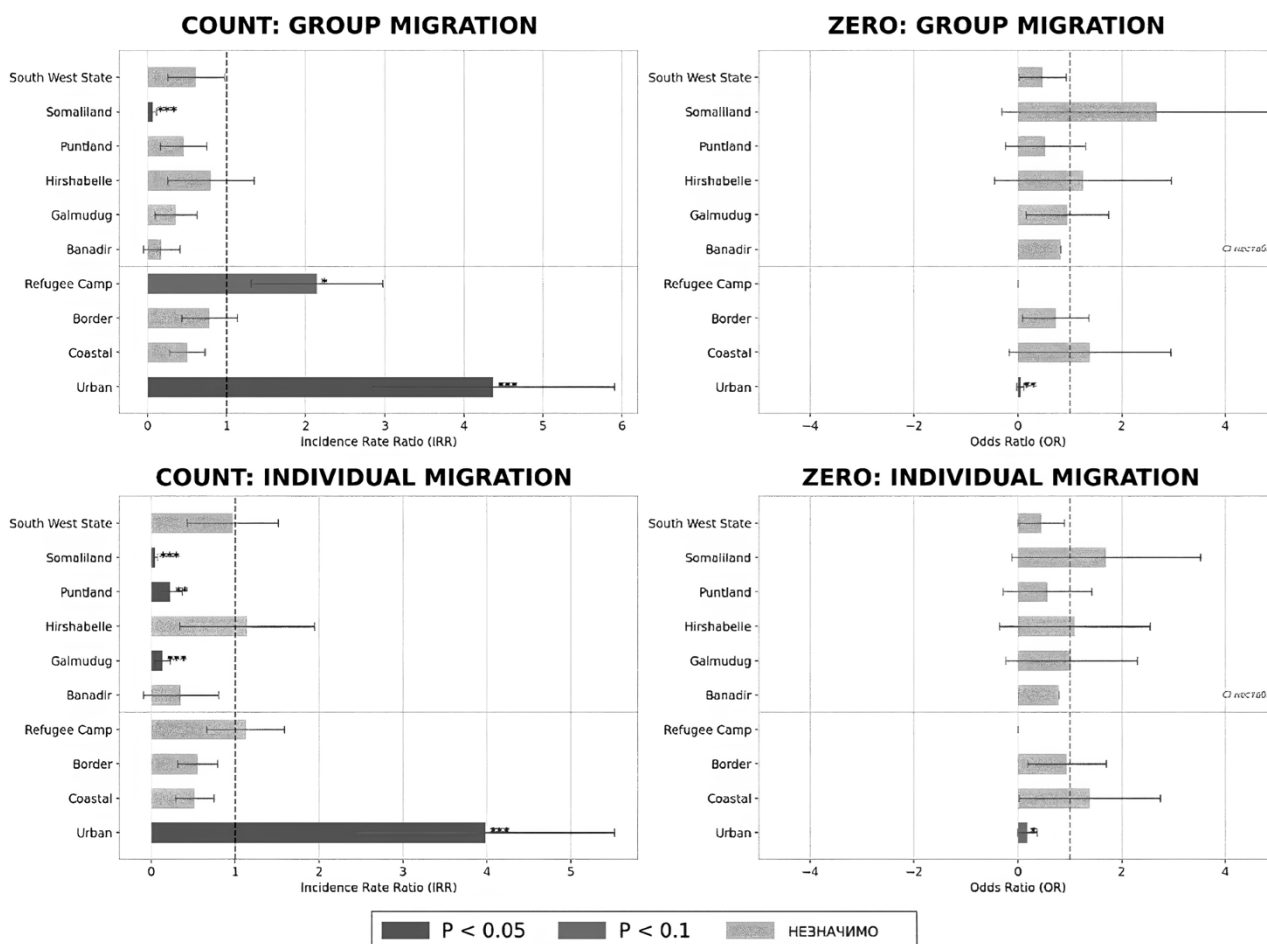

Рис. 4. Результаты регрессионного анализа (ZINB) факторов возвратной миграции в Федеративную Республику Сомали, 2015–2024 гг.

(составлено автором при помощи языка программирования Python; базовая категория: Джубаленд; count-компонента отражает инцидентное отношение рисков (IRR), zero-компонента – отношение шансов (OR); ось zero-панелей обрезана для читаемости; доверительный интервал Бандира нестабилен ввиду эффекта идеального разделения) / Fig. 4. Results of Zero-Inflated Negative Binomial (ZINB) regression analysis of return migration factors in the Federal Republic of Somalia, 2015–2024 (compiled by the author using Python; reference category: Jubaland; the count component presents incidence rate ratios (IRR), while the zero component presents odds ratios (OR); the axes of the zero panels are truncated for readability; Bandira confidence intervals are unstable due to perfect separation)

Zero-компонента групповой модели (см. рис. 4, верхний правый график) описывает отношение шансов того, что район является структурным нулем, т.е. территорией, куда организованный возврат в принципе невозможен. Вновь обращаясь к переменной *urban*, мы видим, что она демонстрирует существенное снижение этой вероятности ($OR = 0,046$, $p = 0,027$), т.е. лишь в 4,6 % случаев городские районы могут быть структурно закрыты для групповой миграции. Инфраструктурная переменная (*refugee_camp*) демонстрирует эффект идеального разделения, т.е. районы с лагерьной инфраструктурой полностью предсказывают ненулевое значение, вследствие чего стандартные ошибки для данной переменной нестабильны. Аналогичная ситуация наблюдается с переменной Банадир. Остальные переменные статистической значимости не достигают.

Применим аналогичную логику к индивидуальной возвратной миграции (см. рис. 4, нижний левый и правый графики). В count-компоненте сохраняется сопоставимый эффект переменной (*urban* – $IRR = 3,98$, $p < 0,001$), однако инфраструктурная переменная (*refugee_camp*) утрачивает статистическую значимость. Территориальные переменные (*coastal* и *border*) вновь не достигают значимости. В части измерения штатов при самостоятельном возвращении принадлежность района к Сомалиленду снижает ожидаемый поток уже в 20 раз ($IRR = 0,049$, $p < 0,001$), а Гальмудуг ($IRR = 0,134$, $p = 0,006$) и Пунтленд ($IRR = 0,230$, $p = 0,015$) также демонстрируют значимые отрицательные эффекты.

В *zero*-компоненте индивидуальном ракурсе, переменная (*urban*) аналогично снижает вероятность структурной недоступности района ($OR = 0,051$, $p = 0,033$), воспроизводя логику групповой модели. Эффект Банадира при этом менее выражен ввиду ненулевых, хотя и скромных индивидуальных потоков в столичный регион.

Если переходить к сопоставлению двух логик, то можно зафиксировать принципиальное структурное различие детерминант двух типов возврата. Групповая миграция обусловлена одновременно урбанистической и инфраструктурной переменными, что отражает двойную логику организованных программ, тяготеющих к районам с развитой городской средой и гуманитарной инфраструктурой. Индивидуальная миграция зависит исключительно от урбанизационного аспекта, воспроизводя рациональную пространственно-экономическую логику самостоятельного решения о возвращении вне зависимости от наличия программной инфраструктуры. Представленное различие непосредственно соответствует разграничению между «готовностью принимающей среды» в концепции Кассарино и «возвратом к успеху» в типологии Кинга, подтверждая объяснительный потенциал синтетической теоретической рамки применительно к сомалийскому случаю.

Заключение

Возвратная миграция в Сомали как в логике индивидуального, так и группового возвращения характеризуется устойчивой ориентацией на южные и центральные районы страны, что сопровождается нарастающей территориальной концентрацией, фиксируемой на протяжении всего периода исследования.

Ключевыми предикторами объема потоков выступают урбанистический статус района и наличие гуманитарной инфраструктуры, тогда как пространственно-географические факторы являются статистически незначимы. Стоит отметить, что принадлежность к Сомалиленду является устойчивым отрицательным предиктором для обоих типов потоков. Подобное объясняется тем, что де-факто государство Сомалиленд, не признанное международным сообществом, остается вне программной географии МОМ и УВКБ ООН. Таким образом, отрицательный эффект Сомалиленда отражает не отсутствие миграционной привлекательности региона, а его институциональную обособленность от международного режима организованного возврата (Owigo, Yusuf, 2020).

Важно подчеркнуть, что применение метода локальных показателей пространственной ассоциации позволило верифицировать эти закономерности статистически, выявив устойчивый северо-восточный кластер типа *high-high*, обширную зону структурного исключения типа *low-low* в Нижней Шабелле, а также точечные выбросы на ее границах.

Возвратные потоки действительно концентрируются в экономически и инфраструктурно развитых районах, а пространственное распределение устойчиво тяготеет к югу страны при фактическом отсутствии потоков в Сомалиленде. *ZINB*-метод продемонстрировал, что наличие гуманитарной инфраструктуры значимо для групповой, но не для индивидуальной миграции. В условиях постконфликтного государства инфраструктурные и урбанистические факторы нивелируют пространственные преимущества административно-территориальных единиц.

Полученные результаты обладают рядом импликаций. Во-первых, пространственная асимметрия возвратных потоков в дихотомии «север – юг» отражает не географическую, а политико-институциональную фрагментацию Сомали, при которой международный режим возврата фактически воспроизводит границы признанного государства, оставляя де-факто государство Сомалиленд за пределами своей операционной географии. Во-вторых, концентрация организованных программ в районах с уже существующей гуманитарной инфраструктурой свидетельствует о том, что международные акторы не выравнивают, а закрепляют сложившуюся политическую географию постконфликтного государства, что согласуется с критикой программ содействия возвращению как инструмента, в большей степени отвечающего интересам стран отправления, нежели стратегиям восстановления принимающего общества (Mohamed Mohamud, 2020). В-третьих, выявленное расхождение между логикой организованного и индивидуального возврата указывает на различные политические агентности: организованный возврат – это практика государства и международных организаций, тогда как индивидуальный – практика, опосредованная клановыми и неформальными политическими структурами, остающимися ключевым элементом сомалийского политического порядка.

Список литературы / References

- Горохов, С. А., Агафшин, М. М. и Дмитриев, Р. В. (2020) 'Сомалийцы в Швеции: региональное измерение', *Современная Европа*, 7(100), сс. 132–143. DOI: 10.15211/soveurope72020150161. [Gorokhov, S. A., Agafoshin, M. M. and Dmitriev, R. V. (2020) 'Somalians in Sweden: regional dimension', *Sovremennaya Evropa*, 7(100), pp. 132–143. DOI: 10.15211/soveurope72020150161. (In Russ.)].
- Горохов, С. А., Агафшин, М. М. и Дмитриев, Р. В. (2023) 'Миграционный кризис в регионе Восточной Африки', *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, 1, сс. 50–62. DOI: 10.31857/S086919080023788-3. [Gorokhov, S.A., Agafoshin, M.M. and Dmitriev, R.V. (2023) 'Migration crisis in the East Africa region', *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 1, pp. 50–62. DOI: 10.31857/S086919080023788-3. (In Russ.)].
- Arowolo, O.O. (2000) 'Return migration and the problem of reintegration', *International Migration*, 38(5), pp. 59–82. DOI: 10.1111/1468-2435.00128.
- Brand, L. A. (2006) *Citizens Abroad: Emigration and the State in the Middle East and North Africa*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511491498.
- Cassarino, J.-P. (2004) 'Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited', *International Journal on Multicultural Societies*, 6(2), pp. 253–279.
- Degu, W.A. (2007) *The state, the crisis of state institutions and refugee migration in the Horn of Africa: The cases of Ethiopia, Sudan and Somalia*. Trenton, NJ: Red Sea Press.
- Galipo, A. (2018) *Return Migration and Nation Building in Africa: Reframing the Somali Diaspora*. London/New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780429491184.
- IOM (International Organization for Migration) (2025) *A Region on the Move 2023–2024: East, Horn and Southern Africa*. Nairobi: IOM. Available at: https://dtm.iom.int/sites/g/files/tmzbd11461/files/reports/iom_nairobi_aregiononthemove2024_print_smaller.pdf (Accessed: 7 March 2026).
- IOM DTM (International Organization for Migration, Displacement Tracking Matrix) (2024) *Somalia Baseline Assessment Report — Round 3 (February 2024 – September 2024)*. Geneva: IOM. Available at: <https://dtm.iom.int/reports/somalia-baseline-assessment-report-round-3-february-2024-september-2024> (Accessed: 7 March 2026).
- King, R. (ed.) (1986) *Return Migration and Regional Economic Problems*. London: Croom Helm.
- Koinova, M. (2018) 'Diaspora mobilisation for conflict and post-conflict reconstruction: contextual and comparative dimensions', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44(8), pp. 1251–1269. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1354152.
- Lang, T. (eds.) (2013) *Return Migration in Central Europe: Current trends and an analysis of policies supporting returning migrants*. Forum IfL, 21. Leipzig: Leibniz-Institut für Länderkunde. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-359664> (Accessed: 4 March 2026).
- Macdonald, A. and Porter, H. (2021) 'The politics of return: understanding trajectories of displacement and the complex dynamics of "return" in Central and East Africa', *Journal of Refugee Studies*, 33(4), pp. 639–656. DOI: 10.1093/jrs/feaa092.
- Mann, M. (1984) 'The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results', *European Journal of Sociology*, 25(2), pp. 185–213. DOI: 10.1017/S0003975600004239.
- Menkhaus, K. (2014) 'State failure, state-building, and prospects for a "functional failed state" in Somalia', *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 656(1), pp. 154–172. DOI: 10.1177/0002716214547002
- Mohamed Mohamud, A. S. (2020) 'Forced Migration and Forced Return to Somalia: A Critical Review of the Literature', *Bildhaan: An International Journal of Somali Studies*, 20(1). Available at: <https://digitalcommons.maclester.edu/bildhaan/vol20/iss1/12> (Accessed: 3 March 2026).
- Newhouse, L. S. (2012) *South Sudan Oyee! A political economy of refugee return migration to Chukudum, South Sudan*. PhD thesis.

- Seattle, WA: University of Washington.
DOI: 10.6084/m9.figshare.13271572.v1.
- Nilsson, D. (2000) *Internally displaced, refugees and returnees from and in the Sudan: a review*. Studies on Emergencies and Disaster Relief, No. 8. Uppsala/Copenhagen: Nordiska Afrikainstitutet.
- Owigo, J. (2022) 'Returnees and the Dilemmas of (Un)sustainable Return and Reintegration in Somalia', *African Human Mobility Review*, 8(2), pp. 122–138. DOI: 10.14426/ahmr.v8i2.1132.
- Owigo, J. and Yusuf, O. (2020) *Return and (re)Integration in Fragile Contexts: The Experiences of Somali Returnees*. Policy Briefing: Climate Change and Migration, May 2020. Available at: https://africaportal.org/wp-content/uploads/2023/05/Owigo_and_Yusuf_-_Final-3.pdf (Accessed: 28 February 2026).
- Tjaden, J., Liebe, U. and Bruscoli, D. (2025) 'Explaining re-migration preferences among assisted returnees: evidence from Discrete Choice Experiments in Sudan, Somalia, and Ethiopia', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, published online ahead of print. DOI: 10.1080/1369183X.2025.2505708.
- UNHCR (United Nations High Commissioner for Refugees) (2025) *Global Trends Report 2024*. Geneva: UNHCR, June 2025. Available at: <https://www.unhcr.org/sites/default/files/2025-06/global-trends-report-2024.pdf> (Accessed: 7 March 2026).
- Weldemariam, L.F., Ayanlade, A., Borderon, M. and Möslinger, K. (2023) 'Dynamics and factors influencing return migration to Sub-Saharan Africa: A systematic review', *Heliyon*, 9(8), pp. e18791. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e18791.
- White, A. (2022) 'Return migration experiences: the case of Central and Eastern Europe' in: King, R. and Kuschminder, K. (eds.) *Handbook of Return Migration*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, p. 299–313. Available at: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10144580/> (Accessed: 7 March 2026).

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 14.04.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Оборин Глеб Романович, младший научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований.

E-mail: gleboborin09@gmail.com (ORCID: [0009-0003-1992-3999](https://orcid.org/0009-0003-1992-3999)).

Information about author

Gleb R. Oborin, Junior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies.

E-mail: gleboborin09@gmail.com (ORCID: [0009-0003-1992-3999](https://orcid.org/0009-0003-1992-3999)).

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-143-157

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАЛИБРОВКА «ЗЕЛЕНОГО КУРСА» ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ ПРИНЯТИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТОГО КУРСА ПРОМЫШЛЕННОСТИ»

Е. А. Скворцова

Скворцова Екатерина Андреевна,
НИУ Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация.

Аннотация

Спустя несколько лет после публикации «Зеленого курса», в 2025 г. Европейская комиссия представила новую конфигурацию развития «зеленой» политики в ЕС – «Экологически чистый курс промышленности». На первый взгляд документ от 2025 г. имеет имплементационный характер и относится к «совместной дорожной карте», что содержится в названии документа. Однако статус и значение «Экологически чистого курса промышленности» и «Зеленого курса» во многом идентичны. Оба документа являются сообщениями Европейской комиссии, семантически содержат отсылку к стратегическому курсу, а также были опубликованы в первые месяцы начала председательства У. фон дер Ляйен в декабре 2019 г. и в феврале 2025 г. соответственно. «Экологически чистый курс промышленности» спровоцировал дискуссию о том, насколько актуальным остается «Зеленый курс» или же промышленное производство стало альтернативной и заменяющей моделью. Цель статьи – определить характер трансформации в политике европейского «Зеленого курса» через призму политических изменений с применением понятия политической калибровки. Рассматриваются предпосылки для политической калибровки и типы ее проявления. Теоретико-методологически данное исследование основывается на корпусе научной литературы о политическом процессе и политических изменениях. Методологической основой выступает критический дискурс-анализ. Эмпирический материал представлен выступлениями представителей ЕС и документами ЕС от 2025 г. В результате были выявлены три типа политической калибровки «Зеленого курса» в ЕС: от «зеленого» к «чистому»; от модели к промышленному мастер-плану, от международного сотрудничества к международному соперничеству. Первый тип калибровки обусловлен необходимостью нивелирования политической неудачи «зеленых» концептов и расширения возможных инструментов. Второй тип демонстрирует потребность в конкретных действиях с ролью наднациональных институтов в качестве катализаторов изменений. Третий тип иллюстрирует переосмысление геополитической обстановки, движение к международному соперничеству в сфере двойного перехода. Выявленные типы политической калибровки подтверждают тезис о том, что «Экологически чистый курс промышленности» является частью «Зеленого курса» и его политической калибровкой.

Ключевые слова: Европейский союз; «Зеленый курс»; климатическая политика; промышленная политика; критический дискурс-анализ; политическая калибровка

Для цитирования: Скворцова, Е. А. (2026) 'Политическая калибровка «Зеленого курса» Европейского союза в контексте принятия «Экологически чистого курса промышленности»', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 143-157. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-143-157

POLICY CALIBRATION OF THE EUROPEAN GREEN DEAL IN THE CONTEXT OF THE ADOPTION OF CLEAN INDUSTRIAL DEAL

E. A. Skvortsova

Ekaterina A. Skvortsova,
HSE University, Moscow, Russian Federation,

Abstract

A few years after the publication of the European Green Deal, the European Commission has presented a new development of "green" policy in the EU – the Clean Industrial Deal. At first glance, the strategic document of 2025 has an implementation character and relates to the «joint roadmap», as indicated in its title. However, the status and significance of the «Clean Industrial Deal» and the «Green Deal» are identical. Both documents are Communications from the European Commission, semantically referring to a strategic «Deal», and were published in the first months of the Presidency of Ursula Von der Leyen — in December 2019 and February 2025, respectively. This spurred debate on whether the Green Deal remains relevant, or the industrial production has become an alternative model. The objective of this article is to determine the nature of transformation of the European Green Deal through the lens of political change, applying the concept of policy calibration. Both the prerequisites for political calibration and specific instances of its use are examined. Theoretically and methodologically, this research is grounded in the corpus of scholarly literature on political processes and political change. This research is underpinned by critical discourse analysis as a methodological framework. The empirical data consists of the EU documents, speeches and statements by the EU representatives starting from 2025. As a result, three types of policy calibrations were identified: from "green" to "clean"; from model to business case; from international cooperation to international competition. The essence of the policy calibration of the first type is driven by the necessity to mitigate the political failures of green concepts and expand available policy instruments. The second type demonstrates the need for concrete actions with supranational institutions serving as catalysts for change. The third type illustrates a rethinking of the geopolitical surroundings, which led towards international competition in the field of twin transition. The identified cases confirm the hypothesis that the «Clean Industrial Deal» serves as a policy calibration and remains part of the European Green Deal.

Keywords: European Union; Green Deal; climate policy; industrial policy; critical discourse analysis; policy calibration

For citation: Skvortsova, E. A. (2026) 'Policy calibration of the European green deal in the context of the adoption of clean industrial deal', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 143-157. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-143-157

Введение

В 2019 г. Европейский союз заявил о масштабной цели – достичь углеродной нейтральности к 2050 г. В качестве контрольного среза сформулированы известные ныне ориентиры – сократить выбросы углерода как минимум на 50 % к 2030 г., стремясь к достижению показателя в 55 % по сравнению с уровнем выбросов в 1990 г.¹ Однако в 2024 г. председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен заявила о том, что «Европа одновременно декарбонизируется и индустриализируется»², тем самым поместив на одну плоскость охрану окружающей среды и производство. Такая дихотомия послужила логическим переходом между первым и вторым сроками пребывания на должности председателя Европейской комиссии, так как спустя 100 дней работы нового состава еврокомиссаров, в феврале 2025 г. была опубликована новая конфигурация развития «зеленой» экономики в ЕС, а именно «Экологически чистый курс промышленности»³.

Иерархия «Экологически чистого курса промышленности» и «Зеленого курса» как стратегий ЕС не определена. С одной стороны, «Экологически чистый курс промышленности» может рассматриваться как документ имплементационного характера и «совместная дорожная карта»⁴. С другой стороны, оба документа являются сообщениями Европейской комиссии и семантически содержат отсылку к стратегическому курсу. К тому же документы были опубликованы в первые месяцы председательства Европейской комиссии как рамочная политика председателя и состава коллегии комиссаров в декабре

¹ Communication from the Commission. The European Green Deal (2019) [online], *European Commission*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN> (accessed: 1.03.2026).

² Statement at the European Parliament Plenary by President Ursula von der Leyen, candidate for a second mandate 2024–2029 (2024) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_24_3871 (accessed: 1.03.2026).

³ The Clean Industrial Deal: A joint roadmap for competitiveness and decarbonization (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/document/download/9db1c5c8-9e82-467b-ab6a-905feeb4b6b0_en?filename=Communication%20-%20Clean%20Industrial%20Deal_en.pdf (accessed: 1.03.2026).

⁴ Ibid.

2019 г. и в феврале 2025 г. соответственно. Факт принятия новой стратегии, а также обновление коллегии комиссаров ЕС, смещение приоритетов в сторону промышленной политики и геополитическая нестабильность спровоцировали поляризацию мнений среди экспертного сообщества. Утверждается, что в настоящее время приоритетами в ЕС становятся конкурентоспособность, стабильность и оборона, в отличие от предыдущей ориентации на масштабные климатические цели⁵. Цели в области повышения конкурентоспособности, поддержания стабильности и повышения обороноспособности в Евросоюзе намерены достичь посредством реиндустриализации. О характере подобных внутривластных дискуссий в ЕС сообщает эксперт по вопросам изменения климата Л. Тюбана. Она отмечает распространяющиеся в европейских кругах рассуждения о приоритете промышленного производства, выражает обеспокоенность о смене курса и заявляет, что «уменьшать климатические амбиции будет большой ошибкой»⁶. В данной коннотации «Экологически чистый курс промышленности», несмотря на наличие приоритета по декарбонизации, рассматривается экспертами как отход от «Зеленого курса» и приоритет промышленного производства.

Другое направление экспертной мысли рассматривает ориентацию на промышленное развитие как возможность использовать сугубо «климатический проект» в качестве устойчивой экономической модели⁷. «Экологически чистый курс промышленности» в альтернативной коннотации обозначает органичное продолжение «Зеленого курса», которое создает новые возможности для экономической устойчивости ЕС. Исследователи отмечают, что климатическое лидерство ЕС было более актуальным раньше, а сейчас в ЕС приоритетом является создание устойчивой экономической модели, основанной на возрождении промышленного производства⁸. Для реализации этого приоритета потребуются скорейшая имплементации стратегии по чистому промышленному производству⁹. Исследователи называют чистое промышленное производство «следующей фазой чистого перехода в ЕС» (Ringel, Thompson, 2025), однако характер взаимоотношений между промышленным производством и климатическими целями остается *амбивалентным*. Это, в частности, подтверждается двойственностью суждений одних и тех же экспертов европейской интеграции о взаимосвязи «Зеленого курса» и «Экологически чистого курса промышленности», а также об их значении, приоритетности и фокусе. Дискуссионным остается вопрос о том, какая взаимосвязь существует между новым этапом чистого перехода и комплексной инициативой «Зеленый курс»? Особенно сейчас, когда всеобъемлющая модель «Зеленого курса» среди исследователей-европеистов порождает вопросы о его потенциале и будущем развитии (Dupont, Moore et al., 2024). Фокус многочисленных политик размывается, забота об окружающей среде в контексте геополитической нестабильности теряет свою привлекательность и эффективность. Одновременно с этим наблюдаются изменения, которые заключаются в стимулировании развития чистого производства.

В результате возникает вопрос: *является ли чистая промышленность альтернативной и заменяющей «Зеленый курс» моделью, препятствием и отходом от «Зеленого курса» или, напротив, неотделимой частью «Зеленого курса»?* Несмотря на обширный пул научных работ, наблюдаемые процессы в контексте новых эмпирических данных остаются недостаточно исследованными. Цель данной статьи – определить особенности и характер трансформации «Зеленого курса», обусловленные публикацией документа «Экологически чистый курс промышленности» и последующими дискуссиями в ЕС.

Теоретическую рамку составили работы о парадигме, уровне и характере политических изменений (Kuhn, 1962; Hall, 1993; Романова, 2017: 35). Исследование основывается на критическом дискурс-анализе с элементами контент-анализа и институционального анализа для иллюстрации властных отношений и их трансформации под воздействием политического дискурса. Корпус эмпирических источников для проведения исследования представлен речами и заявлениями с официального портала Европейской комиссии (*ec.europa.eu*), а также официальными документами (*eur-lex.eu*) по чистому промышленному производству. Ключевой темой, на основе которой отбирались материалы, является «Экологически чистый курс промышленности» («*Clean Industrial Deal*»). В нашем исследовании мы сконцентрировались на речах и выступлениях европейских комиссаров. Это позволило рассмотреть позицию ЕС по «Зеленому курсу», декарбонизации, чистому промышленному производству, а также международным связям в рамках данной тематики.

⁵ What European Security Requires (2025) [online], *Project Syndicate*. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/european-security-requires-renewables-clean-industrial-base-by-laurence-tubiana-2025-02> (accessed: 1.03.2026).

⁶ Ibid.

⁷ The EU Needs a Strong Clean Industrial Deal (2024) [online], *Project Syndicate*. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/eu-needs-strong-clean-industrial-deal-reach-carbon-neutrality-by-jean-pisani-ferry-et-al-2024-11> (accessed: 1.03.2026).

⁸ Ibid.

⁹ Europe's Clean Industrial Deal: four priorities to fulfil its promise (2025) [online], *Bruegel*. Available at: <https://www.bruegel.org/first-glance/europes-clean-industrial-deal-four-priorities-fulfil-its-promise> (accessed: 1.03.2026).

Политические изменения: уровень, порядок, калибровка

Концептуализация политических изменений неразрывно связана с дискуссией о *парадигме*, характере данного процесса и возможностях для ее реализации. Под изменением парадигмы подразумеваются радикальные политические изменения или высшая точка изменений, которые трансформируют структуру (Kuhn, 1962: 175). Они могут протекать на тематическом уровне (Романова, 2017: 35) и их можно представить в виде трех порядков (Hall, 1993: 278). Совокупность компонентов политики представляется, согласно таксономии известного ученого и профессора политических наук Гарвардского университета П. Холла, как параметры инструментов политики, инструменты политики, иерархия целей в той или иной политике (Hall, 1993).

Изменения *первого порядка*, согласно категоризации П. Холла, – это изменения в параметрах инструментов той или иной политики (Hall, 1993, 278). Следующий этап изменений – изменения *второго порядка*, когда трансформируются не только параметры инструментов, но и сами инструменты (Ibid.). В данной конфигурации основные цели также остаются прежними. Наконец, под изменениями *третьего порядка* П. Холл подразумевает радикальный сдвиг и одновременные трансформации во всех трех компонентах (Ibid.).

При операционализации понятий мы получаем следующую концептуальную рамку: протекающие изменения рассматриваются на тематическом уровне, в нашем случае тематической основой выступает «Зеленый курс». Внутри тематического уровня действует совокупность политик. Политика состоит из трех уровней: цели, инструменты для достижения цели и настройка инструментов для эффективного достижения цели (Hall, 1993). Существенное ограничение рассмотрения проблематики в плоскости трех компонентов по П. Холлу (Ibid.: 278) состоит в том, что такая трехкомпонентная матрица позволяет описать макро модель существующей парадигмы, однако не позволяет анализировать микро динамику, изменения в контексте существующей парадигмы. К тому же изменения первого порядка не находят у П. Холла такого же внимания, как изменения второго и третьего порядков, по причине того что установка параметров, характерных для изменений первого порядка, относится к «административному процессу», т.е. является рутинным действием (Ibid.: 280). В данном контексте необходимо включение в рассматриваемую систему координат понятия «политическая калибровка».

Политическая калибровка – производный концепт, базирующийся на теоретических подходах к трансформациям в политике. Калибровка, во-первых, регулирует силу политического вмешательства, во-вторых, перераспределяет ресурсы для наилучшего достижения цели (Vesely, 2024). В процессе политической калибровки акторы конкретизируют их ожидания и обсуждают параметры политики (Ibid.). Таким образом, политическая калибровка не является сугубо техническим процессом, она выходит за рамки административного или рутинного процесса. Это процесс корректировки заданного курса для выполнения целей, которые не удалось реализовать при предыдущей настройке инструментов.

Для изучения проявлений политической калибровки и идентификации приверженности существующей парадигме применяется критический дискурс-анализ. Это позволяет сконцентрироваться на дискурсивных конструкциях. Делается допущение о том, что язык является проявлением властных отношений. От того, как акторы формулируют свои предпочтения дискурсивно, зависит и направление политического процесса (Wodak, Meyer, 2015: 6). Критическое изучение дискурса подразумевает, что языковые конструкции и заявления являются формой социальной практики (Ibid.). Посредством изучения дискурса мы можем определять намерения акторов и происходящие социально-политические процессы. Дискурс в обозначенном понимании связан не только с манифестацией социальных действий, которые определяются социальными структурами, но и с тем, что та или иная формулировка может как укреплять и усиливать систему, так и, наоборот, разрушать ее (Ibid.: 11). Кроме того, критический дискурс-анализ допускает измерение как количественных, так и качественных показателей в дискурсе. В исследовании применяется сочетание критического дискурс-анализа с элементами контент-анализа и институционального анализа.

Эмпирической основой являются речи и заявления представителей наднациональных институтов ЕС, а также официальные документы ЕС. Предварительно на небольшом количестве данных было определено, что после публикации «Экологически чистого курса промышленности» еврокомиссары стали презентовать все последующие политические изменения, меры и инициативы по декарбонизации посредством отсылки к данному документу. Поэтому источники отбирались по ключевой фразе «Экологически чистый курс промышленности» («*Clean Industrial Deal*») с официального портала Европейской комиссии (ec.europa.eu). Предварительно было идентифицировано три типа изменений, которые в дальнейшем подверглись эмпирической проверке на большем количестве данных. Хронологические

рамки исследования – с 26 февраля 2025 г. по 4 марта 2026 г. Выбранный хронологический отрезок обусловлен публикацией документа «Экологически чистый курс промышленности» и принятием «Акта об ускорении промышленного производства», который в ЕС был представлен как «важный шаг обновления европейской экономической доктрины»¹⁰.

В результате были проанализированы 40 источников (из них речи – 34, документы – 6). Основной эмпирический материал представлен в форме речей и обращений еврокомиссаров. По отсылке к «Экологически чистому курсу промышленности» на официальном портале Еврокомиссии (ec.europa.eu) были идентифицированы материалы и проведена обработка источников. Исключались источники, которые полностью дублировали друг друга или не соответствовали теме (например, двусторонние отношения ЕС). В результате в исследовании были использованы речи и заявления еврокомиссаров (34). Сводная информация по речам и заявлениям еврокомиссаров представлена в таблице, данные распределены по кварталам с 26 февраля 2025 г. по 1 марта 2026 г.

**Используемые в исследовании речи и заявления Еврокомиссаров /
Speeches and statements by European Commissioners used in the study**

Комиссары ЕС	26.02– 31.03. 2025	1.04–30.06. 2025	1.07–30.09. 2025	1.10–31.12. 2025	1.01– 1.03.2026	Итого
У. фон дер Ляйен	3	1	1	–	1	6
Т. Рибера	1	1	1	–	–	3
С. Сежурне	1	2	–	2	1	6
Й. Россваль	2	2	–	2	–	6
В. Хукстра	2	3	1	1	1	8
В. Домбровскис	1	–	–	1	–	2
Д. Йоргенсен	–	1	–	–	–	1
Й. Сикела	–	1	–	–	–	1
А. Цицикостас	–	1	–	–	–	1
						34

Источник: составлено автором

Документы представлены такими источниками, как «Экологически чистый курс промышленности», «План действий по доступной энергетике от 2025», «Индикативная программа по ядерной энергетике», «Акт об ускорении промышленного производства», «Выполняя Зеленый курс – прогресс по достижению целей». Сделаем несколько оговорок. Фокусом исследования является период с 26 февраля 2025 г. по 4 марта 2026 г., однако для иллюстрации предпосылок с целью калибровки мы периодически будем обращаться к документам и речам, выходящим за хронологическую рамку, включая, в частности, два стратегических документа раннего хронологического периода – «Зеленый курс» и «Стратегический компас». При анализе предпосылок для калибровки мы также задействуем элементы контент-анализа и институционального анализа. Данные элементы используются с целью определения предпосылок для политической калибровки.

Политическая калибровка «Зеленого курса» характеризуется как переход от «зеленого» к «чистому», от модели к промышленному мастер-плану, от международного сотрудничества к международному соперничеству. Первый тип отражает необходимость снижения фактора неудачи «зеленых» концептов и расширения возможных инструментов для низкоуглеродного перехода. Второй тип демонстрирует необходимость конкретных действий и проактивной роли наднациональных институтов как катализаторов изменений. Третий тип содержит переосмысление геополитической обстановки, движение к международному соперничеству в сфере двойного перехода. Политическая калибровка является частью политического процесса и корректировкой всеохватности «Зеленого курса» ЕС.

¹⁰ Commission proposes Industrial Accelerator Act to strengthen industry and create jobs in Europe (2026) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_26_515 (accessed: 1.03.2026).

Всеохватность «Зеленого курса» как предпосылка для калибровки

С декабря 2019 г. «Зеленый курс» остается фокусом исследований экономистов и финансистов, политологов и специалистов по международным отношениям, климатологов и экспертов в сфере государственной политики. Официально «Зеленый курс» – европейская стратегия роста, которая провозглашает своей целью достижение климатической нейтральности¹¹. Эта стратегия содержит множество элементов. Несмотря на экологическую направленность, «Зеленый курс» не является сугубо климатическим проектом. Он оценивается в плане влияния на энергетические отношения через призму стрессоустойчивости и теорий международных отношений (Романова, 2021, 2023); рассматривается с точки зрения климатической и экологической безопасности (Арбатова, 2022); определяется в финансовых, регуляторных и торговых плоскостях (Стрежнева, 2021; Братерский и др., 2021); представляется в качестве основы интеграционного проекта ЕС (Кавешников, 2024), идеологического проекта (Стрежнева, 2025), инструмента распространения влияния на международном уровне (Рогинко, 2025), а также проекта посткризисной трансформации (Bongardt, 2020; Dupont et al., 2020; Cavoški, 2020; Bloomfield et al., 2020).

Комплексность «Зеленого курса» обуславливается следующими признаками. Во-первых, изначально он имел под собой энергетическую, экономическую, финансовую, торговую, регуляторную, политическую основу. Во-вторых, ставил цель переосмыслить взаимозависимость, найти нишу для поддержания и укрепления международного лидерства. Так, в 2021 г. ЕС был наполнен стремлением и надеждой распространить подобные «зеленые» амбиции на международный уровень¹². В-третьих, несмотря на политическую нестабильность, с 2021 г. ЕС предпринял действия по распространению и заключению т.н. «зеленых» альянсов и партнерств, которые не концентрировались сугубо на вопросах экологической защиты и достижения углеродной нейтральности, а имели экономические и ценностные компоненты. Комплексный характер, с одной стороны, включил основные приоритеты (климат, энергетика, устойчивость и т.д.), с другой – многообразием и всеохватностью поспособствовал образованию пространства для политической калибровки.

Совокупность факторов, повлиявших на политическую калибровку «Зеленого курса», можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним факторам относятся ограниченность инструментов для достижения целей «Зеленого курса» и снижение эффективности выстраиваемой политики на пути к достижению климатической нейтральности. Кроме этого, важен социально-политический аспект, а именно фактор волатильности «зеленых идей» и их поддержки у электората. Отметим также зарегулированность политики «Зеленого курса», которая была направлена на соответствие нормативам. Бюрократизация и ориентация на целевые показатели препятствовали развитию европейского бизнеса. На внешнем направлении произошла трансформация конъюнктуры, которая поспособствовала изменению самоидентификации Евросоюза и осознанию необходимости корректировки внешнего направления, а также адаптации к глобальной конкуренции и климатической гонке. Идентифицированные типы политической калибровки, обусловленные выявленными факторами, будут рассмотрены далее.

От «зеленого» к «чистому»

В конце 2019 г. Европейская комиссия опубликовала «Зеленый курс», и Урсула фон дер Ляйен выступила с этой новой масштабной инициативой. В документе Еврокомиссии слово-индикатор «зеленый» упоминается 94 раза, «чистый» – 22 раза, а «декарбонизация» – 7 раз¹³. Однако с 2025 г. прослеживается смена приоритетов. В документе «Экологически чистый курс промышленности» упоминание слова «зеленый» сокращается до 12 раз, вместо этого акцент делается на слове «чистый» и словосочетании «чистая энергия», что проявляется в резком росте упоминаний до 106 раз, «декарбонизация» – увеличивается до 61 упоминания. В своем ежегодном выступлении перед Европарламентом в 2025 г.

¹¹ Communication from the Commission. The European Green Deal (2019) [online], *European Commission*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN> (accessed: 1.03.2026).

¹² Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the conclusions of the special meeting of the European Council of 24–25 May 2021 and preparation of the G7 Summit of 11–13 June 2021 and the EU-U.S. Summit (2021) [online], *European Commission*. Available at https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/lt/speech_21_2907/SPEECH_21_2907_OV.pdf (accessed: 1.03.2026).

¹³ Communication from the Commission. The European Green Deal (2019) [online], *European Commission*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN> (accessed: 1.03.2026).

У. фон дер Ляйен один раз упомянула «зеленый» в отсылке к «Зеленому курсу» и 16 раз «чистый»¹⁴. Такая же иллюстрация смены тематических акцентов проявляется в должностных формулировках, в дискурсе и речах представителей институтов ЕС. Портфолио вице-председателя Еврокомиссии Терезы Рибера объединено единым названием «Комиссар по чистому, справедливому и конкурентоспособному переходу»¹⁵. Относительно зеленого водорода и мер его поддержки она заявляет о том, что «схема поддержки является проявлением важного шага в развитии возобновляемого водорода», а водород представляется «стратегическим и чистым топливом»¹⁶. Т. Рибера ассоциирует «чистое» с меньшими затратами и меньшим ущербом¹⁷. Комиссар по климату, нулевым выбросам и чистому росту Вопке Хукстра отмечает рост чистых источников, заявляет о процветании чистой промышленности¹⁸, а также характеризует декарбонизацию как драйвер роста¹⁹, в то время как комиссар по окружающей среде, устойчивости в управлении водными ресурсами и конкурентоспособной экономике замкнутого цикла Й. Россваль определяет чистые технологии как основу конкурентоспособности ЕС²⁰. Здесь под нарративом о чистой экономике подразумеваются новые источники экономического роста и будущее развитие Евросоюза.

Первый тип проявления политической калибровки от «зеленого» к «чистому» связан как с необходимостью расширения политических инструментов для выполнения целей, так и с политическими неудачами «зеленых» концептов. В русле идентифицированного расширения инструментов находится План действий по доступной энергетике от 2025 г. Документ изобилует отсылками к декарбонизации и чистой энергетике²¹. Формулировка «чистая энергия» увеличивает возможные инструменты достижения углеродной нейтральности. Это, в частности, относится к перспективам использования ядерной энергетике как инструмента декарбонизации. В документе отмечается необходимость работы Комиссии в направлении развития технологий в ядерной энергетике и инвестиционных перспектив в данной сфере. В июне 2025 г. на основе приоритетов Плана действий по доступной энергетике была обновлена Индикативная программа по ядерной энергетике²². Таким образом, ядерная энергетика встроилась в нарратив о «чистой» энергии, расширяя механизмы ЕС для достижения цели, что было невозможным в рамках «зеленого» нарратива. Еврокомиссар по энергетике и жилищному строительству Д. Йоргенсен заявляет: «Чтобы реализовать чистый энергетический переход, нужны *все* имеющиеся углеродно-нейтральные и низкоуглеродные решения»²³. Ядерная энергетика становится одним из направлений, которые невозможно игнорировать на пути к повышению эффективности и выполнению целевых показателей. Интеграция атомной энергии в низкоуглеродную систему координат была бы невозможна при доминировании «зеленого» нарратива среди институтов ЕС.

На политико-социальном уровне «зеленый» нарратив столкнулся с неудачей. Популярность европейских партий «зеленых», наблюдаемая в первый срок Европейской комиссии, снизилась ко второму

¹⁴ 2025 State of the Union Address (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_2053 (accessed: 1.03.2026).

¹⁵ Teresa Ribera. European Commission (2024) [online], *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/about/organisation/college-commissioners/teresa-ribera_en (accessed: 1.03.2026).

¹⁶ Commission approves a €400 million Austrian State aid scheme, and a €36 million Lithuanian State aid scheme, to support renewable hydrogen production (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_718 (accessed: 1.03.2026).

¹⁷ Opening Remarks by Executive Vice-President Teresa Ribera at the International Bar Association (IBA) Conference in Florence (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_2099 (accessed: 1.03.2026).

¹⁸ Press remarks by Executive Vice-President Ribera and Commissioners Hoekstra and Jørgensen on the EU-wide assessment of the final National Energy and Climate Plans (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_1353 (accessed: 1.03.2026).

¹⁹ Remarks by Executive Vice-President Ribera and Commissioner Hoekstra at the press conference on the proposal for an EU climate target for 2040 (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_1711 (accessed: 1.03.2026).

²⁰ Commissioner Roswall's keynote speech at the Global Battery Alliance Annual General Meeting (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_3006 (accessed: 1.03.2026).

²¹ Action Plan for Affordable Energy (2025) [online], *Council of the European Union*. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6601-2025-INIT/en/pdf> (accessed: 1.03.2026).

²² Nuclear Illustrative Programme presented under Article 40 of the Euratom Treaty for the opinion of the European Economic and Social Committee. COM/2025/315 final (2025) [online], *EUR-lex*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52025DC0315&qid=1756994388566> (accessed: 1.03.2026).

²³ Commission assesses nuclear investment needs by 2050 in view of decarbonisation and competitiveness goals (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_1488 (Accessed: 1 March 2026).

сроку. Политическая привлекательность «зеленых» идей также сократилась. Выборы в Европейский Парламент продемонстрировали эту тенденцию. В 2024 г., по сравнению с выборами в 2019 г., количество мест партии «зеленых» сократилось с 70 до 53²⁴. В Германии 21-й легислатурный период стал проявлением сокращения популярности партии «зеленых» (*Bündnis 90/Die Grünen*)²⁵. Это стало иллюстрацией необходимости корректировки курса.

Формулировки «зеленая энергия» и «зеленый переход» не были абсолютно исключены из дискурса. Представители ЕС периодически используют «зеленый» нарратив. Так, председатель Европейского совета Антонио Коста на Конференции дипломатов Евросоюза отмечает, что ЕС является «лидером в возобновляемой энергетике и зеленом переходе»²⁶. Тем не менее значение и употребление «зеленого» нарратива уменьшается, особенно среди еврокомиссаров, которые концентрируются на чистом промышленном производстве. Приоритетами становятся чистый переход, совместимость чистого перехода и производства, технологий и инноваций. «Зеленые» нарративы используются в политико-социальном контексте и в заявлениях политиков переводятся в рамки нишевых сюжетов. В частности, они упоминаются в связке с действующей социальной рыночной экономикой в Европе и поддержанием высокого уровня жизни²⁷. В то время как чистому производству и чистой энергетике отводится место драйвера экономического роста. Так, например, согласно Акту об ускорении промышленного производства, ЕС планирует нарастить промышленное производство до 20 % ВВП к 2035 г.²⁸

Политическая калибровка в данном случае направлена на смещение от политической коннотации «зеленых» к технократической, то есть основанной на знаниях и технологиях. Необходимость концептуальной корректировки обусловлена двумя причинами. Во-первых, новая коннотация легитимизируется как научное знание и технократическое – абстрагированное от политических амбиций, основанное на рациональном и потому представляемое обществу как достоверное и неопровержимое. Во-вторых, технократическая коннотация необходима для привлечения масштабных инвестиций. Для этого политическая позиция должна продемонстрировать долгосрочность своих намерений. Евросоюз, по заявлениям политиков, готов предоставить долгосрочную уверенность в своих намерениях по продолжению курса для инвестиций²⁹ и финансирования³⁰. Такой стратегический курс также остается основным приоритетом финансирования со стороны самого Евросоюза, в частности приоритетом Еврокомиссии³¹. Поэтому для продолжения курса по декарбонизации упор делается не на политических и социальных основах «зеленого» нарратива, которые проявили свою волатильность, а на финансовых, инвестиционных и промышленных, чтобы расширить возможные инструменты для осуществления низкоуглеродной трансформации и сократить влияние краткосрочных электоральных циклов. Это необходимо, чтобы придать долгосрочность тренду и сделать политику на данном направлении более устойчивой, несмотря на структурные и внешнеполитические вызовы.

²⁴ 2024 European Election Results (2024) [online], *European Parliament*. Available at: <https://results.elections.europa.eu/en/> (accessed: 1.03.2026).

²⁵ Sitzverteilung des 21. Deutschen Bundestages (Distribution of seats in the German Bundestag's 21st electoral term) (2025) [online], *Deutscher Bundestag*. Available at: <https://www.bundestag.de/sitzverteilung> (accessed: 27.06.2025).

²⁶ Speech by President António Costa at the EU Ambassadors Conference (2025) [online], *European Council*. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/02/04/speech-by-president-antonio-costa-at-the-eu-ambassadors-conference-2025/> (accessed: 1.03.2026).

²⁷ Mission Letter. Dan Jørgensen Commissioner-designate for Energy and Housing (2024) [online], *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/document/download/1c203799-0137-482e-bd18-4f6813535986_en?filename=Mission%20letter%20-%20JORGENSEN.pdf (accessed: 1.03.2026).

²⁸ Commission proposes Industrial Accelerator Act to strengthen industry and create jobs in Europe (2026) [online], *European Commission*. Available at: https://cyprus.representation.ec.europa.eu/news/commission-proposes-industrial-accelerator-act-strengthen-industry-and-create-jobs-europe-2026-03-04_en (accessed: 1.03.2026).

²⁹ Commissioner Roswall's keynote address at a Business Circle Forum event, 'Changing the Mindset: Challenges and opportunities in a Circular Europe', hosted by the Spanish Chamber of Commerce to Belgium and Luxembourg (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_1282 (accessed: 1.03.2026).

³⁰ Speech by President Von der Leyen at the summit of the Future of Energy (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_1100 (accessed: 1.03.2026); Commissioner Tzitzikostas' presentation of the Action Plan for the European Automotive Industry (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_692 (accessed: 1.03.2026).

³¹ Commissioner Roswall's opening address at the 5th EU Clean Air Forum (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_2868 (accessed: 1.03.2026).

От модели к промышленному мастер-плану

«Зеленый курс» является моделью, которая объединяет «все секторы экономики»³². Что касается документа «Экологически чистый курс промышленности», очередной вариант представлен в форме бизнес-плана³³. Четкое заявление о том, что курс на развитие чистой промышленности является европейским мастер-планом, выражается в речах еврокомиссара В. Хукстра: «Экологически чистый курс промышленности является нашим бизнес-планом»³⁴. В тех же категориях высказывается Тереза Рибера, когда характеризует данную инициативу как «смелый бизнес-кейс»³⁵. Она называет «Экологически чистый курс промышленности» долгосрочным предложением, тем самым подчеркивая устойчивость курса³⁶. Дискурс иллюстрирует необходимость купировать проблемы в области недостаточного климатического прогресса и повысить эффективность.

Главной проблемой становится неспособность ЕС достичь поставленных климатических целей. В докладе Европейской комиссии отмечается, что для достижения целевых показателей 2040 и 2050 гг. потребуются инвестиции, технологии и еще большая трансформация энергетической системы³⁷. Важно масштабировать высокотехнологичные решения, которые не являются развитыми на данный момент. Что касается климатических рисков, для минимизации негативных последствий климатических проблем ЕС необходимо предпринять срочные меры³⁸, так как, кроме всего прочего, успехи второго срока комиссии У. фон дер Ляйен «будут оцениваться по способности достигать целей и задач в рамках Зеленого курса»³⁹.

Предтечей опубликованного «Экологического чистого курса промышленности» стал «Стратегический компас ЕС»⁴⁰. Документ описывает предпосылки перехода от модели к промышленному мастер-плану. В нем отчетливо выражается угроза существования нынешней модели: «чем мы рискуем, это не просто наш экономический рост, а будущее нашей модели». Сочетание этих документов, по заявлению С. Сежурне, комиссара по процветанию и промышленной стратегии, сделали декарбонизацию стратегией экономического роста в ЕС⁴¹. То же отмечает В. Хукстра, утверждая, что декарбонизация является одной из лучшей стратегии успеха⁴². Эта динамика отразилась в конкретных действиях. В первом квартале 2025 г. были запущены процессы по направлениям, обозначенным в «Экологически чистом курсе промышленности». На энергетическом направлении принят План действий по доступной энергетике⁴³. В сфере циркулярной экономики Европейская комиссия обозначила 47 стратегических проектов, которые представили основную когорту производителей критически важного сырья в

³² The European Green Deal sets out how to make Europe the first climate-neutral continent by 2050, boosting the economy, improving people's health and quality of life, caring for nature, and leaving no one behind (2019) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_19_6691 (accessed: 1.03.2026).

³³ The Clean Industrial Deal: A joint roadmap for competitiveness and decarbonization (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/document/download/9db1c5c8-9e82-467b-ab6a-905feeb4b6b0_en?filename=Communication%20-%20Clean%20Industrial%20Deal_en.pdf (accessed: 1.03.2026).

³⁴ A Clean Industrial Deal for competitiveness and decarbonisation in the EU (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_550 (accessed: 1.03.2026).

³⁵ Ibid.

³⁶ Remarks by Executive Vice-Presidents Ribera at the press conference on the Clean Industrial Deal (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_651 (accessed: 1.03.2026).

³⁷ Delivering the EU Green Deal. Progress towards Targets Report. Joint Research Center European Commission (2025) [online], *European Commission*. Available at: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC140372> (accessed: 1.03.2026).

³⁸ European Climate Risk Assessment. European Environment Agency (2024) [online], *European Environment Agency*. Available at: <https://www.eea.europa.eu/en/analysis/publications/european-climate-risk-assessment> (accessed: 1.03.2026).

³⁹ Mission Letter. Maroš Šefčovič Commissioner-designate for Trade and Economic Security (2024) [online], *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/document/download/4047c277-f608-48d1-8800-dcf0405d76e8_en?filename=Mission%20letter%20-%20C5%A0EF%C4%8COVI%C4%8C.pdf (accessed: 1.03.2026).

⁴⁰ A Competitiveness Compass for the EU (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/document/download/10017eb1-4722-4333-add2-e0ed18105a34_en (accessed: 1.03.2026).

⁴¹ Tribune du Vice-Président Stéphane Séjourné: 100 jours pour l'industrie européenne (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_25_754 (accessed: 1.03.2026).

⁴² Speech by Commissioner Hoekstra in the European Parliament's Plenary debate on the presentation of the automotive package (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_3100 (accessed: 1.03.2026).

⁴³ Action Plan for Affordable Energy: Unlocking the true value of our Energy Union to secure affordable, efficient and clean energy for all Europeans (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://energy.ec.europa.eu/publications/action-plan-affordable-energy-unlocking-true-value-our-energy-union-secure-affordable-efficient-and_en (accessed: 1.03.2026).

Евросоюзе⁴⁴. На международном направлении в марте 2025 г. начались первые переговоры по заключению партнерства по чистой торговле и инвестициям⁴⁵.

Второй тип проявления политической калибровки «от модели к промышленному мастер-плану» обусловлен необходимостью конкретных действий и поиска референтных агентов изменений, которыми стали бизнес, промышленность и рабочая сила. На первом этапе развития климатической и энергетической политик была создана регуляторная среда (Prontera, Quitzow, 2022). Одновременно с регулирующей функцией ЕС развивалась и стимулирующая функция наднациональных институтов. Стимулирующая функция выражается в создании со стороны Еврокомиссии условий для благоприятной экономической активности, например, в форме инвестиций, а также посредством создания условий для финансирования стратегических приоритетов. Тем не менее фокус политики «Зеленого курса» был направлен на регулирование.

Регулирование стало бременем, которое переместилось от государств на бизнес и домохозяйства. В результате бизнесу и домохозяйствам отводилась роль наблюдателей за политическими амбициями по достижению низкоуглеродных показателей. «Наша приверженность “Зеленому курсу” не испарилась, но это произошло ценой больших затрат в форме регуляторного бремени», – признает еврокомиссар по вопросам экономики и производительности В. Домбровский⁴⁶. Это косвенно подтверждает Й. Россваль, когда в своем выступлении призывает трансформировать коллективное мышление о том, что повестка достижения углеродной нейтральности является бременем⁴⁷. Мастер-план подразумевает вовлечение общества и компаний в процессе реализации рамочных целей. Так, У. фон дер Ляйен отмечает необходимость активного участия рабочих (*workers*) в реализации «Экологически чистого курса промышленности»⁴⁸. Прежде ощущалась неспособность Европейской комиссии перевести целевые ориентиры в практическую плоскость для реализации заявленного курса. Регуляторный этап сформировал прочный каркас, но также стал нагрузкой на бизнес и общество.

В этой связи не менее важен контекст публикации «Экологически чистого курса промышленности». Объявление о принятии новой стратегии происходило на двух площадках. Официально «Экологически чистый курс промышленности» был представлен еврокомиссарами 26 февраля 2025 г. в Брюсселе. Однако одновременно с этим процессом У. фон дер Ляйен участвовала в Антверпенском саммите, где обратилась к представителям европейской промышленности⁴⁹. Это является символическим шагом отхода от политических рамок и моделей и сближением с требованиями бизнеса, а также прямой диалог с представителями европейской промышленности.

На новом этапе развития – с 2025 г. – во всех инициативах прослеживается более активная деятельность наднациональных институтов. Характер протекающих изменений демонстрирует активную роль институтов не как регуляторов, а как катализаторов изменений. Иллюстративным примером являются заявления В. Хукстра, который на пресс-конференции, посвященной оценке национальных энергетических и климатических планов, подчеркнул, что амбиции на бумаге отныне должны быть подкреплены действиями⁵⁰. При этом брюссельская бюрократия не дистанцируется от инициатив, возлагая ношу в выполнении ориентиров на национальные государства, а, напротив, стимулирует активность на данном направлении, принимает вместо роли наблюдателя роль непосредственного участника происходящих процессов. Особенно показательным является заявление У. фон дер Ляйен на третьем саммите европейской промышленности в Антверпене, где она метафорично заявила о необходимости

⁴⁴ Commission selects 47 Strategic Projects to secure and diversify access to raw materials in the EU (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_864 (accessed: 1.03.2026).

⁴⁵ Clean trade and Investment Partnerships. A new instrument in the EU's trade policy toolbox (2025) [online], *European Parliament*. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769576/EPRS_BRI\(2025\)769576_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769576/EPRS_BRI(2025)769576_EN.pdf) (accessed: 1.03.2026).

⁴⁶ Remarks by Commissioners Dombrovskis and Albuquerque on the proposals to simplify rules on sustainability and EU investments (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_631 (accessed: 1.03.2026).

⁴⁷ Commissioner Roswall's keynote address at the 7th Zero Pollution Stakeholder Platform meeting. (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_655 (accessed: 1.03.2026).

⁴⁸ Press statement by President von der Leyen on the signing of the European Social Dialogue (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_25_689 (accessed: 1.03.2026).

⁴⁹ Opening address by president von der Leuen at the European Industry Summit (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_25_628 (accessed: 1.03.2026).

⁵⁰ Press remarks by Executive Vice-President Ribera and Commissioners Hoekstra and Jørgensen on the EU-wide assessment of the final National Energy and Climate Plans (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_1353 (accessed: 1.03.2026).

«глубокой регулятивной чистки – на всех уровнях»⁵¹. Таким образом, была проведена аналогия между регуляторной деятельностью и бюрократией, которые замедляют активность бизнеса и сдерживают развитие строгим регулированием, и альтернативным современным подходом Еврокомиссии, которая планирует трансформировать устаревшие практики во благо европейской промышленности. Упрощение процессов становится ответом на зарегулированный период «Зеленого курса». Упрощение присутствует в дискурсе представителей ЕС как один из приоритетов. С. Сежурне, например, отмечает необходимость сделать механизм трансграничного углеродного регулирования (*Carbon Border Adjustment Mechanism*) «более простым»⁵². Комиссар В. Домбровскис во время представления смягчения мер по защите окружающей среды заявляет, что «такие меры являются хорошим примером того, в чем состоит повестка Еврокомиссии по упрощению»⁵³. Чрезмерный бюрократизм предыдущего этапа послужил стимулом к переосмыслению политики по декарбонизации.

На основе заявлений представителей ЕС можно сделать вывод о двух периодах развития «Зеленого курса». Первый – рамочный и регуляторный, сформировавший модель развития. Вторым – конкретный, направленный на увеличение эффективности политики. Трансформация от модели к промышленному мастер-плану нацелена на решение конкретных задач с целью достижения углеродной нейтральности. Мастер-план служит совокупностью необходимых изменений для стимулирования конкретных действий.

От международного сотрудничества к международному соперничеству

Третий тип проявления политической калибровки связан с геополитической самоидентификацией Евросоюза. В 2021 г. европейские заявления в климатической и энергетической политике формулировались в рамках дискурса о сотрудничестве для достижения общих глобальных целей. В ЕС звучал тезис о том, что Европа может сделать многое в сфере изменения климата и будет поддерживать других акторов в этом процессе⁵⁴. В том же году комиссар по борьбе с изменением климата Ф. Тиммерманс отметил лидерство ЕС, а также то, что другие страны следуют за климатическими инициативами ЕС⁵⁵. Кроме этого, присутствовал дискурс о конструктивном сотрудничестве с другими странами⁵⁶. При этом «Зеленый курс» представлялся исключительной моделью международного развития: это «единственный план для единственной планеты, которую мы называем нашим домом»⁵⁷.

В контексте новой конфигурации мировой политики представители ЕС заявляют не о всеобщем сотрудничестве для достижения климатической нейтральности, а о климатической и технологической гонке. Нарративы об исключительности европейской климатической политики ослабли. Влияние на это переосмысление оказала международная конъюнктура. Представители Евросоюза открыто заявляют о том, что долгое время вопросы климата рассматривались исключительно в одном измерении, но мир изменился⁵⁸. Сейчас ЕС представляется субъектом, которому необходимо адаптироваться к внешним изменениям. Внешняя среда стала характеризоваться как геополитически нестабильная. В частности, при помощи отсылки к нарушению международной стабильности известный итальянский экономист и политик Марио Драги легитимизирует необходимость сокращения зависимостей от внешних игроков⁵⁹.

⁵¹ Opening keynote speech by President von der Leyen at the Antwerp European Industry Summit (2026) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_26_382 (accessed: 1.03.2026).

⁵² Remarks by Executive Vice-President Séjourné and Commissioners Hoekstra at the press conference on the Clean Industrial Deal Package (including CBAM) (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_3107 (accessed: 1.03.2026).

⁵³ Remarks by Executive Vice-President Ribera, Commissioner Dombrovskis and Commissioner Roswall on the environmental simplification package (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_3004 (accessed: 1.03.2026).

⁵⁴ 2021 State of the Union Address by President von der Leyen (2021) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_21_4701 (accessed: 1.03.2026).

⁵⁵ Frans Timmermans at Parliament Plenary session on the outcome of COP26 in Glasgow (2021) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_21_6267 (accessed: 1.03.2026).

⁵⁶ Opening remarks EVP Timmermans at informal Environment Council in Prague (2022) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_4528 (accessed: 1.03.2026).

⁵⁷ Remarks by EVP Timmermans at the European Parliament plenary debate on delivering the Green Deal (2023) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_3832 (accessed: 1.03.2026).

⁵⁸ Speech by Commissioner Hoekstra to EU and Brazilian business leaders at an event organised by Eurocamaras (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_1035 (accessed: 1.03.2026).

⁵⁹ The future of European competitiveness. Part A. A competitiveness strategy for Europe (2024) [online], *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/topics/eu-competitiveness/draghi-report_en (accessed: 1.03.2026).

Сотрудничество рассматривается не в качестве инструмента борьбы с изменением климата, а как способ укрепления позиций в контексте глобальной конкуренции. В своих политических приоритетах У. фон дер Ляйен подчеркивает, что современная «гонка диктует, кто будет первым в достижении климатической нейтральности и в процессе развития технологий, кто будет формировать глобальную экономику в последующие десятилетия»⁶⁰. Адаптация к глобальной конкуренции определяется в качестве одной из составляющих обновленного курса⁶¹. В речах присутствуют отсылки к наступлению «геополитической зимы», что отражается на климатической политике⁶². Поэтому климатические амбиции без учета международных реалий становятся уязвимыми. В этой связи комиссар Й. Росвальд подчеркивает необходимость привести экономику в порядок, чтобы сохранить статус экологически чистой державы⁶³ и ускорить действия для обеспечения своей конкурентоспособности в мире⁶⁴.

Особое внимание ЕС уделяет международным финансам и стремится «реформировать систему финансирования устойчивого развития»⁶⁵. Однако даже в рамках данного направления внешних действий ЕС официальная позиция продвижения реформы климатического финансирования сводится к поддержке развивающихся стран. Этим ЕС проявляет стремление поддержать развитие третьих стран в условиях соперничества глобальных сил. Так Евросоюз пытается распространить свою политику развития. «Разворачивается настоящая битва предложений», – заявляет комиссар по международному партнерству Йозеф Сикела, подразумевая соперничество в сфере критических ресурсов и двойного перехода⁶⁶.

Геополитическое переосмысление внешней среды поспособствовало калибровке «Зеленого курса». Еврокомиссары, в частности Стефан Сежурне, дискурсивно связывают инновации и декарбонизацию с достижением стратегической автономии⁶⁷. Отмечается, что изменение климата – это не разговоры о сохранении пчел и деревьев, а глобальная экономическая гонка⁶⁸. В этих реалиях ЕС допускает регулирование рынка как геоэкономическую необходимость, действия ЕС в области международного устойчивого развития реализовываются с отсылкой к стремлению занять свое место в условиях соперничества между акторами международных отношений. «Экологически чистый курс промышленности» не просто допускает увеличение наднационального влияния на внутренний рынок, но и поощряет его с целью достижения стратегической автономии, а также восстановления конкурентоспособности ЕС в отношении великих держав на мировой арене.

* * *

Три типа политической калибровки происходят в рамках действующей модели «Зеленого курса». Изменения, связанные с «Экологически чистым курсом промышленности», не спровоцировали трансформацию или идеологические изменения третьего порядка. Не была осуществлена смена парадигмы. Изменения направлены на калибровку существующих инструментов и расширение их функций. Такие изменения не относятся к сугубо бюрократическому и административному процессу, а представляют дискурсивное поле, в котором обсуждается и реализуется возможная траектория достижения углеродной нейтральности.

⁶⁰ Europe's choice. Political guidelines for the next European Commission 2024-2029 (2024) [online], *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/document/download/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en?filename=Political%20Guidelines%202024-2029_EN.pdf (accessed: 1.03.2026).

⁶¹ Opening address by President von der Leyen on the Clean Industrial Deal at the European Industry Summit (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_628 (accessed: 1.03.2026).

⁶² Introductory remarks by Commissioner Hoekstra at the European Parliament's Committee on the Environment, Climate and Food Safety (ENVI) (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_1140 (accessed: 1.03.2026).

⁶³ Commissioner Roswall's speech at the Nordic Forum on raw materials - Clean Industrial Deal and the Nordic Raw Materials Sector (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_736 (accessed: 1.03.2026).

⁶⁴ Commissioner Roswall's keynote address at the 7th EIT Raw Materials Summit "Race to 2030" (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_1230 (accessed: 1.03.2026).

⁶⁵ Council calls for a reform of the international financial architecture for development (2025) [online], *Council of the European Union*. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/05/26/council-calls-for-a-reform-of-the-international-financial-architecture-for-development/> (accessed: 1.03.2026).

⁶⁶ Commissioner's Sikela speech at the KfW Annual Meeting (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_1445 (accessed: 1.03.2026).

⁶⁷ 2025 European Semester Spring Package sets out guidance to boost EU competitiveness (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_1388 (accessed: 1.03.2026).

⁶⁸ Speech by Commissioner Hoekstra at an event organised by De Tijd and L'Echo on 'The Future of Europe' (2026) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_26_282 (accessed: 1.03.2026).

При этом «Зеленый курс» остается рамочной основой. Во время представления нового плана действий В. Хукстра заявляет: «Внесу ясность, мы не поворачиваемся спиной к действиям в области климата. Но мы знаем, что мы не сможем действовать без бизнеса и промышленности»⁶⁹. В Антверпене У. фон дер Ляйен дискурсивно демонстрирует происходящий процесс политической калибровки. «Наши климатические и социальные цели не меняются. Мы следуем нашим целям по декарбонизации. Но на пути к этим целям нам нужно адаптироваться, быть гибкими, прагматичными и технологически нейтральными»⁷⁰. Аналогичное мнение высказывает комиссар по процветанию и промышленной стратегии С. Сежурне. Он заявляет о том, что гибкие меры не ставят климатические цели ЕС под сомнение⁷¹. Структура и механизмы созданной модели «Зеленого курса» также сохраняются. Это проявляется, в частности, в эффекте наложения новых инициатив на действующие механизмы. Например, финансирование чистого промышленного производства будет осуществляться идентично системе торговли выбросами (*Emissions Trading System*). Как отметил С. Сежурне, внедрение нового банка по промышленной декарбонизации будет основываться на сильнейшем инструменте достижения климатических целей⁷². Таким образом, на уровне дискурса все участники политического процесса демонстрируют приверженность существующей модели «Зеленого курса».

Всеохватность «Зеленого курса» послужила предпосылкой к политической калибровке на тематическом уровне. Последовали изменения, однако главная цель была сохранена, как и рамочная структура «Зеленого курса». Не произошли смена парадигмы и изменения третьего порядка. В то время как в первый этап реализации «Зеленого курса» фокус был направлен на «зеленые» концепции, распространение модели на все сферы экономики и на международное сотрудничество, политическая калибровка на втором этапе реализации проявилась в переходе к чистым концепциям, промышленному мастер-плану и международному соперничеству. «Экологически чистый курс промышленности» является набором предложений и инструментов для работы над сделанными в первый период «Зеленого курса» ошибками. Новый этап ориентации ЕС на чистое производство, бизнес и промышленность не является отходом от политики «Зеленого курса». Это перераспределение ресурсов, корректировка курса и повышение эффективности, а не абсолютный отход ЕС от политики «Зеленого курса» и климатических целей. Политическая калибровка открывает возможности для сочетания приоритетов декарбонизации и индустриализации, а также для формирования более гибкой системы управления в Европейском союзе.

Список литературы / References

- Арбатова, Н. К. (2022) 'Климатические угрозы – новое измерение безопасности Евросоюза', *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 81–93. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.07 [Arbatova, N. K. (2022) 'Climate threats – a new dimension of EU security', *Polis. Political Studies*, 6, pp. 81–93. (In Russ.)].
- Братерский, М. В., Энтина, Е. Г. и Энтин, М. Л. (2021) 'Как Евразии подготовиться к Европейскому зеленому курсу', *Россия в глобальной политике*, 19(4), сс. 205–219. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-205-218, [Braterskij, M. V., Entina, E. G. and Entin, M. L. (2021) 'How can Eurasia be ready for the European Green Deal', *Russia in Global Affairs*, 19(4), pp. 205–219. (In Russ.)].
- Кавешников, Н. (2024) "Зеленый курс" как триггер углубления интеграции в Европейском союзе', *Мировая экономика и международные отношения*, 68(6), сс. 93–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-6-93-107 [Kaveshnikov, N. (2024) "Green Deal" as a Trigger of Deepening of Integration in the European Union', *World Economy and International Relations*, 68(6), pp. 93–107. (In Russ.)].

⁶⁹ Remarks by Executive Vice-Presidents Ribera and Séjourné and Commissioner Hoekstra at the press conference on the Clean Industrial Deal (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/fi/state-ment_25_630 (accessed: 1.03.2026).

⁷⁰ Opening address by president von der Leuen at the European Industry Summit (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_25_628 (accessed: 1.03.2026).

⁷¹ Remarks by Executive Vice-President Séjourné and Commissioners Hoekstra, Tzitzikostas and Dombrovskis at the press conference on the Automotive package (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_25_3092 (accessed: 1.03.2026).

⁷² Remarks by Executive Vice-Presidents Ribera and Séjourné and Commissioner Hoekstra at the press conference on the Clean Industrial Deal (2025) [online], *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/fi/state-ment_25_630 (accessed: 1.03.2026).

- Рогинко, С. А. (2025) «Зелёная» экспансия ЕС. Москва: РАН. ISBN 978-5-98163-233-4. [Roginko, S. A. (2025) *Green Expansion of the EU*].
- Романова, Т. А. (2017) 'Уровни анализа как инструмент оценки эволюции отношений России и Европейского союза', *Современная Европа*, 2, сс. 30–42. DOI: 10.15211/soveurope220173042 [Romanova, T.A. (2017) 'Levels of Analysis as a Tool for Assessing the Evolution of Relations Between Russia and the European Union', *Contemporary Europe*, 2, pp. 30–42. (In Russ.)].
- Романова, Т. А. (2021) «Зеленый курс» и стрессоустойчивость энергетических отношений России и ЕС», *Вестник международных организаций*, 16(3), сс. 108–123. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-05 [Romanova, T.A. (2021) 'The Green Deal and The Resilience of EU-Russian Energy Relations', *International Organizations Research Journal*, 16(3), p. 108–123. (In Russ.)].
- Стрежнева, М. В. (2021) 'Финансовые аспекты "Европейской зеленой сделки"', *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 4, сс. 13–23. DOI: 10.20542/afj-2021-4-13-23 [Strezhneva, M.V. (2021) 'Financial Aspects of the European Green Deal', *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 4, pp. 13–23. (In Russ.)].
- Стрежнева, М. В. (2025) 'Идеология Зеленого курса и актуальные изменения в организации управления в Европейском союзе', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 36–50. DOI: 10.17976/jpps/2025.04.04 [Strezhneva, M.V. (2025) 'The ideology of the Green Deal and current shifts in the organization of governance in the European Union', *Polis. Political Studies*, 4, pp. 36–50. (In Russ.)].
- Bloomfield, J. and Steward, F. (2020) 'The Politics of the Green New Deal', *Political Quarterly*, 9(84), p. 137–150. DOI:10.1111/1467-923X.12917
- Bongardt, A. and Torres, F. (2022) 'The European Green Deal: More than an Exit Strategy to the Pandemic crisis, a Building Block of a Sustainable European Economic Model', *Journal of Common Market Studies*, 60(1), p. 170–185. DOI:10.1111/jcms.13264
- Čavoški, A. (2020) 'An ambitious and climate-focused Commission agenda for post COVID-19', *Environmental Politics*, 29(6), pp. 1112–1117. DOI: 10.1080/09644016.2020.1784010
- Dupont, C., Oberthür, S. and Homeyer, I. (2020) 'The Covid-19 crisis: a critical juncture for EU climate policy development?', *Journal of European Integration*, 42(8), pp. 1095–1110. DOI:10.1080/07036337.2020.1853117
- Dupont, C., Moore, B. et al. (2024) 'Three decades of EU climate policy: Racing toward climate neutrality?', *WIREs Climate Change*, 15(1). DOI: 10.1002/wcc.863
- Hall, P. (1993) 'Policy paradigms, social learning, and the state: The case of economic policy-making in Britain', *Comparative Politics*, 25(3), pp. 275–296. DOI: 10.2307/422246
- Kuhn, T. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Prontera, A. and Quitzow, R. (2022) 'The EU as catalytic state? Rethinking European Climate and energy governance', *New Political Economy*, 27(3), pp. 517–531. DOI: 10.1080/13563467.2021.1994539
- Ringel, M. and Thompson, S. (2025) 'Europe's Choice: The next stage of EU climate and energy policies', *Global Social Policy*, 25(1), pp. 180–185. DOI: 10.1177/14680181241311995
- Romanova, T. (2023) 'A choice between neoliberal engagement and strategic autonomy? The impossibility of EU's green cooperation with Russia between 2019 and 2021', *Energy Policy*, 172. DOI: 10.1016/j.enpol.2022.113329
- Vesely, A. (2024) 'Policy calibration and policy acceptability: assumptions, evidence, and practical implications', *Policy Design and Practice*, 7(2), pp. 176–190. DOI: 10.1080/25741292.2024.2342098
- Wodak, R. and Meyer, M. (2015) *Critical Discourse Studies: History, Agenda, Theory and Methodology*. London: Sage Publication.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2026

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 15.04.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Скворцова Екатерина Андреевна, аспирант факультета мировой экономики и мировой политики,
E-mail: eakonovalova@hse.ru (ORCID: [0009-0003-0300-3602](https://orcid.org/0009-0003-0300-3602)).

Information about author

Ekaterina A. Skvortsova, Graduate Student
E-mail: eakonovalova@hse.ru (ORCID: [0009-0003-0300-3602](https://orcid.org/0009-0003-0300-3602)).

УДК-327.5

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-158-171

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЧЕРЕЗ СОТРУДНИЧЕСТВО НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: РОССИЙСКИЙ ПОДХОД

Е. А. Шлапеко, Л. А. Шалтаева, О. А. Шалтаев

Шлапеко Екатерина Андреевна,

Институт экономики КарНЦ РАН, Петрозаводск, Российская Федерация.

Шалтаева Людмила Александровна,

Институт экономики КарНЦ РАН, Петрозаводск, Российская Федерация.

Шалтаев Олег Алексеевич,

Институт экономики КарНЦ РАН, Петрозаводск, Российская Федерация.

Аннотация

Опираясь на дискуссии о расширении евразийской интеграции, авторы изучают развитие гуманитарного сотрудничества России со странами Евразии посредством взаимодействия некоммерческих организаций. На примере проектов Фонда президентских грантов по направлению «Общественная дипломатия и поддержка соотечественников» показано, что особое внимание в проектной деятельности уделено мерам, направленным на повышение информированности о многообразии культур евразийского пространства, единстве судеб народов Евразии, популяризации русского языка как языка межнационального общения. Однако наблюдается заметный территориальный дисбаланс в распределении грантов, с преобладанием столичного региона и ограниченным участием других регионов России. Кроме того, географический охват проектов постепенно расширяется за пределы СНГ, отражая современные тенденции российской внешней политики, стремящейся к диверсификации гуманитарного сотрудничества путем вовлечения ключевых стран Большой Евразии. В исследовании делается вывод о том, что проекты, реализуемые российскими неправительственными организациями, играют ключевую роль в продвижении гуманитарной политики Российской Федерации, направленной на построение устойчивых партнерств и содействие евразийской интеграции. Одновременно подчеркивается необходимость разработки устойчивых моделей проектной работы некоммерческих организаций для повышения координации и эффективности их международной деятельности.

Ключевые слова: Большая Евразия; евразийская интеграция; гуманитарное сотрудничество; постсоветское пространство; новые независимые государства; страны СНГ; некоммерческие организации; общественная дипломатия

Для цитирования: Шлапеко, Е. А., Шалтаева, Л. А., Шалтаев, О. А. (2026) 'Развитие идей евразийской интеграции через сотрудничество некоммерческих организаций: российский подход', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 158-171. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-158-171

Финансовая поддержка: Исследование выполнено в рамках государственного задания КарНЦ РАН «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

ADVANCING THE CONCEPT OF EURASIAN INTEGRATION THROUGH COOPERATION AMONG NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS: RUSSIAN APPROACH

E. A. Shlapeko, L. A. Shaltaeva, O. A. Shaltaev

Ekaterina A. Shlapeko,

Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation.

Liudmila A. Shaltaeva,

Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation.

Oleg A. Shaltaev,

Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation.

Abstract

Drawing on discussions about the expansion of Eurasian integration, the authors examine the development of humanitarian cooperation among countries through the interaction of non-governmental organizations. Using the example of projects supported by the Presidential Grants Foundation under the category “NGOs’ diplomacy and support for compatriots”, the paper demonstrates that the particular attention in project activities is given to measures aimed at raising awareness of the cultural diversity within the Eurasian space, the shared historical destiny of Eurasian peoples, and the promotion of the Russian language as a means of international communication. The analysis reveals that the majority of projects primarily focus on the development of cultural and educational cooperation. At the same time, there is a notable territorial and institutional imbalance in grants’ distribution, with the capital region dominating and limited involvement of other Russian regions. Additionally, the geographic scope of projects is gradually expanding beyond the traditional CIS (Commonwealth of Independent States) area, reflecting current trends in Russian foreign policy, which seeks to diversify humanitarian cooperation by involving key countries across Greater Eurasia. Humanitarian cooperation serves as a vital component in sustaining regional integration processes, complementing economic and political cooperation. The study concludes that projects implemented by Russian non-governmental organizations play a key role in advancing the humanitarian policy of the Russian Federation, aimed at building sustainable partnerships and promoting Eurasian integration. At the same time, the study highlights the need to develop sustainable models of NGOs’ diplomacy management to enhance the coordination and increase the effectiveness of project activities.

Keywords: Greater Eurasia; Eurasian integration; humanitarian cooperation; post-Soviet space; newly independent states; CIS countries; non-governmental organizations; NGOs’ diplomacy

For citation: Shlapeko, E. A., Shaltaeva, L. A., Shaltaev, O. A. (2026) ‘Advancing the concept of Eurasian integration through cooperation among non-governmental organizations: Russian approach’, *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 158-171. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-158-171

Funding: This research was carried out within the framework of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences: «Comprehensive Study and Development of the Foundations for Managing the Sustainable Development of the Northern and Border Regions of Russia in the Context of Global Challenges».

Методологическая основа и исследовательский вопрос

Пристальное внимание мирового сообщества и исследователей приковано к процессам, происходящим на евразийском континенте. Актуальность изучения евразийской интеграции заметно возросла с обострением противостояния между российской и западной цивилизациями. На сегодняшний день в регионе сформировались многосторонние механизмы сотрудничества, где межгосударственное партнерство носит многоплановый характер и развивается в политической, экономической,

гуманитарной и других сферах. В настоящей работе речь пойдет о гуманитарном сотрудничестве России с государствами Евразии, получившем воплощение в практиках реализации инициатив российских некоммерческих организаций (НКО).

Методология исследования основана на синтезе теории многоуровневого управления и конструктивистского подхода. В связи с этим рассматриваются два аспекта: «Большая Евразия» как политический конструкт в формирующемся многополярном мире и влияние сотрудничества НКО на евразийскую интеграцию.

Теория многоуровневого управления зародилась в Европе и получила широкое распространение для объяснения процессов принятия решений в ходе европейской интеграции (Marks, 1993). Именно тогда было выделено три уровня (наднациональный, национальный и субнациональный), на которых через «систему постоянных переговоров» (Ibid.: 392) «распределяются властные полномочия между субъектами, зачастую не совпадающими с традиционными государственными институтами» (Борисенко, 2025: 232).

Исследователи обратили внимание и на многообразие участников переговорного процесса, включая частных акторов, группы интересов, представителей бизнеса и гражданского общества (Hooghe, Marks, 2009). На текущий момент существуют различные понятия, предполагающие вовлечение в дипломатию негосударственного сектора: гуманитарная дипломатия, общественная дипломатия, народная дипломатия. В данной работе практики участия российских некоммерческих организаций в поддержании международных контактов – как с отдельными зарубежными организациями, так и общественностью других стран – отнесены к общественной дипломатии (Шлапек, Кондратьева, 2024).

В статье 2009 года Хуге и Маркс утверждают, что «идентичность значима для многоуровневого управления в целом и региональной интеграции в частности» (Hooghe, Marks, 2009: 2). При этом авторы подчеркивают, что, хотя они и фокусируются на Европе, но «причинно-следственная связь действительна для других частей мира» (Ibid.: 21).

Понятие идентичности является одним из важнейших и для конструктивистского подхода. Региональная интеграция с этой точки зрения становится следствием формирующегося чувства «мы», общей культурной и цивилизационной принадлежности (Zimmerbauer, 2018). Согласно конструктивистскому подходу, государства выстраивают свою внешнюю политику не только исходя из материальных интересов, но и из идей, норм, ценностей (Carlsnaes et al., 2002). Изучая особенности гуманитарного сотрудничества России со странами Центральной Азии, А.С. Королев констатирует, что «именно организации третьего сектора формируют институциональную основу для трансляции культурно-гуманитарной повестки» (Королев, 2024: 13).

Американский конструктивист А. Вендт в своих исследованиях указывает, что «характер международной жизни определяется убеждениями и ожиданиями, которые агенты имеют друг о друге, и это устанавливается социальными, а не материальными структурами» (Wendt, 1999: 20). Формирование региональной общности, чувства принадлежности к единому социокультурному пространству происходит в ходе ежедневных практик взаимодействия между акторами разного уровня и становится предпосылкой для развития интеграционных процессов, для «конструирования» региона. Общественная дипломатия, в свою очередь, может «повышать общественную поддержку интеграционного вектора и увеличивать частоту контактов между регионами и странами или, наоборот, переориентировать интересы населения на другие геополитические центры притяжения» (Шлапек, 2017: 160).

Опираясь на идеи конструктивистов, авторы работы «Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России» полагают, что «самым оптимальным позиционированием “Большой Евразии” представляется конструируемое посредством взаимодействия региональное или макрорегиональное международное сообщество, в основе которого лежат не только история или цивилизационная общность, количество экономических проектов и взаимозависимость, но и особое качество и интенсивность отношений между образующими его государствами» (Суслов, Пятачкова, 2019: 16).

Таким образом, исследовательский вопрос, рассматриваемый в настоящей статье, заключается в том, способствует ли международная проектная деятельность российских НКО продвижению интеграционных идей Большой Евразии.

«Большая Евразия» как политический конструкт: официальный и научный дискурсы

Участие современной России в интеграционных процессах в мире, в Евразии в частности, демонстрирует курс на многополярность и сбалансированное сотрудничество с государствами при соблюдении жизненно важных интересов всех стран-партнеров, уважении их национальной идентичности и суверенитета. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации, «Россия стремится к преобразованию Евразии в единое общекионтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания»¹. При этом в документе политико-географические рамки понятия «Евразия» очерчены в узком и широком смыслах:

1) Евразия как государства ближнего зарубежья («сопряжение потенциалов СНГ и ЕАЭС, включая механизм взаимодействия между Россией и государствами Центрально-Азиатского региона»);

2) Евразия как евразийский континент с учетом Китайской Народной Республики и Республики Индия для «формирования широкого интеграционного контура – Большого евразийского партнерства – посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) <...> при задействовании экономического потенциала государств – членов Организации исламского сотрудничества»².

Помимо «формирования в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического пространства в Евразии», в концепции подчеркивается «содействие в формировании единого гуманитарного пространства Российской Федерации и государств – участников СНГ, сохранении многовековых цивилизационных и духовных связей народа России с народами этих государств»³. Еще один значительный аспект евразийской интеграции, продвигаемый Россией, – это привлечение стран БРИКС и ШОС к выстраиванию новой архитектуры евразийской безопасности из-за «усугубляющегося кризиса вокруг евроатлантических структур»⁴. В предложенном Россией и Белоруссией совместном видении Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке отмечается особенность и важность Евразии как «географического центра и материального фундамента формирующегося многополярного мира, здесь расположены древние цивилизации, вокруг которых сложились государства, интеграционные объединения, региональные организации и центры силы»⁵.

В настоящее время широкое распространение получили идеи расширения этой общности за счет других государств, например, в рамках политического проекта «Большой Евразии» (Суслов, Пятчкова, 2019; Литвинова, 2020; Новиков, Бочаров, 2025). Если оперировать географическими понятиями, то «Большая Евразия» фактически объединяет в себе весь Евразийский континент и Северную Африку, хотя из-за противоречий с Западом большая часть Европы в проекте участия не принимает. Для обоснования проекта используются различные цивилизационные теории, подробно рассматривается концепт «идентичность». Так, В.Г. Егоров подчеркивает, что «идентичность вообще и евразийская в частности есть порождение общности особого социального качества, возникающего в процессе исторически протяженного сосуществования, сопровождаемого взаимным культурным обменом» (Егоров, 2024: 114).

О возросшей роли культурно-цивилизационного подхода во внешней политике Российской Федерации свидетельствует и то, что в основополагающем внешнеполитическом документе Россия впервые определена в качестве «самобытного государства-цивилизации» со своими духовно-нравственными ценностями. Последнее нашло отражение и в Концепции гуманитарной политики Российской

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс], *Официальный сайт президента Российской Федерации*. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на Евразийских международных общественно-политических слушаниях по вопросам формирования архитектуры равной и неделимой системы безопасности и сотрудничества на пространстве Евразии, Пермь, 29 мая 2025 г. [Электронный ресурс], *Официальный сайт МИД РФ*. URL: <https://mid.ru/ru/maps/by/2020883/> (дата обращения: 12.11.2025).

⁵ Заявление Российской Федерации и Республики Беларусь о совместном видении Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI в. [Электронный ресурс], *Официальный сайт МИД РФ*. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/sgbr/1984612/ (дата обращения: 12.11.2025).

Федерации за рубежом. Данная концепция, с одной стороны, дополняет и развивает положения «Основных направлений политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» (2010). С другой стороны, она является «первым целостным профильным документом стратегического планирования гуманитарной политики России» (Неймарк, 2022: 279). Отметим, значительное увеличение количества упоминаний термина «ценность» (с 10 до 25 единиц), например: «формирование ценностных основ жизни российского общества», «поддержка, защита и продвижение за рубежом традиционных российских духовно-нравственных ценностей», «неприемлемость навязывания ценностей извне», «значимость общечеловеческих ценностей», «растущий в мире запрос на традиционные ценности», «ознакомление российской общественности с культурными ценностями других государств и народов»⁶.

Согласно концепции, направлениями гуманитарной политики становятся: «формирование активного восприятия Российской Федерации за рубежом, продвижение традиционных российских духовно-нравственных ценностей; поддержка и продвижение русского языка в качестве языка международного общения за рубежом; продвижение российской культуры за рубежом; продвижение российской науки и образования за рубежом; международное сотрудничество в области физической культуры и спорта, а также туризма, молодежи; оказание поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом; сохранение исторического и культурного наследия»⁷. Гуманитарное сотрудничество, которое включает в себя стратегическую триаду «культура – наука – образование» (Неймарк, 2022: 282), а также скоординированное взаимодействие в сферах спорта, туризма и сотрудничества в социальной области, способно обеспечить ценностный фундамент евразийской интеграции. Примерами гуманитарного сотрудничества на евразийском пространстве являются межгосударственные совместные образовательные программы, поддержка русского языка и межкультурных диалогов, молодежные и экспертные форумы, культурные обмены, а также проектная деятельность в рамках общественной дипломатии.

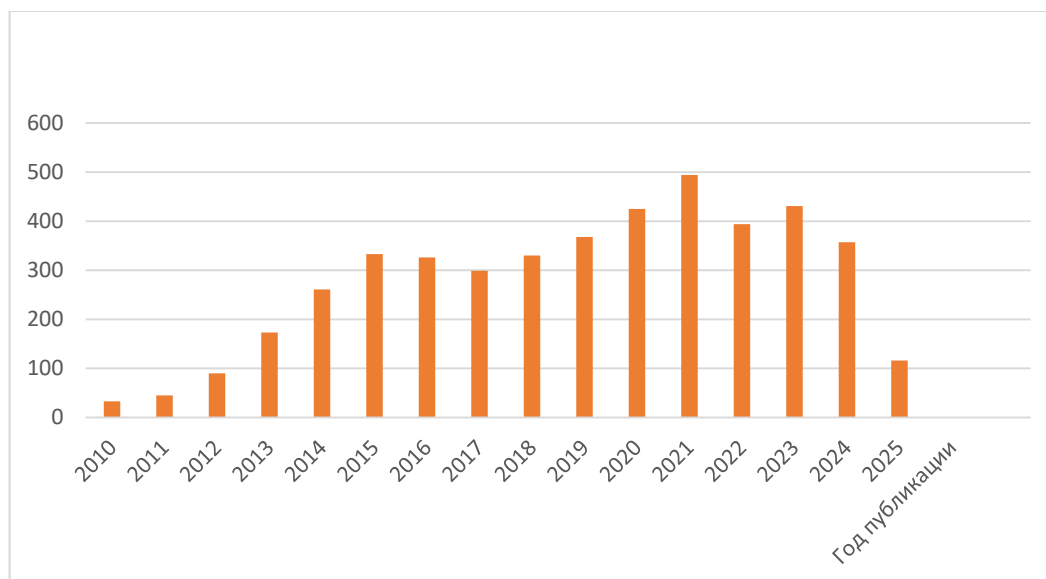
Помимо усиления евразийского политического дискурса в России, растет и научный интерес к проблематике евразийской интеграции в мире. Количество работ по теме *Eurasian integration* в одной из крупнейших открытых баз данных научной литературы *OpenAlex* насчитывает 4716 публикаций, первая из которых датируется 1978 г. Пик публикаций по данной тематике приходится на 2021 г. – 494 работы (рисунок). Статьи, вошедшие в данную выборку, представляют следующие области знаний: исторические, географические, биологические, экономические, философские и политические науки.

Среди ведущих организаций, занимающихся данной проблематикой, в первой десятке российские научные и академические учреждения: Российская академия наук, Московский государственный университет международных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и другие, затем следуют работы ученых из Казахского национального университета имени аль-Фараби, Китайской академии наук и Института Азиатского банка развития.

Большая часть статей затрагивает глобальные политические и экономические отношения (1163), Россию и советскую политическую экономию (384), экономическое и технологическое развитие в России (176), тенденции регионального социально-экономического развития (130), постсоветскую геополитическую динамику (88), Центрально-Азиатское образование и культуру (85). В работах анализируются успехи и проблемы экономической интеграции в Евразии (Курылев и др., 2022; Cerqua et al., 2024; Кротов, 2024), подчеркивается усиление социальной направленности евразийской интеграции (Соколова, 2019; Вардомский, Тураева, 2021), рассматриваются перспективы сопряжения проектов ЕАЭС и других инициатив (Литвинова, 2020; Serikkaliyeva, Makhanov, 2021). Как отмечают исследователи Д.П. Новиков и А.П. Бочаров, в работах китайских авторов «географические рамки Евразии разнятся в зависимости от основного международного актора: если речь идет о России, то она ограничивается рамками СНГ, но при описании Китая расширяется, включая в себя как Азию, так и страны Западной и Восточной Европы» (Новиков, Бочаров, 2025: 37).

⁶ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 5 сентября 2022 г.) [Электронный ресурс], *Официальный сайт президента Российской Федерации*. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/G3CkAuMhZXio8AzNaweT3wTGTaEA16OU.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).

⁷ Там же.

*Рис. Количество работ по теме Eurasian integration в базе данных OpenAlex /
Fig. Number of works on the topic Eurasian integration in the database OpenAlex*

В меньшей степени представлены работы, оценивающие социокультурные факторы евразийской интеграции, например, работы по вопросам гражданского общества (18), приграничного сотрудничества (11) и культурной идентичности (8). К социокультурным факторам евразийской интеграции российские ученые относят создание единого образовательного пространства (Спирина, 2020; Осадчая, 2023), вопросы трудовой миграции (Соколова, 2019; Delovarova, Sultanmuratov, 2023), практики сотрудничества приграничных территорий (Амелин, 2023; Сапрыка и др., 2023), активность институтов гражданского общества (Калашникова, Жасузаков, 2019; Левашов и др., 2023; Королев, 2024) и развитие потенциала «мягкой силы» (Оськина, 2024; Сквозь национальные..., 2022).

Критический анализ существующих публикаций позволяет констатировать, что в них недостаточное внимание уделяется деятельности НКО в Евразии. Настоящее исследование призвано восполнить указанный пробел путем анализа международных проектов российских НКО с партнерами из стран Большой Евразии, реализованных при поддержке Фонда президентских грантов.

Российская общественная дипломатия в Евразии (по материалам проектов Фонда президентских грантов)

Направления международного гуманитарного сотрудничества представлены в деятельности институтов публичной дипломатии РФ, таких как Фонд «Русский мир», Россотрудничество, Фонд президентских грантов (ФПГ) и ряда других. Однако работа с международными партнерами и аудиторией ведется не только государственными структурами, но и негосударственными, в частности НКО. Так, «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» является приоритетным направлением ФПГ с самого начала его существования – с 2017 г. За исследуемый период 2017–2025 гг. совокупно по названному направлению было поддержано и реализовано 587 грантов, при этом количество поданных заявок составляет более 2,8 тысяч.

Особенностью данного грантового направления является международный характер реализации проектов, подразумевающий проведение совместных мероприятий в России или за рубежом с участием как российских, так и иностранных экспертов в различных областях. В рамках исследования мы рассматривали содержательную сторону проектов многостороннего сотрудничества в Евразии и те двусторонние инициативы, которые ставили своей целью поддержку евразийской интеграции. Информация о проектах была получена на официальном сайте ФПГ: <https://президентские.гранты.рф>.

В работах ранее показана корреляция между участием в региональных интеграционных объединениях и количеством проектов общественной дипломатии, где лидирующие позиции занимают «Республики Казахстан (более 130 проектов или 23 % от общего числа выигранных заявок данного направления), Беларусь (18 %), Кыргызстан (16 %), Армения и Узбекистан (12 %), Таджикистан (10 %) и Азербайджан и Молдова (8 %)» (Шлапеко, Кондратьева, 2024: 186).

С 2017 по 2025 год конкурсная комиссия поддержала 196 проектов, направленных на развитие сотрудничества России с государствами Евразии. Стоит отметить, что президентская грантовая поддержка проектов, связанных с темой евразийства, характеризуется отчетливо выраженной территориальной и институциональной асимметрией. Анализ распределения грантов свидетельствует о значительной концентрации ресурсов в столичном регионе: подавляющее большинство проектов – около 70 % от общего числа – реализовано в Москве. Существенное количество проектов по евразийской тематике выполнено на приграничных территориях – 48 проектов (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Проекты общественной дипломатии ФПГ по евразийской тематике в 2017–2025 гг. /
Public diplomacy projects of financial-industrial groups on Eurasian issues in 2017–2025**

Субъект РФ <i>(серым цветом выделены приграничные субъекты)</i>	Количество проектов
Город федерального значения Москва	123
Республика Башкортостан	8
Город федерального значения Санкт-Петербург	7
Новосибирская область	7
Саратовская область	5
Астраханская область	5
Республика Татарстан	5
Калининградская область	4
Волгоградская область	4
Республика Карелия	3
Оренбургская область	3
Пермский край	3
Свердловская область	3
Самарская область	2
Белгородская область	2
Республика Мордовия	2
Челябинская область	2
Алтайский край	2
Забайкальский край	1
Ямало-Ненецкий автономный округ	1
Иркутская область	1
Город федерального значения Севастополь	1
Красноярский край	1
Курганская область	1

Источник: Составлено авторами по данным <https://президентские.гранты.рф>.

Большая часть организаций-победителей по евразийской тематике занимается научными исследованиями и разработками в области общественных и гуманитарных наук. Международные проекты реализуют также российские НКО, представляющие следующие сферы деятельности: культуру, спорт, здравоохранение, экологию, детей и молодежь, журналистику и СМИ. Целевой аудиторией проектов общественной дипломатии в странах Евразии становятся как представители широкой общественности, так и отдельные категории граждан (школьники, студенты, преподаватели, эксперты, журналисты и т.д.). Партнерами российских организаций в странах Евразии выступают профильные министерства и ведомства, региональные и муниципальные органы власти, образовательные учреждения среднего и высшего звена, дома дружбы и русские центры, что позволяет развивать сетевое взаимодействие на институциональном, профессиональном и личном уровнях.

Среди традиционных моделей взаимодействия с аудиториями зарубежных стран следует выделить проведение различных культурных, просветительских и спортивных мероприятий, создание методических пособий по изучению русского языка и реализацию образовательных программ. Инструменты публичной дипломатии, используемые в проектах, призваны способствовать донесению российских взглядов до зарубежной экспертной аудитории, а также формированию объективного

представления о подходах Российской Федерации. Отметим, что в формулировке целей и задач проектов фиксируется постепенный отход от термина «постсоветское пространство» с заменой на «новые государства Евразии», «евразийское пространство», что соответствует выбранному политическому дискурсу.

Важную роль играют проекты по развитию культурных связей работников кино и театральной индустрии, художественных галерей и музеев, а также спортсменов из стран Евразии. Например, в 2025 г. в странах Центральной Азии реализуется образовательная программа для авторов документальных фильмов «ДОМ ДОК». Как отмечено в конкурсной заявке, проект помогает развивать сценарные идеи, направленные на культурное сближение стран, и поддерживает совместное кинопроизводство, укрепляя творческие связи в регионе⁸. Также в 2025 г. при участии многих стран евразийского пространства организован волейбольный кубок дружбы для детей возраста 14 лет, принимающей стороной которого выступил город Новосибирск. Примечательно, что для участия в этих соревнованиях были приглашены в том числе делегации из «недружественных государств» в целях «продвижения позитивного имиджа российского спорта»⁹.

Среди победителей есть те, кто получили гранты в размере чуть более 300 тыс. руб., наряду с проектами, финансирование которых достигает 14–16 млн руб. Наибольшая сумма финансирования была направлена на проведение «Евразийского Кубка Чистоты: на пространстве СНГ» (2023) и составила 37 млн руб. В результате подготовки волонтеров в странах СНГ и ЕАЭС проведено 97 игр по очистке природных территорий от 120 тонн мусора при участии более 7000 человек¹⁰. Такие форматы способствуют расширению диалога с зарубежной аудиторией по актуальным проблемам, укреплению международных связей и продвижению позитивного образа России.

К недостаткам евразийских проектов общественной дипломатии следует отнести кратковременный и ознакомительный характер без значительных социальных изменений, что свидетельствует о необходимости разработки системы мониторинга и устойчивых моделей управления общественной дипломатии.

Кроме того, несмотря на активное медийное сопровождение большинства мероприятий, обращает на себя внимание небольшое число проектов, непосредственно ориентированных на развитие информационного пространства, что, в свою очередь, подтверждает значительный потенциал для дальнейшего роста. В этом контексте заслуживает внимания проект «XIX Международный медиафорум “Диалог культур”» (2025), нацеленный на поддержку молодых представителей новых медиа и креативных индустрий из России и стран Евразии и создание мультимедийных трансграничных проектов.

Образовательные проекты главным образом направлены на популяризацию русского языка, создание методических пособий и видеоуроков (фестиваль русского языка и культуры «Пушкинские встречи в Центральной Азии», 2024), проведение конкурсов, фестивалей и лагерей. С 2018 по 2024 г. АНО поддержки гуманитарных программ «Русская гуманитарная миссия» реализовало цикл проектов в странах СНГ для преподавателей русского языка. Однако есть отдельные проекты, связанные с изучением языков и традиций стран СНГ (Конгресс тюркологов «Юрта», 2022), и проекты, предполагающие взаимные визиты, совместные концерты, ответные мероприятия по знакомству с культурой стран Евразии (Культурный мост «Россия – Киргизия – Узбекистан», 2023).

Отдельно следует выделить проекты по сохранению исторической памяти (Международный форум победителей «Великая Победа, добытая единством») и созданию условий для противодействия фальсификации истории (Международная команда волонтеров 75-летия Победы, 2020). Задача по увековечиванию памяти воинов-освободителей и популяризация информации о ключевых событиях Великой Отечественной войны передана «Поисковому движению России», которое работает с 2013 г. во всех субъектах РФ.

Еще одной важной чертой рассматриваемого периода является высокая степень повторяемости получателей грантов (табл. 2). Несколько организаций, как правило, обладающих устойчивыми связями с органами государственной власти и научно-экспертным сообществом, получают значительную часть финансирования. В результате сложилась своеобразная система «якорных» исполнителей, для которых участие в конкурсе становится регулярным, в то время как инициативы региональных организаций реже получают поддержку.

⁸ Заявка № 25-2-009001 [Электронный ресурс], *Официальный сайт Фонда президентских грантов*. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=e80938c1-1d7c-41ef-9aa6-d03e44874c22> (дата обращения: 12.11.2025).

⁹ Заявка № 25-1-010531 [Электронный ресурс], *Официальный сайт Фонда президентских грантов*. URL: <https://xn--80afcd6alict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=ffd88ead-70bc-486a-813c-df2669c122e5> (дата обращения: 12.11.2025).

¹⁰ Евразийский Кубок Чистоты [Электронный ресурс]. URL: <https://world.cleangames.org/eurasia23> (дата обращения: 12.11.2025).

**Топ-10 организаций по реализации проектов общественной дипломатии /
Top 10 organizations implementing public diplomacy projects**

Название организации (место нахождения)	Название проекта (год)	Привлеченные средства, руб.
Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» (Москва)	Победа. Поиск. Дружба (2021) Без срока давности. Преступление и наказание (2022) Поиск без границ (2022) Живем в поиске. Юбилейный марафон (2023)	41 238 527
НО Фонд развития «Институт евразийских исследований» (Москва)	Международный форум победителей «Великая Победа, добытая единством» (2017, 2018, 2019, 2021)	23 338 289
НП «Политологический центр «Север – Юг» (Москва)	СМИ Содружества: синергия созидания (2017) Каспийская школа волонтерства «Меридианы доброй воли» (2019) Медиатренинг журналистов стран Содружества (2019) Молодежь Евразии: будущее строим вместе! (2018)	21 825 785
НА «Центр геополитических исследований “Берлек-Единство”» (Республика Башкортостан)	Общественная миссия «Экспертное противодействие экстремизму»: Россия – Центральная Азия (2018) Общественная миссия «Молодежь против экстремизма: Бишкек, Астана, Уфа» (2018) Международный молодежный форсайт «Концепция противодействия экстремизму» (2019) Международная общественная миссия «НЕ-протестный проспект» (2020) Международный молодежный коворкинг «Медиатория» (2020) Конгресс тюркологов «Юрта» (2022) Евразийская миссия «Юрта» (2023) Российско-казахстанский форсайт «Юрта» (2023)	18 545 496,6
Общероссийская общественно-государственная организация «Ассамблея народов России» (Москва)	Евразийская школа содружества и взаимопомощи «Севастополь – Россия – Мир» (2017) Международный конкурс «Лидер народной дипломатии» (2022) «Энергия Байкала» (2019)	15 992 973
НП «Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве» (Москва)	Международный информационно-просветительский проект «Евразийский мост» (2019) Лаборатория молодого аналитика «МедИА-Ция» (2020) Международная медиашкола «МедИАЦия» (2020) Медиаассамблея «Россия – Армения: партнерство во имя будущего» (2023)	14 193 366
АНО «Институт русского зарубежья» (Москва)	Международный проект в сфере публичной дипломатии «Точки Роста» (2020, 2023)	11 572 529

Оконч. табл. 2 / Table 2 (concluded)

Название организации (место нахождения)	Название проекта (год)	Привлеченные средства, руб.
Ассоциация «Центр международных и общественно-политических исследований “Каспий – Евразия”» (Астраханская область)	Каспийская медиашкола (2019) Международная онлайн-школа «Русский язык как инструмент межнационального согласия» (2019) Летняя Каспийская медиашкола – 2021 Каспийская школа молодых профессионалов «КаспПрофи» (2023)	8 969 747
НП «Экспертный клуб “Сибирь – Евразия”» (Новосибирская область)	Евразийская школа общественной дипломатии и международных отношений (2017) XX век в исторической памяти России и Казахстана (2019) Большое евразийское партнерство: взгляд с Востока и Запада (2022)	8 769 482
АНО «Научный центр международных исследований “ПИР”» (Москва)	Международная школа молодых лидеров стран СНГ «Глобальные вызовы безопасности и укрепление сотрудничества на евразийском пространстве» (2018, 2019)	8 545 184

Источник: Составлено авторами по данным <https://npresidentские гранты.рф>.

Знакомство с профилями организаций-лидеров показало, что в большинстве случаев проектами общественной дипломатии руководят выдающиеся государственные и общественные деятели, известные ученые и опытные практики: Р.Г. Абдулатипов (почетный председатель Ассамблеи народов России), К.Г. Затулин (директор Института диаспоры и интеграции), В.А. Орлов (директор «ПИР-Центра») и др. Многие из них сыграли ключевую роль в становлении государственной национальной политики в России и появлении первых общественных инициатив по гармонизации межнациональных отношений.

Однако к 2025 г. начинают проследиваться новые тенденции. Во-первых, сложившийся пул организаций не представлен в числе победителей предыдущих грантовых конкурсов. Во-вторых, заметно возросло финансирование многих проектов. В-третьих, география проектов распространяется не только на традиционное пространство СНГ, но и на ведущие страны Азии, что перекликается с обновленной Концепцией внешней политики РФ. Если с 2017 по 2024 г. ежегодно поддержку получал один-два проекта с участием партнеров из Китая, Монголии, Индии, то в 2025 г. количество азиатских культурно-просветительских проектов выросло до восьми с общим объемом финансирования более 45 млн руб., что составляет четверть средств, выделенных по направлению «общественная дипломатия и поддержка соотечественников».

Ярким примером данной тенденции является серия проектов-фестивалей «Слово о русском сердце», стартовавшая летом-осенью 2024 г. в Китае и Индии и продолжающаяся в разные месяцы 2025 г. в Индонезии, Вьетнаме и Таиланде. Фестиваль направлен на продвижение российской культуры и традиций за рубежом через выставки, ярмарки, гала-концерты и деловые встречи с участием представителей власти, бизнеса и культуры. По словам Евгения Примакова, руководителя Россотрудничества, что «такие культурно-просветительские проекты – ключевой инструмент общественной дипломатии»¹¹. Важно отметить, что инициатором и куратором серии проектов является Россотрудничество, но практической организацией мероприятий занимаются партнеры, в том числе НКО, при этом финансирование варьируется. Так, гранты ФПГ были выделены АНО «Центр креативных индустрий “Новый город”» для проектов в Индии (12,4 млн руб.) и Таиланде (14,6 млн руб.), а финансирование мероприятий в Китае, Индонезии и Вьетнаме осуществлялось из других источников.

¹¹ Международный культурно-просветительский фестиваль «Слово о русском сердце» пройдет в Таиланде и Индонезии [Электронный ресурс], *Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации*. URL: https://culture.gov.ru/press/news/mezhdunarodnyy_kulturno_prosvetitel'skiy_festival_slovo_o_russkom_serdtse_proydet_v_tailande_indonezi/ (дата обращения: 12.11.2025).

В целом эти процессы свидетельствуют о постепенном смещении акцента от традиционных партнеров из стран Центральной Азии к развитию связей с ключевыми игроками Большой Евразии, что еще раз подтверждает тезис о расширении евразийской интеграции.

Заключение

Проекты общественной дипломатии являются важнейшим инструментом гуманитарного влияния России в Евразии, а также элементом устойчивой кооперации в процессе региональной интеграции. Анализ распределения грантов свидетельствует о значительной концентрации ресурсов в столичном регионе, где реализовано большинство проектов. В результате сложилась своеобразная система «якорных» исполнителей, для которых участие в конкурсе становится регулярным, в то время как инициативы региональных организаций реже получают поддержку. Гуманитарная консолидация в Евразии достигается посредством популяризации русского языка, образовательной интеграции и молодежной мобильности. В 2025 г. заметно возросло финансирование проектов, а их география вышла за рамки СНГ, распространившись на ведущие страны Азии. Потребность в сотрудничестве в регионе очевидна, и развитие контактов между странами Евразии через проекты российских и зарубежных НКО может способствовать не только сохранению уже имеющихся межгосударственных связей, но и стать одной из движущих сил евразийской интеграции.

Список литературы / References

- Амелин, В. В. (2023) 'Приграничный регион в контексте евразийского сотрудничества (пример Оренбуржья)', *Вестник РИГУ. Серия "Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения"*, 3, сс. 130–140. [Amelin, V. V. (2023) 'Border Region in the Context of Eurasian Cooperation (Case of Orenburg Region)', *Vestnik RSUH. Series "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations"*, 3, pp. 130–140. (In Russ.)]. DOI: 10.28995/2686-7648-2023-3-130-140
- Борисенко, М. С. (2025) 'Многоуровневое управление в Европейском союзе: как объяснить принятие решений за пределами «правил игры»? ' *Политическая наука*, 3, сс. 232–252. [Borisenko, M. S. (2025). 'Multilevel governance in the European Union: how to explain decision-making beyond the "rules of the game"?', *Political science*, 3, pp. 232–252. (In Russ.)] DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.10>
- Вардомский, Л. Б., Тураева, М. О. (2021) 'Евразийская интеграция в контексте специфики моделей экономического развития стран-участниц'. *Белорусский экономический журнал*, 3(96), сс. 15–28. [Vardomskiy, L. B., Turaeva, M. O. (2021). 'Eurasian Integration in the Context of Economic Development Models of the Member States', *Belarusian Economic Journal*, 3(96), pp. 15–28. (In Russ.)] DOI: 10.46782/1818-4510-2021-3-15-28
- Егоров, В. Г. (2024) 'Место и роль России в евразийской идентичности'. *Вестник МарГУ. Серия "Исторические науки. Юридические науки"*, 10 (2), сс. 101–116. [Egorov, V.G. (2024). 'The Place and Role of Russia in Eurasian Identity', *Vestnik of Mari State University. Series "Historical and Legal Sciences"*, 10(2), pp. 101–116. (In Russ.)] DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-2-101-116
- Калашникова, Н. П., Жасузаков, С. А. (2019) 'Большая Евразия в контексте народной дипломатии', *Общество*, 1(12), сс. 92–98. [Kalashnikova, N.P., Zhasuzakov, S.A. (2019) 'Greater Eurasia in the Context of People's Diplomacy', 1(12), pp. 92–98. (In Russ.)].
- Королев, А. С. (2024) 'Особенности гуманитарного сотрудничества РФ со странами Центральной Азии на современном этапе'. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 2, сс. 12–23. [Korolev, A.S. 'Features of Russia's Humanitarian Cooperation with Central Asian Countries at the Present Stage', *Oikumena. Regional Studies*, 2, pp. 12–23. (In Russ.)] DOI: 10.24866/1998-6785/2024-2/12-23
- Кротов, М. И. (2024) 'Евразийский экономический союз и многополярная глобализация'. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 18 (1), сс. 15–24. [Krotov, M. I. (2024) 'Eurasian Economic

- Union and Multipolar Globalization', *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 18(1), pp. 15–24. (In Russ.)] DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-15-24
- Курылев, К. П., Малышев, Д. В., Станис, Д. В. (2022). 'Страновое измерение процессов евразийской интеграции в СНГ'. *Мировая экономика и международные отношения*, 66(1), сс. 119–128. [Kurylev, K. P., Malyshev, D. V., Stanis, D. V. (2022) 'Country-Level Dimensions of Eurasian Integration in the CIS', *World Economy and International Relations*, 66(1), pp. 119–128. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-1-119-128
- Левашов, В. К., Шушпанова, И. С., Афанасьев, В. А., Новоженина, О. П. (2019). 'Российское гражданское общество и государство в процессах евразийской интеграции'. *Наука. Культура. Общество*, 3–4, сс. 66–77. [Levashov, V. K. et al. (2019) 'Russian Civil Society and the State in the Processes of Eurasian Integration', *Science. Culture. Society*, 3–4, pp. 66–77. (In Russ.)].
- Литвинова, Т. Н. (2020) 'Россия в большом евразийском партнерстве: от цивилизационной теории к политической практике'. *Право и управление. XXI век*, 16(2), сс. 33–42. [Litvinova, T.N. (2020) 'Russia in the Greater Eurasian Partnership: From Civilizational Theory to Political Practice', *Law and Administration. XXI Century*, 16(2), pp. 33–42. (In Russ.)]. DOI: 10.24833/2073-8420-2020-2-55-33-42
- Неймарк, М. А. (2022) 'Гуманитарная политика России за рубежом: концептуальная перезагрузка'. *Проблемы постсоветского пространства*, 2022, 9(3), сс. 279–288. [Neimark, M. A. (2022). 'Russia's Humanitarian Policy Abroad: A Conceptual Reload', *Post-Soviet Issues*, 9(3), pp. 279–288. (In Russ.)]. DOI: 10.24975/2313-8920-2022-9-3-279-288
- Новиков, Д. П., Бочарова А. П. (2025) 'В поисках Евразии: сравнительный анализ экспертного и академического дискурсов о евразийском регионализме в России и КНР'. *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 25–40. [Novikov D. P., Bocharova A. P. (2023) 'In Search of Eurasia: Comparative Analysis of Expert and Academic Discourse on Eurasian Regionalism in Russia and China', *Polis. Political Studies*, 3, pp. 25–40. (In Russ.)] DOI: 10.17976/jpps/2025.03.03
- Осадчая, Г. И. (2023) 'Социогуманитарное сотрудничество членов ЕАЭС: смыслы и инструменты', *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 3, сс. 623–633. [Osadchaya, G. I. (2023) 'Socio-Humanitarian Cooperation between EAEU Member States: Meanings and Tool', *RUDN Journal of Sociology*, 3, pp. 623–633. (In Russ.)] DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-623-633
- Оськина, О. И. (2024). 'Евразийский потенциал "soft power" в контексте новой геополитической реальности'. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2024, 3(80), сс. 91–99. [Oskina, O. I. Eurasian "Soft Power" Potential in the Context of New Geopolitical Reality [Evraziyskiy potencial "soft power" v kontekste novoy geopoliticheskoy real'nosti]. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 2024, 3(80), pp. 91–99. (In Russ.)]. DOI: 10.54398/1818-510X.2024.80.3.010
- Сапрыка, В. А., Пастюк, А. В., Солоха, В. В. (2023) 'Потенциал общественной дипломатии приграничных регионов для снижения социокультурных угроз западного порубежья России', *Сравнительная политик*, 14(1–2), сс. 39–56. [Sapryka, V.A., Pastyuk, A. V., Saloha, V. V. (2023) 'Public Diplomacy Potential of Border Regions for Mitigating Sociocultural Threats in Russia's Western Frontier', *Comparative Politics Russia*, 14 (1–2), pp. 39–56. (In Russ.)] DOI: 10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-39-56
- Пустошинская, О. С., Влаеминк, Э., Гавриков, А. А. и др. (2022) *Сквозь национальные границы: актуальный взгляд на дипломатию негосударственных акторов*. Москва. 272 с. ISBN 978-5-16-017485-3. [Pustoshinskaya O. S., Vlaeminck E., Gavrnikov A. A. (2022) *Across National Borders: An Up-to-date Look at the Diplomacy of Non-State Actors* Moscow. 272 p. (In Russ.)] DOI 10.12737/1857408
- Соколова, Т. (2019) 'Евразийская интеграция: социальный аспект'. *Россия и новые государства Евразии*, III (XLIV), сс. 27–42. [Sokolova, T. (2019) 'Eurasian Integration: Social Aspect', *Russia and New States of Eurasia*, III (XLIV), pp. 27–42. (In Russ.)] DOI: 10.20542/2073-4786-2019-3-27-42

- Спирина, М. Ю. (2020) 'Гуманитарное измерение евразийской интеграции'. *Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения*, 10, сс. 24–30. [Spirina, M. Yu. (2020) 'The Humanitarian Dimension of Eurasian Integration', *Eurasianism: Theoretical Potential and Practical Applications*, 10, pp. 24–30. (In Russ.)]
- Суслов, Д. В., Пятачкова, А. С. (2019). 'Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России'. *Вопросы географии*, 148, сс.16–53. [Suslov, D. V., Pyatachkova, A. S. (2019). 'Greater Eurasia: Conceptualization of Concepts and Place in Russia's Foreign Policy', *Geography questions*, 148, pp. 16–53. (In Russ.)]
- Шлапеко, Е. А., Кондратьева, С. В. (2024) 'Развитие и государственная поддержка общественной дипломатии (на примере Фонда Президентских грантов)', *Вестник Томского государственного университета*, 503, сс. 181–191. [Shlapeko, E. A., Kondratyeva, S. V. (2024) 'Development and State Support of Public Diplomacy' (Case of the Presidential Grants Foundation), *Tomsk State University Journal*, 503, pp. 181–191. (In Russ.)] DOI: 10.17223/15617793/503/18
- Шлапеко, Е. А. (2017) 'Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве', *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 1(40), сс. 152–162. [Shlapeko, E. A. (2017). 'Institute of public diplomacy and its place in cross-border social and cultural space', *Oikumena. Regional studies*, 1(40), pp. 152–162. (In Russ.)].
- Baldwin, R. E. (1993) *A domino theory of regionalism: NBER Working Paper No. 4465*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. 39 p. <https://doi.org/10.3386/w4465>
- Carlsnaes, W., Risse, Th., Simmons, B. A. (2002) *Handbook of International Relations*. London: SAGE. 690 p.
- Cerqua, F., Montalbano, P., Temerbulatova, Z. (2024) 'A decade of Eurasian integration: An ex-post non-parametric assessment of the Eurasian economic union', *International Economics*, 178. DOI: 10.1016/j.inteco.2024.100506
- Delovarova, L. F., Sultanmuratov, N. (2023) Migration in Central Asian Countries in the Context of EEU Integration and New International Realities. *DEMIS. Demographic Research*, 3 (3), pp. 71–86. DOI: 10.19181/demis.2023.3.3.5
- Hooghe, L., Marks, G. A. (2009) Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus. *British Journal of Political Science*, 39(1), pp.1-23. DOI: 10.1017/S0007123408000409
- Marks, G. (1993) 'Structural policy and multilevel governance in the EC', in: Cafruny A.W., Rosenthal G. (eds.) *The state of the European community*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner, pp. 391–411.
- Serikkaliyeva, A., Makhanov, K. (2021) 'The Eurasian Economic Union As Part Of Eurasian (Dis)Integration', *Eastern Journal of European Studies*, 12, pp. 276–290. DOI: 10.47743/ejes-2021-0112
- Zimmerbauer, K. (2018) 'Supranational Identities in Planning, *Regional Studies*', 52(7), pp. 911–921. DOI: 10.1080/00343404.2017.1360481
- Wendt, A. (1999). *Social theory of international politics*. Cambridge University Press, 429 p.

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 15.04.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Шлапек Екатерина Андреевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: shlapenko_kate@mail.ru (ORCID: [0000-0003-3518-4543](https://orcid.org/0000-0003-3518-4543). ResearcherID: L-8234-2017).

Шалтаева Людмила Александровна, стажер-исследователь.
E-mail: mila.shaltaeva@gmail.com (ORCID: [0009-0006-6121-3175](https://orcid.org/0009-0006-6121-3175)).

Шалтаев Олег Алексеевич, стажер-исследователь.
E-mail: oshaltayev@gmail.com (ORCID: [0009-0003-9084-9453](https://orcid.org/0009-0003-9084-9453)).

Information about authors

Ekaterina A. Shlapenko, Candidate of Sciences (in Politics), Senior Researcher.
E-mail: shlapenko_kate@mail.ru (ORCID: [0000-0003-3518-4543](https://orcid.org/0000-0003-3518-4543). ResearcherID: L-8234-2017).

Liudmila A. Shaltaeva, Junior Researcher.
E-mail: mila.shaltaeva@gmail.com (ORCID: [0009-0006-6121-3175](https://orcid.org/0009-0006-6121-3175)).

Oleg A. Shaltaev, Junior Researcher.
E-mail: oshaltayev@gmail.com (ORCID: [0009-0003-9084-9453](https://orcid.org/0009-0003-9084-9453)).

Обзоры

УДК-320.01:323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-172-177

РАЗДЕЛЯЯ НАРОДЫ, СОЕДИНЯЯ ГОСУДАРСТВО: КАК ВОЗМОЖНА ЭТНИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ?

Н. В. Борисова

Борисова Надежда Владимировна,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация.

Аннотация

Этнический федерализм в институциональном и процедурном отношении является сложным способом поддержания территориальной целостности страны и одновременно обеспечения политического представительства этнических групп. Именно так на этнический федерализм в своем исследовании «Этнические федерации: сравнительное исследование» смотрит известный российский политолог М. Х. Фарухшин (Этнические федерации: сравнительное исследование. М.: Директ-Медиа, 2023. 460 с.). Монография М. Х. Фарухшина посвящена обсуждению природы и признаков классической модели этнической федерации. Обращаясь к сравнительному анализу двенадцати стран – Бельгии, Боснии и Герцеговины, Индии, Испании, Канады, Малайзии, Непала, Нигерии, Пакистана, России, Швейцарии и Эфиопии, автор монографии эмпирически выделяет и концептуально обосновывает пять ключевых признаков современной этнической федерации: этнотерриториальный принцип выделения ее субъектов, наличие титульных групп и закрепленных за ними привилегий, регионализованная партийная система с сильными этнорегиональными партиями, механизмы политического представительства этнических групп и институционализированное право вето. Автор подчеркивает, что эффекты функционирования этнической федерации зависят от широкого институционального контекста: гарантий индивидуальных и коллективных прав, устойчивости конституционного дизайна и соотношения этнической и гражданской идентичностей.

Ключевые слова: этническая федерация; этнический федерализм; этнические группы; этническая идентичность; гражданская идентичность; модели этнической федерации; индивидуальные и коллективные права

Для цитирования: Борисова, Н.В. (2026) 'Разделяя народы, соединяя государство: как возможна этническая федерация?', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 172-177. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-172-177

DIVIDING PEOPLES, HOLDING THE STATE TOGETHER: HOW IS AN ETHNIC FEDERALISM POSSIBLE?

N. V. Borisova

Nadezhda V. Borisova,
Perm State University, Perm, Russian Federation.

Abstract

This article reviews M. Kh. Farukshin's monograph *Ethnic Federations: A Comparative Study* (Moscow: Direct-Media, 2023, 460 p.), which examines ethnic federalism as a complex mechanism for maintaining territorial integrity while ensuring political representation of ethnic groups. The monograph discusses the nature and defining features of the classical model of ethnic federation. Drawing on a comparative analysis of twelve

countries – Belgium, Bosnia and Herzegovina, India, Spain, Canada, Malaysia, Nepal, Nigeria, Pakistan, Russia, Switzerland, and Ethiopia – the author empirically identifies and conceptually substantiates five key characteristics of contemporary ethnic federations: the ethno-territorial principle of constituent unit formation; the existence of titular groups and constitutionally entrenched privileges; a regionalized party system with strong ethno-regional parties; mechanisms of political representation for ethnic groups; and institutionalized veto rights. The author emphasizes that the effects of ethnic federalism depend on a broader institutional context, including guarantees of individual and collective rights, the stability of constitutional design, and the relationship between ethnic and civic identities.

Keywords: ethnic federation; ethnic federalism; ethnic groups; ethnic identity; civic identity; models of ethnic federalism; and individual and group rights

For citation: Borisova, N. V. (2026) ‘Dividing peoples, holding the state together: how is an ethnic federalism possible?’, *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 172-177. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-172-177

Исследование сущностных характеристик этнического федерализма и институциональных эффектов этнической федерации, несмотря на длительную историю академического существования, представляется актуальным и в настоящее время. Вопрос об этническом федерализме как о политическом принципе находится в области пересечения и взаимовлияния таких основополагающих проблем современной политики, как государство, нация, идентичность, демократия и насилие. В свою очередь, этническая федерация в политико-институциональном отношении является ответом на вопрос о способах и механизмах существования единого государства в условиях, когда образующее его общество отличается глубокое культурное и этническое разнообразие. Иными словами, этнический федерализм является ответом на решение такой политической проблемы, которая включает несколько задач: сохранение территориальной целостности страны, обеспечение политического представительства этнических групп при условии сохранения самобытности их культуры, языка. И в этом смысле принцип этнического федерализма можно рассматривать как наиболее институционально оформленный ответ на эту политическую проблему, поскольку, в отличие от федерализма как такового, он предполагает, что этнические различия следует признавать и встраивать в структуру государства. И уже это нас приводит к мысли о том, что этнический федерализм в институциональном и процедурном отношении является сложным ответом, выбор которого не так уж и часто встречается в политической практике. Этот факт в своей монографии «Этнические федерации: сравнительное исследование» фиксирует известный российский политолог М. Х. Фарукшин (Фарукшин, 2025).

Исследование, предпринятое автором, масштабно: на основе обширного пласта литературы, посвященной федерациям и этническому федерализму, он ставит вопрос о сущностных признаках (отличительных чертах) этнического федерализма и дает ответ на него на основе сравнительного анализа современных этнических федераций. М. Х. Фарукшин последовательно и логически строго выстраивает свое исследование. В первой главе «Этнический федерализм: российский и зарубежный опыт» (Фарукшин, 2025: 25–85) он погружает читателя в дискурс об этническом федерализме в современной политической науке, показывает основные дискуссионные линии и разломы. Для него важным оказывается представить природу этнического федерализма в сравнении с (территориальным) федерализмом. Автор пишет, что «этнический федерализм в наибольшей степени соответствует этническому многообразию и этнически разделенному обществу» (Там же: 85).

М. Х. Фарукшин обращается к работам таких «гуру» этнофедерализма, как Л. Андерсон, У. Кимлика, Дж. Макгэрри, Б. О’Лири, Д. Горовиц, Г. Хейл (Kymlicka, 2005; McGarry, O’Leary, 1995, 2007, 2009; Horowitz, 1985; Hale, 2004) и др., и через их критическое прочтение показывает, что центральным является обсуждение вопроса о том, снижает ли такой центральный элемент этнического федерализма, как институционализация этничности, этнополитические конфликты или, наоборот, усиливает их. Нормативно автор встает на позиции тех сторонников этнического федерализма, которые считают, что в глубоко разделенных обществах этничность требует внимания и этнофедерализм создает институты и механизмы политического представительства этнических меньшинств, тем самым снижая риск сепаратизма. Вслед за У. Кимликой (Kymlicka, 2005), для которого признание групповых (этнических) различий есть условие стабильности государства, а также споря с Д. Горовицем (Horowitz, 1985), выступающим с тезисом о том, что этнофедерализм усиливает этничность и провоцирует этнополитические конфликты, автор показывает, что этнический федерализм является не столько способом

урегулирования последних через институционализацию этнотерриториальной автономии и политического представительства, сколько нацелен на преодоление вызовов этнически расколотого общества и обеспечение территориальной целостности государства (Фарукшин, 2025: 83).

Во второй главе «Этнические федерации: pro et contra» (Там же: 86–146) автор монографии продолжает экскурс в дебаты об этнофедерализме, фокусируясь на сопутствующих его институционализации проблемах: 1) политические вариации и эффекты этнической территориальной автономии; 2) институциональные и идентитарные причины сепаратизма в этнических федерациях; 3) проблемы асимметрии в институциональном устройстве этнической федерации; 4) соотношение этнической и гражданской идентичности. Обращаясь как к теоретической литературе, так и к историческим примерам функционирования этнических федераций, М. Х. Фарукшин выделяет важнейший конституирующий элемент этнической федерации – этническую территориальную автономию (ЭТА), понимание которой, как представляется, у него является нормативным, что, однако, ни в коем случае не снижает эвристического потенциала предлагаемого им подхода. Он рассматривает институт ЭТА в качестве инструмента достижения важных для этнической группы целей сохранения этнической идентичности в сочетании с общегражданской, а также поддержки языка и культуры. Кроме того, ЭТА позволяет решать задачи «обеспечения экономического прогресса региона» (Там же: 95). М. Х. Фарукшин рассматривает право этнической группы на территориальную автономию как производное от права на внутреннее самоопределение в границах государства. И институциональную возможность на удовлетворение этого, если угодно, примордиального права группы на внутреннее самоопределение он видит как пример мирного способа достижения автономии. Автор не останавливается на позитивных эффектах институционализации ЭТА. Напротив, он предлагает обсуждать и негативные ее последствия. Так, М. Х. Фарукшин не исключает «эффекта домино», когда предоставление автономии одной этногруппе может стимулировать артикуляцию подобных требований со стороны других. Расширение круга ЭТА повышает риск сепаратизма. Однако сразу же он делает оговорку о том, что этот риск возможный. И вот здесь, как нам кажется, мы снова оказываемся в поле дискуссии о конфликтогенном или «миротворческом» потенциале этнического федерализма, которая как нельзя актуальна для теоретической интерпретации функционирования этнической федерации в современном мире.

Кейсы Эфиопии, Бельгии, Боснии и Герцеговины, Индии, Испании, Малайзии, Непала, Нигерии, Пакистана, Швейцарии, России, Канады, относимые с разными оговорками в исследовательской литературе к случаям этнического федерализма, автор описывает в третьей главе «Общее и особенное в опыте этнических федераций». Именно на примере этнического федерализма в Эфиопии хорошо видна линия водораздела между сторонниками и противниками тезиса о его значении в урегулировании этнополитического конфликта и обеспечении территориальной целостности. Действительно, Конституция 1994 г. зафиксировала принцип этнического федерализма, установленный в 1991 г. Хартией переходного периода Эфиопии. Страна была разделена на регионы по этнолингвистическому принципу, а в национальную конституцию было внесено право на сепессию. Позитивный взгляд на этнофедерализм в Эфиопии позволяет зафиксировать следующие его эффекты: 1) система дала ранее маргинализированным этническим миноритарным группам политическое представительство; 2) было институционально признано языковое и культурное многообразие страны; 3) был деинституционализирован сохранявшийся долгое время амхарский национализм. С другой стороны, институционализация этнической федерации усилила конкуренцию этнических групп за властные ресурсы. Фактически этничность стала главным механизмом доступа к властным позициям и ресурсам, что стимулировало рост межэтнических конфликтов, которые далеко не всегда протекают ненасильственным образом¹.

Включение автором монографии Испании в набор случаев для сравнения (Фарукшин, 2025: 189–201) кажется интересным для обсуждения логики построения сравнительного анализа. Он сразу отмечает, что *de jure* Испания не является федерацией: «...современная Испания формально не является федерацией (понятие “федерализм” отсутствует в испанской конституции), в российской и зарубежной политической науке общепризнано, что фактически по своим важнейшим признакам Испания – это федеративное государство, и, по существу, отношения между центром и Каталонией, центром и Страной Басков, центром и другими автономными сообществами строятся на федеративных началах» (Там же: 189).

Действительно, Испанию нередко рассматривают в качестве *de facto* федерации или же относят к т. н. «федерализирующимся» или «федерированным» государствам (*federacy*). В случае этой страны

¹ База данных «Политико-территориальная гетерогенность, движения за самоопределение и институциональные реформы» (IR-SDM Dataset) [Электронный ресурс]. URL: https://identityworld.ru/maps_aera/database/IR-SDM_Dataset_codebook.pdf (дата обращения: 11.02.2026).

важно зафиксировать ее административно-территориальную сложноустроенность, которая является следствием унитарной формы и фактическим федерированным распределением власти между центром и регионами. В соответствии с Конституцией 1978 г. Испания является «единым и неделимым государством» (*Estado unitario*), ее суверенитет не делится между центром и образующими ее административно-территориальными единицами субнационального уровня. Более того, автономные сообщества в ее составе не обладают конституционно гарантированным статусом субъектов федерации, а центр (Мадрид) сохраняет принципиальное верховенство. Тогда для чего испанский случай включен в сравнительный анализ? И хотя М. Х. Фарукшин специальным образом не дает ответ на этот вопрос, можно предположить, что отбор его обусловлен целеполаганием и собственно дизайном сравнения. Автор посредством сравнения ставит цель выявить и охарактеризовать признаки, которые имманентно присущи настоящей этнической федерации (Там же: 142), а потому для него важным является подвергнуть анализу все случаи, которые в исследовательской литературе относят к ряду этнофедералистских. Такой подход позволяет отделить зерна от плевел: испанский кейс показывает, что институционализация для этнической группы территориальной автономии, равно как выделение субъекта федерации по этническому признаку, едва ли достаточные характеристики этнической федерации. Испания действительно, как показывает М. Х. Фарукшин, имеет некоторые элементы этнотерриториального устройства. Но испанские автономные регионы создавались не только по этническому, и по историческому и административному принципу. Еще более важно то, что испанское государство не фиксирует этничность как политическую категорию, не институционализирует политическое представительство групп по этническим квотам и, соответственно, не создает этническое гражданство.

Логика последовательного описания и сравнения двенадцати государств позволила автору выделить сущностные признаки этнической федерации и предложить модель классического этнофедерализма. Этому посвящена четвертая глава монографии – «Классическая модель этнической федерации». Настоящая этническая федерация, считает автор, должна соответствовать пяти признакам (Там же: 320–333). Во-первых, этнотерриториальный принцип организации / выделения субъектов как первого, так и второго субнационального уровней. Во-вторых, доминирующее положение в этническом энтитете одной или двух этнических (титulyных) групп, которые в населении всей страны могут быть и миноритарными. Эти группы конституционно обеспечены привилегиями, например, связанными с задачами защиты и поддержки этнического языка или культуры. В-третьих, регионализованная партийная система, важной компонентом которой являются этнорегиональные партии, выступающие проводниками интересов и политического представительства этнических групп. В-четвертых, институционализация механизмов представительства этнических групп в органах власти. Здесь особо нужно подчеркнуть важную идею, которую формулирует и концептуально обосновывает автор: политическое представительство этнической группы обеспечивает ее связь с политической властью, идентификацию с политической системой и тем самым – ее социальную интеграцию (Там же: 326–327). Не менее важным измерением политического представительства этнических групп являются институты и механизмы системы power-sharing, а именно такой ее элемент, как распределение власти (*shared rule*) между этническими группами. Пятый признак – т. н. «институционально признанное право вето этнических групп на предлагаемые властью или иными субъектами решения» (Там же: 336). Наличие права вето, считает автор, усиливает систему политического представительства, поскольку без согласия членов (представителей) группы решения не могут быть приняты: от изменения акта, конституирующего, например, статус ЭТА или привилегии этногруппы, до решения рутинных вопросов финансового порядка.

Пятая глава посвящена лингвистическому измерению этнических федераций. Автор последовательно анализирует роль языков, особенности языковой ситуации и практики управления ею в этнических федерациях, в том числе на примере организации и функционирования системы образования. Эти вопросы автор обсуждает, обращаясь к случаям указанных выше стран. Важно, что исследователь подчеркивает конфликтогенный потенциал языковых ситуаций и языковых политик, рассматривать которые следует, конечно, в связи друг с другом.

Выделенные автором пять признаков классической этнической федерации позволяют отнести к таковой только четыре страны из двенадцати, включенных в сравнение – Бельгию, Боснию и Герцеговину, Малайзию и Эфиопию. Примечательно, и автор делает на этом акцент, что Россия не является случаем этнической федерации, поскольку только один признак из пяти (энтотерриториальный принцип организации / выделения субъектов федерации) характерен для нашей страны. На основании этого М. Х. Фарукшин делает вывод о том, что едва ли этнический фактор угрожает территориальной целостности нашей страны: «...В нынешнем состоянии федерализма России решающую роль играет,

конечно, не этнический фактор, а, главным образом, социально-политические условия, в которых вынуждена функционировать федерация» (Там же: 338).

Вместе с тем автор не ставит вопрос об эффектах этнофедерализма: он концептуально не фокусируется специальным образом на его конфликтогенном или «миротворческом» потенциале. В заключении он подчеркивает, что при обсуждении сущностных признаков и функционирования этнической федерации вопросы о том, хороша или плоха она, едва ли важны. Но вопрос об эффектах этнофедерализма представляется важным, а потому хочется продолжить логику, предложенную автором: сам по себе этнический федерализм действительно не обеспечивает территориальную целостность, не решает этнотерриториальный конфликт, равно как не запускает сецессию. Конкретные эффекты этнического федерализма обусловлены более широким институциональным контекстом, включающим институционализированную сложную систему защиты и гарантии как индивидуальных прав вне зависимости от этнической принадлежности и коллективных прав этнических групп, ненарушение конкретной политико-правовой практикой закрепленного конституцией институционального дизайна, комплиментарность друг другу этнической и общегражданской идентичностей в идентификационной матрице общества.

Прочтение работы М. Х. Фарукшина наталкивает на мысль о том, что классическая модель этнической федерации позволяет видеть в ее институтах не столько отражение многоэтнического общества, сколько инструменты, активно его формирующие. И можно утверждать, что государство, реализуя этническую федералистскую политику (институционализацию ЭТА и политическое представительство этнических групп, практики этнического квотирования, языковую политику), становится сильным и даже доминантным субъектом производства категорий идентичности. И потому можно с уверенностью смотреть на этническую федерацию как на своего рода лабораторию, в которой изучаются практики конструирования государством социально-политической реальности, одним из измерений которой является этничность.

Список литературы / References

- Фарукшин, М. Х. (2025) *Этнические федерации: сравнительное исследование*. М.: Директ-Медиа. 460 с. [Farukshin, M. Kh. (2025) *Ethnic Federations: A Comparative Study*. Moscow: Direct-Media. 460 p. (In Russ.)].
- Horowitz, D. (1985) *Ethnic Groups in Conflict*. Berkely: California University Press. 697 p.
- Anderson, L. (2013) *Federal Solutions to Ethnic Problems*. Routledge. 336 p.
- Hale, H. E. (2004) 'Divided We Stand: Institutional Sources of Ethnofederal State Survival and Collapse', *World Politics*, 56 (2), pp. 165–193. DOI: 10.1353/wp.2004.0011.
- Kymlicka, W. (2005) 'Federalism, Nationalism, and Multiculturalism', in: *Theories of Federalism: A Reader*. N. Y.: Palgrave Macmillan. pp 269–292.
- McGarry, J., O'Leary, B. (2009) 'Must Pluri-national Federations Fail?', *Ethnopolitics*, 8(1), pp. 5–25. DOI: 10.1080/17449050902738838.
- McGarry, J., O'Leary, B. (1993) *The Politics of Ethnic Conflict Regulation*. Routledge. 321 p.
- McGarry, J., O'Leary, B. (2007) 'Federation and Managing Nations', in: Burgess M., Pinder J. (eds.) *Multinational Federations*. Abingdon: Routledge, pp. 180–211.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Борисова Надежда Владимировна, доктор политических наук, доцент, декан историко-политологического факультета,
E-mail: borisova_nv@psu.ru (ORCID: [0000-0002-4516-0820](https://orcid.org/0000-0002-4516-0820). ResearcherID: G-8490-2018).

Information about author

Nadezhda V. Borisova, Dr. of Sciences (in Politics), Associate Professor, Dean of the Faculty for History and Political Science,
Email: borisova_nv@psu.ru (ORCHID: [0000-0002-4516-0820](https://orcid.org/0000-0002-4516-0820). ResearcherID: G-8490-2018).

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется **Библиографический список / References**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и боснийского языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korrelyatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol. 1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug etnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) 'Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights' [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т. 30. Москва: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G. (2018) 'Higher Education in the Digital Age' [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epochu] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej

¹ Harvard Format Citation Guide. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018).

Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and bottom – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

- (Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)
- (Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)
- (Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)
- (Smith, 2006a)
- (Smith, 2006b)
- (Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).
- (Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.
Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2026. Том 20. № 2

Bulletin of Perm University.
Political Science
2026. Vol. 20. № 2

Научное издание

Редактор *М. А. Капустина*
Корректор *М. А. Капустина*
Компьютерная верстка *К. П. Турцевой*

Подписано в печать 22.06.2026
Выход в свет 30.06.2026
Формат 60х84/8. Усл. печ. 21,39
Тираж 500 экз. Заказ 75

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8 (342) 239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. 8 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.
Подписной индекс 41006